ИНСТИТУТ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник статей

ВЫПУСК СОРОК ДЕВЯТЫЙ

Москва
2015

Научное издание

Ближний Восток и современность
Сборник статей (выпуск сорок девятый)
М., 2015, 332 стр.

Сборник посвящен широкому кругу проблем, связанных с ситуацией на Ближнем и Среднем Востоке. Предлагаемые статьи являются исследованием конкретных вопросов странового и общего порядка, имеющих актуальное научное и практическое значение и раскрывающих суть некоторых явлений и процессов локального и регионального масштабов.

Книга предназначена для специалистов-востоковедов, а также для всех тех, кто следит за динамикой событий в ближневосточном регионе.

Мнение авторов статей может не совпадать с точкой зрения Института.

ISBN 978-5-89394-269-9

ISBN 978-5-89394-269-9

© Институт Ближнего Востока

СОДЕРЖАНИЕ

Л.С.Бочарова
УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННОМ БАХРЕЙНЕ 5

Г.Г.Косач
ОРГАНИЗАЦИЯ ИСЛАМСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И СОТРУДНИЧЕСТВО С РОССИЕЙ 22

Г.Г.Косач
САУДОВСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА: «АРАБСКАЯ ВЕСНА» И ВРЕМЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОТРЯСЕНИЙ.....55

Е.С.Мелкумян
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БАХРЕЙНА, КАТАРА, КУВЕЙТА, ОАЭ И ОМАНА ПО ПОДДЕРЖАНИЮ РЕГИОНАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ ПОСЛЕ 2011 г. 101

А.Ю.Носков
О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ СОСТОЯНИЯ НЕФТЯНОГО СЕКТОРА АЛЖИРА.....121

М.А.О'Делл
ВОЕННЫЕ ДОКТРИНЫ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ 145

А.Б.Подцероб
РЕЗУЛЬТАТЫ ВЫБОРОВ В ТУНИСЕ 155

И.А.Свистунова
ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАДИКАЛЬНОЙ ГРУППИРОВКЕ «ИСЛАМСКОЕ ГОСУДАРСТВО» И ТУРЕЦКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ 165

Н.В.Сухов
МИГРАЦИЯ ЮГ – СЕВЕР И ПРОБЛЕМА ОТНОШЕНИЯ К МИГРАНТАМ В МАРОККО 174

А.В.Федорченко
РОССИЙСКИЙ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫЙ ЭКСПОРТ В ИЗРАИЛЬ: ОЦЕНКА ПЕРСПЕКТИВ 191

Владимир (Зеэв) Ханин
НДИ: СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ДИЛЕММЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ «ИЗРАИЛЬСКОЙ ПАРТИИ С РУССКИМ АКЦЕНТОМ» 206

Халид Хаттак
ВЛИЯНИЕ ТЕРРОРИЗМА НА ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИСЛАМ И ДЕМОКРАТИЮ В МУСУЛЬМАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ 226

Е.Е.Чулковская
СИТУАЦИЯ СО СВОБОДОЙ СЛОВА В ТУРЦИИ ПРИ ПРАВЛЕНИИ ПСР (2002–2014 гг.).....251

Алек Д. Эпштейн
ОБЩИНА, ЛИШАЕМАЯ КОРНЕЙ: СОБРАНИЕ ЦЕТЛИНЫХ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РУССКО-ЕВРЕЙСКОЙ ДИАСПОРЫ В ИЗРАИЛЕ.....259

Е.А.Якимова
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ГРУЗИНО-ИЗРАИЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА ФОНЕ 26-ВЕКОВОГО ЮБИЛЕЯ ДРУЖБЫ ДВУХ НАРОДОВ 286

Л.С.Бочарова

УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННОМ БАХРЕЙНЕ

Первое десятилетие XXI века оказалось периодом быстрого экономического развития Бахрейна. Реальный экономический рост в годовом исчислении с 2000 по 2012 гг. составил 5,0%. Страна достигла улучшения в макроэкономической среде путем значительного сокращения дефицита бюджета до 2,3% ВВП в 2011 г. Объем экспорта вырос более чем вдвое. В 2002–2011 гг. занятость населения увеличилась на 44%, в то время как реальная заработная плата выросла на 34%. Отраслевая структура экономики стала более разнообразной и диверсифицированной. Страна вступила на путь инновационного развития. Нефтяной сектор и добыча полезных ископаемых составили 19% от реального ВВП по состоянию на 2012 г.[1] Страна продолжает оставаться важной оффшорной «гаванью», крупнейшим в регионе центром банковского дела и исламского кредитования.

Достигнутые результаты стали итогом масштабной программы экономического и институционального развития, рассчитанной до 2030 г. и начатой королем Хамадом бен Иса Аль Халифа в 2008 г. Она направлена на развитие возможностей частного сектора, которому отводится ключевая роль в росте производительности в стране. В рамках этой программы в королевстве осуществляются экономические и социальные реформы, которые включают акционирование и приватизацию государственных предприятий; усилия по стимулированию прозрачности работы государственных учреждений; ликвидацию препятствий на пути привлечения иностранных инвестиций; реформы на рынке труда и в сфере образования; либерализацию телекоммуникационного сектора, создание регулятора телекоммуникационного рынка.

Оценить степень экономического либерализма в стране помогает индекс экономической свободы, опубликованный

The Heritage Foundation и Wall Street Journal в 2014 г. Специалисты фонда охарактеризовали экономику Бахрейна как преимущественно свободную и поставили ее на 13-е место среди 178 стран, представивших необходимую информацию. При этом из 10 субиндексов, формирующих общий индикатор, по трем категориям Бахрейн занял серьезные позиции: фискальная свобода (рейтинг 99,9), свобода труда (рейтинг 82,0), финансовая свобода (рейтинг 80,0). Что же касается таких категорий, как права собственности (рейтинг 60) и свобода от коррупции (рейтинг 49,4), то здесь показатели более умеренные.[2] По сравнению с 2013 г., когда Бахрейн занимал 12-е место в этом рейтинге, уровень экономической свободы снизился на 0,4 балла и составил 75,1 (за максимум принимаются 100 баллов, что означает идеальные для бизнеса условия). Негативные изменения отмечены во многих сферах: ухудшилась ситуация с коррупцией (минус 1,6 балла), с государственными расходами, отражающими степень участия государства в экономике (минус 1 балл), свободой торговли (минус 4,2 балла) и свободой труда (минус 8,4 балла). Такое снижение, видимо, в значительной степени было связано с влиянием мирового кризиса 2008 г.

Представленный материал следует дополнить и конкретизировать данными, опубликованными в ежегоднике «Doing Business» за 2014 г.[3] По степени легкости ведения бизнеса страна занимала 46-е место в мире (из 189 представленных в отчете государств), пропустив вперед из арабских государств лишь Королевство Саудовская Аравия (26-е место) и Объединенные Арабские Эмираты (23-е место). Следом с очень близкими значениями обосновались Оман (47-е место) и Катар (48-е место). По сравнению с предыдущим 2013 г. (47-е место) Бахрейн улучшил свой рейтинг на одну позицию. Для улучшения бизнес-климата в Бахрейне в 2011 г. вступил в силу «Кодекс корпоративного управления», дополняющий закон о компаниях и утверждающий девять основных принципов управления для любой компании.

Индикатор «Легкость ведения бизнеса» – агрегативный, состоящий из 10 субиндексов. В борьбе за создание привлекательного бизнес-климата Бахрейну удалось занять серьезные позиции по ряду важнейших из них: легкости получения разрешений на застройку (4-е место), уплаты налогов (7-е место), принятия решения о банкротстве (27-е место), регистрации собственности (32-е место), доступа к электроснабжению (52-е место)

и условиям международной торговли (81-е место). Конкретизируя эти данные, следует отметить следующее.

В современном Бахрейне созданы хорошие налоговые условия для ведения бизнеса, поэтому многие крупнейшие иностранные компании предпочитают иметь здесь свои головные офисы. По суммарной налоговой ставке (13,5%) королевство занимает лучшую позицию как среди государств своего субрегиона, так и среди других регионов мира. Двукратный разрыв отделяет Бахрейн от стран Восточной Азии и Тихоокеанского региона; трехкратный – от государств Европы и Центральной Азии в целом, Южной Азии, Латинской Америки и Карибского бассейна и ОЭСР; четырехкратный – от африканских стран, расположенных южнее Сахары. Социальный налог уплачивается всеми компаниями-работодателями, если число работников больше 10, и делится между работодателем и работником в пропорции 7:3 соответственно. Физическими и юридическими лицами, арендующими недвижимость в стране, уплачивается муниципальный налог. Его размер зависит от вида недвижимости.

В Бахрейне нет законодательства о двойном налогообложении. На практике, если компания уплатила налог в соответствии с системой налогообложения другой страны, его сумма вычитается из налогооблагаемой базы прибыли, полученной в Бахрейне, если представлены соответствующие документы. Отметим также тот факт, что подоходного налога на физических лиц не существует. Нет налога на добавленную стоимость, имущественного налога на недвижимость и производственного налога. Единственный налог на продажи – это налог на бензин по ставке 12%. Валютного контроля и ограничений для иностранных акционеров по репатриации своей прибыли из Бахрейна также не существует.

Чтобы заплатить налоги, компании необходимо произвести 13 выплат. Это в три-четыре раза больше, чем в прочих монархиях Персидского залива, за исключением Омана. При этом время, затраченное на подготовку, подачу отчетности и уплату налогов и отчислений на социальное обеспечение, составляет в Бахрейне всего 36 часов, что значительно упрощает ведение бизнеса в этой стране. Для сравнения отметим, что у соседей по региону налоговые процедуры занимают времени в 5 раз больше, в странах Восточной Азии и Тихоокеанского региона в целом в 6 раз больше, в Европе и Центральной Азии в 8 раз

больше, в Африке к югу от Сахары в 9 раз больше, Латинской Америке и Карибском бассейне в 11 раз. Даже в странах ОЭСР на уплату налогов руководители соответствующих служб компаний вынуждены тратить времени в 5 раз больше, чем в Бахрейне. И это неудивительно. Чем более развиты нормативно-правовые акты, регулирующие жизненный цикл национальных малых и средних предприятий, тем длительнее, при прочих равных условиях, процесс уплаты налогов.

Сопоставление Бахрейна с прочими монархиями Персидского залива дает картину более разнообразную. В соседнем Катаре корпорации и учреждения тратят на подготовку и подачу отчетности, а также уплату основных видов налогов и отчислений столько же времени, сколько и в Бахрейне. А вот в ОАЭ этот процесс занимает не более 12 часов, что в 3 раза меньше, чем на архипелаге. Но три оставшиеся монархии «пальму первенства» по этому показателю явно уступают королевству: компании в Омане и Саудовской Аравии тратят времени на уплату налогов в 2 раза больше, а в Кувейте – в 3 раза больше.

Чтобы начать бизнес в Бахрейне, предпринимателю необходимо затратить 9 дней, т.е. на день больше, чем в Омане и ОАЭ, и на полдня больше, чем в Катаре. При этом в Саудовской Аравии на эти же процедуры уходит в 2, 3 раза больше времени (20,5 дней), а в Кувейте – в 3,5 раза (32 дня). Для сравнения: в Новой Зеландии открыть свой бизнес можно за полдня. Разнится и количество процедур, необходимых для открытия собственной компании. В Бахрейне их число не превышает 7, Катаре – 8, Саудовской Аравии – 9, Кувейте – 12. Только две страны – Оман и ОАЭ предоставляют в этом плане лучшие возможности: 5 и 6 процедур соответственно.

Одним из этапов в развитии бизнеса является получение разрешения на строительство. Здесь Бахрейн находится на 4-м месте, оставляя позади ОАЭ (5-е место), Саудовскую Аравию (17-е), Катар (23-е), Оман (69-е), Кувейт (133-е место). Получить разрешение на строительство можно за 60 дней, потратив в 2 раза меньше времени, чем в Кувейте и Омане, и в 1,7 раза меньше, чем в КСА. Конкуренцию составляют только ОАЭ, где открыть бизнес можно за 44 дня, и Катар – за 62,5 дня.

Существенное влияние на производительность компаний и в целом на условия ведения бизнеса имеет электроснабжение.

Пилотный набор данных о снабжении электроэнергией позволяет сравнить предприятия электроснабжения разных стран в плане эффективности выполнения ими запросов потребителей о подключении. Они также позволяют более подробно проанализировать значение возможностей по подключению к системе электроснабжения. Такие процедуры включают в себя подачу заявлений и заключение контрактов с предприятиями электроснабжения, проверки и получение всех необходимых документов в электроснабжающих и прочих организациях, а также работы по подключению. По данному рейтингу Бахрейн занимает 52-е место. Среди монархий Персидского залива лучше обстоят дела только в Катаре (27-е место), Саудовской Аравии (15-е место) и ОАЭ (4-е место).

Процесс присоединения к электрическим сетям определяет прежде всего время и стоимость каждой процедуры. Чтобы подключиться на постоянной основе к системе электроснабжения, в Бахрейне необходимо затратить 90 дней. Это больше, чем в регионе Ближнего Востока и Северной Африки (79 дней), в Латинской Америке и Карибском бассейне (65), а также в Восточной Азии и Тихоокеанском регионе (88). В то же время в ряде регионов мира подключение к электросети требует затрат времени гораздо больших, чем в королевстве: в Европе и Центральной Азии – 168 дней, Южной Азии – 145, Африке южнее Сахары – 137, ОЭСР – 103 дня.

Если же проводить аналогии с соседними странами Аравийского полуострова, то по данному показателю Бахрейн уступает Саудовской Аравии (61 день) – в 1,5 раза, Оману (62 дня) – 1,5 раза, ОАЭ (35 дней) – 2,6 раза, Кувейту (42 дня) – 2,1 раза, а с Катаром окажется на паритетных началах – 90 дней.

С точки зрения легкости ведения бизнеса немаловажное значение имеет регистрация собственности. По этому индикатору Бахрейн занимает 32-е место среди всех стран, включенных в рейтинг 2014 г. Для получения компанией права собственности необходимо пройти всего две процедуры, затратив на это 31 день. Положение страны здесь самое выгодное при сравнении с данными по своему региону в целом (6 процедур за 34 дня) и с отдельными странами Аравийского полуострова, например, Кувейтом (8 процедур за 47 дней). Самыми лучшими условиями с этой точки зрения обладают ОАЭ. Проведя всего две процедуры менее чем за неделю, здесь можно зарегистрировать собственность.

Немаловажное значение для развития инвестиционного климата в стране имеет индекс уровня защиты инвесторов. Он находится в интервале от 0 до 10, при этом более высокие значения указывают на более высокую степень защиты. На фоне стран, давно и успешно привлекающих инвестиции, таких как Новая Зеландия (индекс 9,7), Сингапур (9,3), Гонконг и Китай (9), Бахрейн занимает срединные позиции с индексом 4,7. И в своем регионе не выделяется, что показывает простое сопоставление с аналогичными показателями: ОАЭ (5,0), Катар (4,3), Оман (5,0), а в целом по региону Ближнего Востока и Северной Африки (4,9). Уступает Бахрейн лишь Саудовской Аравии (6,7).

При оценке условий деятельности различных компаний необходимо учитывать состояние судебной системы. В стране приняты законы о банкротстве и ликвидации по суду, которые существуют в современных развитых странах.[4] Показатели обеспечения исполнения контрактов оценивают эффективность судебной системы при разрешении коммерческого спора. Данные основаны на пошаговом отслеживании процесса рассмотрения коммерческого спора о продаже в местных судах. Сбор данных осуществляется путем анализа гражданско-процессуальных кодексов и других нормативных документов, регулирующих деятельность судебных инстанций, а также путем обследований, проводимых местными юристами, специализирующимися на судебных процессах, и судьями. В Бахрейне время на разрешение спора с момента подачи судебного иска до осуществления платежа составляет 635 дней, что равно аналогичному показателю по Саудовской Аравии. В соседних странах, конкурирующих в сфере создания благоприятных условий для бизнеса, споры разрешаются в более короткие сроки. В Омане на подобные процедуры уходит на месяц меньше (598 дней), Катаре и Кувейте на 2 месяца меньше (570 и 566 дней соответственно), а в ОАЭ на 3 месяца меньше (537 дней).

Проигрывая в длительности судебной «тяжбы», Бахрейн занимает «вторую ступень пьедестала» в сфере финансовых расходов на эти нужды. Судебные издержки в процентах от стоимости иска здесь не превышают 14,7% (меньше только в Омане – 13,5%). Во всех остальных монархиях соответствующие издержки выше: в Кувейте – на 4 процентных пункта, Катаре – на 7, ОАЭ – на 4,8 и Саудовской Аравии – на 12,8 процентных пункта.

Важной вехой в развитии бизнеса в любой стране является законодательство о банкротстве предприятия или его несостоятельности. Действующие законы в этой сфере позволяют Бахрейну занимать 25-е место среди 183 экономик мира. При этом среднее время на ликвидацию предприятия не превышает 2,5 лет. Конечно, на фоне развитых государств эти цифры не кажутся впечатляющими. Решить вопросы с неплатежеспособностью предприятия во Франции можно за 1,9 года, США – за 1,5 года, Великобритании – за 1 год и Японии – за полгода. Но на субрегиональном уровне Бахрейну все же удается доминировать. В странах Латинской Америки и Карибского бассейна, Южной Азии, Ближнего Востока и Северной Африки, а также государствах, расположенных к югу от Сахары, на процедуры, связанные с банкротством, уходит 3,3-3,4 года. В Восточной Азии и Тихоокеанском регионе, Европе и Центральной Азии превышение не столь значительное, но оно все же есть – 2,9 и 2,7 года соответственно. Среди соседних монархий Персидского залива только в Саудовской Аравии на процедуры банкротства уходит времени меньше, чем в Бахрейне, а именно 1,5 года. Все остальные страны «выстроились в арьергарде» с бóльшими значениями этого показателя: Катар – 2,8 года, Кувейт – 4,2, Оман – 4,0, ОАЭ – 5,1 года.

Важным остается вопрос о том, какие затраты несут компании по процедуре банкротства. Расходы на судебные процедуры рассчитываются как процент от стоимости имущества учреждения. Они включают стоимость судебных разбирательств, а также гонорары специалистов по вопросам банкротства, независимых оценщиков, юристов и бухгалтеров.

В Бахрейне на процедуру банкротства уходит 10% от стоимости компании. В два раза больше показатели в Катаре и Саудовской Аравии (по 22%) и ОАЭ (30%). Намного лучше положение лишь в Омане (4%) и Кувейте (1%). Если проводить сопоставление с данными по регионам, то доминирование Бахрейна здесь бесспорно. Чтобы провести процедуру банкротства, компаниям в африканских странах южнее Сахары, в Восточной Азии и Тихоокеанском регионе надо отдать 23% от их стоимости. В Латинской Америке и Карибском бассейне это обойдется в 16%, на Ближнем Востоке и Северной Африке – в 14%, в Европе и Центральной Азии – 13%, в странах ОЭСР – 9%.

Важное значение для стабильного развития предпринимательства имеет рынок труда. В этой сфере Бахрейн завершил

ряд существенных реформ, направленных на регулирование рынка в соответствии со стандартами Международной организации труда и создание условий для справедливой конкуренции между национальной рабочей силой и иностранцами. С целью улучшения системы регистрации иностранной силы и ее использования с соблюдением всех законов, было создано Управление по регулированию рынка труда (Labour Market Regulatory Authority – LMRA). Эта и другие инициативы в данной сфере привели к увеличению общей численности рабочей силы с 380 тыс. чел. в 2007 г. до 514,6 тыс. чел. в 2011 г., т.е. на 35%, а также к сокращению безработицы с 16% в 2006 г. до 3,8% в 2012 г.[5]

Уровень развития предпринимательства во многом зависит от свободного доступа к информационно-коммуникационным технологиям. Этот сектор в Бахрейне – один из самых быстрорастущих в регионе Персидского залива. Исследования центра «Madar Research» показали, что по темпам проникновения сотовой связи это государство не уступает некоторым европейским странам.[6] Согласно докладу, опубликованному «Telecommunications Regulatory Authority (TRA)» в 2008 г., рост сектора составил 12,6% по сравнению с предыдущим годом. В нем было занято 2400 человек, среди которых бахрейнцы составляли 87%. По состоянию на конец 2007 г. TRA выдала 152 лицензии 68 компаниям. Кроме того, 16 операторов обеспечивали провайдерские связи.

Одним из важнейших моментов развития Бахрейна стало открытие в 2008 г. рынка телекоммуникаций для иностранцев. После окончания регистрации 4 иностранные компании получили лицензии на деятельность на территории бахрейнского архипелага. С 2000 г. по 2008 г. число охваченных услугами мобильной и стационарной связи выросло на 341%. Цифровой связью охвачено все население страны: 98,8% семей имеют мобильные телефоны (данные на 2012 г.). Они стали спасением для многих бахрейнцев, т.к. услуги фиксированной связи в ряде стран ненадежны и подчас достаточно дороги. В 2006–2008 гг. стоимость мобильной телефонии составляла 16 долл., а стационарной – 53,2 долл.

Развитие бизнеса требует мощной коммуникационной поддержки. В декабре 1995 г. государственная телекоммуникационная компания «Bahrain Telecommunications Company (Batelco)» начала предоставлять интернет-услуги населению. Стоил ин-

тернет на начальном этапе по местным меркам довольно дорого – 40 долл. за подключение и 21,60 долл. – месячная абонентская плата. При этом час доступа обходился в 16 долл. Это ограждало от доступа в интернет сравнительно низкооплачиваемых местных шиитов (как показывают последние события, не всегда спокойных) и иностранных рабочих. Для того, чтобы лишить население возможности заходить на сайты непристойного содержания, «Batelco» ввела специальную страничку поддержки "правильного серфинга". Однако услуги «Batelco» стали быстро набирать популярность, что позволило привлечь клиентов не только в самом Бахрейне, но и в Саудовской Аравии. Сегодня компания–гигант сохраняет за собой монополию. В Бахрейне есть еще два провайдера – «Computec» и «G.C.C Online». Но оба они на правах лицензии пользуются интернетом от «Batelco». Ежегодно на развитие интернета компания тратит 3,5 млн. долл. При этом 70% посещаемых сайтов находятся за пределами страны. Именно с этой целью строится новый "интернет-мост" на США через Японию.

В августе 2014 г. была установлена ISDN-связь[7] через Италию и США. В Италии партнером выступила «Telecom Italy», в США – «AT&T». Сегодня у Бахрейна есть ISDN-связь с 16 странами мира. Как показало исследование, проведенное Университетом Бахрейна, позиции электронного бизнеса значительно укрепились за последнее время, несмотря на то, что он находится пока еще на начальном этапе развития. Сегодня возможностями электронного бизнеса пользуются 27,5% компаний и еще 34,4% планируют сделать это в ближайшем будущем. Практически все страны Ближнего Востока отстают от развитых стран по темпам внедрения электронной коммерции, и в этом смысле Бахрейн – не исключение. Однако внедрение новых технологий необратимо, и оно существенным образом повлияет на экономику страны. При этом следует учесть высокую степень проникновения интернета в массы, обладающие неплохим платежеспособным потенциалом.[8]

Как показывает опыт, проникновение информационно-коммуникационных технологий в Бахрейн, как, впрочем, и в большинство арабских государств, было сравнительно быстрым. Из каждых 100 жителей интернет-пользователями являлись в 2008 г. 52 человека, а в 2012 г. уже 88 человек. Рост их численности составил в 2008–2012 гг. 169%. Соответствующие

данные по ОАЭ достигали 63 и 85 человек (135%), Катару – 44 и 88 жителей (200%).[9]

С ростом интернет-грамотности растет и число тех, кто пользуется компьютерами дома, на работе или в кафе. В 2012 г. на 100 человек приходилось 78 персональных компьютеров (ПК). При этом в ОАЭ из каждых 100 жителей ПК имели 84 человека, а в Катаре – 87 человек.

Бахрейн – один из главных телекоммуникационных и информационных узлов Ближнего Востока. Здесь находится самая большая в зоне Персидского залива спутниковая станция радиотелевизионной связи. Столица страны Манама приобретает растущую известность и как центр проведения деловых саммитов.

Отсутствие прозрачности и открытого доступа к информации были самым главным недостатком в ведении бизнеса на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Интернет улучшил информационный доступ, который стал возможным и со стороны правительственных сайтов и частных деловых источников. Он дает возможность инвесторам быстрее преодолевать барьеры и заключать контракты с местным бизнесом, готовить сотрудников через дистанционное обучение и не тратить огромные средства на командировки для повышения квалификации, которую можно проводить в режиме онлайн.

Специалисты ООН провели в 2012 г. в 190 странах исследование по оценке готовности и возможности национальных государственных структур использовать информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) для предоставления гражданам информационных услуг (электронного правительства).[10] В этом рейтинге Бахрейн занял 36-е место. Из «арабских собратьев» выше него на линейке ранжирования оказались лишь ОАЭ (28-е место). Что касается прочих монархий Персидского залива, которые могут оказать конкуренцию королевству в этой сфере, то их позиции распределились следующим образом: Саудовская Аравия – 41-е место, Катар – 48-е место, Кувейт – 63-е место и Оман – 64-е место. При этом следует учитывать, что «завоеванные позиции» могли быть достигнуты не столько за счет качества предоставляемых государственных услуг, сколько за счет развития ИКТ-инфраструктуры.[11]

Стремительное распространение цифровых информационных технологий происходит на фоне повышения общего уровня грамотности местного населения. Правительство Бахрейна

осознает значение вклада человеческого капитала в экономический рост, в связи с чем проводит в стране реформу образования. В 2005–2010 гг. удельный вес грамотных жителей старше 15 лет составлял 92,0%, а количество людей, как минимум, со средним образованием в группе 25-летних и старше достигало 78,0%. Число студентов за последнее десятилетие увеличилось в три раза. В стране создан независимый орган для контроля за качеством образования и подготовки кадров.

Бахрейн относится к числу стран, где уровень гражданского и общественного благополучия достаточно высок. Согласно опросам, 79% жителей этой страны чувствуют себя в безопасности. На 100 тыс. населения приходится 39 ограблений, а число убийств не достигает и одного (данные за 2003-2008 гг.). По первому показателю Бахрейн находится на уровне таких стран, как Мальта (36), Норвегия (34) и Финляндия (32), а по второму конкурирует с Испанией (0,9), Германией (0,8), Швейцарией (0,7) и Норвегией (0,6).[12]

Развитию конкурентоспособности королевства способствует либеральная политика властей. Анализируя современное корпоративное законодательство Бахрейна, можно сделать вывод, что страна проводит политику стимулирования притока свободно конвертируемой валюты.

Учитывая все вышеизложенное, не вызывает удивления тот факт, что страна входит в группу государств со средним уровнем коррупции. В 2014 г. индекс восприятия коррупции (ИВК) не превышал 48, что соответствовало 57-му месту среди 183 стран мира и 3-му после Катара (ИВК 68) и ОАЭ (ИВК 69) в арабском регионе в целом.[13] При проведении выборочного обследования в 2008 г. среди представителей бизнеса, научных институтов, чиновников, а также простых жителей Бахрейна 20% из них заявили, что они сталкивались с необходимостью осуществления недокументированных платежей. Эта цифра превышала уровень развитых стран, где жертвами коррупции стали: в США 9% опрошенных, Канаде – 8%, Швеции – 6%, Германии и Великобритании – по 4%. В то же время опрос показал, что удельный вес лиц, предлагавших взятку в 2008 г. в королевстве, был ниже уровня некоторых арабских государств, таких как Саудовская Аравия – 29%, Алжир – 28%, Египет и Марокко – по 24%, Ирак – 36%, Йемен – 41%.[14] Бахрейн входит в число стран, подписавших и ратифицировавших Конвенцию ООН против коррупции.

Экономика Бахрейна функционирует в условиях благоприятной региональной географической среды. Архипелаг расположен вблизи стран с динамично развивающимися экономиками, которые способны обеспечить приемлемый кредитный риск офшорным банкам. Они могут более активно развивать свои операции, имея преимущество в расположении в определенном временном поясе. Рабочие часы в Манаме частично совпадают с рабочими часами в Лондоне (+2 часа), Берлине, Риме и Париже (+1 час), Тегеране (-1,5 часа) и Дели (-2,5 часа). Это позволяет бахрейнским банкам наиболее эффективно заключать сделки с контрагентами, находящимися в этих и других финансовых центрах мира. И хотя развитие современных систем и средств связи несколько снижает значение временных поясов контрагентов, т.к. позволяет заключать сделки без непосредственного присутствия дилеров на рабочем месте, тем не менее до сих пор эта характеристика остается очень важной и во многом определяет возможности развития финансовой системы.[15]

Привлечению в страну иностранных инвесторов способствует и создание современного бизнес-комплекса «Финансовая гавань Бахрейна», претендующего на статус «сердца» делового Бахрейна и всего Ближнего Востока. Долгое время позиция Бахрейна в создании регионального финансового центра была бесспорной. Но в 2004 г. в Дубае был открыт Международный финансовый центр (МФЦ), привлекающий клиентов не только из стран Персидского залива, но и из Северной и Восточной Африки, каспийского бассейна и Южной Азии. Среди известных банков здесь уже работают швейцарские «Credit Suisse», «Julius Baer», «Bank Sarasin», «Merrill Lynch Bank (Suisse)», а также британские «Standard Chartered» и «Barclays».

Конкурируя межу собой, власти обеих стран пытаются доказать, что именно их центр – наиболее удобный, грамотно управляемый и оснащенный по последнему слову техники. Свой план построения финансового центра есть и у Катара, экономика которого в значительно большей степени зависит от экспорта энергетического сырья. Поэтому развитие финансового центра в этой стране планируется тесно увязать с разработкой запасов природного газа. К его обслуживанию будут привлечены иностранные компании и банки со специализацией на проектном финансировании, инвестициях и обслуживании состоятельных частных клиентов.

Важным аспектом в плане условий развития бизнеса является наличие хорошо развитой транспортной инфраструктуры. Королевство продолжает вкладывать крупные средства в логистику. Сектор обладает значительным потенциалом роста в ближайшие годы, т.к. объемы грузовых перевозок в Заливе растут. При этом небольшие расстояния между морскими и аэропортами, а также логистическими зонами Бахрейна делают возможной более эффективную и быструю обработку товаров.

Одним из основных звеньев, определяющих перспективы конкурентоспособности экономики Бахрейна, является воздушный транспорт. Согласно данным Мирового экономического форума («World Economic Forum, WEF»), экспертная оценка качества транспортных авиаперевозок (по семибалльной шкале) находится на уровне 6,1, что выводит эту страну на 18-е место среди 142 государств мира.[16] По результатам опроса, проведенного Международной организацией воздушных перевозок, аэропорт Манамы признан лучшим на Ближнем Востоке по уровню обслуживания и управления полетами. Он является крупнейшим транспортным узлом не только для жителей Бахрейна, но и соседней Саудовской Аравии. Свыше 37 иностранных авиакомпаний выполняют регулярные рейсы из столицы королевства в крупнейшие города Ближнего Востока, Европы и Юго-Восточной Азии. Очевидно, что внедрение современных методов управления бизнесом, создание реальной конкурентной среды в наземном обслуживании авиаперевозчиков, модернизация инфраструктуры информационных технологий и кардинальное обновление парка наземного оборудования способны вывести качество услуг на принципиально новый уровень. После реконструкции в 1994 г. пропускная способность бахрейнского аэропорта увеличилась до 10 млн. пассажиров в год.[17] В целом с 1970 г. по 2012 г. число пассажиров, пользующихся услугами национальной авиакомпании «Gulf Air», выросло с 241 тыс. до 5,9 млн. человек, т.е. в 25 раз.[18] Недавно она предложила своим клиентам новый вид услуг. Например, пассажиры, которые летают из Бахрейна во Франкфурт и обратно, могут совершенно бесплатно путешествовать по территории Германии, пользуясь услугами «Deutsche Bahn».[19] Подобная акция также действует и для пассажиров, летающих с авиакомпанией в лондонский аэропорт «Heathrow». В 2008 г. в стране появилась вторая национальная авиакомпания – «Bahrain Air».

Улучшению имиджа и конкурентоспособности страны во многом способствует и развитие туризма, включенного в ряд государственных программ. 15% ВВП Бахрейна формируется за счет международного туризма. Это третий показатель среди стран Ближнего Востока. В 2011 г. страну посетили более 6,7 млн. чел. (для сравнения: ОАЭ – 5,7 млн. чел.). Основная часть туристов (до 65–70%) въезжает в Бахрейн из Саудовской Аравии. Активное развитие туристического бизнеса приводит к строительству новых отелей, развитию современных средств связи. Покупка относительно дешевой по мировым меркам недвижимости и переселение в Бахрейн богатых иммигрантов приводит к соответствующему повышению спроса на современные услуги, в том числе и приват-бэнкинг.

Являясь транспортным узлом региона, Бахрейн продолжает уделять особое внимание развитию морской инфраструктуры. Расширение торговых отношений с развитыми и развивающимися странами при непрерывном росте каботажных перевозок вызвало бурный рост морского грузооборота. Оценивая качество инфраструктуры действующих портов, следует отметить, что в 2013 г. Бахрейн занимал 9-е место в мире (индекс 5,8) и 2-е место в регионе после ОАЭ (6,4), опережая все прочие монархии Персидского залива: Катар (5,2), Оман (5,3) Саудовскую Аравию (5,1) и Кувейт (4,1).[20] Порт Мина-Сальман пропускает около 800 судов в год, а введенный в эксплуатацию в 2000 г. новый порт в Хидде принимает контейнеровозы нового типа и обрабатывает до 400 тыс. контейнеров в год.

Немаловажное значение имеет состояние внутренней транспортной инфраструктуры. Железных дорог в стране нет, а количественные и качественные характеристики автомобильной дорожной сети выводят Бахрейн на 21-е место в мире. В 1970 г. длина автомобильных дорог составляла 2646 км. К 2013 г. их протяженность увеличилась на 56% и достигла 4122 км. Что касается плотности автомобильной сети (длина дорог на 100 км^2), то в Бахрейне она наивысшая в регионе Персидского залива. Минимальная «дистанция разрыва» – с Катаром (6 раз), а максимальная – с Саудовской Аравией (515 раз). В области автодорожного строительства выполнен уникальный проект: на сваях построена 25-километровая автотрасса над водами Персидского залива. Она соединила Бахрейн с соседней Саудовской Аравией.

Транспортную систему страны отличает также высокая степень безопасности движения. Число дорожно-транспортных происшествий в 2010 г. здесь было минимальным среди монархий Персидского залива: в 4 раза меньше, чем в ОАЭ, в 28 раз меньше, чем в Кувейте, и в 238 раз меньше, чем в Королевстве Саудовская Аравия.[21]

Однако при всех положительных аспектах развития конкурентоспособной среды в Бахрейне временами обостряются политические противоречия. После начала «арабской весны» здесь проходят массовые манифестации шиитов, составляющих, по разным оценкам, от 65 до 75% коренного населения страны. Они требуют проведения демократических реформ и выступают против ограничения экономических возможностей своей общины. Иллюстрацией этого факта могут служить следующие данные. Из 572 государственных должностей шииты занимают 101 (18%); из 47 министерских портфелей им принадлежит 10 (21%); из 68 заместителей министров шиитов 7 (11%); из 47 помощников министров шиитов 10 человек (21%). В Министерстве внутренних дел и армии Бахрейна их удельный вес не превышает 3%. В то же время состав королевского суда, национальная гвардия, а также служба национальной безопасности формируются только из суннитов.[22]

При разгоне демонстрантов полицейские широко применяют слезоточивый газ, что приводит к массовым отравлениям. Кроме того, стражи порядка используют «звуковые бомбы» и полицейские дубинки. Официальная комиссия признала, что полиция и силы безопасности систематически нарушают права человека. По данным организации «Amnesty International», с начала антиправительственных выступлений в Бахрейне были убиты более сотни оппозиционеров и почти 3 тыс. заключены под стражу. Еще большее число протестующих были подвергнуты насилию и пыткам. Как сообщается в отчете шиитской оппозиционной партии «Аль-Вефак» за 2013 г., неугодных режиму людей все чаще забирают прямо из дома. В документе зафиксировано 207 проникновений в жилье без ордера на арест и на обыск. Власти Бахрейна обвинили в беспорядках Иран и ввели в стране чрезвычайное положение. Волнения удалось подавить только после интервенции Саудовской Аравии и ОАЭ. После этого начались массовые репрессии против участников протестов, которых судили суды военного трибунала. Чтобы разрядить ситуацию, король Хамад бин Иса обещает

проведение реформ. Это должно способствовать изменению имиджа страны, а следовательно, повышению ее экономической привлекательности и конкурентоспособности.

---

[1] World Economic Forum and the European Bank for Reconstruction and Development (EBRD). The Arab World Competitiveness Report 2013. PDF. Geneva, p. 16.

[2] http://gtmarket.ru/ratings/index-of-economic-freedom/index-of-economic-freedom-info

[3] Здесь и далее данные по условиям ведения бизнеса взяты из «Doing business» 2014. http://www.doingbusiness.org/data/exploreeconomies/bahrain

[4] http://taxua.com/content/view/53/80/; http://www.polpred.com/?ns=1&ns_id=340801

[5] World Economic Forum and the European Bank for Reconstruction and Development (EBRD). The Arab World Competitiveness Report 2013. PDF. Geneva, p. 16.

[6] gulf-times.com

[7] ISDN –это многоканальный телефон с высоким качеством речи и дополнительными услугами (например, определение номера звонящего).

[8] Панкратенко И. Шесть мифов о событиях в Бахрейне. http://www.apn.ru/publications/article23907.htm

[9] World Telecommunication/ICT Indicators database 2013. Режим доступа: http://www.itu.int/en/ITUD/Statistics/Documents/statistics/2013/Individuals_Internet_2000-2012.xls; Global ICT developments.Режим доступа: http://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/facts/default.aspx

[10] Исследование содержит данные об уровне развития электронного правительства в различных странах, а также системную оценку тенденций в использовании ИКТ государственными структурами. Все страны, охваченные данным исследованием, ранжируются на основе взвешенного индекса оценок по трем основным составляющим: степень охвата и качество интернет-услуг, уровень развития ИКТ-инфраструктуры и человеческий капитал. Показатель по каждой из трех составляющих, в свою очередь, складывается из множества параметров, включая информационные услуги и веб-сайты государственных служб, а также их доступность для граждан, относительное число интернет-пользователей, число пользователей фиксированной и мобильной телефонной связи, уровень грамотности населения, нормативно-правовую базу и прочие факторы.

[11] ООН: рейтинг стран мира по уровню развития электронного правительства 2012 года. Режим доступа http://gtmarket.ru/news/2012/03/09/4102

[12] UNDP, p. 180–183.

[13] http://www.transparency.org/content/download/64426/1030807
[14] UNDP, p.164-167.
[15] Мировое время. dateandtime.ru
[16] Согласно международным стандартам, экспертные оценки качества авиационной (как и любой другой транспортной) инфраструктуры варьируются от 1 (низкое качество) до 7 (самый высокий стандарт).
[17] Наш мир, 7.09.2011.
[18] http://data.worldbank.org/indicator/ST.INT.ARVL
[19] «Deutsche Bahn» – германская компания, основной железнодорожный оператор.
[20] http://data.worldbank.org/indicator/IQ.WEF.PORT.XQ
[21] The Secretariat General of the Gulf Cooperation " A Statistical Glance",2010, v.2, p. 44.
[22] Панкратенко И. Шесть мифов о событиях в Бахрейне // Агентство политических новостей, 25.03.2011,
http://www.apn.ru/publications/article23907.htm.

Г.Г.Косач

ОРГАНИЗАЦИЯ ИСЛАМСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И СОТРУДНИЧЕСТВО С РОССИЕЙ

На проходившей в Сане в конце июня 2005 г. 32-й конференции министров иностранных дел государств Организации исламского сотрудничества – ОИС (до 2011 г. – Организация Исламская конференция) Россия примкнула к этой организации в качестве страны-наблюдателя. Процесс, инициированный в 2003 г. Владимиром Путиным в ходе рабочего визита в Малайзию, когда, выступая перед участниками X саммита ОИС в Путраджайе, российский президент объявил о необходимости «участия» в ее деятельности России в силу ее «переплетенности с исламским миром»[1], казался успешно завершившимся.

Этот успех был, однако, определен саудовской позицией, – по словам российского президента, сказанным во время состоявшегося в феврале 2007 г. официального визита в Эр-Рияд, реализация этого начинания едва ли была бы возможна без «содействия» саудовского короля Абдаллы бен Абдель Азиза[2]. Сама же ОИС – итог саудовской политики в арабо-мусульманском мире, а Саудовская Аравия – формообразующее звено этой организации. Нынешний генеральный секретарь ОИС – саудовец Ияд Мадани[3], назначение которого на этот пост, как подчеркивала Декларация Джибути, принятая 38-м заседанием министров иностранных дел, определялось «сложными условиями, переживаемыми исламским миром»[4]. В своем специальном заявлении от 21 сентября 2014 г. по поводу 84-й годовщины основания саудовского королевства И. Мадани подчеркивал, что его страна играет «решающую роль» в деле «служения исламу и мусульманам», предоставляя ОИС «бесценную материальную помощь»[5].

Важнейшим аргументом российского президента в пользу сотрудничества с этой организацией было утверждение о том, что почти 20 млн. мусульман России имеют неоспоримое право чувствовать себя частью всемирной *уммы*. Этот аргумент со-

хранил свою силу и сегодня: на состоявшейся в октябре 2013 г. в Уфе встрече с главами мусульманских духовных управлений В. Путин говорил о том, что «голос российских мусульманских деятелей должен громче звучать … в мировом исламском сообществе»[6]. Как в прошлом, так и сегодня эта постановка вопроса нужна российскому руководству для того, чтобы сплотить вокруг себя «внутреннее» исламское сообщество. Но важно и другое обстоятельство – поиск путей решения внутренних проблем.

Устанавливая контакты с ОИС, российское руководство видело в этой организации (вместе с ее Исламским банком развития) один из источников внешних инвестиций. Состоявшийся в сентябре 2003 г. визит в Москву (в то время наследного принца) Абдаллы бен Абдель Азиза внушил надежду на расширение российско-саудовских экономических связей. Саудовская позиция была важна для российской стороны и в контексте урегулирования ситуации на Северном Кавказе, а также признания исламским миром достигнутого в этом регионе статус-кво. Находясь в Москве, будущий саудовский монарх заявил о том, что чеченский вопрос – «внутреннее дело» России[7], выразив «уважение и понимание инициативы Российской Федерации» сотрудничать с ОИС[8]. Благожелательное отношение к присутствию в составе российской делегации на саммите в Путраджайе (в то время) президента Чеченской Республики Ахмата Кадырова, как и провозглашенный В. Путиным в его выступлении отказ от «отождествления» терроризма «с какой-либо религией» (как это неизменно подчеркивает ОИС), казалось бы, окончательно «закрыли» чеченский вопрос, прекратив, как считали в России, «внешнее вмешательство» в регион Северного Кавказа.

Российское общественное мнение и экспертное сообщество (за исключением «мусульманских» политиков, глав религиозных институтов и экспертов-«этнических мусульман») не были позитивны в отношении инициативы российского президента. Раздававшиеся в его адрес обвинения варьировались от либеральных утверждений о «недопустимости» связей с «авторитарными» режимами до аргументов «почвенников» (включая представителей Русской Православной церкви и части парламентской оппозиции), видевших в России страну, несущей конструкцией которой выступает «православный русский народ». Контакты и встречи В. Путина, анализировавшего эти

утверждения и делавшего уступки оппонентам, смогли переломить эту ситуацию. Его победа на президентских выборах сделала сомнения в отношении связей с ОИС неактуальными.

В течение первых лет сотрудничества с ОИС были достигнуты важные результаты. Это – создание и деятельность Группы стратегического видения «Россия – исламский мир», вступление России в 2007 г. в качестве наблюдателя в действующую под эгидой ОИС Исламскую организацию образования, науки и культуры (ИСЕСКО), а также проводимый под патронажем главы Республики Татарстан и Совета Федерации Федерального Собрания KazanSummit экономический форум России и стран ОИС. Тем не менее эти связи не стали последовательно развивающимся процессом в силу прежде всего того, что они не были подкреплены развитием российско-саудовских политических и экономических контактов.

Правовое положение российского представительства при ОИС не только не было урегулировано, но в 2011 г. полномочия представителя при этой организации были переданы российскому послу в саудовской столице. Представительство ОИС в Москве так и не появилось. Хотя принятая в 2008 г. Концепция внешней политики и содержала указания на многие аспекты возможного сотрудничества с ОИС, она лишь вскользь упоминалась в числе внешнеполитических партнеров России[9]. Стагнирующее состояние российско-саудовского взаимодействия определялось, в том числе, и российским внешнеполитическим курсом (рассматривавшимся в Эр-Рияде как противоречащий его интересам либо как недостаточно эффективный) – углублением связей с Ираном, отказом от активных действий в сфере израильско-палестинского противостояния, позицией в отношении «арабской весны», стремлением использовать периодически возникавшие саудовско-американские противоречия в своих интересах.

Нынешнее десятилетие вновь усилило интерес России к ОИС. Принятая в феврале 2013 г., Концепция внешней политики подчеркивала ее стремление к «расширению взаимодействия с государствами исламского мира», используя для этого «участие в качестве наблюдателя в Организации исламского сотрудничества»[10]. В начале октября 2013 г. российский министр иностранных дел Сергей Лавров и (в то время) Генеральный секретарь ОИС Экмелетдин Ихсаноглу подписали Рамочное соглашение о сотрудничестве между МИД России и Ге-

неральным секретариатом ОИС. Комментируя это событие, глава российского внешнеполитического ведомства говорил о том, что «Соглашение создает прочную юридическую базу» для укрепления связей между обеими сторонами[11]. Совершая в июне 2014 г. поездку в Джидду, С. Лавров посетил штаб-квартиру ОИС и встретился с И. Мадани, отметив, что ОИС и Россию связывают «общие интересы по продвижению мира ... и диалога между цивилизациями и религиями»[12]. В сентябре 2014 г. в ходе встречи на полях 69-й сессии Генеральной ассамблеи ООН С. Лавров вновь встретился с генеральным секретарем организации, обсудив с ним, как подчеркивал пресс-релиз ОИС, повестку дня предстоящих «двусторонних политических консультаций»[13].

Но неизбежны вопросы: что представляет собой ОИС, каковы ее приоритеты в сфере политики и экономики? И что не менее важно: на каких основах Россия может развивать отношения с этой организацией?

ОИС: принципы и цели

Создание ОИС было прокламировано на проведенном в сентябре 1969 г. в Рабате по инициативе Саудовской Аравии и Марокко совещании глав государств и правительств двадцати пяти мусульманских стран. Предлогом для его проведения стала волна возмущения в мусульманском мире в связи с попыткой поджога мечети Аль-Акса в оккупированном израильтянами Восточном Иерусалиме. Арабо-израильская война в июне 1967 г. изменила исламский мир: тремя годами ранее выдвинутое саудовским королем Фейсалом бен Абдель Азизом предложение провести встречу глав мусульманских государств было отвергнуто «революционными» Египтом, Сирией, Ираком и Алжиром, назвавшими его «реакционным» и «прозападным».

ОИС формировалась как организация, создаваемая на *цивилизационной* основе: ее государства рассматривали себя как *мусульманские*. Эта основа превращала в реальность географически, политически и экономически гетерогенное сообщество. Но объединявшая его в момент провозглашения ОИС защита мечети Аль-Акса несла в себе позитивное начало. Разрушительная сила антиизраильских и антизападных выступлений требовала адекватного ответа.

Процесс создания ОИС не был быстрым. Ее существование стало возможным благодаря саудовским финансовым вливаниям, в Джидде стала располагаться штаб-квартира Генерального секретариата ОИС, исполнительного органа, призванного претворять в жизнь решения двух ее высших организационных структур – Совещания глав государств и правительств и Министерского совета, объединяющего министров иностранных дел государств-членов. В декабре 1970 г. на состоявшемся в Карачи совещании министров иностранных дел был избран первый генеральный секретарь ОИС – первый премьер-министр независимой Малайзии Тунку Абдул Рахман. Прошедшее в феврале-марте 1972 г. в Джидде совещание министров иностранных дел обсудило и приняло проект Хартии ОИС[14], – *мусульманское* региональное сообщество стало реальностью. Вместе с тем ОИС рассматривала себя как политическую, а не богословскую организацию, проводя грань между собой и Лигой исламского мира (ЛИМ), созданной в мае 1962 г. также по инициативе Саудовской Аравии[15]. Как подчеркивал И. Мадани, если в структуре ОИС и существует «Исламская академия фикха», то это «собрание ученых, в функции которых не входит издание фетв»[16].

ОИС возникала как организация с «мягкими» (многочисленность вошедших в нее региональных «центров силы» исключала иной вариант) условиями членства. В нее вошли государства, участвовавшие в рабатском саммите, а также в совещаниях, проведенных в Джидде и Карачи. Она была открыта для «любого мусульманского государства, выражающего желание и готовность поддержать» ее Хартию: основной документ организации не определил параметры *мусульманскости* входящих в нее стран. За время своего существования ОИС географически расширила свои ряды. Ныне в ее состав входит 57 государств[17], среди которых есть страны, где мусульмане соседствуют с почти равным им по численности немусульманским населением (Казахстан), с незначительными вкраплениями мусульман (Бенин, Мозамбик, Габон, южноамериканские Суринам и Гвиана).

Цивилизационная основа организации представала как *трансрегиональная* и *наднациональная*. Содержавшиеся в Хартии обязательные для всех членов ОИК «принципы» включали их «полное равенство», «уважение права на самоопределение», «невмешательство во внутренние дела», при-

знание их «суверенитета, независимости и целостности территории»[18]. В этом контексте стремление к решению возникающих споров на основе «переговоров, посредничества или арбитража», а также «отказ от использования силы или угрозы ее применения» выглядели естественными. ***Первым*** приоритетом ОИС становилось *сохранение* статус-кво в государствах-участниках, как и во взаимоотношениях между ними и окружающим их миром.

Определялись и *цели* ОИС. Речь шла о сотрудничестве государств ОИС «в области экономики, социальной сфере и сферах культуры и науки», о «ликвидации расизма и всех форм колониализма», «содействии международной безопасности и миру, основанным на справедливости», «поддержке борьбы мусульманских народов в защиту их достоинства, независимости и национальных прав». Это был ***второй*** приоритет ОИС – сохранение культурной самобытности входящих в нее государств, немыслимое без их политической самостоятельности. ОИС распространяла принцип защиты самобытности и на мусульманские меньшинства в немусульманских странах, считая, что оказание им поддержки в обретении статуса равноправных граждан их стран должно стать одним из направлений ее деятельности.

Основной документ ОИС был «умерен» потому, что только так можно было канализировать последствия событий не только времени ее создания, но и последующих лет. Эта «умеренность» вытекала из необходимости обращения к консенсусу при определении позиций по важным проблемам, в том числе и потому, что в момент организационного оформления ОИК ее ряды пополнили мощные и конкурирующие между собой «центры силы», представленные не только государствами арабского и неарабского ареалов мусульманского мира, но (как показало последующее развитие событий) и ближайшими союзниками Саудовской Аравии, членами Совета сотрудничества арабских государств Залива (ССАГЗ).

Саудовские возможности как лидера ОИС оказывались не бесспорными. Присутствие в рядах организации этих «центров силы» (Турция, Марокко, шахский/постреволюционный Иран, Пакистан, Малайзия, Индонезия) ставило вопрос о том, что Эр-Рияд мог добиваться успеха при условии достижения взаимопонимания с партнерами. Это взаимопонимание не исключало разделения сфер влияния: хотя приоритетом саудовской

внешней политики провозглашался «арабо-мусульманский мир», значение курса Марокко для региона Северной Африки и Сахеля очевидно. В равной мере это относится к балканскому, кавказскому и центральноазиатскому направлениям внешней политики Турции, Пакистана на Индийском субконтиненте, Малайзии и Индонезии в Юго-Восточной Азии.

Взаимодействие ведущих «центров силы» ОИС окрашивалось и в тона *конфликтности*. Ее наиболее ярким проявлением выступали иранские претензии на ведущую роль в зоне Персидского залива, а ныне – Ближнего Востока, сталкивающиеся с саудовским противодействием и порождающие феномен суннитско-шиитского противостояния. Новые же «центры силы» (что продемонстрировала эпоха «арабской весны» и последующих лет) активно противостояли саудовским претензиям на региональную гегемонию, и саудовско-катарское *конфликтное* взаимодействие последних лет подтверждало эту тенденцию. Придание устойчивости ОИС стало важной задачей саудовского внешнеполитического курса.

В 1975 г. ОИС обрела статус организации-наблюдателя при ООН[19]. Этот шаг определялся тем, что модернизационные процессы в пространстве мусульманского мира в более значительной мере, чем где бы то ни было, сопровождались возникновением очагов напряженности, приобретая порой характер открытой конфронтации с Западом. Возникнув как инструмент смягчения последствий этого вызова, ОИС по мере своего развития превращалась в организацию, направлявшую свои усилия на то, чтобы «вписать» представляемое ею сообщество в окружающий его «внешний» мир.

Хартия ОИС подчеркивала, что «сохранение духовных, нравственных, социальных и экономических ценностей ислама» – «одно из важных условий прогресса человечества»[20]. Преамбула этого документа делала акцент на стремлении членов ОИС быть частью международного сообщества: они подтверждали «свою приверженность Хартии ООН и Декларации прав человека», цели и принципы которых члены ОИС рассматривали как «основу для плодотворного сотрудничества между народами». Заявляя же, что их задачей выступают «укрепление уз братской дружбы» между мусульманскими народами, «защита их свободы и общего наследия», участники организации подчеркивали, что они действуют ради «сохранения мира во всем мире», «безопасности, свободы и

справедливости для всех народов». Это был ***третий*** приоритет ОИС.

Состоявшееся в египетской столице в августе 1990 г. совещание министров иностранных дел ОИК приняло Каирскую декларацию «Права человека в исламе», подчеркивавшую, что все человечество «объединено подчинением Господу». В силу этого каждая личность вне зависимости от «расы, цвета кожи, языка, пола, исповедуемой религии, политических воззрений или общественного статуса» не только уникальна, но и равна «в базовых терминах достоинства, обязанностей и ответственности» любому другому представителю человеческого сообщества. Декларация подтверждала, что ОИС видит себя одним из полюсов современного мира, содействующим развитию человечества[21].

Эволюция современного мира заставила ОИС внести коррективы в свой основной документ: в марте 2008 г. состоявшееся в Дакаре совещание министров иностранных дел приняло новую версию Хартии. Содержавшееся в ней определение целей и задач организации не меняло основных положений Хартии 1972 г. Однако эта версия четче формулировала условия членства в ОИС, подчеркивая, что для вступления в нее в качестве «государства-члена ООН» необходимо наличие «мусульманского большинства». Как гласила новая версия, стремление «защитить общие интересы и справедливые чаяния государств-членов перед лицом вызовов, бросаемых мусульманскому миру», должно рассматриваться как часть «защиты всего международного сообщества», поскольку ему «угрожают те же вызовы». В ней вновь подчеркивалось «уважение целей и принципов Хартии ООН» как основы деятельности ОИС. Следуя развитию событий, документ делал акцент на противостоянии международному терроризму, утверждении «исламских принципов толерантности» и «диалога цивилизаций и религий», «защиты прав женщин и их участия во всех сферах жизни». Его авторы утверждали, что ОИС стремится «содействовать эффективной интеграции государств-членов в мировую экономику»[22].

ОИС: политические приоритеты

Провозглашая самобытность государств-членов, ОИС дистанцировалась от обоих полюсов системы международных отношений времени первых десятилетий ее существования,

внося вклад в становление многополюсного мира. Она стремилась войти в международное сообщество как самостоятельное блоковое объединение, что стало тем более очевидно после крушения Советского Союза. Состоявшееся в июне 2000 г. в Куала-Лумпуре под девизом «Ислам и глобализация» совещание министров иностранных дел выражало стремление содействовать, опираясь на международные институты (в первую очередь ООН, но при условии, что эта организация должна подвергнуться «реформе», включая, в том числе, «расширение членства в Совете Безопасности»), становлению «солидарного миропорядка», основанного на «равноправном партнерстве государств» с различными «системами ценностных ориентаций». Этот миропорядок должен был быть «свободным от оружия массового поражения», а «угнетенные народы» (речь шла, в первую очередь, о палестинцах) обрести право на достойное существование. Во вновь возникавшей системе международных отношений Саудовская Аравия видела себя в роли посредника между Западом и регионом исламского сообщества и модели социально-экономической эволюции для членов ОИС[23].

Сентябрьские события 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне, реанимировавшие положения теории «столкновения цивилизаций», создали условия для заявлений (звучавших в Соединенных Штатах и в целом на Западе) о несовместимости между инструментальной основой создания глобального мира – защитой «прав человека» и формированием антитеррористической коалиции, с одной стороны, и *цивилизационной* легитимацией ОИС, с другой. В религиозном обосновании ОИС Запад видел источник не только произошедших, но и будущих террористических актов. Наряду с этим «антитеррористическая кампания» ставила мусульманский мир с его устоявшимися координатами межгосударственных связей перед лицом испытаний, воплощавшихся как во все более усиливавшемся израильском давлении на палестинские *квазигосударственные* структуры, так и в возможности американской силовой акции в отношении Афганистана, а впоследствии – Ирака. Координация внешней политики стран ОИС становилась насущной необходимостью, но новые вызовы не меняли ее *цивилизационный* дискурс.

В октябре 2001 г. в Дохе состоялось IX чрезвычайное совещание министров иностранных дел государств ОИС. Его повестка дня содержала один вопрос: «последствия событий в Соединенных Штатах и их влияние на мир». Участники сове-

щания осудили «варварские террористические акции», подчеркнув, что действия тех, кто их осуществил (в их отношении было выдвинуто требование «преследования, предания суду и наказания»), несовместимы с «учениями монотеистических религий и нормами человеческой морали». Совещание отрицало связь между терроризмом и исламом, выделяя те положения Каирской декларации «Права человека в исламе», которые подчеркивали «Божественную ценность человеческой жизни». ОИС выразила «готовность участвовать в международных усилиях под руководством ООН» в выработке «определения феномена терроризма» и «искоренении его причин», подчеркивая, что отказ провести грань между исламом и насилием подорвет «противостояние терроризму»[24].

В апреле 2002 г. на X чрезвычайном совещании министров иностранных дел ОИС в малазийской столице была принята Куала-Лумпурская декларация «О международном терроризме», провозглашавшая «безоговорочное осуждение терроризма как угрозы миру, международной безопасности и правам человека». Декларация дополнялась указанием на то, что ОИС осуждает и «государственный терроризм» (речь шла об Израиле)[25]. Принятая в августе 2012 г. чрезвычайным саммитом ОИС Мекканская хартия укрепления исламской солидарности подчеркивала «недопустимость связи ислама и экстремистской идеологии», а также «решимость идти до конца в борьбе с терроризмом»[26].

Куала-Лумпурская декларация развивала мысль (без сколько-либо конкретного указания на Афганистан) о том, что «односторонняя акция против мусульманской страны под предлогом борьбы с терроризмом приведет к сужению антитеррористического сотрудничества». Уже после американской военной операции и свержения режима «Талибан» ОИС, не отступая от своей позиции, настаивала на том (в документах состоявшегося в Хартуме в июне 2002 г. совещания министров иностранных дел), что «все народы имеют право самостоятельного выбора политической, экономической и общественной системы без какого-либо вмешательства извне», посвятив себя решению задачи реконструкции Афганистана и признав правительство Хамида Карзая[27]. В последующем же ОИС действовала идентично и в случае Ирака: в сентябре 2002 г. во время работы LVII сессии Генеральной Ассамблеи ООН состоявшееся в Нью-Йорке Ежегодное координационное совещание министров

иностранных дел ОИС заявило о неприемлемости военной акции. Заключительное коммюнике совещания рассматривало еще эвентуальную операцию в Ираке как «покушение на национальную безопасность всех мусульманских государств»[28]. Последующая позиция ОИС, отталкиваясь от свершившегося факта, считала необходимым ставить вопрос внутрииракского примирения.

Умеренность позиции ОИС по афганскому и иракскому вопросу уравновешивалась жесткостью в отношении действий Израиля на палестинской территории, подтверждая селективность ее подхода к проблемам развития мусульманского сообщества. Значительное расширение рядов ОИС более чем когда-либо раньше выдвигало в центр внимания ее участников многообразные проблемы политического, экономического и социального развития мусульманского *цивилизационного* пространства. Важнейшими среди них оказывались конфликты – их круг был широк – от Кипра, Боснии и Герцеговины до Косова, Нагорного Карабаха и Чечни. Различия в подходах государств-членов к методам их урегулирования нюансировали отношение ОИС к этим конфликтам.

Поддержание стабильности ОИС всегда рассматривалось в Эр-Рияде как один из инструментов сплочения социума и укрепления внешнеполитических позиций королевства. Саудовская государственная (и частная) помощь постсоветским *мусульманским* государствам, Боснии и Герцеговине, Косову, а также мусульманским меньшинствам России, как и в период советского военного присутствия – Афганистану, рассматривалась королевством как первоочередной проект, создавая (в случае Чечни и других мусульманских анклавов России) зоны латентной или открытой конфликтности в отношениях с официальными государственными институтами.

Все же *неарабский* мусульманский мир оставался периферией саудовской внешней политики, несмотря на выражаемую всеми форумами ОИС поддержку Азербайджана в конфликте с Арменией, Пакистана в противостоянии с Индией (включая и кашмирский вопрос) либо включение в повестку дня этих форумов вопросов о положении мусульманских меньшинств на Филиппинах или в Мьянме. По отношению к этому миру саудовский курс был умеренным и, естественно, маневренным: пример Афганистана выглядел здесь как наиболее показательный. В его случае саудовская государственная помощь

после начала антитеррористической кампании имела тенденцию к сокращению (дипломатические отношения с режимом талибов были разорваны), а частная – к контролю со стороны властных структур. Палестинская же ситуация выглядела иначе.

ОИС вслед за Саудовской Аравией приветствовала начало Мадридского мирного процесса. Саудовское руководство отдавало себе отчет в том, что начавшиеся в регионе необратимые (при всех трудностях) изменения должны привести к появлению *ближневосточного* регионального пространства, объединяющего арабский мир и Израиль. Процесс становления этого пространства выдвигал проблему его будущего центра, в роли которого это руководство видело собственную страну. Поддерживая Эр-Рияд, ОИС встала на сторону *интифады мечети Аль-Акса*, осуждая израильскую реакцию на ее развитие. Приняв в июне 2002 г. на хартумском совещании министров иностранных дел сформулированную Абдаллой бен Абдель Азизом «арабскую мирную инициативу», ОИС ввела в круг ее сторонников весь мусульманский мир[29].

При этом ОИС, считая Палестинскую Национальную Администрацию единственным представителем «палестинских чаяний» (поддерживая вступление Палестины в ЮНЕСКО и придание ей статуса «государства-наблюдателя» в ООН), не включила ХАМАС в число своих партнеров. Осуждая израильские карательные акции против сектора Газа, в том числе и операцию «Рубеж обороны» в июле 2014 г., ОИС рассматривала ее последствия как «гуманитарную катастрофу палестинского народа» (ее преодоление потребовало участия организации в работе международного форума стран-доноров Газы), поддерживая контакты с официальной палестинской администрацией[30].

Вместе с тем палестинский вопрос не мог не ставиться ОИС и в контексте ее поддержки «арабской мирной инициативы» (сохранявшей для Организации то же принципиальное значение, что и для Саудовской Аравии). Однако сама эта «инициатива», по мнению И. Мадани, с точки зрения возможности ее реализации неизбежно предполагала, что развитие «подлинного политического процесса» в палестинской среде, наиболее существенным проявлением которого стало бы реальное стремление «обеих ведущих сторон этого процесса» (Палестинской Национальной Администрации и ХАМАС – *Г.К.*) к «сохранению» сформированного по их взаимному согласию «правительства национального единства», а также предостав-

ления ему «реального права принимать решения». Лишь опираясь на эту основу, как считал генеральный секретарь ОИС, может быть придан импульс «мирному процессу, отталкивающемуся от констант палестинской и арабской политики и развивающемуся под эгидой эффективной и беспристрастной стороны»[31]. Поиск такой «стороны» выглядел как новый поворот идеи международного спонсорства для решения ближневосточного конфликта и его палестинской составляющей.

Те же 2012-2014 гг. были временем активного внимания ОИС к вопросу дипломатического признания Косова. Осуществившая это начинание Саудовская Аравия стремилась воздействовать на иных членов организации с тем, чтобы подтолкнуть их пойти на идентичный шаг. Как считали в Эр-Рияде, полное международное признание Косова позволит расширить саудовское взаимодействие с Европейским Союзом в интересах решения старых (и новых) конфликтных ситуаций на Ближнем Востоке. Вопрос Косова ставился на всех проходивших в это время форумах организации, в том числе и (учитывая изменения международной ситуации в связи с кризисом в Украине) через призму мусульманских меньшинств, в первую очередь крымских татар.

Выступая на июньском совещании министров иностранных дел 2014 г. в Джидде, И. Мадани отмечал: «Организация следит за развитием ситуации в Крыму и надеется, что оно не повлечет за собой ущерба политическим, культурным и религиозным правам мусульман-татар», как «и не приведет к воскрешению печального опыта прошлых гонений и насильственной депортации». Однако «крымско-татарский вопрос» был предлогом для постановки более важной проблемы: по словам И. Мадани, «российская поддержка прав русских в Крыму должна заставить ее пересмотреть позицию в отношении независимости Косова», что позволит ему «стать членом» ОИС[32].

ОИС: вызовы начала XXI в.

Время 2010–2014 гг. актуализировало важнейший приоритет ОИС – сохранение стабильности и территориальной целостности государств-участников. Тому были серьезные причины: последствия «арабской весны», включая ситуацию в Тунисе, Египте, Бахрейне, Йемене и Сирии (как и нестабильность

в Ираке), и дестабилизация положения в Мали (события весны 2012 г., приведшие к смене власти и всплеску туарегского сепаратизма) внесли элемент неустойчивости в систему региональных международных отношений, вызывая к жизни активизацию террористических и сепаратистских группировок и формирований. ОИС должна была действовать, содействуя сохранению статус-кво или, по крайней мере, смягчать последствия происходивших событий.

Рассматривая положение в **Мали** (и шире – региона Сахеля), ОИС считала, что исходным моментом дестабилизации выступает деятельность связанных с «Аль-Каидой» «транснациональных преступных групп». Состоявшееся в ноябре 2012 г. в Джибути совещание министров иностранных дел потребовало от государств-членов «углубить сотрудничество в сфере борьбы с терроризмом, организованной преступностью и наркотрафиком», как и выразило свою поддержку международным действиям под эгидой ООН, направленным на восстановление территориальной целостности Мали. Участники совещания были единодушны, заявив о готовности ОИС к взаимодействию со всеми сторонами, заинтересованными в стабилизации[33]

Документы XII Каирского саммита (февраль 2013 г.) отразили позицию ОИС в отношении стран «арабской весны». Учитывая настороженное отношение Саудовской Аравии к политическим изменениям в Египте и Тунисе, открывшим путь к власти исламистам, а также катарскую поддержку этих изменений, заключительное коммюнике саммита не касалось ситуации в обеих странах. Напряженность в официальных саудовско-ливийских отношениях (как и катарская поддержка ливийской оппозиции) определила подход к ситуации в этой стране: заключительное коммюнике приветствовало изменения в Ливии, выражая надежду на успех «созидания государства эффективных институтов». В свою очередь, иранская позиция по Бахрейну заставляла ОИС не упоминать о вводе войск государств Персидского залива, ограничиваясь поддержкой призыва бахрейнского монарха к «национальному диалогу»[34]. Но еще ранее ОИС выразила свое отношение и к событиям в Йемене, поддержав (и следуя в этой связи за точкой зрения Саудовской Аравии и ее союзников по Совету сотрудничества арабских государств Залива) на состоявшемся в июне 2011 г. в Астане совещании министров иностранных дел требование оппозиции об отставке президента и создании «правительства национального согласия»[35].

В свою очередь, совещание министров иностранных дел (Джибути, ноябрь 2012 г.) выразило свою солидарность с начатым этим правительством курсом «национального диалога»[36]. Вместе с тем наиболее серьезное внимание ОИС уделяла положению в Сирии и Ираке.

IV чрезвычайный саммит ОИС, состоявшийся в середине августа 2012 г. в Мекке, где было приостановлено членство **Сирии**[37], стал принципиальным событием в ходе процесса выработки позиции в отношении сирийского кризиса. В свою очередь, ноябрьское совещание 2012 г. в Джибути развивало эту позицию, возложив ответственность за «продолжающееся насилие» на сирийское правительство и требуя от него «уважать исламские ценности и права человека». Это был выбор в пользу оппозиции, что совпадало с саудовской оценкой ситуации[38]. В своем итоговом документе – Декларации Джибути – совещание призвало международное сообщество «занять решительную позицию ради прекращения насилия», приветствуя формирование объединенного руководства оппозиции – Национальной коалиции сил сирийской революции и оппозиции (НКССРО)[39].

Тема Сирии была продолжена на состоявшемся в феврале 2013 г. в Каире XII саммите ОИС, где прозвучал призыв к НКССРО сформировать переходное правительство без участия тех представителей режима, «руки которых запятнаны кровью», как и осуждалось вмешательство «иностранных сил» во внутрисирийский конфликт[40]. Речь шла о поддержке официального Дамаска вооруженными формированиями ливанской Хизбаллы, рассматривавшейся саудовской стороной в качестве союзника Ирана.

ОИС видела себя одним из участников сирийского урегулирования, поддержав созданную в июне 2012 г. Группу действия по Сирии и приняв участие в конференции «Женева-2». Выступая 2 февраля 2014 г. в ходе работы этой конференции и обращаясь к решениям Каирского саммита, И. Мадани подчеркивал, что «суть происходящих в Сирии событий» состоит в том, что там развивается «борьба народа, стремящегося к достойной и свободной жизни, далекой от угнетения, насилия и тирании». При этом он считал необходимым подчеркнуть, что ОИС не только выступает за достижение взаимопонимания постоянных членов Совета Безопасности ООН по сирийскому вопросу, но и стремится создать условия для «сближения государств региона с тем, чтобы избавить Сирию от превращения

в поле борьбы за расширение внешнего влияния»[41]. Эта точка зрения, подспудно осуждавшая Россию и Иран, вновь совпадала с саудовской позицией.

Позиция ОИС в отношении перманентной нестабильности в **Ираке** определялась обстоятельствами межгосударственных отношений. Саудовско-иранская конкуренция и связанное с нею разделение иракских политических сил на суннитские (становившиеся саудовскими союзниками) и шиитские (сближавшиеся с Ираном) группы заставляли организацию обращаться только к гуманитарным аспектам внутрииракского положения. В 2012-2013 гг. ситуация в Ираке рассматривалась под углом зрения «сожаления о жертвах» террора, угрозы «межконфессиональных трений для будущего страны» и призыва положить конец конфронтации. При этом ОИС выступала с инициативами, направленными на преодоление суннитско-шиитских противоречий. В текст основного документа состоявшегося в августе 2012 г. в Мекке чрезвычайного саммита – Мекканской хартии – было включено предложение правящего саудовского монарха о создании Центра диалога правовых школ ислама (по образцу созданного Саудовской Аравией в ноябре 2012 г. в Вене Центра диалога религий и цивилизаций имени короля Абдаллы бен Абдель Азиза). Штаб-квартира этого Центра будет располагаться в Мекке, а в его работе примут участие «мудрецы исламской уммы», кооптируемые Генеральным секретариатом и Министерским советом ОИС[42].

Расширение сферы контроля «Исламского государства Ирака и Леванта» (ИГИЛ), переименованного в «Исламское государство» (ИГ), на территории Сирии и вторжение боевиков этой организации летом 2014 г. в Ирак корректировали риторику ОИС, не меняя ее основных положений. ОИС ставила вопрос о «сплочении всех политических сил Ирака» и «всеобъемлющем национальном примирении» в интересах противостояния «экстремистской угрозе». ОИС безоговорочно осудила «насилие» ИГ в отношении немусульманских меньшинств в Сирии и Ираке, как и казни иностранных заложников[43]. Приветствуя выдвинутую президентом Бараком Обамой в начале сентября 2014 г. «стратегию» противостояния «Исламскому государству» (как и участие ряда арабских государств в ее претворении в жизнь), ОИС считала необходимым подчеркнуть, во-первых, что список террористических организаций не может ограничиваться ИГ, «Аль-Каидой» или «Боко Харам».

Этот список должен включить и «экстремистские группировки», проповедующие ненависть в отношении «религиозных меньшинств во всех странах мира». Во-вторых, борьба с ИГ не должна «наносить ущерб борющейся с сирийским режимом умеренной оппозиции»[44], что заранее исключало какую-либо форму участия режима президента Башара Асада действиях Международной коалиции по противостоянию «исламскому государству».

ОИС: возможности неполитической сферы

ОИС начала XXI в. – структура, располагающая значительными образовательными, культурными, информационными и экономическими возможностями.

Она включает «субсидируемые» подразделения (участие в которых автоматически распространяется на все страны-члены ОИС, а их финансирование обеспечивается за счет ее бюджета), включающие располагающиеся в различных странах Центр исследований в области статистики, социальной экономики и подготовки кадров (Анкара), Центр исследований в области исламской истории, искусства и культуры (Стамбул), Исламский технологический университет (Дакка), Исламский центр развития торговли (Касабланка), Исламскую академию юриспруденции (Джидда) и Фонд исламской солидарности (Джидда), специализирующийся на оказании содействия «мусульманским меньшинствам»[45].

«Специализированные» институты ОИС включают Международное исламское информационное агентство (Джидда), Союз радиовещания исламских государств (Джидда), Исламскую организацию образования, науки и культуры (Рабат), рассматриваемую как «мусульманский» аналог ЮНЕСКО, Исламский Комитет Красного Полумесяца (Бенгази) и Исламский банк развития (ИБР). Участие стран-членов ОИС в этих институтах «факультативно», а их бюджет независим от бюджета Генерального секретариата организации и ее «субсидируемых» подразделений.

Эти «институты» могут получить статус наблюдателей в ОИС, а их финансирование обеспечивается за счет «добровольной помощи» со стороны «субсидируемых» подразделений и государств-членов. Наиболее значимыми среди «аффилированных

институтов» являются располагающаяся в Карачи Исламская торгово-промышленная палата, в Мекке – Организация исламских капиталов, а также спортивные, медицинские и образовательные структуры. Необходимость решения «наиболее значимых вопросов для Организации» содействовала тому, что при ОИС были созданы четыре постоянно действующих комитета – Комитет по делам Иерусалима, Постоянный комитет по информации и культуре, Постоянный комитет по экономическому и торговому сотрудничеству и Постоянный комитет по научно-техническому сотрудничеству. Организационная структура ОИС создавала образ «мусульманской ООН».

ИБР (его крупнейший вкладчик Саудовская Аравия) занимает особое место среди структур ОИС. Это не только «специализированный институт», но и «международная финансовая организация». Идея создания ИБР была впервые высказана в 1970 г. на II совещании министров иностранных дел в Карачи, но его открытие произошло только в 1975 г. (ныне его участниками являются 55 государств-членов ОИС, в том числе Азербайджан, все центральноазиатские государства и Палестинская Национальная Администрация). Штаб-квартира ИБР расположена в саудовской Джидде, его региональные офисы – в Марокко, Малайзии, Казахстане и Сенегале. Представительства ИБР действуют еще в 12 странах-членах ОИС, в том числе в Азербайджане и Узбекистане. Цель ИБР (имеющего статус наблюдателя при ООН) – «содействие экономическому развитию и социальному прогрессу государств-членов и мусульманских сообществ (меньшинств – *Г.К.*)» в «соответствии с принципами шариата». ИБР финансирует экономические проекты и предприятия и «поощряет внешнюю торговлю государств-членов». Условием для получения его помощи выступает членство в ОИС. В 2013 г. уставный капитал ИБР составил 30 млрд. «исламских динаров»[46].

Стратегическая цель ИБР – стать к 2020 г. банком мирового уровня, функционирующим на основе шариатских норм[47] и обеспечивающим развитие членов ОИС и мусульманских меньшинств. ИБР осуществляет проектное финансирование на основе принципа государственно-частного партнерства, борется с бедностью, поддерживает малое и среднее предпринимательство и т.д. Развивая сотрудничество с международными банками (Европейским банком реконструкции и развития, Азиатским банком развития, Африканским банком развития, Все-

мирным банком), ИБР действует в русле принятых ООН Целей развития тысячелетия, направляя усилия на развитие образования (реализуя задачу перехода к «информационному образованию») и профессиональной подготовки населения членов ОИС. Не менее 52% в общей сумме инвестиций ИБР составляют проекты в этой области. Большое внимание банк уделяет финансированию сельскохозяйственных проектов и инфраструктуры. Опираясь на него, ОИС содействует вхождению мусульманского региона в мирохозяйственные связи.

Это вхождение не могло быть бесконфликтным. Провозглашаемая ИБР цель, заключающаяся в оказании содействия мусульманским меньшинствам, приводила к конкуренции между экономическими (и политическими) элитами различных конфессиональных групп. В условиях афро-азиатского мира она несла, что доказывали примеры Индии и Мьянмы, оттенок дискриминации и насилия в отношении мусульман, как и феномена *исламофобии*, ставшей объектом внимания ОИС. Но та же конкуренция порождала напряженность в отношениях между представителями различных правовых школ (*мазхабов*) в суннитском исламе, а также суннитами и шиитами.

Противостояние *исламофобии* не может рассматриваться как лоббирование интересов мусульман. Подчеркивая важность «диалога религий и цивилизаций» и принимая участие в реализации соответствующих саудовских инициатив (включая и созданный Саудовской Аравией в Вене Центр диалога религий и цивилизаций), ОИС стремится к поддержанию баланса интересов и сохранению конфессионального статус-кво в странах-членах, осуждая террористические акции и преследования христиан, организуемые исламскими радикалами («Боко Харам» в Нигерии, ИГИЛ в Сирии и Ираке). Эта тенденция становится все более отчетливой.

Не менее отчетлива и другая тенденция – преодоление *внутриисламских* межконфессиональных противоречий. Приветствуя открывшийся в середине августа 2012 г. в Мекке чрезвычайный саммит ОИС, король Абдалла бен Абдель Азиз высказал предложение о создании Центра диалога правовых школ (*мазхабов*) ислама. Оно было включено в текст Меккан-ской хартии, где отмечалась важность диалога между всеми суннитскими и шиитскими правовыми школами. Хартия подчеркивала, что штаб-квартира этого «автономного» Центра будет располагаться в Мекке, а в его работе примут участие «мудрецы

исламской уммы», кооптируемые Генеральным секретариатом и Министерским советом ОИС. Участниками Центра не могли быть богословы, связанные с «экстремистской мыслью» и «террористическими движениями»[48], список которых расширялся (повторяя тот его аналог, который уже был выдвинут Саудовской Аравией), включив «Хизбаллу», Движение «Братьев-мусульман», «Джабхат ан-нусра» и ИГ[49].

Россия и ОИС: возможности сотрудничества

Сегодняшняя устремленность России к сотрудничеству с ОИС – важным игроком на региональной и международной арене, организацией, обладающей значительными материальными возможностями, лежит, как и в эпоху установления отношений с этой межгосударственной структурой, в сфере внутренней и внешней политики государства, что подтвердила состоявшаяся в октябре 2013 г. в Уфе встреча В. Путина с главами мусульманских духовных управлений. В основе этой устремленности, если следовать словам российского президента, лежит прежде всего необходимость противостояния «радикальным течениям» и «сепаратистским настроениям», что предполагает укрепление роли «традиционного» ислама и авторитета российской богословской школы, а также сохранения «суверенитета российского духовного пространства». Более того, как он замечал, для взаимодействия с ОИС важно то, что российский внешнеполитический курс включает, в том числе, и линию на укрепление «единства» мирового исламского сообщества[50], частью которого выступает значимое российское мусульманское сообщество. Естественно при этом, что развивая связи с ОИС, Россия ни в коей мере не может не углублять двусторонние отношения с входящими в нее государствами. Этому не противоречат ни условия членства в этой организации, ни основы ее деятельности, предполагающие существование в ее структуре региональных «групп действия». Казанский экономический форум KazanSummit лишь подтверждает это.

Внутренние проблемы российского ислама сопрягались В. Путиным с внешнеполитическими задачами, поскольку Россия остается востребована на «Ближнем Востоке и в исламском мире», причем эта «востребованность» растет. Вместе с тем он замечал, что в условиях усиления «напряженности

между Западом и исламским миром» Россия не заинтересована в ее дальнейшем разжигании, но не может мириться с «проектами манипулирования странами и народами». Выступая против этих проектов, Россия «проводит последовательную, твердую линию по укреплению … единства» мирового исламского сообщества. Последнее замечание В. Путина на встрече в Уфе касалось обеспечения авторитета исламской богословской школы, представленной официальными *улемами*, а не «неформальными лидерами», связанными с «чуждыми … стране … школами и сторонниками экстремистских идей». Отсюда вытекала задача «воссоздания собственной исламской богословской школы», способной обеспечить «суверенитет российского духовного пространства».

Слова В. Путина могут быть интерпретированы как базовые принципы сотрудничества с ОИС, необходимого в обстоятельствах сегодняшнего дня, но не допускающего восприятия этой организации как объединения, противостоящего Западу. ОИС – партнер международного сообщества, а возникающие между нею и развитыми государствами противоречия не меняют ее приоритетов. Развивая контакты с ОИС, Россия может получить союзника, оказывающего воздействие на позицию Запада в интересах самой России.

Российская «последовательная линия», направленная на поддержку единства мирового исламского сообщества, как и отказ ОИС от помощи антисистемной религиозной оппозиции являются гарантией построения взаимовыгодных связей по линии «Россия – ОИС», отнюдь не исключающих поддержку ОИС «чаяний» мусульманских меньшинств (крымско-татарский случай это подтвердил). Смягчить способные возникнуть в этой связи трения между сторонами возможно только при условии широкого включения российских мусульман в общероссийскую политику и экономику. Путь к этому пролегает и через достижение консенсуса по вопросам становления и развития российской государственности.

Сфера политического взаимодействия с ОИС, как и в прошлом, кажется приоритетной. Для сотрудничества в этой сфере существуют представляющиеся весомыми обстоятельства. Как и Россия, ОИС заинтересована в противостоянии религиозному радикализму и в сохранении внутриполитического статус-кво, как и в развитии диалога между конфессиональными сообществами. Эта заинтересованность находит свое выраже-

ние, в том числе, и в смысловой идентичности риторики обеих сторон: если в России речь идет о «традиционном исламе», то в документах ОИС – о «религиозной умеренности». В силу этого обстоятельства возникает необходимость придания новых импульсов уже имеющимся каналам двустороннего взаимодействия – контактам мусульманских духовных управлений с институтами ОИС и входящих в нее стран. Для этого необходима максимальная координация различных аспектов деятельности этих управлений, в том числе и на основе создания (возможно, при участии ОИС) национального аналога предложенного саудовским монархом Центра диалога правовых школ. Не менее важную роль в развитии двусторонних отношений могло бы сыграть и российское участие (представляющее все конфессии и специализированные общественные фонды) в работе венского Центра диалога религий и цивилизаций имени короля Абдаллы.

Сотрудничество в этой сфере (как и в иных сферах) не может не учитывать различий в точках зрения обеих сторон в отношении тех или иных групп оппозиции. ОИС (следуя курсу Саудовской Аравии и Катара) выступала как сторонница апеллирующих к религии ливийских сил, не только боровшихся с прежним режимом, но и продолжающих действовать сегодня, оказывая поддержку и тем, кого называют «умеренной сирийской оппозицией», в рядах которой представлены и фундаменталистские структуры, а также критикуя Россию за ее позицию. В равной мере ОИС, хотя и не считающая ХАМАС своим партнером, не склонна к взвешенному мнению в отношении палестино-израильского конфликта. В свою очередь Россия не кажется безусловно готовой к тому, чтобы стать активным участником противостояния ИГ[51], а также подчеркивает ответственность палестинской и израильской сторон за сложившееся положение.

Сотрудничество с ОИС требует позитивного и целенаправленного диалога в интересах сближения позиций обеих сторон по ключевым вопросам Ближнего Востока и зоны Персидского залива. В рамках этого сотрудничества формирование устойчивых связей с Саудовской Аравией обретает черты насущной необходимости. Эта необходимость может выразить себя в более акцентированной поддержке наиболее реалистичных саудовских начинаний в области региональной и международной политики – «арабской мирной инициативы» по Ближнему Востоку и активизации деятельности созданного в 2005 г. в Эр-Рияде (при российском участии) Международного анти-

террористического центра. Однако, развивая отношения с Саудовской Аравией, Россия должна учитывать, что для саудовской стороны Иран – *стратегический противник*, рассматривая его членство в ОИС как инструмент «смягчения иранских гегемонистских устремлений»[52].

Но может ли стать «суверенным» российское «духовное пространство», воссоздав «собственную исламскую богословскую школу»? Ислам – мировая религия, не ограниченная пределами «российского мира». Доказывает ли историческая ретроспектива существование такой школы? Положительный ответ на этот вопрос не убедителен: сегменты российского мусульманского сообщества (включая Крым) управлялись различными духовными управлениями и апеллировали к разным богословским школам. Сегодня это сообщество испытывает негативное воздействие противостояния между различными группами исламской элиты. Для формирования такой школы требуется то, что было предложено саудовским монархом применительно к ОИС – национальный Центр диалога правовых школ, не исключающий, а предполагающий участие в работе института ОИС. «Суверенитет» российского «духовного пространства» возможен в рамках борьбы с радикализмом, а не путем изоляции от происходящего в мировом исламе поиска богословских оправданий адаптации к современному миру.

Частью взаимодействия России и ОИС в сфере политики уже стали межпарламентские контакты (облеченные в форму «парламентских сессий Российской Федерации и стран ОИС»). Последняя из этих сессий, прошедшая в начале октября 2013 г. в рамках форума KazanSummit, стала, по словам вице-спикера Совета Федерации Федерального собрания Ильяса Умарханова, «территорией созидания, инноваций и сотрудничества»[53]. Эти контакты нуждаются не только в своем продолжении, но и в конкретных шагах, связанных с реализацией достигнутых на них договоренностей.

Сотрудничество России и ОИС в неполитической сфере, на первый взгляд, выглядит как наиболее перспективное направление взаимодействия. Однако и в этой сфере могут порой возникать существенные трудности, вытекающие из различий в подходах обеих сторон к политическим реалиям сегодняшнего дня, как и из взглядов тех или иных социальных страт на пути развития национальной экономики и общества. Наконец, неполитическое сотрудничество с ОИС, одна из важ-

нейших задач которой определяется как «защита мусульманских меньшинств в немусульманских странах», может сконцентрироваться только вокруг российского исламского сообщества.

Введение финансовых институтов, действующих на основе исламских принципов (включая исламский банкинг), в российскую экономику представляет собой одно из главных препятствий к полноценному взаимодействию России с ОИС. По словам бывшего представителя России при ОИС Камиля Исхакова, «банковская система России … не настроена на то, чтобы пришла другая – альтернативная – система»[54]. Попытки создать институты исламского банкинга или распространить на Россию деятельность зарубежных исламских банковских учреждений пока не увенчались успехом. Если в рядах элиты «мусульманских» регионов раздаются утверждения, что предпринимательская деятельность мусульман невозможна без развития исламского банкинга, как и выдвигаются требования о внесении соответствующих корректив в российское законодательство, то связанная с существующей банковской системой сторона представляет исламский банкинг как канал финансирования антисистемного подполья. Вместе с тем отдельные российские регионы (пример Татарстана показателен) предпринимают попытки установления прямых контактов с ИБР для создания совместных финансово-инвестиционных компаний.

Присоединение к Исламской организации образования, науки и культуры (ИСЕСКО) значительно расширило возможности формирования позитивного образа российского ислама в государствах ОИС. Осуществляемое в этой связи взаимодействие достаточно широко – контакты с ИСЕСКО мусульманских высших учебных заведений, ученых, занимающихся исследованием исламской цивилизации, издательская деятельность, проведение конференций и собраний, посвященных важным датам в истории российского ислама. Вместе с тем это взаимодействие требует своего дальнейшего расширения, поскольку сотрудничество с ИСЕСКО важно для России в более широком аспекте – пропаганды своего образа как страны, являющейся моделью сосуществования представителей различных конфессий и этнических групп, когда ислам выступает лишь как один из элементов этой модели.

Казалось бы, присутствие в структуре ОИС Международного исламского информационного агентства или Союза радиовещания исламских государств может способствовать развитию свя-

зей между российскими информационными агентствами, телевизионными каналами (арабская версия Russia today – *Русия альяум* выглядит здесь как первоочередная кандидатура) и радио. Однако такие связи могут возникнуть и развиваться только при условии, что соответствующие российские организации готовы пойти на уступки (порой значительные) своим потенциальным партнерам. Эти уступки должны включать не только существенное увеличение доли «мусульманского сегмента» в распространяемой этими организациями информации о России, но и (что более важно) коррекцию их позиции по тем вопросам, которые находятся сегодня в центре российской внешней политики. Государственный статус российских организаций не дает оснований считать, что такая коррекция может стать реальностью.

Залогом успешного развития отношений с ОИС является формирование устойчивых связей с Саудовской Аравией. Эти связи не могут быть построены без уточнения российской позиции по проблемам Ближнего Востока и зоны Персидского залива.

Россия и Саудовская Аравия заинтересованы в решении израильско-палестинского конфликта (как и в целом арабо-израильского противостояния), прекращении гражданской войны в Сирии и ликвидации террористических структур и их политических образований. Однако эта заинтересованность не скрывает расхождений.

Если российская позиция в отношении израильских военных операций на территории сектора Газа возлагает ответственность на обе противостоящие стороны, то саудовская рассматривает Израиль как основного виновника военных действий и гуманитарной катастрофы. Разрешение арабо-израильского конфликта (на условиях «арабской мирной инициативы») является для Эр-Рияда приоритетом его ближневосточной политики. Россия же, несмотря на ее официальные функции коспонсора ближневосточного мирного процесса, лишь эпизодически направляет свое внимание к проблемам Ближнего Востока, оказываясь втянутой в урегулирование конфликтов на постсоветском пространстве.

Решая задачу присутствия российских нефтяных компаний в Ираке, Россия посчитала необходимым поддерживать правительство Нури аль-Малики в его противостоянии ИГ и «исламскому халифату», в то время как Саудовская Аравия, устанавливая контакты с нефундаменталистскими суннитскими структурами, видела в этом правительстве «орудие Ирана». Россия рассматривает режим Башара Асада в качестве одной из сторон внутрисирийского

конфликта, Саудовская Аравия же считает необходимой его отставку, чтобы пресечь иранские региональные устремления.

Россию и Саудовскую Аравию разделяет отношение к Ирану. Если саудовская сторона видит в Иране своего *стратегического противника*, рассматривая его членство в ОИС как инструмент давления на него, то Россия продолжает видеть в Иране противника «западного гегемонизма», развивая с ним сотрудничество в сфере ядерных технологий и поддерживая контакты в отношении ситуации в Сирии и Ираке. Для Саудовской Аравии Иран – фактор дестабилизации в регионе Залива, а российско-иранское сотрудничество помогает сохранению его дестабилизирующей роли.

* * *

Сотрудничество России и ОИС не может выглядеть как поступательный и в полной мере бесконфликтный процесс. Напротив, развитие этого сотрудничества предполагает, что в ходе его реализации российская сторона будет не только сейчас, но и в дальнейшем сталкиваться с серьезными трудностями, определяемыми, в том числе, различиями в подходах обеих сторон к насущным проблемам современного мира. Тем не менее взаимодействие с ОИС необходимо. Оно диктуется тем, что и сама эта организация, и входящие в нее государства – принципиально важные игроки на международной арене.

Более того, это взаимодействие основывается на взаимных интересах, поскольку государства ОИС (вне зависимости от того, как ими оценивается роль России в современном мире) видят в ней державу, во многом определяющую как международную ситуацию, так и положение в регионе, выразителем интересов которого считает себя ОИС. Этот взгляд на Россию – дополнительный стимул, который должен подталкивать ее к углублению уже достигнутого уровня контактов и с этой организацией, и с входящими в нее странами.

---

[1] Здесь и далее цит. по: Президент России. Выступление на X встрече глав государств и правительств Организации Исламская Конференция. 16 октября 2003. Путраджайя, Малайзия. – http://archive.kremlin.ru/text/appears/2003/10/54103.shtml

[2] Президент России. Выступление на встрече с представителями деловых кругов Саудовской Аравии. Эр-Рияд, 12 февраля 2007. – http://news.kremlin.ru/transcripts/24037.

[3] Кандидатура И. Мадани на пост Генерального секретаря ОИС была предложена Саудовской Аравией на совещании министров иностранных дел организации, состоявшемся в ноябре 2012 г. в Джибути. Ранее он занимал посты министра культуры и информации и министра по делам хаджа в саудовском правительстве.

[4] Муназзама ат-таавун аль-ислямий. Иъалян Джибути (Организация исламского сотрудничества. Декларация Джибути). Джибути, 17 ноября 2012. – http://www.oic-oci.org/arabic/conf/fm/39/j-dec39.pdf.

[5] Муназзама ат-таавун аль-ислямий. Тасрих Аль-Амин аль-амм би мунасаба аль-яум аль-ватаний 84 ли Аль-Мамляка (Организация исламского сотрудничества. Заявление Генерального секретаря по случаю 84-й годовщины национального дня Королевства). 21 сентября 2014. – http://www.oic-oci.org/oicv2/topic/?t_id=9354&ref=3734&lan=ar.

[6] Президент России. Начало встречи с муфтиями духовных управлений мусульман России. Уфа, 22 октября 2013. – http://www.kremlin.ru/transcripts/19474.

[7] Принц Абдалла: «Чеченский вопрос – внутреннее дело России» // Известия, 04.09.2003. – http://izvestia.ru/news/280837.

[8] Президент России. Состоялись переговоры президента России с наследным принцем Королевства Саудовская Аравия Абдаллой бен Абдель Азизом Аль Саудом. – http://www.kremlin.ru/news/29294.

[9] Так, в частности, в этом документе отмечалось, что Россия «как многонациональное и многоконфессиональное государство способствует диалогу и партнерству между культурами, религиями и цивилизациями, последовательно проводит эту линию в рамках ООН, ЮНЕСКО, ОБСЕ, Совета Европы и других международных и региональных организаций, в контексте сотрудничества с Организацией исламская конференция» // Концепция внешней политики Российской Федерации, 15 июля 2008. – http://kremlin.ru/acts/785.

[10] Министерство иностранных дел Российской Федерации. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. – http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F.

[11] Министерство иностранных дел Российской Федерации. Выступление и ответы Министра иностранных дел С.В. Лаврова по итогам подписания Рамочного соглашения о сотрудничестве между МИД России и Генеральным секретариатом ОИС. Москва, 1 октября 2013. – http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/78E13F7BB94E560244257BF70043DCAB.

[12] Министерство иностранных дел Российской Федерации. О встрече Министра иностранных дел России С.В. Лаврова с Генеральным секретарем Организации исламского сотрудничества И. Мадани. – http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/3FBD0CB07498416844257CFE005C22DA.

[13] Аль-Амин аль-амм ли Муназзама ат-таавун аль-ислямий яджтамиа би Аль-Амин аль-амм ли Аль-Умам Аль-Муттахида ва би вазир аль-хариджийя ар-русий (Генеральный секретарь ОИС встречается с Генеральным секретарем ООН и министром иностранных дел России). Нью-Йорк, 28 сентября 2014. – http://www.oic-oci.org/oicv2/topic/?t_ref=3743&lan=ar.

[14] В этой связи Заключительное коммюнике этого совещания подчеркивало: «Совещание приняло проект Хартии, направленной на укрепление солидарности и развитие экономического, культурного и научного сотрудничества, а также сотрудничества в иных сферах, между всеми исламскими государствами, как и, прежде всего, между государствами, являющимися членами Организации» // Муназзама ат-таавун аль-ислямий. Муатамар вузара аль-хариджийя аль-ислямий ас-салис (Организация исламского сотрудничества. Третье исламское совещание министров иностранных дел). Джидда, март 1972. – http://www.oic-oci.org/arabic/conf/fm/3/3rd-icfm.htm.

[15] Как гласит Хартия ЛИМ, эта организация была создана в интересах «претворения положений исламского шариата в жизни людей, человеческих коллективов и государств» ради «распространения исламского призыва» и «разработки исламских решений проблем современности» // Мисак Рабита аль-алям аль-ислямий (Хартия Лиги исламского мира). – Лига исламского мира. – http://www.themwl.org/Profile/default.aspx?l=AR.

[16] Мадани ли «Аль-Хайят»: ляйса хунак ирхаб сунний ау шиъий (Мадани заявляет «Аль-Хайят»: не существует суннитского или шиитского терроризма) // Аль-Хайят, 03.10.2014. – http://www.alhayat.com/Articles/4872133.

[17] Албания, Алжир, Азербайджан, Афганистан, Бахрейн, Бангладеш, Бенин, Бруней, Буркина-Фасо, Габон, Гамбия, Гвинея, Гвинея-Биссау, Гвиана, Джибути, Египет, Индонезия, Иран, Ирак, Иордания, Йемен, Казахстан, Камерун, Катар, Коморские острова, Кот-д'Ивуар, Кувейт, Кыргызстан, Ливан, Ливия, Малайзия, Мальдивские острова, Мали, Мавритания, Марокко, Мозамбик, Нигер, Нигерия, Объединенные Арабские Эмираты, Оман, Пакистан, Палестина, Саудовская Аравия, Сенегал, Сьерра-Леоне, Сомали, Судан, Суринам, Сирия, Таджикистан, Того, Тунис, Турция, Туркменистан, Уганда, Узбекистан, Чад.

Кроме России, наблюдателями в ОИС являются Босния и Герцеговина, Таиланд, Центрально-Африканская Республика, а также «турецко-

мусульманское сообщество» северного Кипра и филиппинский Национально-освободительный фронт Моро.

В качестве наблюдателей в ОИС представлены также Движение неприсоединения, Лига арабских государств, Африканский союз и Организация экономического сотрудничества.

[18] Здесь и далее текст Хартии цит. по: Муназзама ат-таавун аль-ислямий. Мисак Аль-Муназзама (Организация исламского сотрудничества. Хартия Организации). – http://www.oic-oci.org/oicv2/page/?p_id=61&p_ref=27&lan=ar.

[19] Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 3369 (XXX) Статус наблюдателя при Организации Объединенных Наций для Исламской Конференции. 10 октября 1975. – http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/788/48/IMG/NR078848.pdf?OpenElement.

[20] Здесь и далее текст Хартии цит. по: Муназзама ат-таавун аль-ислямий. Мисак Аль-Муназзама.

[21] Муназзама ат-таавун аль-ислямий. Иъалян Аль-Кахира хауль хукук аль-инсан фи аль-ислям (Организация исламского сотрудничества. Каирская декларация «Права человека в исламе»). Каир, 31 июля 1990. – http://www.oic-oci.org/arabic/conf/fm/19/human%20rights.htm.

[22] Муназзама ат-таавун аль-ислямий. Мисак Аль-Муназзама.

[23] Муназзама ат-таавун аль-ислямий. Аль-Байян аль-хитамий ли Аль-Муатамар аль-ислямий ли вузара аль-хариджийя фи дауратихи ас-сабиа ва аль-ишрин. Даура «Аль-Ислям ва аль-ауляма» (Организация исламского сотрудничества. Заключительное коммюнике Исламского совещания министров иностранных дел. 27-я сессия. Сессия «Ислам и глобализация»). Куала-Лумпур, 30 июня 2000. – http://www.oic-oci.org/arabic/conf/fm/27/27th-fm-final.htm.

[24] Муназзама ат-таавун аль-ислямий. Аль-Байян аль-хитамий ли ад-даура ат-тариъа ат-тасиъа ли вузара аль-хариджийя (Организация исламского сотрудничества. Заключительное коммюнике 4-й чрезвычайной сессии министров иностранных дел). Доха, 10 октября 2001. – http://www.oic-oci.org/arabic/conf/fm/Ext/doha%20extraordinary%20final.htm.

[25] Муназзама ат-таавун аль-ислямий. Ад-Даура ат-тариъа ли вузара аль-хариджийя би шаан аль-ирхаб. Иъалян Куала-Лумпур би шаан аль-ирхаб ад-дуввалий (Организация исламского сотрудничества. 9-я чрезвычайная сессия совещания министров иностранных дел. Куала-Лумпурская декларация «О международном терроризме»). Куала-Лумпур, 3 апреля 2002. – http://www.oic-oci.org/arabic/conf/fm/Ext/11th-ext-icfm.htm.

[26] Муназзама ат-таавун аль-ислямий. Мисак Макка Аль-Мукаррама ли таазиз ад-тадамун аль-ислямий (Организация исламского сотрудничества. Мекканская хартия укрепления исламской солидарности). Мекка, 15 августа 2012. – http://www.oic-oci.org/arabic/conf/is/ex-4/is_ex4_pact_ar.pdf.

[27] Муназзама ат-таавун аль-ислямий. Аль-Байян аль-хитамий ли ад-даура ат-тасиъа ва аль-ишрун ли вузара аль-хариджийя (Организация исламского сотрудничества. Заключительное коммюнике 29-й сессии совещания министров иностранных дел). Хартум, 27 июня 2002. – http://www.oic-oci.org/arabic/conf/fm/29/29%20icfm-final-a.htm.

[28] Organization of Islamic Cooperation. Final Communiqué of the annual Coordination Meeting of Foreign Ministers of the OIC Member States, United Nations Headquarter – N.Y., 17 September 2002. – http://www.oic-oci.org/english/conf/fm/acm/ny2002-FC.htm.

[29] Заключительное коммюнике этого совещания в этой связи подчеркивало: «Совещание приняло “арабскую мирную инициативу”, направленную на решение палестинской и ближневосточной проблемы, утвержденную состоявшимся в Бейруте, столице Ливанской Республики, 28 марта 2002 г. 14-м арабским саммитом. Совещание приняло решение использовать все средства и возможности для продвижения этой инициативы, разъяснения различных аспектов ее содержания и завоевания международной поддержки для ее реализации». – Муназзама ат-таавун аль-ислямий. Аль-Байян аль-хитамий ли ад-даура ат-тасиъа ва аль-ишрун ли вузара аль-хариджийя.

[30] Муназзама ат-таавун аль-ислямий. Муназзама ат-таавун аль-ислямий тушарик фи аль-муатамар ад-дуввалий ли аль-манихин ли иаъда иъамар Газа (Организация исламского сотрудничества. Организация исламского сотрудничества принимает участие в международном форуме доноров для реконструкции Газы). 12 октября 2014. – http://www.oic-oci.org/oicv2/topic/?t_id=9397&t_ref=3749&lan=ar.

[31] Муназзама ат-таавун аль-ислямий. Ифтитах аль-иджтимаа ат-тансикий ас-санавий ли вузара хариджийя Муназзама ат-таавун аль-ислямий ва кадая Газа ва аль-ирхаб ва Эбола ва аль-маръа татасаддир джадваль аль-аамаль (Организация исламского сотрудничества. Открытие ежегодного координационного совещания министров иностранных дел Организации исламского сотрудничества. Вопросы, связанные с Газой, терроризмом, Эболой и ролью женщин, занимают ведущее место в его повестке дня). Нью-Йорк, 27 сентября 2014. – http://www.oic-oci.org/oicv2/topic/?t_id=9368&ref=3739&lan=ar.

[32] Муназзама ат-таавун аль-ислямий. Калима аль-устаз Ияд Мадани Аль-Амин аль-амм ли Муназзама ат-таавун аль-ислямий амам ад-даура аль-вахида ва аль-арбаин ли Маджлис вузара аль-хариджийя (Организация исламского сотрудничества. Выступление Ияда Мадани, Генерального секретаря Организации исламского сотрудничества, на 41-й сессии Совещания министров иностранных дел). Джидда, 18 июня 2014. – http://www.oic-oci.org/oicv2/topic/?t_id=9148&ref=3666&lan=ar.

[33] Муназзама ат-таавун аль-ислямий. Карарат аш-шуун ас-сиясийя ас-садыра ан ад-даура ат-тасиъа ва ас-салясин ли Муатамар вузара аль-хариджийя (Организация исламского сотрудничества. Резолюции по политическим вопросам, принятые 39-й сессией совещания министров иностранных дел). Джибути, 17 ноября 2012. – http://www.oic-oci.org/arabic/conf/fm/39/POL-RES%20Rev%202_%20ARABIC-2.pdf.

[34] Муназзама ат-таавун аль-ислямий. Байян Аль-Кахира аль-хитамий (Организация исламского сотрудничества. Заключительное заявление Каирского саммита). Каир, 7 февраля 2013. – http://www.oic-oci.org/external_web/is/12/ar/docs/final/CFC-12-SUM-Final%20Arabic-revised.pdf.

[35] Муназзама ат-таавун аль-ислямий. Карарат аш-шуун ас-сиясийя ас-садыра ан ад-даура ас-самина ва ас-салясин ли иджтимаа вузара аль-хариджийя (Организация исламского сотрудничества. Решения по политическим вопросам 38-го совещания министров иностранных дел). Астана, 30 июня 2011. – http://www.oic-oci.org/38cfm/ar/documents/res/POL-Res2.pdf.

[36] Муназзама ат-таавун аль-ислямий. Карарат аш-шуун ас-сиясийя ас-садыра ан ад-даура ат-тасиъа ва ас-салясин ли иджтимаа вузара аль-хариджийя.

[37] Муназзама ат-таавун аль-ислямий. Аль-Карарат ас-садыра ан ад-даура аль-истиснаийя ар-рабиа ли муатамар аль-кымма аль-ислямий (Организация исламского сотрудничества. Резолюции IV чрезвычайного саммита). Мекка, 15 августа 2012. – http://www.oic-oci.org/arabic/conf/is/ex-4/is_ex4_res_ar.pdf.

[38] Там же.

[39] Муназзама ат-таавун аль-ислямий. Иъалян Джибути.

[40] Муназзама ат-таавун аль-ислямий. Байян Аль-Кахира аль-хитамий.

[41] Муназзама ат-таавун аль-ислямий. Калима Аль-Амин аль-амм Ияд Мадани фи аль-джальса аль-ифтитахийя ли муатамар «Женев-2» хауль Сурия (Организация исламского сотрудничества. Выступление Генерального секретаря Ияда Мадани на открытии конференции «Женева-2» по Сирии). Монтре, 2 февраля 2014. – http://www.oic-oci.org/oicv2/topic/?t_id=8844&ref=3547&lan=ar.

[42] Муназзама ат-таавун аль-ислямий. Мисак Макка Аль-Мукаррама ли таазиз ад-тадамун аль-ислямий.

[43] Муназзама ат-таавун аль-ислямий. Муназзама ат-таавун аль-ислямий тудин макталь ас-сухуфий аль-америкий ва тадъум аль-джухуд ад-дуввалийя ли муваджаха танзым ДАИШ (Организация исламского сотрудничества. Организация исламского сотрудничества осуждает убийство американского журналиста и поддерживает международные усилия,

направленные на противостояние ИГИЛ). 22 августа 2014. – http://www.oic-oci.org/oicv2/topic/?t_id=9296&ref=3714&lan=ar.

[44] Муназзама ат-таавун аль-ислямий. Муназзама ат-таавун аль-ислямий тураххиб би ад-даава аль-ляти атлакаха ар-раис Обама ли муваджаха аль-фикр аль-мутатарриф (Организация исламского сотрудничества. Организация исламского сотрудничества приветствует призыв президента Обамы о противостоянии экстремистской идеологии). 25 сентября 2014. – http://www.oic-oci.org/oicv2/topic/?t_id=9364&ref=3737&lan=ar.

[45] Здесь и далее: Муназзама ат-таавун аль-ислямий. Аджхиза Аль-Муназзама (Организация исламского сотрудничества. Органы Организации). – http://www.oic-oci.org/oicv2/home/?lan=ar.

[46] Учетная единица, равная единице специальных прав заимствования Международного валютного фонда.

[47] Эти нормы – модификация методов традиционной банковской деятельности применительно к условиям жизни и образу мышления в мусульманских странах, а не принципы, определяемые цивилизацией ислама.

[48] Муназзама ат-таавун аль-ислямий. Мисак Макка Аль-Мукаррама ли таазиз ад-тадамун аль-ислямий.

[49] Муназзама ат-таавун аль-ислямий. Калима Мааля Аль-Амин аль-амм ли Муназзама ат-таавун аль-ислямий ас-сайид Ияд Мадани фи Муатамар хивар аль-хадарат (Организация исламского сотрудничества. Выступление Его Превосходительства Генерального секретаря Организации исламского сотрудничества Ияда Мадани на Конференции диалога цивилизаций). Вена, 6 мая 2014. – http://www.oic-oci.org/oicv2/topic/?t_id=9037&ref=3623&lan=ar.

[50] Здесь и далее: Президент России. Начало встречи с муфтиями духовных управлений мусульман России.

[51] Как об этом говорил глава российского внешнеполитического ведомства С. Лавров, «если говорить о коалиции, то давайте ее сформируем, примем соответствующее решение в Совете Безопасности, которое будет опираться на международное право». Далее, имея в виду позицию Соединенных Штатов и их региональных союзников – Саудовскую Аравию и страны ССАГЗ в отношении официального сирийского правительства, он подчеркивал: «Подчинять борьбу с терроризмом геополитическим устремлениям и наказывать неугодные режимы неправильно и даже аморально, а самое главное – контрпродуктивно». – Министерство иностранных дел Российской Федерации. Выступление и ответы на вопросы министра иностранных дел России С.В. Лаврова на открытой лекции по актуальным вопросам внешней политики Российской Федерации. Москва, 20 октября 2014. – http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/B67488BB3E659D8444257D77004CCED0.

[52] Россия же, по словам С. Лаврова, продолжает считать неверным шагом отказ ее партнеров по конференции «Женева-2» пригласить к участию в ней Иран и рассматривает как недопустимый поступок то, что «на Парижскую мирную конференцию по проблеме противодействия т.н. “Исламскому государству” не пригласили Иран и Сирию, хотя … они являются абсолютно объективными союзниками в борьбе против этой угрозы». – Там же.

[53] Ильяс Умарханов: саммит России и ОИС стал территорией созидания, инноваций и сотрудничества. 4 октября 2013. – http://council.gov.ru/press-center/news/35487.

[54] Камиль Исхаков: «Идея создания представительства России при ОИК у Путина возникла в начале 2006 года» // Исламская экономика, бизнес, финансы. 19.06.2011. – http://www.muslimeco.ru/opubl/134.

Г.Г.Косач

САУДОВСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА: «АРАБСКАЯ ВЕСНА» И ВРЕМЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОТРЯСЕНИЙ

Саудовская Аравия – «консервативное государство»[1] и «региональная держава»[2]. Обычные для саудовского дискурса определения означают, в том числе, что проводимый этой «державой» внешнеполитический курс (использующий принципиально важные инструменты – статус ведущей нефтедобывающей державы и «страны, где расположены Две Благородные Святыни[3]») направлен на сохранение существующего положения и обеспечение стабильности в важном для его «правящего класса» регионе – Ближнем Востоке, понимаемом как пространство всего арабского мира. Характеризуя саудовскую внешнюю политику, министр по делам Национальной гвардии принц Мутаб бен Абдалла считал необходимым подчеркнуть: «Королевство стоит на стороне народов и легитимных режимов, а не группировок, которые, обеспечивая собственное продвижение к власти, выдвигают иллюзорные лозунги». Речь шла о нынешней региональной ситуации – последовавшими за «арабской весной» взрывом насилия, дестабилизацией положения в окружающем Саудовскую Аравию пространстве, ростом влияния религиозного экстремизма и действиями международной коалиции (созданной при непосредственном саудовском участии) против «Исламского государства». Развивая уже высказанную им мысль, саудовский сановник замечал: «Королевство Саудовская Аравия – ключевая держава региона. Эта держава содействует делу мира, поддерживая региональную … стабильность»[4].

Региональные рамки саудовской внешней политики не только не исключали, но, напротив, предполагали ее стратификацию, выделяя приоритеты дипломатической деятельности в пределах пространства Ближнего Востока. Говоря об этой деятельности, документ министерства иностранных дел отмечал, что саудовский курс вытекает из «принципов, констант и

фактов географии, истории, религии, экономики и безопасности», определяющих приоритеты политики в ближневосточном пространстве – «круг стран Залива и круг стран арабо-мусульманского мира»[5]. Региональное пространство Ближнего Востока вписывалось в более широкий геополитический ареал – мусульманский мир, где Саудовская Аравия выступала как «центр притяжения» для последователей одной из мировых религий вне зависимости от того, являются ли они большинством населения в их стране или меньшинством в тех государствах, которые саудовский «политический класс» рассматривает как «мир ислама».

Все эти обстоятельства определили саудовскую внешнюю политику на протяжении периода, начавшегося в 2011 г. – времени «арабской весны» и последовавшей за ней эпохи нестабильности в пределах ближневосточного пространства. Инструментами этой политики (порой в значительно большей мере, чем раньше) стали объединяющие это пространство (или его субрегионы) региональные структуры – Совет сотрудничества арабских государств Залива (ССАГЗ) и Лига арабских государств (ЛАГ)[6]. Для этого существовали важные основания.

В начале февраля 1981 г. саудовская политика в зоне Залива добилась важного успеха: на совещании министров иностранных дел шести стран этой зоны в Эр-Рияде было провозглашено создание ССАГЗ, оправдывавшееся существующими между ее членами «историческими узами, географической близостью, сходством политических и экономических систем»[7]. Определяя значение этой организации для Саудовской Аравии, саудовский политолог подчеркивал, что ССАГЗ возник как «консервативный» центр силы, призванный стабилизировать региональную ситуацию, «противодействуя религиозному и светскому радикализму»[8], и в силу этого обстоятельства стал «приемлем» для создавших его государств, «обеспечивая минимум региональной стабильности». Саудовская Аравия, будучи страной с длительной (на фоне иных членов Совета сотрудничества) традицией суверенной государственности, претензиями на особую роль в мусульманском мире, географической протяженностью и значительным (по сравнению с другими странами-членами) человеческим, хозяйственным и военным потенциалом, стала несущей конструкцией ССАГЗ.

Созданная в 1945 г. ЛАГ (Саудовская Аравия выступила как одна из независимых в то время арабских стран, основав-

ших эту организацию) лишь в малой степени выполняла провозглашавшуюся ею в эпоху формирования задачу – содействовать сохранению статус-кво внутри примкнувших к ней стран, а также в отношениях между этими странами[9]. Возникшая в арабском мире после 1952 г. (благодаря действиям второго египетского президента Гамаля Абдель Насера) ситуация межблокового противостояния (воплощавшаяся в противопоставлении «прогрессивных» стран этого региона и их противников – «реакционных» государств, одним из которых провозглашалась Саудовская Аравия[10]) распространила на Ближний Восток принципы господствовавшего в мире «конфликтного взаимодействия» эпохи «холодной войны». Поражение Египта в арабо-израильской войне в июне 1967 г. изменило соотношение сил в ЛАГ: ведущей силой в ее рядах все более очевидно становились «консервативные» государства зоны Залива, влияние которых ощутимо росло после создания ССАГЗ.

Вновь возникавшее на Ближнем Востоке в связи с «арабской весной» положение (том числе, и в связи с революционными изменениями в Египте) лишь усиливало позиции стран Совета сотрудничества, выдвигая вперед его руководящую державу – Саудовскую Аравию. Действуя в рамках ЛАГ и диктуя ей принципы поведения (всем решениям ЛАГ последнего времени предшествовали решения ССАГЗ), саудовская внешняя политика выводила эту организацию из состояния паралича, во многом определяя позицию Лиги в связи с событиями «арабской весны» и последующих лет.

I

Если использовать слова уже цитировавшегося саудовского политолога, Саудовская Аравия рассматривала страны ССАГЗ как «свой стратегический тыл»[11]. Защиту этого «тыла», как продемонстрировали бахрейнские волнения конца зимы-весны 2011 г., Саудовская Аравия рассматривала как не терпящую отлагательств внешнеполитическую задачу.

Начавшись 14 февраля 2011 г. на Жемчужной площади[12] Манамы, эти волнения были приурочены к очередной годовщине провозглашения в 2002 г. Хартии национального действия, санкционировавшей принятие новой конституции, согласно которой Бахрейн стал конституционной монархией.

Инициируя выступления в центре бахрейнской столицы, парламентская оппозиция (как шиитская, так и суннитская) считала необходимым изменить действующий основной закон с тем, чтобы право формирования правительства принадлежало бы победившей на парламентских выборах группе политического действия. Список требований начального этапа бахрейнских событий включал «принятие конституции, согласованной с народом», «освобождение политических заключенных». Важнейшими положениями этого списка выступали «ликвидация дискриминации шиитов» и «отказ от практики предоставления гражданства по политическим мотивам». Оппозиция обвиняла власть в том, что бахрейнское гражданство – инструмент, используемый для увеличения числа лояльных граждан суннитского происхождения, в том числе, за счет политически благонадежных иностранцев, поступающих на службу в вооруженные силы или органы государственной безопасности[13].

Применение силы для разгона митинга на Жемчужной площади (и как ее следствие – гибель нескольких его участников) радикально изменило ситуацию: ведущая фракция парламента (получившая на выборах 2010 г. 18 из 40 мест нижней палаты) – шиитское «Исламское объединение национального согласия» заявило о приостановке своей деятельности в Палате депутатов. Вместе с тем его требования сохраняли общедемократический характер, практически не отличаясь от лозунгов второй группы протестной оппозиции – созданного в феврале 2011 г. Блока национального единства, объединившего суннитские организации (салафитов и «Братьев-мусульман»), некоторые шиитские группировки, а также выходцев из христианской и иудейской общин. Речь шла об «освобождении арестованных» в ходе февральских волнений, «привлечении к ответственности виновных в гибели людей», «участии народа в принятии политического решения». Лозунгом всех сторонников перемен был призыв: «Сунниты и шииты – братья: вот страна, к которой мы стремимся!». В начале марта 2011 г. «Исламское объединение национального согласия» приняло предложение короля о «национальном диалоге»[14].

Крайние группы шиитской оппозиции, тем не менее, продолжили организацию протестных выступлений, как продолжалось и применение силы для их разгона. В начале марта 2012 г. вновь образованный вернувшимися из эмиграции в Тегеране шиитскими религиозными деятелями блок «Коалиция во имя

республики» выдвинул требование ликвидации монархии[15]. Считая, что действия крайних шиитских организаций открывают путь к «иранской оккупации и последующему поглощению» страны, король Хамад бен Иса Аль Халифа и высший военно-политический истеблишмент обратились за помощью к Саудовской Аравии. Оценивая положение на Бахрейне как итог «действий Ирана», вызвавших к жизни «межконфессиональные трения и религиозный экстремизм», саудовский «правящий класс» добился подтверждения своей точки зрения всеми членами ССАГЗ[16] и поддержки ЛАГ, принявшей 22 марта 2011 г. специальное заявление, подчеркивавшее «недопустимость внешнего вмешательства», важность «сохранения арабо-исламской идентичности Бахрейна» и «законность ввода сил “Щит полуострова” на его территорию»[17].

Итогом развития событий в этом направлении стала передислокация части совместных сил ССАГЗ «Щит полуострова» (большую часть которых составили саудовские вооруженные формирования) на территорию страны-участницы этой региональной организации. Обнародованное в этой связи официальное обращение подчеркивало: «Передовые отряды сил “Щит полуострова” прибыли в Королевство Бахрейн для того, чтобы не дать возможности добиться успеха тем, кто стремится подорвать стабильность и внести раскол в ряды его граждан»[18]. Не принимая участия в подавлении протестных выступлений, спорадически продолжавшихся и далее, эти «отряды» ограничили свою миссию решением вопросов внешней безопасности королевства.

Характеризуя в начале апреля 2011 г. развитие положения на Бахрейне, распространенный саудовским кабинетом министров пресс-релиз подчеркивал, что переброшенные в Манаму силы ССАГЗ и, в первую очередь, «входящие в эти силы саудовские формирования содействовали отражению внешних попыток дестабилизировать ситуацию в братском государстве»[19]. Уже позже, возвращаясь к этой ситуации, саудовский сановник отмечал, что «активное участие формирований “Щит полуострова” в событиях на Бахрейне положило предел возможностям роста экстремизма и исключило его воздействие на социально-политические процессы», создав условия для «обуздания иранских посягательств»[20].

Внимание к развитию ситуации на Бахрейне и в дальнейшем оставалось центральным звеном саудовской политики

в зоне Залива. Рассматривая бахрейнские события 2011 г. как часть общего курса Ирана на дестабилизацию регионального положения при «опоре на радикальные шиитские организации» в странах ССАГЗ (включая и саудовскую Восточную провинцию), саудовские аналитики считали необходимым подчеркнуть, что Иран стремится создать в этих странах «всеобъемлющее и активное фундаменталистское шиитское политическое движение»[21]. Опасность его формирования, по их мнению, была связана, в первую очередь, с тем, что в регионе Залива возникает «ориентированный на Иран политический союз радикальных сил, представленных не только шиитскими активистами», но и «широким и конфессионально разношерстным кругом противников умеренных государств (стран ССАГЗ – *Г.К.*): “Братьями-мусульманами”, Хизбаллой, а также последователями «Исламского государства Ирака и Леванта» (ИГИЛ). Действуя в этом направлении, «шиитские активисты» опираются на Иран, пропагандируя «идею вековой угнетенности» шиитских меньшинств и необходимости «немедленного изменения этого положения». Бахрейн в этом отношении выглядел, с точки зрения саудовских аналитиков, как «слабое звено регионального содружества умеренных государств».

Этот вывод, вместе с тем, вовсе не означал, что саудовская политика в зоне Залива включала, в том числе, и стремление содействовать сохранению ситуации «отчуждения» шиитских меньшинств (но также и значительного сегмента бахрейнского населения) от их суннитских соседей. Саудовский внутриполитический курс в отношении шиитов после октября 2011 г., когда в городе Эль-Авамийя (Восточная провинция) вспыхнули волнения шиитской молодежи, начавшиеся после ареста местного радикального активиста шейха Нимра Ан-Нимра, испытывал очевидную тенденцию трансформации. Вновь провозглашенный королем Абдаллой бен Абдель Азизом курс «осторожной открытости» содействовал повышению уровня интеграции шиитов в саудовское общество: шиитская интеллигенция была включена в реализацию программ «национального диалога», сопровождающегося контактами богословов обоих направлений ислама. На шиитских религиозных лидеров была распространена система принесения присяги правящему монарху (*аль-бейъа*). Представители шиитского сообщества были введены в состав назначаемого монархом Консультативного совета, господствуя в муниципальных советах шиитских

населенных пунктов, в которых они стали депутатами в ходе выборов 2005 и 2012 гг.[22]. Саудовская дипломатия содействовала тому, чтобы идентичный курс стал реальностью и на Бахрейне.

Считая необходимым подчеркнуть, что движение к большей интеграции шиитского сегмента бахрейнского общества должно определяться на основе уже сложившейся в этой стране политической системы, саудовский истеблишмент приветствовал предпринятые королем Бахрейна Хамадом бен Исой Аль Халифа шаги к реанимации этой системы. Прошедшие на Бахрейне 22 ноября 2014 г. парламентские и муниципальные выборы продемонстрировали не только высокий уровень участия в них шиитского населения страны, но и поражение местных радикалов[23]. Определяя саудовское отношение к их итогам, саудовский монарх отмечал в направленной им поздравительной телеграмме королю Бахрейна, что итоги выборов «продемонстрировали сплоченность руководства и народа Бахрейна, представленного всеми его группами», а также важность последующего движения этой страны «по пути все более углубляющихся реформ на благо всех бахрейнских граждан»[24].

Ситуация на Бахрейне содействовала большей кристаллизации саудовской позиции в отношении ССАГЗ. Выступая 4 декабря 2011 г. в Эр-Рияде на международной конференции «Залив и мир», саудовский министр иностранных дел Сауд Аль-Фейсал говорил, что события конца 2010-2011 гг. показали, что «в арабском регионе происходят глубокие и серьезные изменения, ставящие вопросы о территориальной целостности составляющих его государств, безопасности и гражданском мире»[25]. Меняя политические режимы, содействуя продвижению к вершине власти ранее маргинальных движений и создавая новые возможности для расширения сферы «деструктивной» деятельности внерегиональных сил, «арабская весна» стала вызовом для государств ССАГЗ.

Этот вызов, как замечал в дальнейшем саудовский государственный министр иностранных дел Низар бен Убейд Мадани, выступая на состоявшемся в начале декабря 2014 г. в Манаме X заседании «Манамского диалога», был сконцентрирован в двух сферах: «внутренний аспект и внутреннее положение в государствах Совета сотрудничества» и «внешний аспект, связанный с действиями государств-соседей»[26]. Ответом на этот вызов было стремление сохранить стабильность Ближнего Востока. Саудовскую Аравию волновали не столько

политические изменения в той или иной стране, сколько ликвидация внутренних конфликтов или исключение их вспышки, в первую очередь в зоне Залива. Действуя одновременно и в направлении объединения иных «консервативных» (понимаемых, в частности, как государства с монархической системой правления) центров арабского мира, Саудовская Аравия предпринимала шаги, направленные на структурную перестройку ССАГЗ.

Реализуя это саудовское начинание, в мае 2011 г. ССАГЗ объявил о поэтапном включении в его состав Иордании и Марокко, что позволило бы создать «расширенный регион Залива»[27]. Соображения, связанные с региональной безопасностью, занимали не последнее место в списке «выгод», которые ССАГЗ получил бы в случае реализации проекта «расширения». Как отмечал саудовский аналитик, работающий в аппарате ССАГЗ, «условием вступления в Совет сотрудничества выступает присоединение к Соглашению о совместной обороне и укрепление коллективной обороны в условиях роста современных угроз». Далее он замечал, что речь должна идти и о «присоединении к Соглашению о безопасности», что предполагает «тесное сотрудничество и координацию действий для противостояния региональным вызовам»[28].

Открывая 19 декабря 2011 г. в Эр-Рияде очередную сессию Высшего совета ССАГЗ, король Абдалла бен Абдель Азиз, обращаясь к главам государств Залива, говорил об «эпохе вызовов, требующих бдительности». Подчеркивая же, что если страны Совета сотрудничества не хотят «столкнуться к забвением и слабостью», то они обязаны «перейти от этапа сотрудничества к этапу союза – *иттихад*», предполагающему отказ от части национального суверенитета[29] или, как в дальнейшем отмечал высший чиновник саудовского внешнеполитического ведомства, ссылаясь на бахрейнский опыт, способствующему ликвидации «причин внутренних конфликтов» в странах ССАГЗ[30]. В Саудовской Аравии инициатива короля Абдаллы была охарактеризована как «выражение общей ответственности глав государств Совета в условиях, когда арабская нация переживает бросающую вызовы эпоху своего развития»[31]. Официально поддержав предложение саудовского монарха, правители этих стран «проявили ответственность перед лицом вызовов, бросаемых арабской нации»[32].

Реализация связанной с «союзом» государств Совета сотрудничества инициативы не кажется делом обозримого буду-

щего, а «ответственность» глав государств ССАГЗ скорее формальна, прежде всего в силу опасений, связанных с усилением саудовского влияния. Если (по понятным и объяснимым причинам) безусловным сторонником «союза» выступает Бахрейн (однако эта идея неприемлема для оппозиции, организовавшей в начале мая 2012 г. в Манаме акции протеста против поддержки правительством предлагаемой Саудовской Аравией перестройки Совета сотрудничества), то иные государства ССАГЗ далеки от того, чтобы немедленно поддержать инициативу саудовского монарха. Пресс-релиз состоявшегося в Джидде 2 сентября 2012 г. Министерского совета ССАГЗ подчеркивал, что «в свете замечаний государств-членов» ее реализация требует «большего времени и дополнительных консультаций»[33].

Тем не менее движение к расширению сфер интеграционных процессов в рядах Совета, инициируемое ведущей державой этой организации и ставшее «консервативным» ответом на вызов «арабской весны» и последовавшей за ней дестабилизацией Ближнего Востока, представляет собой сегодня тенденцию, направленную на восстановление региональной безопасности. Отталкиваясь от обновленного понимания «консервативности», саудовская политика устремлена к тому, чтобы в максимально возможной степени исключить внешние силы (Иран в первую очередь) и их союзников из числа игроков на арабском геополитическом пространстве, а также смягчить последствия политических изменений в регионе. Как подчеркивало, в частности, заключительное коммюнике состоявшегося в конце ноября 2014 г. в Дохе совещания Министерского совета ССАГЗ с участием министров иностранных дел Иордании и Марокко, участники совещания «выражают глубокую тревогу в связи с иранским вмешательством во внутренние дела государств Совета сотрудничества, считая необходимым положить конец этим действиям, которые не служат делу безопасности и стабильности региона»[34].

По мнению высших представителей саудовского «правящего класса», для этого были веские причины. Выступая 4 декабря 2011 г. на состоявшейся в Эр-Рияде международной конференции «Залив и мир», глава саудовского внешнеполитического ведомства определял необходимость движения государств ССАГЗ к большему взаимодействию «иранским вмешательством во внутренние дела стран Залива», а также вероятностью создания иранского ядерного оружия, способного

стать «серьезной угрозой региону»[35]. Этот аспект проблемы затрагивался в ходе работы той же конференции и в выступлении руководителя (в то время) Управления общей разведки принца Мукрана бен Абдель Азиза: «Падение режима Саддама Хусейна, – отмечал он, – и появление Ирана в качестве военной силы, обладающей ядерными амбициями, увеличило число вызовов, бросаемых странам Залива. Это обстоятельство усиливает их стремление добиваться еще большего сплочения, в том числе и для обуздания Ирана»[36]. В свою очередь, также участник конференции, бывший глава службы общей безопасности и посол в Великобритании и Соединенных Штатах принц Турки Аль-Фейсал, выдвигая саудовское «видение будущего», подчеркивал: «Страны Залива должны играть более эффективную роль в мире, защищая свои интересы и действуя в направлении выработки общих решений в сфере политики, экономики, безопасности и военного дела, включая и пересмотр своего отношения к незыблемости национального суверенитета»[37].

Саудовский курс на превращение Совета сотрудничества в «союз» имел непосредственное отношение к укреплению совместной обороны и безопасности регионального пространства. Принципиально важным показателем этого курса стала договоренность глав государств ССАГЗ о создании «единого военного командования государств Залива», достигнутая в декабре 2013 г. на саммите в Эль-Кувейте. Это «единое военное командование» будет располагаться в Эр-Рияде[38]. Еще ранее, в ноябре 2012 г., на рассмотрение глав государств Совета сотрудничества было представлено Соглашение о взаимодействии в сфере безопасности, утвержденное ими на декабрьском саммите того же года в Манаме. Провозглашая целью ССАГЗ «защиту безопасности и стабильности государств Совета сотрудничества и достижение ими еще более высоко уровня сотрудничества в борьбе со всеми формами преступности», оно предполагало обмен информацией, включая и личные данные граждан стран Совета, а также проживающих в них иностранцев, а также самое широкое сотрудничество между национальными специальными службами. Названный документ был подписан в ноябре 2013 г. в саудовской столице[39].

Используя это Соглашение в качестве предлога для обуздания активной внешнеполитической деятельности Катара (стремившегося стать вторым «центром силы» ССАГЗ, объединяющим «малые государства» в рядах Совета), Саудовская

Аравия, поддержанная Бахрейном и Объединенными Арабскими Эмиратами (ОАЭ), в начале марта 2014 г. отозвала своего посла из катарской столицы. Это был беспрецедентный для Совета сотрудничества шаг, осуществленный, в первую очередь, для укрепления саудовских позиций в рамках регионального объединения стран Залива и противодействия осуществлявшимся Катаром контактам с теми политическими структурами («Братья-мусульмане» были одной из них, а из Дохи велась кампания, направленная против пришедшего в Египте на смену Мухаммеду Мурси президента Абдель Фаттаха Ас-Сиси), которые рассматривались в Эр-Рияде как «террористические» и действующие в фарватере иранской региональной политики. Опубликованное 5 марта 2014 г. совместное саудовско-бахрейнско-эмиратское заявление обвиняло Катар в том, что он «не следует в русле общей политики Совета сотрудничества», «вмешивается во внутренние дела государств-членов» организации, «не выполняет подписанное его эмиром Соглашение о взаимодействии в сфере безопасности», развивая взаимодействие с «организациями и лицами, представляющими непосредственную угрозу безопасности и стабильности государств-членов Совета»[40].

Руководствуясь, как это не раз подчеркивали в Эр-Рияде, «заботой о безопасности братских государств», Саудовская Аравия стремилась оказать максимально возможное давление на своего партнера по региональной организации. Итогом этого давления стала ликвидация действовавших в Дохе руководящих структур египетских «Братьев-мусульман», а также заявления катарского эмира Тамима бен Хамада Аль Тани о том, что его страна «не финансирует сирийских и иракских террористов», «никогда не поддерживала и не будет поддерживать экстремистские организации»[41].

Лишь в середине ноября 2014 г. «“семейный конфликт” арабских монархий Залива»[42], как писала российский исследователь, был завершен. Официальное коммюнике о состоявшейся 16 ноября 2014 г. в Эр-Рияде встрече глав государств Саудовской Аравии, Бахрейна, Катара, Кувейта и ОАЭ (под председательством саудовского монарха) сообщало о достижении «согласия» между странами ССАГЗ (включившего и возвращение послов трех членов этой организации в Доху). Тем самым, как подчеркивалось в этом документе, процесс «созидания Совета сотрудничества арабских государств Залива будет

опираться на прочный фундамент и еще более близкое сближение» этих государств. Став «новой страницей в истории» Совета, Эр-Риядское совещание «содействовало дальнейшему процессу совместных действий в направлении формирования сильного и сплоченного образования (*киян*) в регионе Залива». Необходимость такого «образования» (понимавшегося как преддверие «союза» – *Г.К.*) определялась сложными условиями, переживаемыми регионом Залива, требующими [от стран-членов Совета сотрудничества] предпринять еще больше усилий и укрепить их сплоченность для защиты безопасности и стабильности этого региона»[43].

II

События 2011 г. и последующих лет, менявшие положение в окружающем Саудовскую Аравию арабском геополитическом регионе, заставляли эту державу в еще большей мере, чем ранее, содействовать если не восстановлению ранее существовавшего статус-кво, то, по крайней мере, смягчению их воздействия на это пространство.

«Королевство Саудовская Аравия, – отмечал пресс-релиз состоявшегося 11 июля 2011 г. заседания совета министров, когда впервые была высказана саудовская точка зрения на развитие ситуации в арабском мире, – выражает свое сожаление и глубоко скорбит в связи с тем, что кризисные ситуации в ряде арабских стран привели к жертвам. Королевство призывает всех прислушаться к голосу разума, прекратить кровопролитие и начать процесс серьезных реформ, способных обеспечить права и защитить честь граждан»[44].

Развивая эти положения, министр иностранных дел принц Сауд Аль-Фейсал, выступая на конференции «Залив и мир», говорил, что «в арабском регионе происходят беспрецедентно глубокие и серьезные изменения, ставящие вопрос как о территориальной целостности составляющих его государств, безопасности и гражданском мире, так и о законности чаяний их народов»[45]. Эти идеи высказывал и руководитель саудовской разведки принц Мукран бен Абдель Азиз, отмечавший в ходе той же конференции, что «“арабская весна” внесла в систему межарабских отношений радикальные изменения», а «призывы к реформам оборачиваются анархией»[46].

Саудовская «консервативность» выглядела все же как селективная, что проявило себя прежде всего в отношении к переменам власти. Если в случае Туниса саудовская позиция едва ли артикулировалась (хотя предоставление убежища бывшему президенту Зейну Аль-Абидину Бен Али и отказ выдать его новым властям[47] показательны), то развитие ситуации в Египте, соседе Саудовской Аравии и ее стратегическом региональном партнере, вызывало резкое неприятие. В свою очередь, сложный характер саудовско-ливийских отношений последних лет (в Саудовской Аравии говорили о «раскрытии заговора ливийского режима с целью убийства короля Абдаллы бен Абдель Азиза»[48]) определил основные элементы ее курса в отношении Ливии.

Этот курс (далекий от того, чтобы детально артикулироваться) отталкивался от негласной поддержки противников Муаммара Каддафи (но первоначально и курса Катара в отношении внутриливийского конфликта), деятельности в рамках Совета сотрудничества[49] и ЛАГ[50], направленной на то, чтобы утвердить «нелегитимность ливийского режима», поддержку плана создания «зоны, запретной для полетов», и перенос «ливийского досье» на рассмотрение Совета Безопасности ООН. Итогом этого курса стала инициатива Ливийского переходного совета о восстановлении в начале января 2012 г. полномасштабных саудовско-ливийских отношений, предполагающих «свободу экономической деятельности саудовских граждан в Ливии» и «поощрение саудовских капиталовложений»[51]. В дальнейшем, укрепляя контакты с правительством А.Ф. Ас-Сиси, саудовский политический истеблишмент считал возможным ограничиться поддержкой египетских действий, направленных на достижение внутриливийского урегулирования, видя (теперь уже) свою задачу в ограничении попыток Катара расширить сферу его влияния в Ливии, используя для этого контакты с исламистскими политическими структурами[52].

Египет. В ходе состоявшегося 30 января 2011 г. телефонного разговора между Абдаллой бен Абдель Азизом и президентом Бараком Обамой саудовский монарх подчеркивал: «Стабильность Египта, благополучие и безопасность его народа не могут являться предметом шантажа или объектом нападок». Король утверждал, что события в этой стране «сопровождаются разгулом анархии, грабежей и насилия, как и запугивания граждан под предлогом защиты демократических свобод, в частности

свободы слова», – однако, говорил он, имея в виду американскую поддержку идеи отставки Хосни Мубарака, «защита свободы слова сеет ненависть и разрушение»[53]. 10 февраля 2011 г. о событиях в Египте высказался С. Аль-Фейсал. Выступая в Рабате, он заявил, что Египет стал ареной «беспрецедентного вмешательства» в его внутренние дела. Это «вмешательство», по словам главы саудовского внешнеполитического ведомства, было направлено на то, чтобы подтолкнуть «египетский народ» к «свершению излишеств». Продолжая линию саудовского монарха, С. Аль-Фейсал подчеркивал необходимость «мирного решения» кризиса, что позволило бы избежать «разрушительных последствий для стабильности и безопасности» региона[54].

Саудовский «правящий класс» был вынужден признать отставку Х. Мубарака в качестве свершившегося факта (сопровождавшие это событие сообщения о том, что бывший египетский президент якобы прибыл в Саудовскую Аравию, доказывали готовность саудовской стороны предоставить ему политическое убежище). 12 февраля 2011 г. саудовская пресса поместила «заявление ответственного источника», в котором говорилось: «Правительство Королевства Саудовская Аравия приветствует мирный переход власти в братской Арабской Республике Египет. Оно выражает надежду на то, что предпринимаемые вооруженными силами усилия, направленные на восстановление мира, стабильности и спокойствия, увенчаются успехом». В заявлении также говорилось о важности создания контролируемого армией правительства, а также о восстановлении ее усилиями «исторической роли Египта на арабской, исламской и международной арене»[55]. Его текст доказывал, что, дистанцируясь от площади Тахрир, саудовская власть поддержала армию. Это было естественно, т.к. «потеря стратегического союзника – Египта времени Х. Мубарака»[56] лишала саудовский внешнеполитический курс его важнейшей региональной опоры. Эту потерю она стремилась возместить, ориентируясь на ту социальную силу, из рядов которой вышел бывший египетский президент, не оставляя (в дальнейшем) также и попыток доказать «невиновность» Х. Мубарака в предъявлявшихся ему в ходе судебного процесса обвинениях в отдаче приказа о расстреле демонстрантов на площади Ат-Тахрир[57].

В основе саудовского курса в отношении Египта после падения режима Х. Мубарака (как и в тунисском случае после свержения президента Бен Али) лежало важное обстоятель-

ство – выдвижение к власти исламистов: кандидатура М. Мурси (председателя Партии свободы и справедливости – политического крыла Движения «Братья-мусульмане») рассматривалась в Эр-Рияде как «опасная для Египта и всего региона»[58]. Саудовский «правящий класс» был вынужден (в конце июня 2012 г.) признать его успех на президентских выборах. Поздравляя его с победой, саудовский совет министров отмечал, что надеется, что «новый египетский президент будет … содействовать торжеству спокойствия и безопасности», как и «сохранению роли Египта на службе интересов арабской и исламской нации». Логика этой позиции была выражена ведущим обозревателем «Аш-Шарк Аль-Аусат», писавшим 26 июня 2012 г.: «Даже если “Братья” за время своего правления и не оправдают ожиданий, с ними необходимо сближаться, подталкивая их в политически и гуманитарно верном направлении. Политический союз с “Братьями” даст им сигнал о том, что Египет занимает особое место в арабском мире, которое они обязаны сохранить. Регион переживает сегодня время сложных вызовов, – продолжал он, – которые Египет не может преодолеть в одиночестве, а другие арабы – без Египта. В решении всех проблем отношения с Египтом остаются ключевым фактором, вне зависимости от того, что когда-то Египет был монархией, военно-революционной страной или стал сейчас республикой под управлением “Братьев”»[59].

Саудовско-египетские отношения тем не менее вступили в эпоху серьезного кризиса, подогревавшегося улучшением в отношениях Египта с Ираном. 28 апреля 2012 г., руководствуясь указанием короля Абдаллы, министерство иностранных дел Саудовской Аравии заявило о «закрытии посольства Служителя Двух Благородных Святынь в Каире и консульств королевства в египетской столице, а также в Суэце». Саудовский посол был отозван в Эр-Рияд «для консультаций». Излагая причины, толкнувшие саудовскую сторону на жесткие меры (и заявляя, что Саудовская Аравия обратилась в этой связи в ЛАГ), «ответственный правительственный источник» подчеркивал: «Решение было принято после того, как перед зданиями посольства и консульств были проведены неоправданные демонстрации, участники которых пытались взять штурмом эти здания. В ходе демонстраций, – продолжал он далее, – их участники выкрикивали враждебные королевству лозунги, нарушая неприкосновенность дипломатических представительств»[60].

В начале мая 2012 г. для урегулирования кризиса в саудовско-египетских отношениях в Саудовскую Аравию прибыла представительная египетская делегация во главе со спикерами обеих палат парламента – Народного совета и Консультативного совета. Принимая делегацию «египетского народа», саудовский монарх говорил о «совместной истории обеих стран, основанной на единстве религии и помощи правому делу», добавляя, что эта «история не может стать страницей, которую кто-либо способен вычеркнуть из отношений между братьями». Контекст религии становился определяющим для встречи между королем Абдаллой и его египетскими собеседниками, а египтяне, как это вытекало из его речи, разделялись саудовским монархом на тех, кто был «безнравственным, далеким от того, чтобы черпать моральные ценности из исламской доктрины», и тех, «кто честен, кто выступает против любых недоразумений, способных исказить суть отношений между обеими странами». Апелляция к религии не мешала монарху выдвигать требования: «Я полон надежды, – подчеркивал он, – что египетские средства массовой информации либо займут благородную позицию, либо замолкнут»[61]. Слова короля Абдаллы имели серьезные основания, – в Саудовской Аравии начинали говорить о прекращении экономической помощи Египту.

11 июля 2012 г. М. Мурси совершил свой первый зарубежный визит – в Джидду. Итогом его визита стало соглашение об увеличении саудовских капиталовложений в египетскую экономику, чему должны были способствовать обещания о введении льгот для саудовских предпринимателей. Со своей стороны, саудовские собеседники египетского президента предложили «предоставить новые возможности для работы египетской квалифицированной рабочей силы на своей территории»[62].

Вместе с тем, комментируя визит М. Мурси в Саудовскую Аравию, один из авторов «Аш-Шарк Аль-Аусат» писал, что «для Саудовской Аравии принципиально важен вопрос о том, какими будут отношения между Каиром и Тегераном», добавляя, что речь идет не о том, что «государства Залива не желают восстановления дипломатических отношений между Египтом и Ираном, но эти государства хотели бы, чтобы эти отношения не были направлены против безопасности Залива, его арабского характера, как и против национальной безопасности всего арабского региона». Принимая М. Мурси, продолжал этот автор, «в Эр-Рияде хотели знать, мыслит ли Мурси как госу-

дарственный деятель или же он смотрит на эту проблему через призму “Братьев”», там рассчитывали, что «будет проведена черта между Мухаммедом Мурси как одним из руководителей Движения “Братья-мусульмане” в прошлом и им же как президентом значимого государства в будущем»[63]. Как показало дальнейшее развитие событий, в Саудовской Аравии не считали, что египетское исламистское руководство было готово двигаться в этом направлении.

Совершенный 3 июля 2013 г. египетской армией государственный переворот, приведший к насильственному отстранению М. Мурси от власти, был с удовлетворением встречен в Эр-Рияде. В тот же день король Абдалла направил новому главе египетского государства поздравительную телеграмму, в которой он выражал надежду на «крепость рук мужей египетских вооруженных сил, воплощением которых выступает бригадный генерал Абдель Фаттах Сиси». Вооруженные силы, как отмечал саудовский монарх, «вывели Египет из тьмы подземелья»[64]. Саудовский «правящий класс» вновь возвращался к своей точке зрения, считая египетскую армию единственной силой, способной гарантировать стабильность страны – основного регионального союзника Саудовской Аравии. В свою очередь, саудовская пресса расставляла необходимые акценты. Так, уже цитировавшийся ведущий обозреватель «Аш-Шарк Аль-Аусат» писал, что крушение М. Мурси объяснялось тем, что связанный с «Братьями-мусульманами» режим не пошел на создание «широкой демократической системы». Более того, как он отмечал, «проблема “Братьев” может быть сформулирована с помощью одного слова “фашизм”». Если, продолжал он, «нацизм вступил на германскую политическую арену как национальное движение, если так же действовало и движение Муссолини в Италии, если оба этих движения пришли к власти в своих странах демократическим электоральным путем, то и Движение “Братья-мусульмане” также претендовало на звание национального, а придя к власти, как и Гитлер, стало устранять своих конкурентов, заявляя, что реализация национального проекта не терпит противников»[65].

Дальнейшая эволюция саудовской позиции по Египту доказывала, что в Эр-Рияде стремятся к развитию самых тесных контактов с военными властями. Выступая 1 сентября 2013 г. на состоявшемся в Каире Министерском совете ЛАГ, глава саудовского внешнеполитического ведомства С. Аль-Фейсал заявил,

что его страна поддержала новое египетское руководство, «оказав ему необходимую материальную и дипломатическую поддержку». Выступая же на совместной пресс-конференции со своим египетским коллегой, С. Аль-Фейсал заявил: «Я счастлив, что в Египте вновь царит стабильность, а египетский народ в эти трудные дни сплотился вокруг своего руководства. Все это делает нас оптимистами, уверенными в том, что в будущем Египет будет процветающим, что в равной мере относится как к государству, так и к народу этой страны»[66]. В этом контексте саудовская поддержка «сильного человека» Египта, председателя Высшего совета вооруженных сил фельдмаршала А.Ф. Ас-Сиси вытекала из ранее (до «арабской весны») существовавших саудовских связей с египетским военно-политическим истеблишментом.

3 июня 2014 г. (сразу же после объявления о победе А.Ф. Ас-Сиси на президентских выборах) саудовский монарх направил вновь избранному главе египетского государства поздравительную телеграмму, назвав этот день «историческим», «началом выхода Египта из глубокого подземелья», а время нахождения у власти М. Мурси «эпохой анархии». В той же телеграмме король Абдалла сообщил А.Ф. Ас-Сиси о своем стремлении оказать Египту необходимую материальную помощь, как и об организации под саудовской эгидой «конференции доноров для египетского народа»[67]. Состоявшийся 10 августа 2014 г. в Джидде «саудовско-египетский саммит» (встреча саудовского монарха и А. Ф. Ас-Сиси) стал новым подтверждением саудовской заинтересованности в развитии отношений с представленным военными новым египетским руководством. Как отмечал в этой связи С. Аль-Фейсал, эта встреча определяется необходимостью «реформирования положения в арабском мире»: «арабы должны выполнить свой долг в отношении угнетенных палестинских братьев, а также страдающих от смуты сирийцев». Но, по его словам, этот «арабский долг» требовал серьезного внимания к перемещению «смуты в Ирак, как и к незатухающим разногласиям в Ливии». Все эти вопросы, концентрировавшиеся, как замечал саудовский министр иностранных дел, вокруг «проблемы терроризма и вмешательства внешних сил (речь вновь шла об Иране – *Г.К.*) в дела арабского региона», могли быть решены только на основе координации действий двух ведущих государств арабского мира[68].

Сирия. Саудовская позиция в отношении Сирии (как и в ливийском случае) носила на себе отпечаток напряженности в отношениях обеих стран, вытекавшей, как отмечали в саудовской столице, из «ориентации президента Башара Асада на тесные связи» с Ираном[69] и, как следствие этих связей, поддержки сирийским руководством «антиправительственных действий ливанской Хизбаллы», а также ХАМАС. Эскалация протестных выступлений в этой стране создавала повод для воздействия на сирийскую внешнюю политику. Акцент же, ставившийся саудовским «правящим классом» в момент начала этих выступлений на «прекращении кровопролития» и «начале серьезных реформ», не означал, что Саудовская Аравия была заинтересована в немедленном падении сирийского режима (считая, что развитие событий в этом направлении приведет к «неизбежному внутреннему хаосу»), предпочитая путь его последовательной трансформации в систему власти, «отделенной от службы государственной безопасности»[70].

Кристаллизация саудовской поддержки сирийской оппозиции (включая и ее финансовый компонент) обретала черты реальности по мере оформления ее организационных структур и ее взглядов на будущее Сирии, во многом совпадавших с саудовским пониманием «консервативности» региональной системы международных отношений. В начале декабря 2011 г. (в то время) глава крупнейшей зарубежной группы сирийской оппозиции Сирийского национального совета Бурхан Гальон заявил о том, что будущее сирийское правительство, сформированное оппозицией, «разорвет особые отношения с Ираном и прекратит поставки вооружения Хизбалле и ХАМАС»[71]. По его словам, Сирия будет добиваться освобождения Голанских высот «путем переговоров, не прибегая к вооруженным действиям» (что соответствовало духу выдвинутой нынешним саудовским монархом в 2002 г. и принятой ЛАГ «арабской мирной инициативы»), а сирийская внешняя политика будет ориентирована «на взаимодействие с основными государствами арабского региона».

6 августа 2011 г. король Абдалла выступил со специальным обращением к «братьям в Сирии»[72]. Он обвинил сирийский режим в «противоречащем нормам религии и морали кровопролитии», подчеркивая, что то, что происходит в стране, «неприемлемо в Королевстве Саудовская Аравия». Саудовский монарх отмечал, что «сирийское руководство стоит перед выбором: либо оно проявит мудрость, осуществив быстрые и всеобъемлющие

реформы, либо страна погрузится в хаос». Он был откровенен: «Королевство Саудовская Аравия заявляет о своей исторической ответственности перед сирийскими братьями, требуя остановить механизм кровопролития, обратиться к разуму и провести реформы. Сирийские братья, – подчеркивал Абдалла бен Абдель Азиз, – должны почувствовать, что в их жизни есть честь, достоинство и величие»[73]. Саудовский «правящий класс» делал выбор в пользу оппозиции. Обращение короля завершалось сообщением об отзыве саудовского посла из Дамаска. В тот же день действия сирийского правительства были осуждены Министерским советом ССАГЗ[74].

В конце августа 2011 г. Министерский совет ЛАГ провел первое заседание, посвященное развитию событий в Сирии, – это был итог целенаправленных усилий Саудовской Аравии, координировавшей свои действия с другими государствами ССАГЗ. Принятое этим заседанием заявление было выдержано в терминах обращения саудовского монарха: «прекращение кровопролития», «обращение к мудрости», «право сирийского народа на достойную жизнь, его устремленность к достоинству и величию»[75]. Дальнейшие действия Лиги определялись все возраставшим давлением Саудовской Аравии и ее союзников. Итогом этого давления стал разработанный в середине ноября 2011 г. Протокол об обязательствах сирийского правительства и условиях деятельности в Сирии миссии наблюдателей ЛАГ[76], а также принятая в конце того же месяца резолюция Министерского совета о введении экономических санкций против Сирии[77]. 12 ноября 2011 г. Министерский совет приостановил членство Сирии в официальных органах ЛАГ, призвал страны-члены этой организации отозвать своих послов из Дамаска, а в дальнейшем предоставил Национальной коалиции сил сирийской оппозиции и революции (НКССОР) возможность участвовать в работе Лиги[78].

Саудовская Аравия приветствовала решения ЛАГ, настаивая, однако, на принятии более жестких мер[79]. Одновременно саудовская пресса все чаще призывала к «интернационализации» внутрисирийского кризиса, критикуя (порой резко) препятствующую этому позицию некоторых членов Совета Безопасности ООН (Россия в этой связи называлась в первую очередь)[80]. Принимая активное участие в Министерской комиссии ЛАГ по положению в Сирии, Саудовская Аравия сохраняла незыблемость своей позиции: «сирийское правительство обязано незамедлительно и в полном объеме выполнить обязательства, за-

фиксированные в подписанном им и Лигой Протоколе», «гарантировать безопасность гражданских лиц и мирных демонстраций», «содействовать работе инспекторов Лиги»[81].

Выступая 12 декабря 2012 г. на состоявшейся в Маракеше IV встрече Друзей сирийского народа, С. Фейсал объявил об официальном признании его страной НКССОР в качестве «законного представителя сирийского народа». Это было не только вербальное заявление: глава саудовского внешнеполитического ведомства подтвердил сделанный Саудовской Аравией шаг и материально. По его словам, «правительство Служителя Двух Благородных Святынь пожертвовало через Национальную коалицию 100 млн. долл. для того, чтобы облегчить страдания сирийского народа»[82]. Целенаправленная саудовская поддержка этой группы сирийской оппозиции (как и сформированных ею институтов альтернативной власти, включая и вооруженное формирование – Свободную сирийскую армию) становилась основным направлением курса в отношении Сирии, поскольку для Саудовской Аравии, что подчеркивал в своем выступлении в Маракеше и С. Аль-Фейсал, «сирийский режим окончательно потерял свою легитимность».

Появление в начале мая 2013 г. совместного российско-американского заявления о согласии обеих держав на проведение конференции «Женева-2» позволило Саудовской Аравии в еще большей степени детализировать свою позицию по сирийскому вопросу. 25 мая того же года С. Аль-Фейсал подчеркнул: «Мы надеемся, что предполагаемая конференция («Женева-2» – *Г.К.*) осуществит немедленное прекращение огня и ответит чаяниям и надеждам сирийского народа, связанным с безопасным переходом власти». Далее он добавил: «Королевство настаивает на том, что Башар Асад, его режим, а также его приближенные, руки которых были запятнаны кровью сирийского народа, не могут играть какой-либо роли в будущей Сирии». В этой связи, замечал глава саудовского внешнеполитического ведомства, «Королевство считает своей обязанностью продолжать поддержку НКССОР в качестве законного представителя сирийского народа»[83].

Эта позиция логично приводила Саудовскую Аравию к участию в конференции «Женева-2», но в качестве приверженца одной стороны внутрисирийского конфликта (и активного противника участия Ирана во встречах в Монтре), заявлявшего (в том числе, принимая решение о своем отказе войти в Совет

Безопасности ООН, оправдывавшееся «попустительством» международного сообщества «в отношении «правящего сирийского режима», в качестве непостоянного члена этого института[84]) о неприятии Б. Асада. Выступая 22 января 2014 г. на открытии конференции «Женева-2», С. Аль-Фейсал считал важным подчеркнуть, что принципиальной задачей этой конференции является «провозглашение создания переходного полномочного правительства, способного осуществлять руководство делами страны в политической и военной сфере, а также в сфере безопасности». Естественно, замечал он далее, что ни «Башар Асад, ни ключевые фигуры его режима, те, кто запятнал свои руки кровью сирийцев, не будут ни сегодня, ни в будущем играть какую-либо роль в управлении»[85].

В дальнейшем эта позиция не подверглась сколько-нибудь серьезным коррективам. Провозглашение на части сирийской территории «исламского государства» и встававшая перед Саудовской Аравией задача борьбы с ним категорически исключала для нее, тем не менее, возможность сотрудничества с официальным Дамаском. По словам принца Мутаба бен Абдаллы, «если международное сообщество действительно стремится уничтожить гадину террора в Сирии, то ему необходимо устранить первопричину нынешнего положения – нынешний режим», а также добиться от Ирана отказа от поддержки режима Б. Асада. Саудовский сановник подчеркивал в этой связи, что противостояние «исламскому государству» неизбежно поставит вопрос и о поддержке воздушных ударов созданной для этого противостояния международной коалиции «сухопутными силами», которые должны быть представлены «умеренной сирийской оппозицией»[86]. В начале декабря 2014 г. в ходе работы конференции министров иностранных дел государств-членов противостоящей «исламскому государству» коалиции в Брюсселе эта позиция была повторена С. Аль-Фейсалом, заявившим о необходимости создания в Сирии «боеспособной наземной армии», представленной «сирийскими силами умеренности во главе со Свободной сирийской армией»[87].

III

Регионы Ближнего Востока, непосредственно прилегающие к границам Саудовской Аравии и территориям других государств-членов ССАГЗ, находились в сфере особого внимания

саудовской внешней политики. Речь шла в первую очередь о саудовских соседях – Ираке и Йемене. Поводы для возникновения кризисов в этих двух странах были различны: если в первой из них истоки дестабилизации восходят к времени американо-британской военной интервенции и свержению режима Саддама Хусейна, то во второй – к периоду «арабской весны». Вместе с тем важнейшая причина как иракской, так и йеменской кризисной ситуации лежала в сфере неспособности местных групп элиты (с их противоречивыми интересами, определявшимися узостью кланово-племенных, этнических, конфессиональных и регионалистских устремлений) достичь взаимопонимания в отношении путей и методов управления их странами.

Ирак и борьба с ИГИЛ. Комментируя иранский курс в регионе Ближнего Востока, министр по делам Национальной гвардии принц Мутаб бен Абдалла, в частности, замечал, что «иранская сторона вмешивается в дела арабского региона», называя в этой связи в первую очередь Ирак[88]. Эта позиция в немалой мере отражала саудовский взгляд на внутрииракскую ситуацию, в течение длительного времени рассматривавшуюся в Эр-Рияде через призму тесного сотрудничества между находившимся во главе иракского правительства (в течение 2006–2014 гг.) Нури Аль-Малики и Ираном. Объясняя причины этого сотрудничества, в Саудовской Аравии неизменно подчеркивали, что постсаддамовский «правящий класс» Ирака «монополизирован» выходцами «из одной группы населения (речь шла о шиитах – *Г.К.*)», не отражая «всей существующей» в этой стране «гаммы конфессиональных и этнических групп и слоев»[89]. Подчеркивая это обстоятельство, саудовский истеблишмент имел в виду прежде всего иракские суннитские политические силы. Выражая свою озабоченность сложившимся положением, итогом которого становилась «перманентная нестабильность», саудовские официальные лица не считали возможным, в том числе, и возобновление работы посольства Саудовской Аравии в Багдаде. Наступление ИГИЛ на Мосул привело к коррекции саудовской позиции.

Опубликованный 16 июня 2014 г. пресс-релиз прошедшего под председательством наследного принца Сальмана бен Абдель Азиза совещания совета министров подчеркивал: «Королевство Саудовская Аравия выражает свою глубокую озабоченность развитием событий в Ираке», заявляя, что успех ИГИЛ был бы невозможен, «если бы не проводившаяся в Ира-

ке политика конфессионализма и маргинализации целых групп социума». Саудовское видение возможных последствий развития внутрииракской ситуации отталкивалось от принципиально важных факторов и обстоятельств: «единство, суверенитет и территориальная целостность» Ирака должны быть «сохранены», не может быть и речи о «внешнем вмешательстве во внутренние дела» этой страны, «все [этнические и конфессиональные] элементы иракского общества должны предпринять совместные усилия с тем, чтобы обеспечить их подлинное участие в определении будущего Ирака». Пресс-релиз заседания совета министров указывал далее на необходимость претворения в жизнь принципа «равноправия всех элементов иракского социума в управлении делами государства», создания «правительства национального примирения, способного восстановить безопасность и стабильность» и исключающего «повторение прежней конфессиональной политики».[90]

15 июня 2014 г. по инициативе Саудовской Аравии состоявшийся в Каире Совет постоянных представителей государств-участников ЛАГ принял резолюцию, осудившую действия ИГИЛ на иракской территории и призвавшую Ирак к созданию «дееспособного правительства, представляющего весь спектр этноконфессиональных групп»[91]. Спустя три дня, 18 июня 2014 г., выступая на открывшейся в саудовской Джидде 41-й сессии Совета министров иностранных дел ОИС, С. Аль-Фейсал развил эту тему: «Политика конфессионализма и маргинализации в Ираке привела не только к той внутренней смуте, которая происходит в этой стране, но и разорвала единство всех элементов иракского социума». Саудовский министр иностранных дел подчеркивал, что вновь возникшая в Ираке ситуация «поставила вопрос» о «вероятной гражданской войне, последствия которой станут разрушительны для всего региона». Повторив положение пресс-релиза совета министров своей страны о том, что «не может быть и речи о внешнем вмешательстве в дела Ирака», С. Аль-Фейсал заявлял, что «страны региона не могут становиться коридором для прохода или местом концентрации экстремистских течений и волн терроризма»[92].

В свою очередь, «ответственный источник» в саудовском министерстве иностранных дел отмечал: «Для реализации этой цели Саудовская Аравия считает, со своей стороны, необходимым предпринять действия, направленные на создание в Ираке правительства национального единства, включающего

представителей всех этнических и конфессиональных элементов иракского общества». Далее этот «ответственный источник» продолжал: «Необходимо искоренить все виды дискриминации по этническому или религиозному принципу и на этой основе устранить причины внутрииракского противостояния». В свете вновь возникшего в Ираке положения Саудовская Аравия считала принципиально важным действовать не только в Ираке, но и в Сирии против «террористических группировок, которые нашли убежище на сирийской территории»[93]. Провозглашение в начале июля 2014 г. «исламского государства» на части территории Ирака и Сирии, как и уход в отставку правительства Н. Аль-Малики, на смену которому пришло правительство Хайдара Аль-Абади (приветствовавшееся в Эр-Рияде), подталкивали Саудовскую Аравию к решительным действиям.

1 августа 2014 г. король Абдалла обратился к «арабской и исламской нации»: это был призыв к государствам-членам ССАГЗ, ЛАГ и ОИС. Он говорил о том, что «в арабском и исламском мире нашла благодатную почву смута». Развивая свою же мысль, монарх подчеркивал: «Мы должны испытывать чувство глубокого стыда за то, что́ во имя религии совершают террористы. Они убивают людей, нарушая заповедь Господа о недопущении убийств. Они фотографируют эти убийства и с гордостью распространяют свидетельства преступлений. И все это во имя религии, хотя религия не имеет к ним никакого отношения». Наконец, он призывал «руководителей исламской нации» встать «против тех, кто пытается представить ислам миру как религию экстремизма, ненависти и терроризма»: «Сегодня наша нация находится на сложном историческом перепутье. Так пусть же история станет свидетелем того, что мы не стали орудием в руках врагов, использующих это орудие, чтобы разъединить и расчленить нацию, чтобы исказить чистый образ ислама»[94].

К тому времени в Саудовской Аравии уже были приняты (в феврале 2014 г.) антитеррористические законы, а в начале марта того же года дополнявший их «черный список» террористических организаций, включивший «Аль-Каиду» и ее отделения на Аравийском полуострове, в Йемене и Ираке, ИГИЛ, «Джабхат ан-нусра», Движение «Братья-мусульмане» и йеменское Движение хуситов[95]. В свою очередь, в своем обращении к «арабской и исламской нации» саудовский монарх призвал к реанимации выдвинутой им еще в 2005 г. идеи создания в Эр-Рияде Междуна-

родного антитеррористического центра[96]. Наконец, внутрисаудовские события, включая распространение в стране террористических ячеек (как и нападения на живущих в Саудовской Аравии европейцев и американцев[97]), а также произошедшее в начале ноября 2014 г. и повлекшее за собой человеческие жертвы нападение на шиитский молельный дом – *хусейнийю* в местечке Ад-Дальва, Восточная провинция), оценивались истеблишментом как показатель распространения влияния ИГИЛ на саудовскую территорию. Освещая случившееся в Ад-Дальва, ведущий комментатор «Аш-Шарк Аль-Аусат» подчеркивал: «Террористическая вылазка в Эль-Хасе (Восточная провинция – *Г.К.*) направлена против Саудовской Аравии как государства и общества с тем, чтобы втянуть ее во внутренние конфликты и противостояние. Способная возникнуть в этом случае анархия даст террористам и экстремистам возможность убивать и разрушать»[98].

Действуя в ЛАГ, Саудовская Аравия (и ее союзники по ССАГЗ) добились принятия Министерским советом Лиги в Каире 7 сентября 2014 г. резолюции № 7804, осуждающей ИГИЛ и призвавшей «к противостоянию этой террористической организации и ее филиалам и ответвлениям», что подтвердило и Нью-Йоркское совещание Министерского совета Лиги от 23 сентября 2014 г.[99]. Наконец, 11 сентября 2014 г. в Джидде (по инициативе Саудовской Аравии) прошло совещание министров иностранных дел стран-членов ССАГЗ, Египта, Ирака, Иордании, Ливана, Турции и Соединенных Штатов, сделавшее шаг в направлении практического оформления международной коалиции борьбы с ИГИЛ.

Участники совещания в Джидде подчеркнули, что стремятся «совместно противостоять направленным против региона и мира террористическим угрозам». Посвятив значительную часть своего Заключительного заявления совещания развитию внутрииракской политической ситуации, они отметили важность «формирования нового иракского правительства, включающего представителей всех иракских политических сил». Придавая законность своим действиям, участники совещания в Джидде отметили, что «стремятся к реализации положений резолюции Совета Безопасности № 2170», а также «резолюции Лиги арабских государств № 7804 от 7 сентября 2014 г.», как и «выводов, касающихся “исламского государства”, сделанных на саммите НАТО в Уэльсе»[100]. В день публикации этого документа саудовская пресса выступила с требованием «всеобъемлющих ударов по позициям “исламского государства”», включая как воздушные, так и наземные операции[101].

23 сентября 2014 г. по позициям «исламского государства» в Сирии были нанесены удары при участии саудовской авиации, а также самолетов военно-воздушных сил Катара, Бахрейна, ОАЭ и Иордании. Комментируя саудовское участие в операции, «саудовский ответственный источник» сообщил: «Саудовские королевские военно-воздушные силы приняли участие в военной операции против ИГИЛ на территории Сирии. Эти действия были предприняты в рамках международной коалиции уничтожения терроризма для того, чтобы поддержать умеренную сирийскую оппозицию, а также братский сирийский народ в его борьбе за восстановление безопасности и единства его страдающей родины». В той же связи саудовский наследник престола, заместитель премьер-министра и министр обороны принц Сальман бен Абдель Азиз отметил: «Наши сыновья-летчики выполнили свой долг перед верой, родиной и монархом, подтвердив свой профессионализм и отвагу в борьбе с теми, кто искажает чистоту и милосердие ислама». Присоединение саудовских военно-воздушных сил к операции против ИГ было заранее оправдано саудовскими богословами: накануне операции Совет высших улемов предал гласности фетву, объявлявшую «идеи и действия» ИГ «безнравственными и наносящими ущерб исламской вере»[102].

Во вновь сложившейся ситуации Саудовская Аравия считала необходимым расширять контакты с правительством Х. Аль-Абади. Выступая на состоявшейся в Париже 15 сентября 2014 г. международной конференции «Безопасность и мир в Ираке», С. Аль-Фейсал подчеркивал, что новое иракское правительство «будет способно пойти по пути необходимых политических реформ, призванных обеспечить справедливость и равенство всех групп иракского народа». Однако оно, по словам главы саудовского внешнеполитического ведомства, «в условиях наступления “исламского государства” нуждается в широкой международной поддержке», подчеркивая, что его страна внесет свою лепту в эту поддержку[103]. Частью этой поддержки должно стать объявленное спикером иракского парламента Салимом Аль-Джабури (посетившим в середине ноября 2014 г. Эр-Рияд), ссылавшимся на итоги его беседы с наследником наследника престола принцем Мукраном бен Абдель Азизом, вероятное открытие саудовского посольства в иракской столице в ближайшем будущем[104]. По заявлению же иракского министра финансов Хошияра Зибари, эта инициатива

получила одобрение правящего монарха[105]. Движение в этом направлении в Саудовской Аравии рассматривается как часть курса на противостояние Ирану в регионе арабского мира. Заявляя об этом, С. Аль-Фейсал подчеркивал: «Стабилизация Ирака и его успехи [в противостоянии ИГ] изменит лицо региона»[106].

Йемен. Ситуация в Йемене – соседе Саудовской Аравии, стремящемся к развитию контактов с ССАГЗ, неизменно находилась в центре внимания творцов саудовской внешней политики (для которых, если обратиться к точке зрения принца Мутаба бен Абдаллы, Йемен, как Ирак и Сирия, был объектом внешнеполитических устремлений Ирана[107]). Для этого было немало оснований: внутрийеменские потрясения грозили дестабилизацией в саудовских юго-западных регионах – Асире и Неджране с их вкраплениями шиитских меньшинств (исмаилитов и, в меньшей степени, зейдитов, единоверцы которых составляют почти половину йеменского населения[108]). В ноябре 2009 г. саудовско-иранское противостояние было перенесено и в граничащие с Йеменом саудовские регионы, где действовали «просочившиеся» на территорию королевства сторонники Движения хуситов. В течение двух последних месяцев 2009 г. и начала 2010 г. саудовская армия вела с ними бои в испещренных пещерами горных районах на юге страны, повторяя действия войск антиталибской коалиции в 2001 г. в афганском Тора-Бора. Посетив в начале декабря 2009 г. позиции армии, король Абдалла говорил о «защите родины и народа от порочных и растленных наемных (имея в виду Иран – *Г.К.*) террористов»[109].

Йемен вошел в ареал распространения событий «арабской весны». Причины этого были многочисленны и разнообразны. Российский автор[110] отмечал, что длившееся более чем в какой-либо другой арабской стране правление президента Али Абдаллы Салеха (пришедшего к власти в 1978 г.) создало к началу массовых протестных выступлений ситуацию «несостоявшегося государства»: политическая система была парализована, на юге (там, где ранее располагалась Народно-Демократическая Республика Йемен) развивалось сепаратистское движение, на севере правительственная армия сражалась с повстанцами Движения хуситов, американская авиация наносила удары по позициям «Аль-Каиды» в некоторых южных провинциях. В конце января 2011 г. в Сане начались митинги учащихся – Революционной молодежи (далекой от действовавших политических партий), протестовавшей против возможной пере-

дачи власти сыну президента в ходе предстоящих (намеченных на 2013 г.) выборов и заявлявшей о «мирном характере» своего «восстания». В конце января 2011 г. лозунги Революционной молодежи были поддержаны всеми оппозиционными силами, включая южнойеменских сепаратистов и Движение хуситов. Многие племена (включая и племя президента А.А. Салеха) оказались разделенными на сторонников и противников охватившего все города протестного движения. Растущая нестабильность выдвигала вперед и радикальных исламистов, приступивших к созданию собственных «эмиратов».

Итогом развития ситуации в Йемене становилась не только последовательная дифференциация участников «мирного восстания», но и его перерастание в кровопролитие, спровоцированное мартовским расстрелом 2011 г. манифестантов в столице. Этот расстрел вызвал раскол и в среде армейского командования. Положение превращалось во все более неконтролируемое и взрывоопасное. Стремясь предотвратить его эволюцию в этом направлении, состоявшееся 10 апреля 2011 г. в Эр-Рияде (по инициативе Саудовской Аравии) чрезвычайное совещание министров иностранных дел государств ССАГЗ приняло «инициативу стран Залива»[111] (положенную в дальнейшем в основу резолюции Совета ЛАГ по Йемену[112]). Сложность внутрийеменской политико-конфессиональной ситуации заставляла Саудовскую Аравию видеть в сторонниках президента А.А. Салеха (включая и его сторонников в армии) гарантию сохранения территориального единства страны-соседа, но учитывая уровень протестных движений, последовательно настаивать на диалоге между ними и фракциями оппозиции (с начала 2011 г. контакты с ними поддерживались руководящими структурами ССАГЗ), не допуская при этом возвращения к ситуации 2009 г. и повторения событий в зоне саудовско-йеменской границы.

Положения «инициативы стран Залива» предусматривали «сохранение единства, безопасности и стабильности Йемена», настаивая на достижении соглашения между президентом и участниками протестного движения, направленного на «удовлетворение требований народа, связанных с реформами». При этом ее авторы предусматривали «мягкий переход власти» на основе «национального консенсуса», исключающего скатывание страны к «анархии и насилию», разработав «дорожную карту» этого перехода. Президент А.А. Салех (на кото-

рого распространялся иммунитет) должен был передать власть «вице-президенту», в дальнейшем же предполагалось сформировать «возглавляемое оппозицией правительство национального единства», «разработать конституцию» и «провести выборы».

После долгих проволочек прибывший в Эр-Рияд А.А. Салех (официальной версией его присутствия в саудовской столице стало «лечение») 12 сентября 2011 г. подписал «президентский указ» о передаче полномочий вице-президенту Абд Раббо Мансуру Хади, предусматривавший, в том числе, «реализацию принципов инициативы под международной и региональной эгидой», «проведение президентских выборов и осуществление мирного и демократического перехода власти»[113]. 23 ноября 2011 г. в Эр-Рияде состоялась торжественная церемония подписания «инициативы стран Залива» участниками внутрийеменского политического процесса. Выступая на этой церемонии, король Абдалла, обращаясь к ее йеменским участникам, говорил: «Сегодня начинается новая страница вашей истории, требующая от вас бдительности, понимания интересов и определения целей». В свою очередь, продолжал король, «Королевство Саудовская Аравия, как и раньше, будет вашей опорой в деле мудрого, искреннего и открытого преодоления вами будущих вызовов»[114].

Хрупкость йеменской политической конструкции исключила возможность взаимопонимания (предоставлявшегося «инициативой стран Залива») между игроками на внутрийеменской политической арене, способного положить конец кризису. Изменения на вершине политической власти (на прошедших в феврале 2014 г. досрочных президентских выборах победил единственный кандидат на этот пост А.Р.М. Хади), как замечал российский исследователь, «не приблизили большинство сторонников» южнойеменского сепаратизма «к отказу от первоначальных … целей … борьбы», исламские радикалы продолжили процесс создания «эмиратов» на юге. Наконец, Движение хуситов, оказывая давление на центральное правительство, усиливало «вооруженный конфликт»[115]. Действия его сторонников, распространившиеся на столицу и порт Ходейда, поставили страну, как заявлял ее президент, «на грань гражданской войны»[116]. Выражая точку зрения Саудовской Аравии в связи с новым витком внутрийеменской дестабилизации, наследный принц Сальман бен Абдель Азиз подчеркивал, что его страна «выра-

жает сожаление в связи с развивающимися в братской Йеменской республике событиями», призвав все политические и конфессиональные партии и движения отбросить узкие интересы и поставить перед собой общенациональную задачу сохранения единства территории и восстановления стабильности»[117]. Одновременно установление Движением хуситов контроля над пропускными пунктами на саудовско-йеменской границе заставило Саудовскую Аравию привести в боевую готовность свои вооруженные силы[118].

Саудовская позиция поддержки «инициативы стран Залива» оставалась, тем не менее, неизменной. Оказав содействие созданию «группы друзей Йемена» (ее первая встреча прошла 29 марта 2010 г. в Абу-Даби), при участии государств ССАГЗ, стран Европейского Союза, ООН, США и России, а также ведущих международных финансовых организаций Саудовская Аравия выступила в роли одного из крупнейших доноров этой страны (в 2012 г. объем саудовской финансовой помощи Йемену составил 3,25 млрд. долл.[119]), во многом содействуя и позитивным элементам в развитии йеменского политического процесса. Выступая 22 мая 2012 г. на состоявшейся в Эр-Рияде III встрече этой неформальной группы, глава саудовского внешнеполитического ведомства подчеркивал, что «инициатива стран Залива остается важнейшим условием достижения прогресса, безопасности и стабильности в Йемене», требуя прекращения «внутренней междоусобицы и внешнего вмешательства». Эта позиция пользуется неизменной поддержкой государств ССАГЗ, на заседаниях Министерского совета которого йеменский вопрос является постоянным предметом рассмотрения через призму важности «инициативы стран Залива», направленной прежде всего на сохранение территориальной целостности Йемена и восстановление стабильности на его территории[120]. Вместе с тем сохранение опасной ситуации на юго-западной границе Саудовской Аравии опасной ситуации, вызванной непрекращающейся нестабильностью Йемена, может выдвигать перед саудовским истеблишментом и другие грани йеменской проблемы.

Считая возможным (и подтверждая эту возможность реальными фактами) распространение радикальных религиозных идей среди многочисленных йеменских отходников на своей территории, саудовские власти усилили контроль над этой группой иностранных рабочих, осуществляя, в том числе, и их

высылку за пределы Саудовской Аравии. Объявив Движение хуситов поддерживаемой Ираном «террористической организацией», саудовское руководство считало вероятным (основываясь за заявлениях руководителей этого Движения) установление прямых контактов между его сторонниками (включая и тех, кто находится в пределах Саудовской Аравии) и шиитскими радикалами в Восточной провинции. Наряду с этим саудовская власть в равной степени обеспокоена и действиями «Аль-Каиды». Так, комментируя в начале ноября 2014 г. положение в Йемене, министр внутренних дел Мухаммед бен Наеф подчеркивал: «Нас беспокоит ситуация в братском Йемене. Она не только наносит ущерб йеменскому народу, но и открывает перед базирующейся в Йемене «Аль-Каидой» и хуситами широкий простор для нанесения ударов по безопасности страны. Внутрийеменская ситуация может нанести ущерб и безопасности Королевства Саудовская Аравия»[121].

Этот вывод, видимо, связан и с поиском дополнительных (и неполитических) средств воздействия на положение в Йемене. Говоря об этом поиске, ведущий обозреватель «Аш-Шарк Аль-Аусат» в конце октября 2014 г. писал: «После того, как йеменская столица Сана оказалась вне зоны безопасности, политическое решение проблемы, вероятно, потребует опоры на военную силу, чтобы предотвратить окончательный распад йеменской армии, которая нуждается в военной технике и информации». Напоминая о времени 1960-х гг., когда в ходе внутрийеменского конфликта Саудовская Аравия (и Иордания) поддерживала роялистов, а насеровский Египет – республиканцев, этот автор добавлял: «Действуя вместе в 1960-е гг., Саудовская Аравия и Иордания заставили поддерживаемых извне революционеров пойти на компромиссы, благодаря которым йеменская гражданская война завершилась». Наконец, он задавал вопрос: «Возобновится ли саудовско-иорданское сотрудничество в Йемене, став последним шансом добиться политического урегулирования и заставить противоборствующие стороны пойти на компромиссы, обеспечивающие участие всех в управлении? Речь идет, – добавлял он, – о военной поддержке, но не обязательно прямом военном вмешательстве. Только так, наверное, можно покончить со все более расползающейся анархией, способной продлиться еще десять, а может быть, и двадцать лет»[122].

* * *

В течение всего времени после 2011 г. саудовская внешняя политика доказывала, что она является орудием деятельности консервативного государства, рассматривающего себя в качестве ведущей державы ближневосточного регионального пространства. Это происходило потому, что это время не только вызвало глубокие потрясения на всем протяжении ближневосточного геополитического пространства, но и содействовало кризису межарабской системы международных отношений. Преодоление последствий этих потрясений и кризисов стало первоочередной задачей внешнеполитического курса Саудовской Аравии или, если использовать выражение (в недавнем прошлом) министра внутренних дел и наследного принца Наефа бен Абдель Азиза, сказанное им в эпоху потрясений «арабской весны», «восстановить стабильность в бурлящем региональном море»[123].

Проводя этот курс, Саудовская Аравия одновременно «осваивала» пространство Ближнего Востока, стремясь вытеснить за его пределы конкурирующие с ней державы: Иран превращался в ее основного «стратегического противника». Итоги этого курса не могут рассматриваться как полностью успешные. Однако не вызывают сомнений основные черты и направления саудовской внешней политики как в ближайшей, так и в долгосрочной перспективе. Деятельность этой страны будет все так же направлена на изживание нынешней региональной нестабильности как повода для дальнейшего укрепления саудовской региональной гегемонии. Подчеркивая это, С. Аль-Фейсал мог говорить в мае 2013 г., выступая по случаю восьмой годовщины восшествия правящего монарха на престол, об «осевой роли Королевства в сфере политики, экономики и культуры», имея в виду геополитическое пространство Ближнего Востока[124].

---

[1] Здесь и далее: *Аль-Али Х.И.* Мабадиа ва ахдаф ас-сияса аль-хариджийя ас-саудийя: аль-мустава аль-халиджий аль-ислямий ад-дуввалий (Принципы и цели саудовской внешней политики: регион Залива, исламский мир, международное сообщество) // Ас-Сияса аль-хариджийя ли Аль-

Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя фи миат амм (Внешняя политика Королевства Саудовская Аравия за сто лет). – Эр-Рияд: Институт дипломатических исследований, 2002. С. 56.

[2] Здесь и далее: Мутаб бен Абдалла ли «Аш-Шарк Аль-Аусат»: истиасаль аль-ирхаб фи Сурия ястадъи изаха ан-низам аль-лязи ауджадаху (Мутаб бен Абдалла в интервью «Аш-Шарк Аль-Аусат»: выкорчевывание терроризма в Сирии требует отстранения породившего его режима) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 26.11.2014. – http://classic.aawsat.com/details.asp?section=4&issueno=13147&article=795963.

[3] Мекка и Медина.

[4] Мутаб бен Абдалла ли «Аш-Шарк Аль-Аусат»: истиасаль аль-ирхаб фи Сурия ястадъи изаха ан-низам аль-лязи ауджадаху (Мутаб бен Абдалла заявляет «Аш-Шарк Аль-Аусат»: выкорчевывание терроризма в Сирии требует устранения породившего его режима) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 26.11.2014. – http://classic.aawsat.com/details.asp?section=4&issueno=13147&article=795963.

[5] Здесь и далее: Ас-Сияса аль-хариджийя ли Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя (Внешняя политика Королевства Саудовская Аравия). – http://www.mofa.gov.sa/KingdomForeignPolicy/Pages/ForeignPolicy24605.aspx.

[6] См. об этом, в частности: Калима Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя аль-ляти алькаха Сумувваху аль-амир Сауд Аль-Фейсал фи муатамар «Женев-2» (Заявление Королевства Саудовская Аравия, представленное Его Высочеством принцем Саудом Аль-Фейсалом на конференции «Женева-2»). 22.01.2014. – http://www.mofa.gov.sa/aboutMinistry/Minister/OfficialSpeeches/Pages/ArticleID2014122153234795.aspx.

[7] Там же.

[8] Здесь и далее: *Ар-Раджхи С.А.* Илякат Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя би дувваль Аль-Халидж: аль-илякат ас-сиясийя (Отношения Королевства Саудовская Аравия с государствами Залива: политический аспект) // Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя фи миат амм. Ас-Сияса аль-хариджийя (Королевство Саудовская Аравия за сто лет. Внешняя политика). – Эр-Рияд: Дара аль-малик Абдель Азиз, 2007. С. 220.

[9] Ст. 2 Хартии ЛАГ гласила, что целью создания Лиги выступает, в том числе, «поддержание независимости и суверенитета государств-участников» организации. – Мисак Джамиъа ад-дувваль аль-арабийя (Хартия Лиги арабских государств). С. 9. – http://www.lasportal.org/wps/portal/las_ar.

[10] См. об этом, в частности: *Аль-Мансур А.М.* Ас-Сияса аль-хариджийя ас-саудийя фи аль-итар аль-арабий: ад-даур ас-саудий ва ахамм аль-авамиль аль-муассира фихи (Саудовская внешняя политика в арабском

регионе: саудовская роль и важнейшие факторы влияния на нее) // Ас-Сияса аль-хариджийя ли Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя фи миат амм. С. 176-180.

[11] *Ар-Раджхи С.А*. Цит. произв. С. 234.

[12] До открытия нефти на территории Бахрейна основной отраслью местной экономики (кроме сельского хозяйства) была добыча жемчуга, от которой зависело благосостояние страны.

[13] Аль-Бахрейн: бадъ аль-хивар байн вали аль-ахд ва аль-джамаат ас-сиясийя (Бахрейн: начало диалога между наследником престола и политическими объединениями) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 20.02.2011. – http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=6090684&issueno=11772.

[14] Таджамуъа аль-вахда аль-ватанийя (Блок национального единства) // Аль-Джазира, 8.03.2011. – http://www.aljazeera.net/NR/exeres/16658F37-0112-4A45-BCD9-34FF.

[15] Хасан Аль-Мушайя – раис Иатиляф мин аджль аль-джумхурийя (Хасан Аль-Мушайя – глава Коалиции во имя республики) // Аль-Джазира, 27.02.2011. – http://www.aljazeera.net/NR/exeres/FB7DA140-4279-4CDE-9F52-FB1.

[16] Аль-Байян ас-сухуфий ас-садыр ан ад-даура аль-истиснаийя ас-салиса ва ас-салисун ли Аль-Маджлис аль-визарий (Заявление для прессы чрезвычайной тридцать третьей сессии Министерского совета). – Эр-Рияд, 17 апреля 2011. – http://www.gcc-sg.org/index3499.html?action=Sec-Show&ID=324.

[17] Байян садыр ан Маджлис Джамиъа ад-дувваль аль-арабийя фи даурати-ха аль-истиснаийя би шаан ат-татаввурат фи Мамляка Аль-Бахрейн (Заявление Совета ЛАГ, принятое на его чрезвычайной сессии, по поводу развития событий в Королевстве Бахрейн). 22 марта 2011. – http://www.lasportal.org/wps/wcm/connect/fffb630046381719b05bb7ab2b463fb2/Bahrin.pdf?MOD=AJPERES.

[18] Аль-Бахрейн таалян ан истианатиха би кувват «Дираа аль-джазира» (Бахрейн объявляет об обращении за помощью к войскам «Щита полуострова») // Аш-Шарк Аль-Аусат, 15.03.2011. – http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&issueno=11795&article=612577.

[19] Маджлис аль-вузара ас-саудий юшаддид аля идана ад-тадаххулят аль-иранийя ас-сафира фи шуун дувваль Аль-Халидж (Саудовский кабинет министров резко осуждает открытое иранское вмешательство в дела государств Залива) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 5.04.2011. – http://classic.aawsat.com/details.asp?section=4&article=615795&issueno=11816.

[20] Динамийя аль-амн аль-иклимий. Калима аль-амир Мукран бен Абдель Азиз. 4 декабря 2011. – http://www.gulfandglobe.org/home/ar/media-center/speeches-and-papers/28-2011-12-04-06-35-02.html.

[21] Здесь и далее: *Аль-Джазаири М.* Аль-Усулийя аш-шиъийя аль-харакийя: аль-якза мин аль-аухам ан-нидалийя (Шиитское фундаменталистское движение: бдительность перед лицом иллюзий борьбы) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 27.10.2014. – http://classic.aawsat.com/details.asp?section=20&article=792238&issueno=13117.

[22] См. об этом: *Косач Г.Г.* Саудовская Аравия // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? – М.: Ин-т востоковедения РАН, 2012. С. 360-362.

[23] По данным бахрейнской Центральной избирательной комиссии, в парламентских выборах приняли участие 52,6% от общей численности зарегистрированных граждан. 90% депутатов Совета депутатов (нижней палаты парламента) нового созыва – «независимые», при этом состав Совета обновился на 75%. – Интихабат Аль-Бахрейн: аль-мустакиллюн юсайтырун аля 90% мин макаид аль-барляман (Бахрейнские выборы: независимые получили 90% мест в парламенте) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 1.12.2014. – http://classic.aawsat.com/details.asp?section=4&article=796566&issueno=13152.

[24] Хадим Аль-Харамейн Аш-Шарифейн юханни малик Аль-Бахрейн би наджах амалийя аль-интихабат ан-ниябийя ва аль-балядийя (Служитель Двух Благородных Святынь поздравляет короля Бахрейна с успехом парламентских и муниципальных выборов) // Аль-Ватан, 24.11.2014. – http://www.alwatan.com.sa/Local/News_Detail.aspx?ArticleID=206880&CategoryID=5.

[25] Здесь и далее: Калима Суму вазир аль-хариджийя аль-амир Сауд Аль-Фейсал (Выступление Его Высочества министра иностранных дел принца Сауда Аль-Фейсала). 4 декабря 2011. – http://www.gulfandglobe.org/home/ar/media-center/speeches-and-papers/28-2011-12-04-06-35-02.html.

[26] Ас-Саудийя: яджиб ан тататабак акваль Тахран маа афъалиха ли икама иляка салима (Саудовская Аравия: для установления добрососедских отношений необходимо, чтобы слова Тегерана совпадали с его действиями) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 7.12.2014. – http://classic.aawsat.com/details.asp?section=4&article=797289&issueno=13158.

[27] *Абдель Фаттах Б.* Ас-Саурат ва мустакбаль ан-низам аль-арабий (Революции и будущее арабской системы). 11 сентября 2011 – Аль-Джазира. – http://www.aljazeera.net/NR/EXERES/678F3617-F153-4672-9A65-D55FA7BE8172.htm.

[28] *Аль-Вади М.Х.* Индимам аль-Урдун ли Маджлис ат-таавун ли дувваль Аль-Халидж аль-арабийя байн аль-вакиа ва ат-таддияйят (Вступление Иордании в Совет сотрудничества арабских государств Залива: реальность и вызовы) // Ат-Таавун, февраль 2012, № 75. С. 82.

[29] Калима Хадим Аль-Харамейн фи ифтитах иджтимаъат Аль-Маджлис аль-ааля ли Маджлис ат-таавун (Выступление Служителя Двух Святынь на открытии заседаний Высшего совета Совета сотрудничества). – http://www.mofa.gov.sa/ServicesAndInformation/news/TwoHolyMosquesSpeeches/Pages/ArticleID20111220125017587.aspx.

[30] Ас-Саудийя: яджиб ан тататабак акваль Тахран маа афъалиха ли икама иляка салима.

[31] Аль-Фейсал: мубадара тухаввиль дувваль Аль-Халидж иля мархаля аль-иттихад фи киян вахид накля науъийя кабира (Аль-Фейсал: инициатива перехода государств Залива на этап объединения в единое образование – качественный скачок). – 20 декабря 2011. – http://www.gcc-sg.org/index1236.html?action=News&Sub=ShowOne&ID=2247&T=A.

[32] Там же.

[33] Аль-Байян ас-сухуфий ли ад-даура ар-рабиа ва аль-ишрин баад аль-миа ли Аль-Маджлис аль-визарий (Пресс-релиз XXIV сессии Министерского совета). Джидда, 2 сентября 2012. – http://www.gcc-sg.org/indexda50.html?action=Sec-Show&ID=557.

[34] Аль-Байян аль-хитамий ли вузара хариджийя Аль-Халидж ва Аль-Урдун ва Аль-Магриб аккад ат-таавун ли мухараба аль-ирхаб (Заключительное коммюнике министров иностранных дел стран Залива, Иордании и Марокко подтвердило взаимодействие в сфере противостояния терроризму) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 26.11.2014. – http://classic.aawsat.com/details.asp?section=4&article=795956&issueno=13147.

[35] Калима Суму вазир аль-хариджийя аль-амир Сауд Аль-Фейсал.

[36] Динамийя аль-амн аль-иклимий. Калима аль-амир Мукран бен Абд аль-Азиз (Динамика региональной безопасности. Выступление принца Мукрана бен Абд аль-Азиза). 4 декабря 2011. – http://www.gulfandglobe.org/home/ar/media-center/speeches-and-papers/34-2011-12-05-06-26-19.html.

[37] Варака Сахиб ас-суму аль-малякий аль-амир Турки Аль-Фейсал (Выступление Его королевского высочества принца Турки Аль-Фейсала). 4 декабря 2011. – http://www.gulfandglobe.org/home/ar/media-center/speeches-and-papers/49-speech-byhrh-prince-turki-alfaisal.html.

[38] Кимма Ад-Доха ташхад итляк аль-кияда аль-аскарийя аль-мувахха да (На саммите в Дохе будет объявлено о начале работы единого военного командования) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 25.11.2014. – http://classic.aawsat.com/asp?did=795784&issueno=13146.

[39] Насс аль-иттифакийя аль-аманийя (Текст Соглашения о взаимодействии в сфере безопасности) // Аль-Анба, 10.04.2013. – http://www.alanba.com.kw/absolutenmnew/templates/aspx?articleid=373.

[40] Насс аль-байян аль-муштарак (Текст совместного заявления) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 6.03.2014. – http://classic.aawsat.com/details.asp?section=4&article=763691&issueno=12882.

[41] Аш-Шейх Тамим фи Берлин: Катар лям ва лян тадъум муназзамат ирхабийя (Шейх Тамим в Берлине: Катар не поддерживал и не будет поддерживать террористические организации) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 18.09.2014. – http://classic.aawsat.com/asp?did=787531&issueno=13078.

[42] Выражение Е.С. Мелкумян. – *Мелкумян Е.С.* «Семейный конфликт» арабских монархий Залива завершен. – М.: Институт Ближнего Востока, 20 ноября 2014. – http://www.iimes.ru/?p=22609.

[43] Насс баян кимма Ар-Рияд (Текст заявления Эр-Риядского саммита) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 17.11.2014. – http://classic.aawsat.com/details.asp?section=4&article=794843&issueno=13138.

[44] Ар-Рияд тадъу иля таглиб саут аль-хикма (Эр-Рияд призывает прислушаться к голосу разума) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 12.07.2011. – http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=630665&issueno=11914.

[45] Калима Суму вазир аль-хариджийя аль-амир Сауд Аль-Фейсал.

[46] Динамийя аль-амн аль-иклимий. Калима аль-амир Мукран бен Абдель Азиз.

[47] Самт саудий хияль таслим Бен Али (Саудовское молчание в отношении выдачи Бен Али) // Аль-Джазира, 4.01.2012. – http://www.aljazeera.net/NR/exeres/76697A93-4471-4013-94BB-2EA7FC3B6D3C.htm.

[48] Ад-Дипломасийя ас-саудийя тиджах Либия (Саудовская дипломатия в отношении Ливии) // Аль-Хайят, 5.01.2012. – http://ksa.daralhayat.com/ksaarticle/346284.

[49] См.: GCC: Libya Regime Lost Legitimacy // Al-Jazeera, 11.03.2011. – http://www.aljazeera.com/news/middleeast/2011/03/201131021173060618 1.html.

[50] Карар Маджлис Джамиъа ад-дувваль аль-арабийя фи дауратиха гейр аль-адийя би шаан аль-аудаъ фи Либия (Резолюция чрезвычайной сессии Совета Лиги арабских государств в связи с положением в Ливии), 27 августа 2011. – http://www.arableagueonline.org/wps/wcm/connect/1b53548048e9ef94b16bfd7abaae88c3.pdf.

[51] Ас-Саудийя ва Либия тастаанифан иъада аль-илякат (Саудовская Аравия и Ливия возобновляют отношения) // Аль-Хайят, 2.01.2012. – http://ksa.daralhayat.com/ksaarticle/346080.

[52] Иджтимаат либийя сиррийя фи Аль-Кахира ли азль Джамаа Аль-Ихван ва милишийятаха (Межливийские контакты в Каире с целью изоляции “Братьев” и их военизированных формирований) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 2.12.2014. – http://classic.aawsat.com/details.asp?section=4&article=796672&issueno=13153.

[53] Аль-Малик ли Обама: ля мусавама аля истикрар Маср ва саляма ва амн шаабиха (Король говорит Обаме: стабильность Египта, как и благополучие и безопасность его народа не могут являться предметом компромисса) // Ар-Рияд, 31.01.2011. – http://www.alriyadh.com/2011/01/31/article599942.html.

[54] Сауд Аль-Фейсал: ма тафъалюху баад ад-дувваль изаа Миср тадаххуль сафир фи шааниха ад-дахилий (Сауд Аль-Фейсал: то, что делают некоторые государства в отношении Египта, не что иное, как открытое вмешательство в его внутренние дела) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 11.02.2011. – http://www.aawsat.com//details.asp?section=4&article=607781&issueno=11763.

[55] Масдар масъуль: Аль-Мамляка тураххиб би аль-интикаль ас-сильмий ли ас-султа фи Миср (Ответственный источник: Королевство приветствует мирный переход власти в Египте) // Аль-Ватан, 12.02.2011. – http://www.alwatan.com.sa/Local/News_Detail.aspx?ArticleID=41539&CategoryID=5.

[56] Слова политического аналитика Мухаммеда Мансура Аль-Марзуки Аль-Бакми. – *Аль-Марзуки Аль-Бакми М.М.* Ас-Саудийя ва Туркия фи зылль ас-саурат аль-арабийя (Саудовская Аравия и Турция под сенью арабских революций) // Аль-Джазира, 25.10.2011. – http://studies.aljazeera.net/reports/2011/10/201110259362798688.htm.

[57] См., например: *Ар-Рашид А.Р.* Бираа Мубарак ва далялят идтираб ас-саура (Невиновность Мубарака и доказательства смятения революции) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 2.12.2014. – http://classic.aawsat.com/leader.asp?section=3&article=796592&issueno=13153; *Аль-Хамид Т.* Ва лимаза юхакам Мубарак (Так за что судят Мубарака)? // Аш-Шарк Аль-Аусат, 3.12.2014. – http://classic.aawsat.com/leader.asp?section=3&article=796750&issueno=13154.

[58] Здесь и далее: *Косач Г.Г.* Египетско-саудовские отношения: визит президента АРЕ Мухаммеда Мурси в Саудовскую Аравию. 24 июля 2012. – http://www.iimes.ru/?p=15187.

[59] *Ар-Рашид А.Р.* Ат-Таамуль маа Аль-Ихван баад ар-риаса (Взаимодействие с «Братьями» после президентства) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 26.06.2012. – http://classic.aawsat.com/leader.asp?section=3&article=683656&issueno=12264.

[60] Хадим Аль-Харамейн яталякки иттисалян мин Тантави (Служитель Двух Святынь провел телефонный разговор с Тантави) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 29.04.2012. – http://classic.aawsat.com/details.asp?section=4&article=674923&issueno=12206.

[61] Хадим Аль-Харамейн ли аль-вафд аль-масрий: Тарихуна муштарак ляйса сафха абира (Служитель Двух Святынь говорит египетской делега-

ции: «У нас общая история, а не какая-то незначащая страница») // Аш-Шарк Аль-Аусат, 29.04.2012. – http://classic.aawsat.com/details.asp?section=1&issueno=12212&article=675863.

[62] Кимма саудийя мисрийя фи Джидда табхус аль-илякат ат-тарихийя байн аль-балядейн (Саудовско-египетский саммит в Джидде обсуждает исторические отношения между обеими странами) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 12.07.2012. – http://classic.aawsat.com/details.asp?section=1&issueno=12280&article=686081.

[63] *Джоде С.* Маза арадат Ар-Рияд ан тасмаа мин Мурси (Что Эр-Рияд хотел услышать от Мурси)? // Аш-Шарк Аль-Аусат, 15.07.2011. – http://classic.aawsat.com/leader.asp?section=3&article=686388&issueno=12283.

[64] Аль-Малик Абдалла бен Абдель Азиз юханни аль-мусташар Адли Мансур раис Маср (Король Абдалла бен Абдель Азиз поздравляет советника Адли Мансура, главу Египта) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 4.07.2013. – http://classic.aawsat.com/details.asp?section=4&article=734918&issueno=12637.

[65] *Ар-Рашид А.Р.* Мурси дайяъа ал-лухза ат-тарихийя (Мурси упустил исторический шанс). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 4 июля 2013. – http://classic.aawsat.com/leader.asp?section=3&article=734893&issueno=12637.

[66] Аль-Амир Сауд Аль-Фейсал юаккид ат-тафауль би тахассун аль-вадъ аль-масрий ад-дахилий (Эмир Сауд Аль-Фейсал выражает оптимизм в связи с улучшением внутреннего положения в Египте) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 2.09.2013. – http://classic.aawsat.com/details.asp?section=4&article=741988&issueno=12697.

[67] Хадим Аль-Харамейн муханниан ли Ас-Сиси: таваккуль аля Алла (Служитель Двух Святынь поздравляет Ас-Сиси: Опирайся на помощь Господа) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 4.06.2014. – http://classic.aawsat.com/details.asp?section=4&article=774386&issueno=12972.

[68] Аль-Фейсал: аль-лика байн Хадим Аль-Харамейн ва ар-раис Ас-Сиси дарурий фи аз-зуруф ар-рахина (Аль-Фейсал: встреча Служителя Двух Святынь и президента Ас-Сиси в нынешних условиях необходима) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 11.04.2011. – http://classic.aawsat.com/details.asp?section=4&article=783019&issueno=13041.

[69] См. об этом: Мутаб бен Абдель Азиз ли «Аш-Шарк Аль-Аусат»: истиасаль аль-ирхаб фи Сурия ястадъи изаха ан-низам аль-лязи ауджадаху.

[70] *Аль-Хамид Т.* Сурия ва мухаджама ас-сафара аль-америкийя (Сирия и нападение на американское посольство) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 12.07.2011. – http://www.aawsat.com/leader.asp?section=3&issueno=11914&article=630650.

[71] Здесь и далее: Syria Opposition Leader Interview Transcript // The Wall Street Journal, 2.12.2011. – http://online.wsj.com/article/SB10001424052970203833104577071960384240668.html.

[72] Здесь и далее: Калима Хадим Аль-Харамейн иля ашиккаихи фи Сурия (Обращение Служителя Двух Святынь к братьям в Сирии) / Сайт министерства иностранных дел. – http://mofa.gov.sa/ServicesAndInformation/news/TwoHolyMosquesSpeeches/Pages/891042.aspx.

[73] Оценка саудовской прессой обращения короля содержала резкие выпады в адрес «сирийского режима». Так, (в то время) главный редактор «Аш-Шарк Аль-Аусат» Тарик Аль-Хамид подчеркивал: «Важность обращенного к Сирии заявления короля состоит в том, что его сделал человек, больше, чем кто-либо другой, терпевший поступки Башара Асада». Далее эти поступки перечислялись: «убийство Рафика Харири», «война 2006 г. в Ливане», «бесконечное вмешательство в дела Ливана», «угрожающие арабскому миру опасности, связанные с появлением Ирана на внутриарабской арене». Т. Аль-Хамид писал, что «король терпеливо ждал», когда сирийский президент откажется от своего «авантюризма». Но «льется арабская кровь», – терпение «иссякло», «король требует: настало время всеобъемлющих реформ, а не словесных обещаний», «он говорит Башару: “Достаточно проливать арабскую кровь и шантажировать. Время промедления и шантажа прошло”». – *Аль-Хамид Т.* Сурия: аль-малик якиф маа аш-шааб (Сирия: король на стороне народа) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 9.08.2011. – http://www.aawsat.com/leader.asp?section=3&article=634861&issueno=11942.

[74] Маджлис ат-таавун аль-халиджий юдин аль-истихдам аль-муфрит ли аль-кувва дыдд аль-маданийин ас-сурийин (Совет сотрудничества арабских государств Залива осуждает чрезмерное применение силы против гражданского населения Сирии) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 7.08.2011. – http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=634576&issueno=11940.

[75] Аль-Байян ас-садыр ан иджтимаа Маджлис Джамиъа ад-дувваль аль-арабийя аля аль-мустава аль-визарий фи дауратихи гейр аль-адийя би шаан татаввурат аль-аудаъа фи Сурия (Заявление о чрезвычайной сессии Министерского совета Лиги арабских государств о развитии положения в Сирии). – Каир, 27 августа 2011. – http://www.arableagueonline.org/wps/wcm/connect/52046e8048e9eeb1b13ffd7abaae88c3.

[76] Ан-Натаидж ас-садира ан иджтимаа Маджлис Джамиъа ад-дувваль аль-арабийя аля аль-мустава аль-визарий (Итоги совещания Министерского совета Лиги арабских государств). – Рабат, 16 ноября 2011. – http://www.arableagueonline.org/wps/wcm/connect/a45f5a00491801d98c0bed7abaae88c3.

[77] Мутабаа татаввурат аль-вадъ фи Сурия (О развитии ситуации в Сирии). – Каир, 27 ноября 2011. – http://www.arableagueonline.org/wps/wcm/connect/fdae6480493824db9b86ff7abaae88c3.

[78] Мутабаа татавурат аль-вадъ фи Сурия. Карар Маджлис Аль-Джамиъа 7438 (Мониторинг развития событий в Сирии. Резолюция Совета Лиги № 7438). 12 ноября 2011. – http://www.lasportal.org/wps/wcm/connect/d43bf0004909713580a8ed7abaae88c3/LAS+COUNCIL+RES+SYRIA+12-11-2011.pdf?MOD=AJPERES.

[79] Ас-Саудийя тушид би джухуд Аль-Джамиъа аль-арабийя тиджах Сурия (Саудовская Аравия поддерживает усилия Лиги арабских государств в отношении Сирии) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 22.11.2011. – http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=650974&issueno=12047.

[80] См., например, две статьи ведущего комментатора «Аш-Шарк Аль-Аусат» Абдель Рахмана Ар-Рашида: *Ар-Рашид А.Р.* Хауля юридун ат-тадаххуль ад-дуввалий (Они хотят международного вмешательства) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 6.09.2011. – http://www.aawsat.com/leader.asp?section=3&article=639097&issueno=11970; *Он же*. Ат-Тадаххуль ад-дуввалий ля аль-аджнабий (Международное, а не иностранное вмешательство) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 7.09.2011. – http://www.aawsat.com/leader.asp?section=3&article=639256&issueno=11971.

[81] Ас-Саудийя тудин тафджират Сурия ва Аль-Ирак (Саудовская Аравия осуждает взрывы в Сирии и Ираке) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 10.01.2012. – http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=658255&issueno=12096.

[82] Здесь и далее: Калима Суму вазир аль-хариджийя хиляль ифтитах аль-иджтима ар-рабиа ли асдика аш-шааб ас-сурий (Выступление Его Высочества министра иностранных дел на открытии IV встречи «друзей сирийского народа»). 12 декабря 2012 г. – http://www.mofa.gov.sa/aboutMinistry/Minister/OfficialSpeeches/Pages/ArticleID20121216141840435.aspx.

[83] Аль-Амир Сауд Аль-Фейсал: ля даур ли Аль-Асад ва низамихи фи мустакбаль Сурия (Принц Сауд Аль-Фейсал: Асад и его режим не будут играть никакой роли в будущей Сирии) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 26.05.2013. – http://classic.aawsat.com/details.asp?section=4&article=729987&issueno=12598.

[84] См. об этом: *Косач Г.Г.* Саудовская Аравия: отказ войти в Совет Безопасности ООН. 20 октября 2013. – http://www.iimes.ru/?p=18474.

[85] Калима Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя аль-ляти алькаха Сумувваху аль-амир Сауд Аль-Фейсал фи муатамар «Женев-2».

[86] Мутаб бен Абдалла ли «Аш-Шарк Аль-Аусат»: истиасаль аль-ирхаб фи Сурия ястадъи изаха ан-низам аль-лязи ауджадаху.

[87] Аль-Фейсал: джухуд ат-тахалуф ад-дуввалий тататаллуб вуджуд кувват киталийя аля аль-ард (Аль-Фейсал: усилия международной коалиции требуют присутствия боеспособных сухопутных сил) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 4.12.2014. – http://classic.aawsat.com/details.asp?section=4&issueno=13155&article=796936.

[88] Мутаб бен Абдалла ли «Аш-Шарк Аль-Аусат»: истиасаль аль-ирхаб фи Сурия ястадъи изаха ан-низам аль-лязи ауджадаху.

[89] См., в частности: Аль-Муатамар ас-сухуфий аль-мушатрак ли Сахиб ас-суму аль-малякий аль-амир Сауд Аль-Фейсал маа Маали вазира аль-хариджийя аль-америкийя (Совместная пресс-конференция Его Королевского Высочества принца Сауда Аль-Фейсала и Ее Превосходительства главы американского государственного департамента). Эр-Рияд, 15 февраля 2010. – http://www.mofa.gov.sa/aboutMinistry/Minister/PressConferences/Pages/NewsArticleID105722.aspx.

[90] Ас-Саудийя таариб ан аль-каляк лима яджри фи Аль-Ирак (Саудовская Аравия выражает обеспокоенность в связи с происходящим в Ираке) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 17.06.2014. – http://classic.aawsat.com/details.asp?section=4&article=775927&issueno=12985.

[91] Аль-Байян ас-садир ан Маджлис Джамиъа ад-дувваль аль-арабийя аля мустава аль-мандубин ад-даимин би шаан мустаджаддат аль-ауда аль-хатыра фи Аль-Ирак (Заявление Совета постоянных представителей государств-членов ЛАГ об опасном положении в Ираке). Каир, 15 июня 2014. – http://www.lasportal.org/wps/wcm/connect/10073f00446225aeb527f5954d25bc04/____+186.pdf?MOD=AJPERES.

[92] Калима Суму аль-вазир ал-лязи алькаха фи ад-даура аль-хадийя ва аль-арбаин ли муатамар Маджлис вузара хариджийя ад-дувваль аль-аада ли Муназаама ат-таавун аль-ислямий (Выступление Его Высочества принца на 41-й сессии Министерского совета Организации исламского сотрудничества). 18 июня 2014. – http://www.mofa.gov.sa/aboutMinistry/Minister/OfficialSpeeches/Pages/ArticleID2014618127179.aspx.

[93] Аль-Фейсал ва Лавров ябхасан интикаль ас-султа фи Сурия ва ауда Аль-Ирак (Аль-Фейсал и Лавров обсуждают переход власти в Сирии и положение в Ираке) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 22.06.2014. – http://classic.aawsat.com/details.asp?section=4&article=776573&issueno=12990.

[94] Хадим Аль-Харамейн ядъу када ва уляма аль-умма иля аль-вукуф фи ваджх ман юхавиль ихтитаф аль-ислям (Служитель Двух Святынь призывает руководителей и улемов уммы встать против тех, кто пытается похитить ислам) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 22.06.2014. – http://classic.aawsat.com/details.asp?section=4&article=781605&issueno=13031.

[95] См. об этом: *Косач Г.Г.* Саудовские антитеррористические законы. 7 февраля 2014. – http://www.iimes.ru/?p=19774; *Он же*. Саудовская Аравия: антитеррористические законы начинают действовать? 10 марта 2014. – http://www.iimes.ru/?p=20219.

[96] Хадим Аль-Харамейн ядъу када ва уляма аль-умма иля аль-вукуф фи ваджх ман юхавиль ихтитаф аль-ислям.

[97] См., например: Ад-Дахилийя ас-саудийя ли «Аш-Шарк Аль-Аусат»: давафиа аль-иъатида аля аль-муким ад-данемаркий кад такун ирхабийя (Министерство внутренних дел сообщает «Аш-Шарк Аль-Аусат»: мотивы нападения на датского гражданина могут быть террористическими) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 3.12.2014. – http://classic.aawsat.com/details.asp?section=4&article=796775&issueno=13154.

[98] *Аль-Хамид Т.* Ман аль-мустахдаф фи Аль-Ахса (Против кого нацелены события в Эль-Хасе)? // Аш-Шарк Аль-Аусат, 6.11.2014. – http://classic.aawsat.com/leader.asp?section=3&article=793536&issueno=13127.

[99] Аль-Байян ас-сухуфий ас-садир ан аль-иджтимаа ат-ташавурий ли Маджлис Джамиъа аля аль-мустава аль-визарий (Пресс-релиз совещательной встречи Министерского совета ЛАГ). Нью-Йорк, 23 сентября 2014. – http://www.lasportal.org/wps/wcm/connect/717f168045f8fd3f9a68df45b0f8f28c/new+york.pdf?MOD=AJPERES.

[100] Насс Аль-Байян аль-хитамий (Текст Заключительного заявления) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 12.09.2014. – http://classic.aawsat.com/details.asp?section=4&article=786840&issueno=13072.

[101] *Ар-Рашид А.Р.* 40 дауля тухариб ДАИШ (40 государств сражаются с ИГИЛ) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 12.09.2014. – http://classic.aawsat.com/leader.asp?section=3&article=786857&issueno=13072.

[102] Ат-Тахалуф ад-дуввалий юдашшин амалийятаху фи Сурия би 50 гара (Международная коалиция начинает действовать в Сирии, совершив 50 вылетов) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 24.09.2014. – http://classic.aawsat.com/details.asp?section=4&issueno=13084&article=788302.

[103] Мудахаля Сахиб ас-суму аль-малякий аль-амир Сауд Аль-Фейсал вазир аль-хариджийя фи муатамар «Аль-Амн ва ас-салям фи Аль-Ирак» (Выступление Его Королевского Высочества министра иностранных дел на конференции «Безопасность и мир в Ираке»). Париж, 15 сентября 2014. – http://www.mofa.gov.sa/aboutMinistry/Minister/OfficialSpeeches/Pages/ArticleID2014915133410522.aspx.

[104] Аль-Джабури: ас-сафара ас-саудийя фи Аль-Ирак сатаамаль хиляль шахр (Аль-Джабури: саудовское посольство в Ираке начнет работу в течение месяца) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 20.11.2014. – http://classic.aawsat.com/details.asp?section=4&article=795195&issueno=13141.

[105] Зибари юаккид рагба Багдад ва Ар-Рияд фи бад мархаля джадида мин аль-илякат (Зибари подтверждает желание Багдада и Эр-Рияда начать новый этап отношений) // Аль-Хайят, 13.11.2014. – http://www.alhayat.com/Articles/5665709.

[106] Сауд Аль-Фейсал фи Багдад карибан (Сауд Аль-Фейсал скоро посетит Багдад) // Аль-Хайят, 4.12.2014. – http://alhayat.com/Articles/6048962.

[107] Мутаб бен Абдалла ли «Аш-Шарк Аль-Аусат»: истиасаль аль-ирхаб фи Сурия ястадъи изаха ан-низам аль-лязи ауджадаху.

[108] Одно из ответвлений шиизма, получившее название по имени Зейда ибн Али, брата пятого шиитского имама.

[109] Хадим Аль-Харамейн: кадирун аля химая ватанина ва шаабина (Хранитель Двух Святынь: Мы способны защитить нашу родину и наш народ) // Аль-Ватан, 3.12.2009. – http://www.alwatan.com.sa/NEWS/newsdetail.asp?issueno=3352&id=126864.

[110] Здесь и далее автор опирается на работу С.Н. Сереброва. – *Серебров С.Н.* Йемен / Отв. ред.: *Наумкин В.В.*, *Попов В.В.*, *Кузнецов В.А.* // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? С. 259–304.

[111] Здесь и далее: Мубадара халиджийя ли халль аль-азма аль-йеменийя (Инициатива стран Залива по решению йеменского кризиса) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 11.04.2011. – http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=616687&issueno=11822.

[112] Байян садыр ан Маджлис Джамиъа ад-дувваль аль-арабийя фи дауратихи гейр аль-адийя би шаан татаввурат аль-вадъ фи Аль-Йемен (Заявление чрезвычайной сессии Совета Лиги арабских государств о развитии положения в Йемене). 22 марта 2011. – http://www.arableagueonline.org/wps/wcm/connect/dafe0300463817a0b07bb7ab2b463fb2/Yemen.pdf.

[113] Аль-Йемен: Салех ясдыр карарана би тафвид наибихи би аль-хивар ва интихабат мубаккара (Йемен: Салех издает указ о наделении вице-президента полномочиями по проведению диалога и скорейших выборов) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 13.09.2011. – http://classic.aawsat.com/details.asp?section=4&article=640131&issueno=11977.

[114] Хадим Аль-Харамейн Аш-Шарифейн юхаззир аль-фурака фи Аль-Йемен мин магабба аль-фауда (Служитель Двух Благородных Святынь предостерегает йеменские стороны об опасности анархии) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 24.11.2011. – http://classic.aawsat.com/details.asp?section=4&article=651286&issueno=12049.

[115] *Серебров С.Н.* Указ. произв. С. 300–301.

[116] Аль-Йемен: Бахах яджри мушаварат ли тасмия аль-вузара ва Хади юхаззир мин харб ахлийя (Йемен: Бахах проводит переговоры для назна-

чения министров, а Хади предостерегает от гражданской войны) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 21.10.2011. – http://classic.aawsat.com/details.asp?section=4&article=791572&issueno=13111.

[117] Ас-Саудийя таасиф ли аль-ахдас фи Аль-Йемен (Саудовская Аравия выражает сожаление по поводу происходящих в Йемене событий) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 21.10.2011. – http://classic.aawsat.com/details.asp?section=4&article=791579&issueno=13111.

[118] Худжа мухазийя ли Ас-Саудийя фи кабда аль-хусийиин би аль-камиль (Прилегающая к Саудовской Аравии провинция Худжа полностью контролируется хуситами) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 21.10.2011. – http://classic.aawsat.com/details.asp?section=1&issueno=13111&article=791524.

[119] Здесь и далее: Калима Суму вазир аль-хариджийя фи ифтитахийя аль-муатамар аль-визарий ли маджмуа «асдика Аль-Йемен» (Выступление Его Высочества министра иностранных дел на открытии встречи на уровне министров группы «друзей Йемена»). 22 мая 2012. – http://www.mofa.gov.sa/aboutMinistry/Minister/OfficialSpeeches/Pages/ArticleID20125241818458.aspx

[120] См., в частности: Аль-Имана аль-амма ли Маджлис ат-таавун ли дувваль Аль-Халидж аль-арабийя. Аль-Байян ас-сухуфий ли ад-даура ас-салясин баад аль-миа ли Аль-Маджлис аль-визарий (Генеральный секретариат ССАГЗ. Пресс-релиз 130-й сессии Министерского совета). 4 марта 2014. – http://www.gcc-sg.org/index094a.html?action=Sec-Show&ID=656.

[121] Мухаммед бен Наеф: тарсана аль-амн ар-расийя ва кальб аль-инсанийя ан-набид адаля (Мухаммед бен Наеф: надежная опора безопасности и человеческое сердце, жаждущее справедливости) // Указ, 7 ноября 2014. – http://www.okaz.com.sa/new/issues/20141107/Con20141107733182.htm.

[122] *Ар-Рашид А.Р.* Фикра ат-тадаххуль аль-аскарий аль-арабий (Идея арабского военного вмешательства) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 26.10.2014. – http://classic.aawsat.com/leader.asp?section=3&article=792160&issueno=13116.

[123] Вали аль-ахд: Аль-Мамляка камат аля аль-манхадж ас-саляфий ва лян татаназиль анху (Наследник престола: Королевство возникло на основе салафизма и не откажется от него) // Аль-Хайят, 28.12.2011. – http://ksa.daralhayat.com/ksaarticle/344324.

[124] Вазир аль-хариджийя: Хадим Аль-Харамейн аваля мабдаа таазиз макана Аль-Мамляка ад-дуввалийя (Министр иностранных дел: Служитель Двух Святынь претворил принцип укрепления международного престижа Королевства) // Ар-Рияд, 6.05.2013. – http://www.alriyadh.com/832593.

Е.С.Мелкумян

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БАХРЕЙНА, КАТАРА, КУВЕЙТА, ОАЭ И ОМАНА ПО ПОДДЕРЖАНИЮ РЕГИОНАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ ПОСЛЕ 2011 г.

Малые государства Залива – Бахрейн, Катар, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) и Оман после событий «арабской весны» 2011 г. активизировали свою внешнеполитическую деятельность в регионе Ближнего Востока, где возросли угрозы региональной безопасности и стабильности. Внешняя политика этой группы государств, несмотря на существующие между ними отличия, была направлена на поиски путей выхода из кризисных ситуаций, подавления экстремистской деятельности радикальных исламистских организаций и выстраивания новых отношений с Ираном.

Эта группа арабских монархических государств смогла сохранить правящие режимы и внутриполитическую стабильность, несмотря на массовые протестные движения, которые в 2011 г. происходили в Кувейте, Омане и на Бахрейне. Собственно, на Бахрейне антиправительственные выступления были наиболее массовыми и длительными, в ходе их развития было выдвинуто требование свержения монархии и перехода к республиканскому правлению, однако власти удалось начать «национальный диалог» и получить поддержку со стороны большинства населения страны.

Сирийский кризис

Политика малых государств Залива определялась общими установками, которые принимались на уровне региональных организаций, таких как Лига арабских государств и Совет сотрудничества арабских государств Залива, членами которых они являются. Совет сотрудничества занимал жесткие позиции в отношении правящего в Сирии режима Башара Асада, кото-

рого государства, входящие в это объединение, считали повинным в многочисленных жертвах среди мирного населения и поэтому утратившим легитимное право на осуществление власти в стране. В феврале 2012 г. все государства ССАГЗ стали замораживать свои дипломатические отношения с Сирией и высылали из страны сирийских дипломатов. В числе первых стран, прибегнувших к этой мере воздействия на правящий сирийский режим, был Катар.

Катар также стал участником совещаний «друзей сирийского народа», проводивших регулярно свои встречи, направленные на оказание помощи сирийской оппозиции, а также гуманитарной помощи населению Сирии. Катар принял участие в совещании «друзей сирийского народа», которое проходило 24 февраля 2012 г. в Тунисе. В рамках выполнения решений совещания была оказана гуманитарная помощь сирийскому населению внутри страны и многочисленным беженцам, вынужденным покинуть родину.

Малые государства Залива способствовали признанию Национальной коалиции оппозиционных и революционных сил (НКОРС) ЛАГ, что нашло отражение в том, что членство Сирии в ЛАГ было заморожено и на заседании Лиги в марте 2013 г. в Каире Сирия была представлена представителем НКОРС. Катар первым из арабских стран открыл у себя в марте 2013 г. посольство сирийской оппозиции, которое получило наименование «Посольство Сирийской коалиции»[1].

В интервью главы правительства НКОРС Ахмада Туаме газете «Аш-Шарк Аль-Аусат» в октябре 2014 г. была отмечена особая роль двух малых государств Залива – Катара и ОАЭ, которые «поддерживают революцию». А. Туаме особо подчеркнул значение финансовой поддержки со стороны Катара и логистической помощи со стороны ОАЭ[2].

Катар не скрывал того факта, что он поставлял оружие оппозиционным силам. По заявлению катарских официальных лиц, такая политика не противоречила общей линии ЛАГ и ССАГЗ. Премьер-министр и министр иностранных дел Катара Хамад бен Джасем Аль Тани отмечал, что ЛАГ поддержала принцип необходимости оказывать помощь оппозиции вооружением. Он подчеркивал, что «если и существует политическое решение, то оно достижимо только при достижении равновесия между двумя противоборствующими силами. К сожалению, правительство поддерживается со стороны некоторых

сил, вместо того, чтобы всем стремиться к политическому решению»[3]. Таким образом, позиция Катара заключалась в том, что если нельзя добиться прекращения вооруженной помощи правительственным войскам, то и силы оппозиции должны иметь возможность усиливать свой военный потенциал. Такой же позиции придерживалась и Саудовская Аравия. Однако между ними не было полного единства: Саудовская Аравия, а также поддержавшие ее Бахрейн и ОАЭ выступали за оказание помощи только НКОРС в качестве признанной арабскими странами оппозиции, тогда как Катар оказывал помощь и радикальным оппозиционным силам.

Кувейтские официальные лица на протяжении всего времени развития этого кризиса обращали особое внимание на гуманитарную сторону сирийского вопроса. Кувейт выделял значительные средства на оказание гуманитарной помощи сирийскому народу. Он провел две международные конференции доноров (в 2013 и 2014 гг.). В октябре 2014 г. Генеральный секретарь ООН назвал главу кувейтского государства «гуманитарным лидером» за вклад его страны в оказание гуманитарной помощи лицам, пострадавшим в результате конфликтов.

Несмотря на некоторые отличия в политике государств-членов, была выработана их общая позиция, которая оставалась неизменной. Саммит ССАГЗ в Эль-Кувейте, состоявшийся в декабре 2013 г., осудил режим Башара Асада за продолжение «политики угнетения в отношении сирийского народа, за применение против него всех видов вооружения, включая тяжелое оружие и запрещенное международным сообществом химическое оружие». Участники саммита призвали к выводу всех иностранных войск с территории Сирии. В то же время саммит поддержал международные усилия, направленные на достижение в Совете Безопасности ООН согласия по принятию резолюции по оказанию гуманитарной помощи сирийскому народу, что не позволило бы режиму Асада «углубить гуманитарный кризис в Сирии»[4].

Главы государств ССАГЗ подтвердили необходимость сохранения суверенитета Сирии, ее единства и территориальной целостности. Они поддержали решение НКОРС как законного представителя сирийского народа принять участие в совещании «Женева-2» с тем, чтобы сформировать «переходное сирийское правительство, обладающее полной исполнительной властью». Они подчеркнули, что соратники сирийского прези-

дента, чьи «руки запятнаны кровью сирийского народа», не должны «играть какую-либо роль в переходном правительстве или в политическом будущем Сирии»[5]. ССАГЗ заинтересован в прекращении конфликта в Сирии, который дестабилизировал региональную ситуацию. На его отношение к сирийской проблеме оказывала влияние поддержка правящего сирийского режима со стороны Ирана, который также способствовал и участию в сирийском конфликте на стороне правящего режима своих союзников, прежде всего ливанского шиитского движения «Хизбалла».

В июне 2013 г. Генеральный секретарь ССАГЗ Абдель Латыф аз-Зияни обратился к странам-членам этой организации с просьбой поставить под жесткий контроль всех членов движения «Хизбалла», проживающих в странах Залива[6]. Это произошло после появления информации о том, что ее отряды начали принимать участие в гражданской войне в Сирии на стороне правительственных сил.

Новые тенденции малых стран в отношении Ирана

Противоречия между Ираном и арабскими странами носят как идеологический, так и политический характер. Исламская Республика Иран (ИРИ) претендует на особое положение в мусульманском мире как единственное государство, реализовавшее исламскую модель развития, однако ей удалось добиться признания только со стороны мусульман-шиитов, представители же других исламских конфессий продолжают признавать лидером мусульман Саудовскую Аравию.

Политические установки ИРИ, критиковавшей сложившуюся систему международных отношений, как отражающую интересы Запада, игнорирующего интересы развивающихся государств, также не встретили поддержки у арабских государств, установивших с Западом союзнические отношения и стремившихся к более полной интеграции в мировое экономическое и политическое пространство.

Иран и арабские государства занимали диаметрально противоположные позиции по вопросу ближневосточного урегулирования: Иран не признавал законность существования Государства Израиль и каких-либо переговоров с ним, тогда как арабская позиция основывалась на необходимости мирного разрешения конфликта политическими методами.

В 2000-е годы отношения между Ираном и арабскими государствами еще более обострились из-за актуализации проблемы иранской ядерной программы. Арабские страны, в первую очередь соседние с Ираном государства Залива, с большим опасением воспринимали намерения Ирана развивать свою ядерную программу. На протяжении многих лет, с того момента, как Иран стал объектом критики со стороны мирового сообщества, члены ССАГЗ выступали за превращение региона Ближнего Востока в зону, свободную от ядерного оружия.

Этот вопрос беспокоил соседние с Ираном страны не только с точки зрения того, что он способен создать ядерное оружие и будет обладать неоспоримым военным преимуществом по сравнению с другими государствами региона. Для государств-членов ССАГЗ эта проблема высвечивалась и с точки зрения безопасности создания атомных электростанций в непосредственной близости от границ их государств. Они ее интерпретировали и как стремление Ирана к региональной гегемонии.

Кроме того, опасения аравийских монархий вызывало наращивание Ираном своей военной мощи: он увеличил численность вооруженных сил и интенсифицировал подготовку личного состава. Он также выделял все более значительные средства на производство и закупку современных видов вооружения и военной техники.

Иран развивал и собственную военную промышленность, наладив производство ракет, танков и бронетанковой техники.

Изменения во внешней политике Ирана произошли после избрания в 2013 г. нового президента Хасана Роухани. Он начал переговоры с США – государством, которое на протяжении всего периода, последовавшего за провозглашением ИРИ, воспринималось как главный враг иранского народа. Контакты с США способствовали подписанию международными посредниками и Ираном 24 ноября 2013 г. в Женеве предварительного соглашения по ядерной программе.

Новым моментом во внешнеполитической деятельности Ирана стало и его стремление наладить отношения с арабскими странами прежде всего, с соседними странами-членами ССАГЗ. Государства-члены ССАГЗ в заключительном коммюнике своего саммита, состоявшегося в декабре 2013 г., заявили о необходимости развивать сотрудничество между государствами, входящими в эту организацию и Ираном «на основе принципов добрососедства, невмешательства во внутренние

дела, уважения суверенитета государств, отказа от использования силы или угрозы ее применения»[7]. Общая позиция всех членов ССАГЗ была достаточно сдержанной. В целом они поддержали новые тенденции в политике иранского руководства по отношению к государствам Совета сотрудничества и выразили надежду на то, что эти тенденции будут принимать форму практических шагов, что «отразится позитивным образом на стабильности, безопасности и сохранении мира в регионе»[8].

Позиции малых государств-членов ССАГЗ по вопросу развития отношений с Ираном не были едины. Были как сторонники, так и противники сближения с ним. Оман наиболее активно выступал за то, чтобы поддержать инициативу президента Х. Роухани. Необходимо отметить, что Оман содействовал началу переговоров между Ираном и США, выступив в качестве посредника. Он был заинтересован в том, чтобы Иран вышел из международной изоляции и усилил свои региональные позиции. Согласно заявлению министра иностранных дел султаната Юсефа бен Алави, «государства Залива имеют стратегические цели в стабилизации ситуации, что ясно для нас всех. Иранцы – наши соседи. Ясно, что все хотят решить проблемы Ближнего Востока, что станет началом мирного пути развития региона, хватит нам войн и противостояния, необходимо, чтобы будущие поколения благоденствовали в условиях региональной стабильности»[9].

Для Омана Иран не представлял угрозы, так как в этой стране не было приверженцев шиизма, отсутствовали радикальные исламистские организации, не были отмечены акты терроризма. Кроме того, расширение связей с Ираном соответствовало уровню исторически сложившихся отношений двух стран.

Другой страной, которая также традиционно стремилась сохранить отношения с Ираном, был Катар. Их экономические связи активно развивались. Так, Катар и Иран совместно разрабатывают месторождение газа на шельфе, что способствует укреплению сотрудничества в экономической сфере. В то же время Катар как член ССАГЗ был солидарен со своими партнерами в критической оценке политики Ирана в регионе Ближнего Востока, прежде всего в том, что касалось разработки иранской ядерной программы. Не устраивала Катар и поддержка, оказывавшаяся Ираном правящему режиму Б. Асада в Сирии. Готовность Катара в новых условиях к налаживанию

контактов с Исламской республикой определялась его заинтересованностью Ирана в упрочении положения на региональной арене, чтобы Катар мог балансировать между двумя региональными державами – Саудовской Аравией и Ираном и таким образом укреплять свои собственные региональные позиции.

Кувейт был еще одной из малых стран ССАГЗ, поддерживавших инициативу иранского президента по налаживанию региональных контактов. Эмир Кувейта Сабах Аль-Ахмед Ас-Сабах в начале июня 2014 г. совершил официальный визит в Тегеран, в ходе которого был подписан ряд соглашений. Несмотря на прогресс в развитии двусторонних связей, Кувейт как член ССАГЗ не мог проводить отличный от своих партнеров курс. Подписанные им соглашения касались главным образом экономической сферы и не могли изменить общее настороженное отношение ССАГЗ к Ирану.

Отношения Ирана и ОАЭ были омрачены существованием спорной проблемы о территориальной принадлежности трех островов в Персидском заливе – Большого и Малого Томба и Абу-Муса. Эти небольшие острова стратегически важны в силу того, что они расположены на стыке морских путей. Официальная точка зрения ОАЭ состоит в том, что Большой и Малый Томб исторически принадлежат входящим в федерацию ОАЭ эмирату Рас-аль-Хайма, а Абу-Муса – эмирату Шарджа. Иран же заявлял о собственных правах на эти острова, считая, что Великобритания в одностороннем порядке отторгла их у него и передала двум эмиратам Договорного Омана, которые позже вошли в состав ОАЭ.

В 1971 г. острова Большой и Малый Томб были оккупированы Ираном. ОАЭ, которые в этот период были заняты созданием федерации после обретения политической независимости от Великобритании, стремились не осложнять отношений с Ираном, надеясь, что в дальнейшем удастся разрешить проблему островов путем переговоров. Члены Совета сотрудничества не исключали возможности передачи этого вопроса в Международный суд в Гааге. В рамках ССАГЗ была создана комиссия по проблемам островов. Однако с начала 1980-х годов Иран начал проводить политику захвата острова Абу-Муса.

Проблема островов постоянно фигурировала в повестке дня любых совещаний на высшем уровне, которые проводились государствами-членами ССАГЗ. Его позиция была отражена в частности, в заключительном коммюнике саммита, про-

ходившего в Кувейте в декабре 2013 г. В нем говорилось: «Совет сотрудничества оказывает свою полную поддержку ОАЭ в его конфликте с Ираном по поводу островов в Персидском заливе, его права на суверенитет над этими островами – Абу-Муса, Большой и Малый Томб, на их территориальные воды и воздушное пространство, а также на шельф. Он рассматривает эти три острова в качестве неотъемлемой части ОАЭ и осуждает все действия, которые предпринимает в их отношении Иран, считая их незаконными и не меняющими исторических фактов, которые подтверждают право ОАЭ на суверенитет над ними»[10]. Неизменно подтверждая эту позицию, государства ССАГЗ подчеркивали ее значение для стабилизации ситуации в регионе. Они пытались также привлечь к ней внимание со стороны мирового сообщества.

В условиях, когда Иран стал проявлять заинтересованность в улучшении отношений с арабскими государствами Залива, ОАЭ рассчитывали, что Иран пойдет на начало переговоров по спорной проблеме островов. Но в целом в вопросе об отношениях с Ираном ОАЭ солидаризируются со своими партнерами по Совету сотрудничества.

Отношения между Ираном и Бахрейном исторически были осложнены притязаниями Ирана на Бахрейн как неотъемлемую часть своей территории. Время от времени иранские политики их реанимируют, что приводит к очередному кризису в отношениях между двумя странами. Еще одним фактором, воздействовавшим на ирано-бахрейнские отношения, была поддержка, оказываемая Ираном экстремистским шиитским группировкам, целью которых было свержение правящего режима.

Бахрейн продолжал обвинять Иран в поддержке антиправительственных террористических организаций и после того, как иранский президент Роухани предпринял попытку наладить сотрудничество в регионе Персидского залива. Бахрейнский министр иностранных дел Халед бен Ахмед Аль Халифа, выступая на совещании министров иностранных дел ССАГЗ в Эр-Рияде в марте 2014 г., заявил о том, что к взрывам в Манаме в начале 2014 г. причастны группировки, включенные в список террористических организаций, в которых значительную роль «играют иранские элементы»[11]. Таким образом, официальный дискурс Бахрейна после прихода к власти президента ИРИ Х. Роухани не изменился.

Новая страница в соперничестве государств ССАГЗ и Ирана была связана с конфликтом в Ираке, где террористическая

организация «Исламское государство Ирака и Леванта» (позже переименованная в «Исламское государство») вела борьбу против центрального правительства. Государства Совета сотрудничества обвинили в дестабилизации ситуации правительство Н. аль-Малики, пользовавшегося широкой поддержкой со стороны Ирана.

Конкуренция между Ираном и арабскими государствами Залива не прекратилась, несмотря на то, что министр иностранных дел Омана Юсеф бен Алави выступил в качестве посредника для сближения точек зрения между Ираном и Саудовской Аравией[12]. Вряд ли удастся преодолеть все те противоречия, которые их разделяют, и в дальнейшем. Главными при этом, как представляется, остаются противоречия между Ираном и Саудовской Аравией, касающиеся не только региональных проблем, таких как Сирия, Ливан, Ирак, но и разделяющее их обоюдное стремление играть ведущую роль в регионе.

Кризис в отношениях между Катаром и его партнерами по ССАГЗ

Эффективность политики ССАГЗ как одного из ведущих региональных акторов была снижена из-за возникших разногласий между членами этого объединения, которые привели к серьезному кризису в их отношениях. 5 марта 2014 г. три члена ССАГЗ – Саудовская Аравия, ОАЭ и Бахрейн приняли решение отозвать своих послов из Катара – еще одного члена этого регионального объединения. В совместном заявлении, с которым выступили Саудовская Аравия, ОАЭ и Бахрейн, говорилось о том, что Катар не выполняет своих обязательств по соглашению, которое в ноябре 2012 г. государства-члены Совета сотрудничества подписали в Эр-Рияде[13].

В заявлении также подчеркивалось, что все государства-члены ССАГЗ, подписавшие «соглашение о безопасности», прилагали разносторонние усилия к тому, чтобы добиться от Катара согласия проводить «единый политический курс», как этого требует устав этой организации, а также подписанные ими соглашения, поскольку соглашение по безопасности подтверждает «принцип прямого или косвенного невмешательства во внутренние дела государств, входящих в Совет сотрудничества», требует «не поддерживать тех, кто угрожает

безопасности и стабильности этих государств, будь то организация или же отдельные личности, которые непосредственным образом угрожают их безопасности, пытаются оказать политическое давление или же поддерживают враждебную информацию». Вместе с тем в том же заявлении указывалось и на то, что Катар взял на себя соответствующие обязательства по реализации соглашения о безопасности, т.к. эмир этой страны шейх Тамим бен Хамад Аль Тани поставил под ним свою подпись на «тройственном саммите» – совещании, проходившем 23 ноября 2013 г. в Эр-Рияде, участниками которого были также главы Саудовской Аравии и Кувейта[14].

Одна из статей соглашения обязывала все государства, подписавшие его, предпринимать законодательные меры в отношении преступления, попадающего под действие национального законодательства, в случае вмешательства его граждан или проживающих на его территории лиц во внутренние дела одного из участников этого соглашения[15].

Претензии к Катару были связаны прежде всего с нахождением на его территории видных деятелей Движения «Братья-мусульмане», выступавших против ведущих политиков Саудовской Аравии и ОАЭ, «недружественной информационной политикой» Катара в отношении ОАЭ и Бахрейна, отсутствием «координации действий Катара с другими членами Совета сотрудничества по сирийскому вопросу» и созданием им «блока с Турцией и другими государствами», «как и "подозрениями", связанными с "возможной" катарской поддержкой йеменских хуситов»[16]. Разногласия между Катаром и его партнерами по ССАГЗ касались и Египта, который обвинил Катар во вмешательстве в свои внутренние дела из-за поддержки, которую он оказывал «Братьям-мусульманам».

Еще одним обвинением в адрес Катара стало бахрейнское заявление о том, что Катар предоставляет гражданство суннитским семьям, имевшим бахрейнское гражданство. Одна из статей соглашения по безопасности запрещала лицам, работавшим в военных ведомствах и службах, обеспечивавших безопасность, менять свое гражданство. Бахрейнские официальные лица утверждали, что катарское гражданство получили и бывшие бахрейнские полицейские, военные и представители спецслужб[17]. Саудовская Аравия и ОАЭ поддержали требование Бахрейна прекратить практику предоставления катарского гражданства бахрейнцам и оппозиционным деятелям ряда стран ССАГЗ.

Совет министров Катара опубликовал заявление, в котором высказал свое «сожаление и удивление» по поводу решения Саудовской Аравии, ОАЭ и Бахрейна «отозвать послов из Дохи», признав существование разногласий с этими странами, но подчеркнув, однако, что они «не касаются проблем Совета сотрудничества». Как говорилось в заявлении катарского Совета министров, «эти разногласия не затрагивают интересы народов государств Залива, его безопасность и стабильность». Катар подтвердил свою «приверженность узам братства с народами государств Совета сотрудничества». Он также заверил своих партнеров по ССАГЗ, что будет и в дальнейшем придерживаться принципов, на которых основывается деятельность этой организации, выполнению всех взятых им обязательств, в том числе и обязательств по «обеспечению безопасности и стабильности всех входящих в Совет сотрудничества государств»[18].

Таким образом, Катар воздержался от ответных мер, тем самым продемонстрировав свою заинтересованность в сохранении единства государств, входящих в ССАГЗ. Сдержанная позиция Катара способствовала снижению напряженности. Он был заинтересован в урегулировании отношений со своими партнерами по ССАГЗ, в поддержке которых он нуждается для реализации своей стратегической задачи поднять свой международный престиж. Для смягчения напряженности он пошел на некоторые компромиссы. Так, страну покинули некоторые видные деятели египетского Движения «Братьев-мусульман», как и был закрыт офис известного исламского проповедника Юсефа Кардауи. Катар также обещал пойти на уступки и по другим вопросам.

В то же время обвинения в адрес Катара были не беспочвенны. В арабской прессе появлялись сообщения о том, что в Главной мечети Дохи звучат проповеди в поддержку действий исламистов, входящих в состав сирийской оппозиции. Их можно было квалифицировать как распространение радикальных исламистских идей[19]. Катар отказывался от прекращения всех связей с исламистами, представлявшими собой одну из ведущих политических сил в регионе Ближнего Востока. Как отмечал министр иностранных дел Катара Халед бен Мухаммед аль-Атыйя, «нельзя обвинять всех исламистов в терроризме!»[20].

Стратегия Катара по поддержке исламистов (от ХАМАСа в секторе Газа до «Братьев-мусульман» в Египте и радикалов из рядов сирийской оппозиции) и позиционирование себя в качестве ключевого союзника США на нестабильном Ближнем

Востоке объясняется западными аналитиками как проявление прагматизма[21].

Катар отличается от всех государств, входящих в ССАГЗ, стабильным внутриэкономическим положением. Растущая экономическая мощь этой страны – крупнейшего экспортера сжиженного газа на мировом рынке позволяет увеличивать благосостояние своих граждан. По уровню доходов на душу населения Катар занимает первое место в мире. Этот показатель позволяет ему претендовать на особое положение в системе международных отношений и во многом объясняет его внешнеполитическую активность и его контакты с различными государствами и политическими организациями, деятельность которых рассматривается его партнерами по ССАГЗ как противоречащая их общим интересам. Так, Катар, установив торговые отношения с Израилем в 1990-е годы в рамках начавшегося Мадридского процесса по урегулированию ближневосточного конфликта, поддерживал их до 2008 г., когда началась израильская военная кампания в Газе. Это вызывало недовольство со стороны других государств ССАГЗ. Его поддержка ХАМАСа или же развитые экономические связи с Ираном также противоречили общей линии ССАГЗ. Таким образом, внешняя политика Катара всегда отличалась от политики других малых государств Совета сотрудничества и нередко вызывала их недовольство.

15 ноября 2014 г. прошла внеочередная встреча на высшем уровне ССАГЗ в Эр-Рияде, на которой, под покровительством короля Саудовской Аравии Абдаллы бен Абдель Азиза, состоялось примирение, позволившее Катару «вернуться в семью государств Залива». Три государства ССАГЗ – Саудовская Аравия, ОАЭ и Бахрейн приняли решение вернуть своих послов в Доху. Окончательная точка в конфликте государств, входящих в Совет сотрудничества, была поставлена накануне очередного саммита этой организации в Дохе в декабре 2014 г.

По итогам встречи в Эр-Рияде было принято заявление, в котором отмечалась «необходимость крепить дух братского взаимодействия, подчеркивать общность судьбы, которую осознают сыны государств Совета сотрудничества, связанных тесными узами взаимодействия»[22]. Как было отмечено в заявлении, достижение соглашения о единстве государств-членов ССАГЗ было осуществлено в сложный период, который переживает регион Ближнего Востока, что «требует прилагать особые усилия и сплотиться ради защиты безопасности и стабильности в регионе»[23].

На встрече в Эр-Рияде эмир Катара шейх Тамим бен Хамад Аль Тани взял на себя обязательство изменить свой внешнеполитический курс и, в частности, прекратить пропагандистскую кампанию против Египта.

После совещания в Эр-Рияде, итогом которого стало полное примирение конфликтующих сторон, Катар пошел навстречу и требованиям Бахрейна. Как заявил бахрейнский министр внутренних дел бригадный генерал Рашид бен Абдалла Аль Халифа, «Катар прекратил кампанию по предоставлению своего гражданства бахрейнцам», это, по его словам, свидетельствовало о «взаимном уважении законов братских стран, что служит общим интересам и укреплению взаимных связей между членами Совета сотрудничества»[24].

Готовность Катара к компромиссам, по всей вероятности, можно объяснить его заинтересованностью в поддержке со стороны всех членов Совета сотрудничества для повышения своего регионального влияния и престижа на мировой арене – стратегических целей своей внешнеполитической деятельности на современном этапе.

Урегулирование кризиса между государствами ССАГЗ произошло и под воздействием все ухудшающейся ситуации на Ближнем Востоке. Государства ССАГЗ участвуют в международной кампании по борьбе с «Исламским государством», которое угрожает не только региональной безопасности, но и национальной безопасности этих государств.

Страны, входящие в состав Совета сотрудничества, заинтересованы в сохранении своего единства. Не случайно, что в принятом ими документе на совещании глав государств в Эр-Рияде неоднократно подчеркивалась общность их судьбы. Угрозы, исходящие со стороны радикальных исламистских организаций, грозят стабильности всех этих государств. В этой ситуации вполне объяснимо их стремление к консолидации и мирному решению всех спорных вопросов.

Борьба с терроризмом

Все государства-члены ССАГЗ видят особую опасность в деятельности террористических организаций. В ОАЭ в 2014 г. был принят закон о борьбе с терроризмом и опубликован список организаций, включенных в состав террористических. Ка-

тар также участвует в международной кампании по борьбе с терроризмом, хотя внутри страны террористическая активность не отмечена. Его позиция связана со стремлением проявить себя как ответственный участник борьбы за обеспечение региональной и глобальной безопасности, главной угрозой для которой является терроризм.

11 сентября 2014 г. в Джидде прошло совещание министров иностранных дел стран-членов ССАГЗ. В заключительном коммюнике участники совещания поддержали резолюцию Совета Безопасности ООН 2170, а также резолюцию ЛАГ 7804 от 7 сентября 2014 г., направленные на борьбу с «Исламским государством». Они стали участниками международной коалиции во главе с США для борьбы с этой террористической структурой. Саудовская Аравия, Бахрейн, Катар и ОАЭ направили свои военно-воздушные эскадрильи для нанесения воздушных ударов по ИГИЛ.

Катар стал объектом критики со стороны Запада. Его обвинили в поддержке террористической организации «Исламское государство», захватившей значительную часть Ирака и Сирии. Во время официального визита в Германию, выступая на совместной пресс-конференции с канцлером Ангелой Меркель, эмир Катара шейх Тамим бен Хамад Аль Тани опроверг все обвинения. Он заявил: «То, что происходит в Сирии и Ираке – это экстремизм. Организации, которые за этим стоят, получают финансирование из-за рубежа. Однако Катар никогда не поддерживал и не поддерживает эти организации»[25]. Глава Катара заверил своих немецких партнеров, что террористы представляют угрозу и для его страны. Канцлер Меркель же отметила в своем выступлении, что «она верит словам шейха Тамима»[26]. Германия принесла официальные извинения за высказывание немецкого министра экономического сотрудничества и развития Герда Мюллера, заявившего о том, что «Катар – ключ к тому, что связано с финансированием движения Исламское государство»[27].

Для Катара, который расширяет свою инвестиционную активность в Европе, снять все сомнения в отношении его связей с террористическими организациями принципиально важно. Кроме того, Катар, получив согласие на проведение чемпионата мира по футболу в 2022 г., не хотел бы его утратить, т.к. это событие рассматривается им как важный шаг на пути повышения престижа на международной арене.

Ангела Меркель охарактеризовала Катар как «стратегического инвестора» для Германии, которая, по ее словам, является «самой мощной экономикой Европы»[28]. Крупный катарский предприниматель, бывший премьер-министр этой страны шейх Хамад бен Джасем Аль Тани владеет крупным пакетом акций немецкого «Дойче Банк». Катарское правительство приобрело 17 % акций такой известной немецкой компании, как «Фольксваген»[29]. Кроме того, Катар провел переговоры с немецкой стороной (стремящейся уменьшить зависимость от России) относительно поставок сжиженного природного газа. Расширяющееся сотрудничество между Катаром и Германией может способствовать и осуществлению поставок немецких противотанковых ракет, в которых заинтересован Катар. Переговоры по заключению соответствующего соглашения были отложены из-за сомнений в отношении катарских связей с террористическими организациями.

Катар активно развивает отношения и с другими европейскими государствами, прежде всего Францией, которая поставляет ему вооружение. Поэтому вполне понятно стремление катарских руководителей снять все обвинения в том, что Катар финансирует ИГ – террористическую группировку, которая сегодня представляет угрозу не только для безопасности Ближнего Востока, но и безопасности на глобальном уровне. Для объединения усилий в борьбе с ней была проведена 15 сентября 2014 г. международная конференция в Париже, в которой участвовали многие государства. Среди десяти арабских стран был представлен и Катар.

Катар является также надежным союзником США в проведении кампании против ИГ. Воздушные налеты, проводимые США в Сирии и Ираке, осуществляются из центра управления, расположенного на военной базе Катара. Там сосредоточено 8 тысяч американских военнослужащих и десятки самолетов ВВС США[30].

Появилась информация о том, что в Кувейте будет создан еще один центр управления, в котором будут представлены все страны, участвующие в кампании против ИГ[31]. Кроме того, Кувейт предоставляет финансовую помощь для проведения этой военной операции[32].

ОАЭ – одно из малых государств ССАГЗ, участвующее в нанесении воздушных ударов по ИГ в Сирии и Ираке. Причем эскадрилью этой страны возглавляет Марьям аль-Мансури.

Она – первая женщина-пилот, управляющая истребителем. Марьям аль-Мансури 35 лет. В 2007 г. она закончила военный колледж им. Халифы бен Заеда, получив квалификацию пилота. Военно-воздушный флот ОАЭ – самый значительный среди других малых государств ССАГЗ. Он состоит из американских самолетов F-16 и французских «Миражей»[33].

Участие малых государств ССАГЗ в борьбе международной коалиции с ИГ объяснимо как с точки зрения их заинтересованности продемонстрировать свою региональную активность, так и стремлением добиться реального улучшения региональной ситуации, которая негативным образом воздействует на их экономическое и политическое развитие.

Ситуация в Йемене

Малые государства ССАГЗ проявляют обеспокоенность нестабильностью в Йемене. 23 октября 2014 г. Кувейт как председатель ССАГЗ обратился с просьбой в Совет Безопасности ООН рассмотреть ухудшение ситуации в Йемене, вызванное расширением действий хуситов. В заявлении Кувейта содержался призыв к Совету Безопасности ООН обратить особое внимание на ухудшающуюся ситуацию в Йемене и взять на себя ответственность за ее разрешение[34].

26 ноября 2014 г. Катар выступил с инициативой проведения совместного совещания министров иностранных дел ССАГЗ и Йемена в Дохе. Его открыл министр иностранных дел Катара Халед аль-Атыйя. В своей речи он подчеркнул «готовность государств ССАГЗ участвовать в обеспечении безопасности братского Йемена и его стабильности, а также ликвидации последствий тех печальных, очень опасных и важных событий, которые вызвали обеспокоенность Совета сотрудничества в том, что Йемен вновь погрузится в состояние насилия и анархии». Он призвал всех йеменских братьев отбросить разделяющие их конфессиональные различия и поставить интересы йеменского народа превыше всего. Он обратился к ним с призывом продолжить национальный диалог, завершить политический процесс, направленный на обеспечение безопасности, стабильности и единство йеменского народа[35].

Участники совещания в Дохе приветствовали формирование нового правительства в Йемене как позитивный шаг

в направлении осуществления стабильности и будущего процветания этой страны.

Все государства ССАГЗ заинтересованы в обеспечении безопасности соседнего Йемена, которому они постоянно оказывают экономическую помощь и политическую поддержку в проведении национального диалога между различными политическими силами с тем, чтобы создать федеративное государство и укрепить стабильность страны.

Деятельность террористических группировок в Йемене вызывает обеспокоенность государств ССАГЗ в свете ухудшающейся ситуации на Ближнем Востоке в целом. Малые государства, входящие в эту организацию, уделяют вопросам противодействия террористической угрозы особое внимание, т.к. без их участия, а главное финансовой и политической поддержки, которую они оказывают, отразить эту угрозу региональной безопасности не представляется возможным.

---

[1] Катар тасаллама авваль сафара ли иитлаф аль-ватаний ас-сурий (Катар приветствовал первое посольство Сирийской национальной коалиции) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 31.03.2013. – http://www.aawsat.com/print.asp?did=722455&issueno=12539.

[2] Туаме: наамаль аля ташкиль джйш ватаний (Туаме: Мы работаем над созданием национальной армии) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 19.10.2014. – http://www.aawsat.com/home/article/204182.

[3] Хамад бен Джабар: надам аль-муарада ас-сурийя ли тахкик ат-тавазун (Хамад бен Джабар: Мы поддерживаем сирийскую оппозицию для достижения равновесия). – http://www/aljazeera.net/home/prin/f6451603-4dff-4cal-9c10-122741d17432,812d3...23/04/2013.

[4] Киммат Аль-Кувейт тураххиб би таваджухат Иран туджаха «Аль-Халидж аль-арабий» ва тадъу иля ислах Маджлис аль-амн (Саммит в Кувейте приветствует новые тенденции в политике Ирана в отношении «Арабского залива» и призывает к реформированию Совета Безопасности) // Аль-Хайят, 12.12.2013. – http://alhayat.com/home/Print/581139?PrintPictures=0.

[5] Там же.

[6] Бен Алави ли Аш-Шарк Аль-Аусат: аль-иттифак маслаха муштарака ва янакис аля истикрар аль-минтака. -(Бен Алави Аш-Шарк Аль-Аусат: согласие -общий интерес, оно скажется на стабильности региона Аш-Шарк Аль-Аусат 26 ноября 2013. – http://www.aawsat.com/print.asp?did=751657&issueno=12782.

[7] Там же.

[8] Аз-Зияни ли «Аль-Хайят»: лесна калакиин туджаха ат-такаруб аль-гарбий маа Иран ва нуси иля ибад ат-таваттур мин аль-минтака (Аз-Зияни газете «Аль-Хайят»: Мы не беспокоимся по поводу западного сближения с Ираном и стремимся к устранению напряженности в регионе) // Аль-Хайят, 10.12.2013. – http://alhayat.com/home/PrintPictures=0.

[9] Бен Алави ли Аш-Шарк Аль-Аусат: аль-иттифак маслаха муштарака ва янакис аля истикрар аль-минтака. -(Бен Алави газете «Аш-Шарк Аль-Аусат»: согласие -общий интерес, оно скажется на стабильности региона) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 26.11.2013. – http://www.aawsat.com/print.asp?did=751657&issueno=12782.

[10] Киммат Аль-Кувейт тураххиб би таваджухат Иран туджаха «Аль-Халидж аль-арабий» ва таду иля ислах маджлис аль-амн (Саммит в Кувейте приветствует новые тенденции в политике Ирана в отношении «Арабского залива» и призывает к реформированию Совета Безопасности) // Аль-Хайят, 12.12.2013. – http://alhayat.com/home/Print/581139?PrintPictures=0.

[11] Там же.

[12] Юсеф бен Алави: нукриб виджат ан-назр бейна Иран ва Ас-Саудийя ва ат-тарафан юрахxибан (Юсеф бен Алави: Мы сближаем точки зрения между Ираном и Саудовской Аравией, и они приветствуют это) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 09.11.2014. – http://www.aawsat.com/print.218306.

[13] Насс аль-баян аль-муштарак (Текст совместного заявления) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 06.03.2014. – http://www.aawsat.com/print.asp?did=763728&issueno=12882.

[14] Там же.

[15] Насс аль-иттифакийя аль аманийя (Текст соглашения по безопасности) // Аль-Анба, Кувейт, 20.10.2014. – http://www.alanba.com.kw/absolutenmnew/temnlated/print-article.aspx?articleid=373.

[16] Насс аль-баян аль-муштарак (Текст совместного заявления) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 06.03.2014. – http://www.aawsat.com/print.asp?did=763728&issueno=12882.

[17] Аль-Бахрейн тухадид би иттихаз»иджраат муакаса» дида Катар би шаан кадийят «ат-таджнис» (Бахрейн угрожает принятием «ответных мер» против Катара по поводу проблемы «предоставления гражданства») // Аш-Шарк Аль-Аусат, 18.09.2014. – http://www.aawsat.com/print.asp?did=787520&issueno=13078 .

[18] Катар: нуасиф ли сахаб суфара Ас-Саудийя ва Аль-Имарат ва Аль-Бахрейн ва аль-карар сабабаху хилафат хавля шуун харидж маджлис ат-

тааун (Катар: Мы сожалеем об отзыве послов Саудовской Аравии, Эмиратов и Бахрейна, но его причины связаны с разногласиями не затрагивающими Совет сотрудничества) // Аль-Хайят, 06.03.2014. – http://alhayat.com/Articles/913438/.

[19] Иттифак сирий ясмаху би амалият амиркийя хасса мин каида аль-адид дуна ар-руджуа ли Ад-Доха (Секретное соглашение, позволяющее проведение специальных американских операций с ряда баз без возвращения в Доху) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 06.10.2014. – http://www.aawsat.com/print/195701.

[20] Там же.

[21] Qatar's friends-with-everyone approach rankles some of its Persian Gulf neighbors // The Washington Post, 06.10.2014. – http://www.washingtonpost.com/world/national-security/qatars-friends-with-everyone…

[22] Би риаят хадим аль-харамейн – мусалаха туид Катар иля аль-хадан аль-халиджий (Под покровительством Служителя двух святынь – примирение вернет Катар в семью государств Залива) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 17.11.2014. – http://www.aawsat.com/print.223311.

[23] Там же.

[24] Вазир дахилийя Аль-Бахрейн: Катар авкафат ат-таджнис (Министр внутренних дел Бахрейна: Катар остановил предоставление гражданства) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 19.11.2014. – http://www.aawsat.com/print.225046.

[25] Аш-шейх Тамим фи Берлин: Катар лем ва лен тадам муназзамат ирхабийя (Шейх Тамим в Берлине: Катар не поддерживает и не будет поддерживать террористические организации) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 18.09.2014. – http:/classic.aawsat.com/print.asp?did=787531&issueno=13078.

[26] Там же.

[27] Там же.

[28] Там же.

[29] Там же.

[30] Там же.

[31] Масдар Дифаий фарансий: киядат амалият ат-тахалуф ад-дувалий сатантакиль иля Аль-Кувейт (Французский военный источник: управление действиями международной коалиции будет перенесено в Кувейт) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 03.10.2014. – http:/classic.aawsat.com/print.asp?did=789378&issueno=13093.

[32] Мен хия ад-дувваль аль-мусахама фи тахалуф дида «Даиш»? (Какие государства участвуют в коалиции против ИГИЛ?) // Аль-Хайят, 09.09.2014. – http://alhayat.com/Articles/451714.

[33] Ас-Сираб аль-имаратий аль-мушарак фи касаф «АдДаиш» кадатху имра (Эскадрилью ОАЭ, участвующую в нанесении ударов по ИГИЛ, возглавляет женщина) // Аль-Хайят, 28.09.2014. – http://alhayat.com/Articles/4773468.

[34] 7 нукаат фи рисаля халиджийя ли маджлис аль-амн хауля Аль-Йемен (7 пунктов в послании стран Залива Совету Безопасности относительно Йемена) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 29.10.2014. – http://www.aawsat.com/print.210561.

[35] Вузара хариджийят дувваль «Маджли ат-Тааун» ва Аль-Йемен яакудуна иджтимаан фи Ад-Доха (Министры иностранных дел Совета сотрудничества созывают совещание в Дохе) // Аль-Хайят, 26.11.2014. – http://alhayat.com/Articles/5873471.

А.Ю.Носков

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ СОСТОЯНИЯ НЕФТЯНОГО СЕКТОРА АЛЖИРА

Экономика Алжира долгие годы ассоциируется с нефтью и газом, которые являются самым важным сектором хозяйства. По состоянию на 2013 г. республика занимала 10-е место в мире по доказанным запасам природного газа и 16-е по запасам нефти (12,2 млрд. барр.).[1] В совокупности с имеющимися добывающими и перерабатывающими мощностями это позволяет не только удовлетворять большую часть потребностей в энергоносителях, продуктах нефтепереработки и в основных видах топлива, но и экспортировать данные виды сырья и продукцию. Так, в 2012 г. за счет углеводородов формировалось 30% ВВП страны и 60% бюджетной выручки, а доля сектора в экспортных начислениях составляла 95%.[2]

На первый взгляд, приведенные выше данные внушают оптимизм, ставя страну в преимущественное положение по сравнению с соседним Тунисом и особенно Марокко. Однако проблемы этого огромного сектора в АНДР формируют энергетическую стратегию государства, некоторые элементы которой схожи с этими соседними странами. Это касается привлечения инвестиций иностранных компаний в геологоразведку и нефтедобычу, в т.ч. с целью открытия и освоения новых месторождений. А также намерений организовывать и развивать производство энергии из возобновляемых источников, на что в АНДР возлагаются большие надежды.

Необходимо сказать, что о возможном кризисе энергетической отрасли Алжира сегодня нередко упоминается в прессе.[3,4] И связывается это, по мнению авторов этих источников, в первую очередь со снижением газодобычи и нефтедобычи (последней в меньшей степени), имеющим место в последние годы, а также с высокими темпами роста потребления энергии в стране.

Темпы роста потребления нефти в стране действительно растут быстрыми темпами – от 6 до 8 % в год (правда, в 2011 г. наблюдалось снижение потребления по сравнению с 2010 г., но это носило скорее исключительный характер). В целом такая ситуация не выглядит необычной в Северной Африке, хотя в Египте этот показатель значительно ниже. Это связано как с высокими темпами роста населения (более 2 % в год), так и с высокими темпами роста ВВП в последние годы, за исключением 2012 г. (9% – в 2013 г., 2,5% – в 2012 г., 23% – в 2011 г., 17% – в 2010 г., по данным, измеряемым в текущих ценах). Отметим также, что показатели энергоемкости ВВП (затраты энергии на единицу ВВП) в АНДР значительно выше по сравнению с Тунисом и Марокко, но незначительно уступают Египту. Однако это связано не только с неэкономным расходованием энергии, но и с рядом других факторов, таких, как наличие больших по сравнению с Тунисом, малоосвоенных и неразвитых экономически территорий, а низкие показатели Марокко связаны еще и с менее качественным обеспечением энергией национального хозяйства по причине дефицита собственных энергоносителей.

В этих условиях вполне закономерным является необходимость увеличения нефтедобычи и производства нефтепродуктов в случае намерений сохранять объемы экспорта углеводородов на прежнем уровне. При этом стимулирование более экономичного потребления энергии вряд ли способно компенсировать высокие темпы роста в условиях АНДР.

Для анализа ситуации с уровнем добычи и направлениями нефтяной политики рассмотрим следующие данные (см. Таблицы 1, 2,3).

Как видно из таблиц, в структуре потребителей алжирской нефти на первом месте стоят страны Европы, причем в последние годы прослеживается уверенная тенденция по увеличению европейской доли, в т.ч. за счет американской (последние еще в 2010 г. составляли 50%-ю долю в структуре нефтяного экспорта Алжира). Можно предположить в связи с этим, что закрепление на европейском нефтяном рынке в более значимой степени, чем в предыдущие годы, на среднесрочную (от 5 лет) перспективу является одной из целей Алжира во внешнеэкономической деятельности.

Таблица 1

Данные о запасах, нефтедобыче и инфраструктуре

Показатель	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Доказанные запасы нефти, млн. барр.	11,314	11,8	12,27	12,2	12,2	12,2
Количество действующих буровых установок	н/д	н/д	21	25	29	27
Количество пробуренных скважин	н/д	н/д	198	285	300	316
Количество активных скважин	н/д	н/д	1475	1580	1790	2028
Объем ежедневной добычи нефти, тыс. барр/сут.*	942,4	1311,4	1352	1368,8	1371,6	1356
Отношение резервов к добыче*	32,89	24,65	24,86	24,42	24,37	32,89
Экспорт нефти в денежном выражении, млрд $	16,476	23,050	32,882	38,342	37,817	47,018

Показатель	2009	2010	2011	2012	2013	Темпы роста, %, 2013/2012
Доказанные запасы нефти, млрд. барр.	12,2	12,2	12,2	12,2	12,2	0,00
Количество действующих буровых установок	27	24	33	38	49	28,94
Количество пробуренных скважин	265	258	249	258	191	-35
Количество активных скважин	2028	2014	2010	2061	2061	
Объем ежедневной добычи нефти, тыс. барр/сут.	1216	1189,8	1161,6	1199,8	1202,6	0,2
Отношение резервов к добыче	27,49	28,09	28,77	27,86	27,79	
Экспорт нефти в денежном выражении, млрд $	30,584	38,211	51,409	48,271	44,458	

Источник: данные ежегодных отчетов ОПЕК.

* Данные о добыче приведены без учета газоконденсатных жидкостей, включают только сырую нефть.

Таблица 2

Направления экспорта сырой нефти из АНДР, тыс. барр/сут.

	Европа*	Северная Америка	АТР	Южная Америка	ИТОГО
2010	155	412	138	4	709
2011	291	289	112	6	698
2012	424	263	92	29	809
2013	518	123	93	11	744

Таблица 3

Направления экспорта нефтепродуктов из АНДР, тыс. барр/сут.

	Европа*	Северная Америка	АТР	Южная Америка	Африка и Ближний Восток	ИТОГО
2010	119	105	6	83	1	314
2011	205	131	11	92	55	492
2012	189	106	25	75	54	450
2013	196	81	59	54	61	453

Источник: данные ежегодных отчетов ОПЕК.

* Под понятием Европа здесь и далее по тексту подразумеваются страны Европейского Союза, Швейцария и Норвегия.

При этом необходимо отметить, что в общем объеме потребления нефти странами Европы – 13,61 млн. барр/сут. в 2013 г. (в соответствии с прогнозом ОПЕК – 13,41 млн. барр/сут. в 2014 г.) Алжир занимает далеко не ведущее место – менее 6%, или 518 тыс. барр/сут. нефти и 196 тыс. барр/сут. нефтепродуктов (для сравнения – общий экспорт нефти и нефтепродуктов из стран бывшего СССР в 2013 г. в страны Старого Света составлял 5,791 млн. барр/сут., или более 42 %).[5]

При этом снижение темпов потребления нефти и нефтепродуктов в странах Европы вызвано как снижением темпов

экономического роста в последние 2–3 года, так и бурным развитием возобновляемых источников. Однако в сотрудничестве с АНДР это не будет играть решающей роли, т.к. объемы спроса на «черное золото» со стороны этого крупнейшего потребителя (алжирской нефти) пока еще остаются довольно высокими.

Что касается достаточно бурного развития сектора возобновляемой энергетики в странах Европы, главным образом солнечной и ветряной, то сегодня оно не может значительно повлиять на спрос на нефть со стороны стран Старого Света. Основная причина этого заключается в том, что технологии их производства пока не настолько совершенны и распространены, чтобы заменять собой традиционные способы производства энергии. Кроме того, себестоимость производства солнечной и ветряной энергии в несколько раз превышает себестоимость энергии, производимой из традиционных источников, что значительно снижает привлекательность сектора в глазах потенциальных инвесторов.

Отметим также, что алжирская нефть марки Saharan Blend обладает рядом преимуществ, прежде всего – низким содержанием серы по сравнению со многими другими сортами. Это дает АНДР ряд возможностей для расширения и диверсификации поставок. Так, в начале сентября 2014 г. начались переговоры о поставке алжирской сырой нефти в Венесуэлу – страну, богатую собственными запасами, где рассматривается возможность смешивания ее с собственными более тяжелыми сортами и дальнейшее использование в производстве нефтепродуктов.[6]

Проанализировав данные последних 10 лет (см. Табл. 1), можно увидеть, что снижение объемов добычи действительно имело место. Однако такая тенденция имела относительно краткосрочный характер, длившись в течение трех лет (2008–2011 гг.), а в последние 2 года наблюдался небольшой рост этого показателя, который, правда, не компенсировал снижение. Однако, с другой стороны, снижение объемов добычи по сравнению с периодом 2004–2008 гг. на более чем 10% не имело дальнейшей тенденции, стабилизировавшись на уровне 1150–1200 барр/сут. Причем аналогичный показатель в 1980-х, 1990-х гг. был значительно ниже. А такой показатель, как отношение резервов к добыче (2009 г. – 27,49; 2010 г. – 28,09; 2011 г. – 28,77; 2012 г. – 27,86; 2013 г. – 27,79), был достаточно низким на фоне других стран ОПЕК. Например, в ОАЭ анало-

гичный показатель составлял: 2009 г. – 119,5; 2011 г. – 104,49; 2013 г. – 95,81; в Ливии: 2009 г. – 86,29; 2011 г. – 268; 2013 г. – 133. Известно, что чем ниже значение данного отношения, тем выше нагрузка на месторождения. И хотя Алжир не является «рекордсменом»» по этому показателю среди нефтедобывающих стран (например, в Султанате Оман ситуация сложнее), однако эти данные говорят о высоком и, возможно, нерациональном уровне добычи. Такое значение показателя является близким к критическому. Подобная ситуация способна в дальнейшем привести к более быстрому истощению имеющихся месторождений и, как следствие, снижению доверия к АНДР со стороны иностранных компаний и инвесторов.[7] По этой причине вызывает сомнение утверждение о том, что при имеющихся объемах запасов (говоря только о доказанных объемах) нефти необходимо наращивать ее добычу.

А что касается высокого (рекордного для АНДР) показателя нефтедобычи 2004–2008 гг., то он носил не долгосрочный характер, в то же время не являясь моментальным и случайным явлением. Это могло быть вызвано активизацией нефтедобычи на вновь обустроенных месторождениях (в т.ч. таких крупных, как Уруд и Хасси Беркин, которые в те годы являлись «молодыми», введенными в эксплуатацию в 2002 и 1998 гг.) (см. Приложение 1).

Таким образом, снижение показателя уровня нефтедобычи в период с 2009 по 2011 гг., а также относительно невысокие темпы роста в 2012 и 2013 гг. не являлись тенденцией, которую можно было бы охарактеризовать как кризис в нефтедобывающей отрасли и тенденцию по снижению добычи. Скорее всего, период 2004–2008 гг. был беспрецедентным и, возможно, в какой-то степени небезопасным для роста нефтедобычи в АНДР.

Кроме того, на основании приведенных в таблице 1 данных можно сделать вывод, что объем поступлений за экспортируемую нефть пока остается достаточно высоким, хотя и видна краткосрочная тенденция по его снижению. Так, первые 3 месяца 2014 г. показали незначительное снижение выручки от экспорта нефти и газа (на 2,26%) по сравнению с аналогичным периодом 2013 г.

Больший повод для опасений представляют вовсе не уменьшение объемов добытой нефти в 2009–2011 гг., а некоторые иные аспекты. Прежде всего это уменьшение темпов

роста количества новых скважин, в т.ч. по сравнению с некоторыми другими нефтедобывающими странами, и как следствие, отсутствие увеличения активно работающих скважин (см. Таблицу 1). Это может повлечь некий «застой» в нефтедобыче, а затем и снижение ее объемов (после истощения запасов в местах функционирования скважин). Однако в 2011 и 2013 гг. можно наблюдать беспрецедентное для Алжира увеличение количества буровых установок: в 2010 г. – 24, в 2011 г. – 33, в 2012 г. – 38, в 2013 г. – 49. Это является косвенным подтверждением активизации геологоразведочных работ и, возможно, повлечет за собой успешную разработку новых участков, добыча на которых может начаться в ближайшие 2–3 года.

Кроме того, по мнению U.S. Energy Information Administration, 3 наиболее крупных месторождения, которые в совокупности дают более 50% всей добываемой нефти (Хасси-Мессауд, Уруд, Хасси-Беркин), уже в 2012 г. были близки к тому, чтобы снизить объемы добываемой нефти из-за долговременного и интенсивного использования. В случае, если этот прогноз начнет реализовываться на практике (по мнению упомянутого источника, это возможно уже в «краткосрочной перспективе»), Алжиру будет необходимо разрабатывать новые участки, могущие дать в совокупности объем нефтедобычи, как минимум, компенсирующий снижение добычи на перечисленных выше месторождениях.

Необходимость же поддержания нефтедобычи на сегодняшнем уровне обусловлена не столько целью удовлетворить растущие внутренние потребности (для которых запасов имеется с избытком) или обеспечить поступление выручки за реализованную продукцию (которая, повторим, остается на приемлемом уровне), а сохранить доверие иностранных компаний и правительств, особенно европейских в связи с увеличением их доли в группе импортеров. Цель Алжира при этом – сохранить как минимум в среднесрочной (от 5 лет) перспективе собственную значимость энергетической державы на региональном уровне. При этом подразумевается, что АНДР должна быть надежным гарантом крупных и долгосрочных поставок энергоносителей и нефтепродуктов на зарубежные (европейские и не только) рынки, а значит, иметь достаточные и доступные в плане добычи запасы нефти. Понятно, что в случае возникновения уверенной тенденции к уменьшению нефтедобычи значение Алжира как поставщика энергоносителей будет снижаться.

Нельзя утверждать, что правительством и SONATRACH велась и ведется «застойная» политика в области нефтедобычи, опирающаяся только на «старые» добывающие участки. В течение последних 1–2 лет введены в эксплуатацию новые нефтедобывающие мощности, а также ведется оборудование новых участков, которые обеспечат нефтедобычу в последующие годы. К ним относятся Эль-Мерк (нефтедобыча началась в 2013 г.), Такуазет (ввод запланирован на 2014 г.), Бир Себа (ввод запланирован на 2015 г.). (Перечень и краткий анализ месторождений Алжира см. в Приложении 1.) Ввод в эксплуатацию этих мощностей в значительной степени способен компенсировать возможные потери от истощения и снижения добычи на старых месторождениях. Велика вероятность, что их ввод не только компенсирует потери, но и повысит уровень нефтедобычи до уровня предыдущих лет, а при наилучшем сценарии – превысит его.

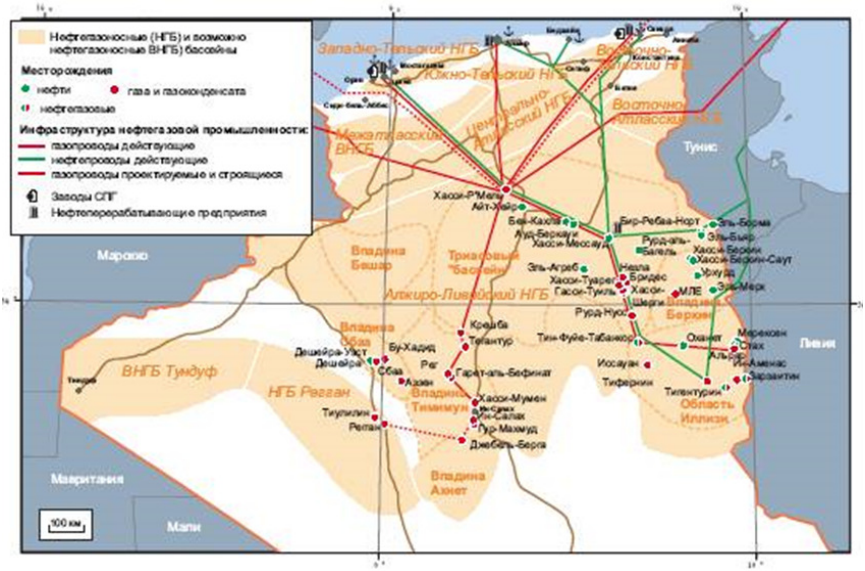
Но и эти меры могут выглядеть недостаточными для выполнения целей АНДР, т.к. в сегодняшней ситуации для сохранения и поддержания доверия к стране, ее правительству и руководству SONATRACH необходимо предпринимать меры не только в виде увеличения нефтедобычи на имеющихся участках или разработки известных, но не эксплуатируемых месторождений, но и открытия новых, приемлемых с точки зрения рентабельности месторождений с перспективой их освоения. Такие возможности в Алжире имеются. Например, по данным Министерства энергетики АНДР, в стране имеются 4 основные нефтяные провинции:[8,9]

1. Le Sahara Est (Сахара Восточная) – содержит наиболее крупные месторождения нефти и газа страны, также имеет потенциал для исследований и возможных открытий. Здесь выделяются Триасовый бассейн, Беркин (Гадамес) и Иллизи.

2. Le Sahara Central (Сахара Центральная) – известна большим количеством газовых месторождений, однако недавние исследования и открытия внушают надежду на наличие больших запасов нефти. Состоит из нефтегазоносных бассейнов Ахнет (280 тыс. кв. км), Тимимун, Сбаа и Бешар.

3. Le Sahara Ouest (Сахара Западная) – рассматривается на предмет возможного наличия газа, однако из-за низкого уровня исследований наличие ресурсов неизвестно. Выделены два потенциально возможных нефтяных бассейна – Тиндуф и Регган.

4. Le Nord de l'Algérie (Северный Алжир) – наличие полезных ископаемых (железная руда, фосфаты, нефть) подтверждено, однако данные о «нефтяном потенциале» пока не являются исчерпывающими, в т.ч. по причине сложных геологических особенностей. Здесь расположены Южно-Тельский (20 тыс. кв. км), Восточно-Тельский (8 тыс. кв. км), Западно-Тельский (10 тыс. кв. км), Межатласский, Восточно-Атласский, Центрально-Атласский (90 тыс. кв. км) районы.



Все доказанные запасы нефти находятся на участках суши, прибрежные участки на шельфе являются ограниченно исследованными.

Алжир – страна с неоднородно заселенной и неоднородно освоенной территорией. При этом значительная часть территории (66%, по данным SONATRACH) страны еще не охвачена геологическими исследованиями и разработками. В первую очередь это касается южных и юго-западных областей, однако потенциальные возможности обнаружения нефти имеются и в северной, центральной и западной частях страны.

По этой причине проведение геологоразведочных работ, в т.ч. с привлечением иностранных инвестиций, может являться

перспективным направлением. Для развития этого направления в последние годы принимаются различные меры.

Прежде всего это касается законодательства, особенно налогового, которое регулирует нефтедобывающий сектор как обособленную отрасль.

Разведка и добыча нефти освобождены от налогов, установленных общим законодательством: НДС, таможенных сборов, платежей на импортированную продукцию (в части оборудования и используемых материалов), лицензионных платежей, налогов, связанных с выручкой.

При этом закон 2005 г. «Об углеводородах» устанавливает следующие налоги:[10]

- *Redevance* – ежемесячные отчисления, ставка которых составляет от 5,5 до 23% (в рамках этого диапазона установлено 5 ставок) от потенциальной стоимости объема добываемой нефти в соответствии с долей предприятия. Непосредственная ставка определяется местоположением месторождения и уровнем нефтедобычи;
- *Taxe superficiaire* – ежегодный налог, основанный на активности в соответствии с подписанным контрактом. Ставки его составляют от 4 тыс. до 32 тыс. алж. дин. (от 50 до 400 $) на 1 км^2 в зависимости от местоположения месторождения;
- *Taxe sur le revenu pétrolier* – ежемесячный налог на нефтяной доход, ставка которого составляет от 30 до 70% от полученного дохода, непосредственный размер которого устанавливается в зависимости от объема добываемой нефти;
- *Taxe foncière* – налог на землю (или недра), который рассчитывается на оценке попутно добываемых ресурсов при нефтедобыче;
- *Impôt complémentaire sur les résultats* – дополнительный ежегодный налог на доходы, ставка которого может достигать 30%.

В начале 2013 г. в закон «Об углеводородах» были внесены несколько поправок, призванных сделать сектор более привлекательным для инвесторов.[11] В частности, были введены и расширены налоговые льготы при поисковых и добывающих работах на нетрадиционных месторождениях нефти и газа (сланцевые, битуминозные), а также на небольших месторождениях, на неисследованных и отдаленных участках (включая морские). Были изменены и некоторые правила расчета налога на нефтяной доход, при которых налоговой базой являются не объемы добытой нефти, как ранее, а показатели прибыльности конкретного месторождения.

По всей видимости, внесение изменений в законодательство АНДР в 2013 г. было вызвано провалом в инвестиционной политике по итогам 2011 г., в течение которого на 10 предложенных в том году проектов откликнулись только 2 компании, Cepsa и SONATRACH. По мнению PetroleumAfrica, это свидетельствовало о том, что иностранные компании не были заинтересованы в ведении бизнеса в АНДР на текущих условиях, что показало на возможность еще одной угрозы – снижения интереса к стране со стороны инвесторов. Впрочем, 2011 – год «арабской весны», и охлаждение экономической активности и интереса иностранных инвесторов было в то время характерно для многих арабских стран.

Интересно, что, по мнению PetroleumAfrica, данная законодательная мера (внесение поправок 2013 г.) не принесла серьезного результата в виде желания инвесторов активизировать свою деятельность в АНДР, т.к. главной целью этих поправок было «развитие добычи нетрадиционных энергоносителей, а не традиционных».[12]

В начале 2014 г. было объявлено о начале раунда предложений проектов для иностранных инвесторов, касающихся геологоразведочных работ. По данным U.S. Energy Information Administration, к предложению был запланирован 31 блок (6 на севере, 7 в центре, 6 на востоке и 12 на западе страны – последние в основном расположены в провинции Тиндуф).[13] Как видим, усилия для ведения геологоразведки алжирскими властями предпринимаются, в т.ч., направленные на развитие менее освоенных участков, таких как западные провинции. Однако по состоянию на настоящее время непосредственный процесс переговоров не запущен.

Результаты переговоров во многом покажут уровень привлекательности нефтяного сектора АНДР и эффективность принимаемых правительством мер.

Здесь же надо отметить, что из-за большой удаленности ряда перспективных участков (например, Тиндуф и Регган), низкого уровня развития там инфраструктуры, стоимость инвестиций в разведку и добычу будет значительно увеличенной, равно как и сроки их окупаемости. Однако это не главный снижающий перспективность этих мест фактор.

Большей (если не главной) угрозой для инвестиций в АНДР является военно-политический фактор, который заключается в нестабильной ситуации по сравнению со многими

нефтедобывающими странами. Если на фоне государств Африки АНДР выглядит относительно не хуже других нефтедобывающих стран (Нигерия, Ливия, Ангола), то на фоне арабских нефтедобывающих стран Машрика (за исключением Ирака, Сирии и Йемена) инвестиции в АНДР кажутся более уязвимыми.

Так, упомянутый Тиндуф (наименование бассейна и вилайята), на территории которого запланирована реализация большого количества геологоразведочных проектов, является местом сосредоточения беженцев Западной Сахары и боевых подразделений фронта ПОЛИСАРИО. Несмотря на прекращение огня более 20 лет назад и иные предпринятые усилия ООН по поддержанию мира и стабильности, этот регион еще не является спокойным. Политического решения проблемы в настоящее время не найдено, отношения Марокко и Алжира можно охарактеризовать как недружественные, особенно по вопросу принадлежности Западной Сахары. Поэтому остается угроза прямого военного конфликта, не говоря о возможности диверсий на территории вилайята или иных дестабилизирующих и провокационных действий со стороны трех сторон (Марокко, ПОЛИСАРИО, силовые структуры АНДР). Кроме того, даже в случае получения гарантий от руководства двух государств и командования ПОЛИСАРИО о ненападении на нефтедобывающие и газодобывающие объекты, а также на персонал компаний, существует возможность возникновения ситуации, которая не будет полностью контролируемой ни одной из сторон. Как известно, более 150 тыс. беженцев из Западной Сахары расселены в лагерях на территории Тиндуфа, имеются также беженцы из Мали. В условиях отсутствия инфраструктуры и предприятий большинство из них являются безработными, а их уровень жизни – крайне низким. Такая ситуация создает благоприятную почву для криминальной деятельности, а главное – способна повлечь социальные потрясения в виде беспорядков и даже попытки совершения переворота или военного конфликта внутри ПОЛИСАРИО. Так, в июне 2014 г. «Аль-Арабия» сообщала о существовании в Тиндуфе некой группы «Молодежное движение за изменения», которая объединяет, в том числе, дезертировавших из ПОЛИСАРИО военнослужащих и призывает к восстанию против руководства Фронтом, обвиняя его в незаконном присвоении гуманитарной помощи, денежных фондов, насилии над женщинами и иных преступлениях. Руководство Фронтом они называют «самым коррумпированным

режимом в мире», а своей конечной целью объявляют избавление от него.[14] Хотя официальный ПОЛИСАРИО отверг существование этой группы, существует вероятность восстания западносахарских беженцев против командования Фронта, который в глазах многих из них является не меньшим (если не большим) угнетателем, чем правительство Марокко. Кроме того, такое развитие событий может быть выгодно королевству, поэтому возможно вмешательство внешних сил с целью развития событий по наихудшему для ПОЛИСАРИО сценарию.

Таким образом, на примере Тиндуфа видно, что из-за угрозы нестабильности привлечь туда инвестиции достаточно сложно даже со стороны SONATRACH, не говоря уже о западных компаниях, что, конечно, внушает пессимистические настроения в вопросах развития этих территорий.

Хотя, как кажется на первый взгляд, «арабская весна» обошла стороной Алжир, оппозиция в стране имеется, причем она пользуется поддержкой широких слоев населения, особенно в центральных и южных регионах АНДР. Это выражается в нередко возникающих беспорядках, акциях неповиновения, столкновениях с силами правопорядка, имели место даже срывы мероприятий премьер-министра А. Селлаля во время его поездки по южным регионам страны.[15]

Кроме того, Алжир – многонациональная страна, представленная, помимо арабского населения, многочисленными берберскими племенами (туареги, кабилы, шавийя и др.). И межнациональная и межплеменная вражда в той или иной степени проявляет себя, что часто выражается в столкновениях, которые могут парализовать работу учреждений в населенных пунктах и привести к человеческим жертвам. При этом власти вынуждены принимать широкие меры по стабилизации обстановки, однако их оказывается не всегда достаточно. В качестве примера можно привести недавние (апрель 2014 г.) волнения берберов шавийя в провинции Гардайя, когда в столице вилайята произошли столкновения между арабским и берберским населением с большим количеством раненых, несколькими убитыми. Столкновения сопровождались нападениями на здания администрации, полицейские участки. При этом местная полиция не сумела остановить протестующих своими силами, ситуацию смог спасти только ввод большого (до 10 тыс. человек) количества полицейских и армейских военнослужащих.

Подобные беспорядки происходят с опасной тенденцией к расширению в Батне, Беджайе, Гардайе, Константине, Тизи-Узу, Хеншеле Шлефе. При этом, как видно, власти не доказали свою способность разрешить ситуацию, полагаясь, по большей части, на армию и полицию. Дальнейшее развитие этой тенденции по наихудшему сценарию способно привести к крупномасштабным этническим конфликтам, в том числе к гражданской войне и даже угрозе распада страны.[16] При этом в местах, где добыча нефти уже ведется несколько лет или десятилетий, угроза инфраструктуре может быть в значительной степени понижена благодаря принятию мер по обеспечению безопасности, достижению договоренностей с племенными и клановыми лидерами путем их личного стимулирования различными путями (принятия их представителей на работу, оказания гуманитарной и иной помощи местным племенам, обеспечения охраны инфраструктуры силами местного населения и т.д.). При освоении новых месторождений и тем более проведении геологоразведки эти меры только предстоит организовать, в т.ч. налаживая отношения с представителями местного населения. Эти задачи в первую очередь ложатся не на руководство зарубежных компаний, а на правительство АНДР. Исходя из описанных выше ситуаций, следует, что власти АНДР не всегда в состоянии найти общий язык с населением, а значит, могут быть не способны гарантировать потенциальным инвесторам безопасность их инвестиций.

Но самой главной угрозой военно-политического характера является, на наш взгляд, наличие террористических группировок, действующих на территории Алжира. В качестве примера можно привести «Аль-Каиду исламского Магриба», «Ансар Эд-Дин», «Движение за единобожие и джихад в Западной Африке». Имеются и могут появиться в любой момент иные, более мелкие, но не менее опасные группировки подобного характера. Одним из основных видов «бизнеса» для организаций подобного рода является похищение заложников в т.ч. иностранцев с целью выкупа.

Кроме того, элементом их тактики является проведение террористических актов, в т.ч. направленных непосредственно против объектов и сотрудников нефтегазовых объектов. Самым громким терактом подобного рода стал инцидент на комплексе Ин-Аменас в январе 2013 г., итогом которого стала гибель нескольких десятков заложников, в т.ч. граждан иностранных государств. Еще один пример – заявления террористов группировки

«Аль-Каида исламского Магриба» в 2009 г. с угрозами убивать граждан КНР, находящихся на территории Алжира за «угнетение китайскими властями мусульман в Восточном Туркестане». И хотя сегодня ни одна страна в мире не застрахована от терроризма, в АНДР, особенно в ее южных регионах, позиции террористов достаточно сильны. Опасность таких группировок, в отличие от племенных и военно-политических объединений типа ПОЛИСАРИО, кроется в непредсказуемости их действий, отсутствии четкой структурированности, сложности (а зачастую бесполезности) достижения с ними договоренностей, жестокости при совершении акций, а также в их интернациональном характере (в составе таких группировок сражаются выходцы из разных стран, в т.ч. таких отдаленных от АНДР, как Афганистан, Ирак, что затрудняет работу спецслужб и силовых структур).

Все эти факторы военно-политического характера, конечно, повышают себестоимость инвестиций в нефтяной сектор АНДР, а в ряде случаев вынуждают компании отказываться от них.

С другой стороны, для правительства АНДР отдачу от инвестиций в нефтяной (и не только) сектор в проблематичных южных регионах нельзя измерять только стоимостью добытой нефти или иного полезного ископаемого. Развитие нефтедобывающей инфраструктуры даже при невысоких показателях рентабельности в любом случае влечет за собой повышение экономической активности, создание рабочих мест и иных сопутствующих преимуществ, что способно облегчить социально-экономическую ситуацию в этих провинциях. В качестве подтверждения этому следует упомянуть высказывания премьер-министра А. Селлаля о намерении развивать регионы, опираясь на 3 главных сектора: сельское хозяйство, ресурсодобычу, туризм. При этом государство, по его словам, планирует принимать дальнейшие меры по стимулированию развития отсталых регионов, в том числе по предоставлению дополнительных социальных гарантий работающим там людям.

Крупным событием АНДР стало заявление министра энергетики страны Юсефа Юсфи об открытии нового месторождения Amguid Messaoud Basin, запасы которого оцениваются в 1,3 млрд барр. и которое находится неподалеку от крупнейшего месторождения Хасси-Мессауд.[17]

Вообще руководство SONATRACH настроено оптимистично по вопросу развития сектора. Так, руководитель нефтяного гиганта заявлял в начале 2014 г., что в следующие 5 лет

нефтедобыча будет увеличиваться.[18] Однако к подобным высказываниям, равно как и к упомянутому громкому заявлению об открытии крупнейшего месторождения Амбик Мессуд Басен следует относиться с осторожностью, т.к. подобные заявления иногда делаются для достижения определенных политических целей или для повышения доверия к АНДР как к крупному международному нефтяному игроку.

При анализе нефтедобывающего сектора нельзя также не обратить внимание на то, что главная роль в нем принадлежит компании SONATRACH. Наряду с ней активно действуют государственные компании Нафтел (контроль внутренней розничной сети) и Нафтек (переработка нефти).

При этом SONATRACH занимает ключевое и в какой-то степени монопольное положение в сфере нефтедобычи. По данным U.S. Energy Information Administration, по состоянию на 2012 г. SONATRACH владела 80% всех нефтяных активов страны. Иностранные компании, присутствующие в АНДР, работают по соглашению о разделе продукции, которое заключается с SONATRACH. При этом в соответствии с законодательством Алжира доля SONATRACH при заключении таких соглашений не может быть менее 51 %.

Некоторые иностранные компании имеют достаточно хорошие показатели и расширяют свое присутствие. Так, Anadarko по итогам 4-го квартала 2013 г. заявила о росте суточной нефтедобычи по сравнению с аналогичным периодом 2012 г. с 47 тыс. до 62 тыс. барр/сут. (в основном за счет работы на месторождении El Merk).[19] Итальянская ENI в июне 2014 г. получила 3 лицензии на проведение исследовательских работ в бассейнах El Guefoul, Tinerkouk, и Terfas.[20]

Присутствуют и российские компании. Прежде всего это «Роснефть» и «Стройтрансгаз», работающие на месторождении Такуазет (см. Приложение 1). Кроме того, 30.05.2014 г. появилась информация об открытии с помощью «Газпрома» нефтяного месторождения в республике на блоке El Assel с предполагаемыми запасами от 150 до 250 млн. барр.[21]

Производство нефтепродуктов в АНДР в 2013 г. составило 650,8 тыс. барр/сут., что позволило удовлетворить большую часть внутренних потребностей в них, которые составляли 376,8 тыс. барр/сут.

По уровню производства продуктов нефтепереработки АНДР занимает одно из ведущих мест в Африке, уступая

Египту (774,9 тыс. барр/сут.), Ливии (380 тыс. барр/сут.), ЮАР (545 тыс. барр/сут.), Нигерии (445 тыс. барр/сут.). Однако по показателю эффективности переработки нефти АНДР занимает первое место среди упомянутых стран (94 %, тогда как в Ливии – 87 %, ЮАР – 85 %, Египте – 81 %, Нигерии – 18 %).[22] Перечень перерабатывающих мощностей см. в Приложении 2.

Основными нефтепродуктами, производимыми в АНДР, являются: газолин (49 тыс. барр/сут.), керосин (36 тыс. барр/сут.), продукты дистилляции (бензин, масла – 148,6 тыс. барр/сут.), остаточные – 113 тыс. барр/сут.).

Что касается внутреннего потребления, то большая часть его приходится на продукты дистилляции (бензина и дизельного топлива – 207,1 тыс. барр/сут., темпы роста в 2013 г. – 10,4%) и газолина (80,7 тыс. барр/сут., темпы роста 1,7%), менее значимая часть приходится на долю остаточных примесей (4,5 тыс. барр/сут., темпы роста 13,1%), керосина (11,3 тыс. барр/сут., темпы роста 1,3%).

Около 200 тыс. барр/сут. переработанных нефтепродуктов экспортируется за рубеж: 43 % – в США, 14 – в Бразилию, 7 – в Испанию, 7 – в КНР, 6 – в Японию, 14 – в другие страны Европы, 6 – в другие страны Азии, 3% в другие страны. В свою очередь, АНДР импортирует продукты нефтехимии, в основном из России и Европы (75 тыс. барр/сут. в 2013 г.). К импортируемым продуктам относятся бензин и дизельное топливо, а также газолин. Что касается первых двух, то с учетом высоких показателей роста спроса на них импорт этих продуктов будет только увеличиваться.

Алжир не располагает крупным флотом нефтяных танкеров: у него всего один нефтяной танкер дедвейтом 160 тыс. тонн[*].

АНДР имеет протяженную сеть нефтепроводов, чья пропускная способность и расположение позволяют обеспечивать транспортировку нефти, а также нефтепродуктов от месторождений и заводов к местам погрузки (см. Приложение 3). При этом некоторые НПЗ расположены в портовых городах (Скикда, Алжир), что облегчает экспорт и импорт нефтепродуктов.

---

[*] Дедвейт (Deadweight) – показатель, характеризующий общий вес груза, который принимает судно, включая личный состав, пассажиров, топливо, масла, питьевую и техническую воду.

Однако нефтепроводы покрывают только центральную и юго-восточную часть страны со своеобразным «узлом» в районе Хауд Эль Хамра (вблизи месторождения Хасси Мессауд), что вполне логично в условиях наличия осваиваемых месторождений именно в этих районах. А в случае начала эксплуатации месторождений на юге и юго-востоке (на что, судя по подготовке к проведению конкурсов на разработку недр, алжирские власти очень рассчитывают), их строительство еще только предстоит начинать, на что потребуется не один год.

Основные нефтеналивные мощности расположены в Арзеве, Скикде, Алжире, Оране, Бежайя, также используется тунисский порт Схира, с которым Алжир соединен трубопроводом.

Таким образом, возможный кризис нефтяной отрасли АНДР заключается главным образом в предполагаемом снижении роли страны как участника мирового нефтяного рынка и в охлаждении инвесторов к нефтяному сектору страны. При этом правительством, безусловно, осознается вся серьезность ситуации и принимаются меры для ее недопущения, при том, что повлиять на положение дел могут различные факторы – от конъюнктуры мирового рынка до эффективности деятельности правительства.

Приложение 1

Перечень и краткая характеристика крупнейших месторождений АНДР

Крупнейшим месторождением страны является Хасси-Мессауд (Hassi Messaoud), расположенное в вилайяте Уаргла (восточная часть АНДР). Открыто в 1956 г. Состоит из 4 пластов, значение пористости – от 6 до 12%. Объем запасов составляет 6,4 млрд баррелей[23] – это 60% резервов страны. По данным U.S. Energy Information Administration, добыча на данном месторождении в 2012 г. составляла от 350 до 400 тыс. барр/сут., что составляло почти 30% от общего объема нефтедобычи в стране. При этом следует отметить, что в 2004 г. объем добычи был 350 тыс. барр/сут., в 1989 г. – 300 тыс. барр/сут., а на протяжении 1970-х гг. объем добычи держался на уровне 550 тыс. барр/сут. Т.е. эксплуатация месторождения ведется достаточно долго и активно. Согласно некоторым данным, компания SONATRACH, которая эксплуатирует месторождение, в 2009 г. озвучивала намерение за 3-4 года увеличить объемы добычи в 2 раза,[24] однако этого не произошло. Исходя из этого, можно предположить, что несмотря на остающиеся относительно крупные запасы, потенциал для увеличения нефтедобычи на месторождении без значительных инвестиций и строительства дополнительных мощностей, а следовательно, увеличения себестоимости в значительной степени исчерпан.

Уруд (Ourhoud) – расположено в вилайяте Уаргла, 200 км к югу от Хасси Мессауд, относительно новое. Исследования начались в 1992 г. совместными усилиями SONATRACH и CEPSA, месторождение открыто в 1995 г.[25] Добыча началась в 2002 г. Содержание серы в нефти – 0,2%. Доказанные резервы – один млрд. баррелей.[26] На месторождении пробурено 58 скважин, имеется 30 водных нагнетательных скважин. По состоянию на 2012 г. объем добычи составлял 220 тыс. барр/сут., или 17% общего объема нефтедобычи в АНДР.

Хасси Беркин (Hassi Berkine, HBNS) – расположено рядом с месторождением Уруд, доказанные запасы до 1 млрд. барр. (по разным данным, от 822 млн. барр. до 1 млрд. барр.). Работы

на месторождении начались в 1996 г., добыча нефти началась в 1998 г. По состоянию на 2012 г. объем извлекаемой нефти составлял от 100 тыс. до 150 тыс. барр/сут. При этом на пике активности в 2000-х гг. этот показатель составлял 300 тыс. барр/сут.[27] Нефтедобыча ведется компанией SONATRACH совместно с американской Anadarko. Также участие в проекте принимает итальянская Eni.

Помимо этих крупнейших (по уровню добычи), в АНДР имеется большое количество менее значительных месторождений.

Тин Фоуе Табанкорт (Tin Fouye Tabankort) включает себя несколько блоков (Tin Fouye Tabankort, Tin Fouye, Hassi Mazoula, Tifernine).[28] Расположено на юго-западе, эксплуатация началась в 1999 г. Производительность – 40 тыс. барр/сут. В проекте участвуют такие компании, как Repsol, Total, Petroceltic. На этом же участке ведется добыча газа.

Зарзайтин (Zarzaitine) находится в вилайяте Иллизи (бассейн Иллизи). Работы по созданию добывающих мощностей начались в 2002 г., когда китайская Sinopec подписала с правительством АНДР соглашение на общую сумму 525 млн. $ с целью его разработки[29] (доля китайской компании составила 75%, доля SONATRACH – 25%).[30] После строительства мощностей их производительность составила 40,9 тыс барр/сут.

Месторождение Эль-Мерк (El Merk) расположено в 300 км от Хасси Массауд, недалеко от границы с Тунисом. Точные данные о запасах отсутствуют. Эксплуатация месторождения началась недавно. Она ведется компаниями Groupement Berkine (совместное предприятие SONATRACH и Anadarko), а также Maersk Oil, Eni, ConocoPhillips, и Talisman (Алжир). В 2009 г. компания Petrofac выиграла конкурс на сооружение нефтедобывающей инфраструктуры в районе месторождения. Стоимость контракта составила 2,3 млрд. долл.[31] Оборудование было установлено самое современное, поэтому строительный проект неофициально называли «Драгоценный камень Сахары». После окончания строительства мощностей потенциал месторождения должен был составить 98 тыс. барр/сут. сырой нефти, а также 29 тыс. барр/сут. газового конденсата, 31 тыс. барр/сут. попутного газа, 600 млн. футов газа. Тогда же SONATRACH и итальянская Bonatti подписали контракт на сумму 149,7 млн. долл. на сооружение нефтепровода и газопровода.[32] В марте 2013 г. добыча была начата.

Бир Себа (Bir Seba) находится в Триасовом бассейне. Работы по возведению инфраструктуры начались в 2011 г., соответствующий контракт был подписан с PetroVietnam Exploration Production Corp., стоимость составила 451 млн. долл. Планировалось, что в 2014 г. уровень добычи составит до 20 тыс. барр/сут., а к 2016 г. – до 40 тыс. барр/сут.[33]

Западный и Восточный Такуазет имеют площадь 6 548 кв. км. Доказанные запасы – 36,5 млн. барр., однако, согласно проведенным исследованиям, предполагаемые запасы месторождения составляют 415 млн. барр.[34] Тендер на выполнение исследований был проведен в 2001 г. и был выигран российскими компаниями «Роснефть» и «Стройтрансгаз». Их доля составляет по 30%, еще 40% принадлежит SONATRSCH. После введения в эксплуатацию объемы добычи должны составить от 40 тыс. до 60 тыс. барр/сут.

Рхурд эль Багл (Rhourde El Baguel) расположено в провинции Уаргла, было открыто в 1962 г. Добыча была начата в 1996 г., ее вели SONATRACH и ARCO. В 1999 г. часть доли ARCO была продана французской Elf (сегодня она называется Total). Объемы добычи – 20 тыс. барр/сут., однако в начале 2000-х гг., на пике своей мощи, добыча составляла 80 тыс барр/сут.

Гергит-Эль-Кихал находится в Северном Алжире, на границе провинций Тебесса и Хеншела. Запасы составляют 220 млн. барр.

Приложение 2

Перерабатывающие мощности АНДР

НПЗ Скикда – самый большой НПЗ на африканском континенте (вторым является Рас-Лануф), сооружен в 1980 г., расширен в 1993 г. В 2013 г. мощность составила 355,3 тыс. барр/сут. (до этого в предыдущие 4 года – 323 тыс. барр/сут.).

НПЗ Скикда конденсатный – введен в эксплуатацию в 2009 г. Мощность – 122 тыс. барр/сут.

НПЗ Арзев – сооружен в 1970 г., в 2013 г. мощность составила 80,8 тыс. барр/сут., (до этого в предыдущие годы – 53,8 тыс. барр/сут.).

НПЗ Алжир – один из самых старых алжирских НПЗ, введен в эксплуатацию в 1964 г. Мощность – 58,1 тыс. барр/сут.

НПЗ Хасси Мессауд – сооружен в 1960 г., расширен в 1979 г., мощность составляет 21,5 тыс барр/сут.

НПЗ Адрар – сооружен в 2007 г., мощность составляет 12,9 тыс. барр/сут.

Приложение 3

Крупнейшие нефтепроводы АНДР[35,36]

Хауд Эль Хамра* – Беджайа, протяженность 667 км, диаметр 24 дюйма, пропускная способность 370 тыс. барр/сут.

Хауд Эль Хамра – Скикда, протяженность 643 км, диаметр 34 дюйма, пропускная способность 520 тыс. барр/сут.

Хауд Эль Хамра – Арзев, двойной трубопровод, протяженность 801 и 833 км, диаметрами 28 и 34 дюйма соответственно, пропускная способность 470 и 480 тыс. барр/сут.

Ин Аменас – Схира (Тунис), 265 км, диаметр 24 дюйма, с ответвлением на Эль-Бомра (Тунисская Сахара, 115 км), Дулеб (165 км), и Сили-Литай (81 км).

Ин Аменас – Хауд Эль Хамра, 107 км, диаметр 14 дюймов, пропускная способность 390 тыс. барр/сут.

Хасси Рмель – Хасси Мессауд предназначен для транспортировки продуктов нефтехимии.

Хасси Рмель – Арзев предназначен для транспортировки продуктов нефтехимии, имеется ответвление в Оран протяженностью 30 км.

Хасси-Беркин – Хасси Мессауд, протяженность 189 км, пропускная способность 110 тыс. барр/сут.

Бани Мансур – Алжир, протяженность 130 км, пропускная способность 77 тыс. барр/сут., является «ответвлением» от трубопровода Хауд Эль Хамра – Беджайа.

Хауд Эль-Хамра – Рхурд Эль Багл, 107 км, пропускная способность 26 тыс. барр/сут.

---

1 http://www.eia.gov/COUNTRIES/cab.cfm?fips=AG

2 https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ag.html

3 http://www.iimes.ru/?p=21361#more-21361

4 http://www.eia.gov/COUNTRIES/cab.cfm?fips=AG

5 http://voprosik.net/naskolko-zavisit-evropa-ot-rossijskoj-nefti/

6 http://www.petroleumafrica.com/venezuela-considers-algerian-imports/

7 Бондаренко С.В., Ткаченко А.А. Ближний, Средний Восток и Северная Африка в мировом нефтегазовом хозяйстве. – М.: Институт Африки РАН, 2008, с. 10.

[8] //www.mem-algeria.org/francais/index.php?page=geologie-des-provinces-petroliere-en-algerie-2
[9] http://www.mineral.ru/Facts/world/116/135/index.html
[10] http://chenry.webhost.utexas.edu/oil/2006/syll2006%20Hydrocarbons%20Law%20Algeria.pdf
[11] http://www.petroleumafrica.com/algerias-hydrocarbon-laws-revised/
[12] http://www.petroleumafrica.com/can-algeria-reignite-exploration/
[13] http://www.eia.gov/countries/analysisbriefs/Algeria/algeria.pdf
[14] http://english.alarabiya.net/en/News/africa/2014/06/05/Western-Sahara-Polisario-defectors-join-opposition-youth-group.html
[15] http://www.iimes.ru/?p=19018
[16] http://www.iimes.ru/?p=20620
[17] http://www.petroleumafrica.com/can-algeria-reignite-exploration/
[18] http://www.petroleumafrica.com/can-algeria-reignite-exploration/
[19] http://www.petroleumafrica.com/anadarko-increases-algerian-output-numbers/
[20] http://www.petroleumafrica.com/eni-awarded-three-permits-in-algeria/
[21] http://www.garantrf.ru/item_56/gazprom.php
[22] http://sweetcrudereports.com/2014/03/31/crude-oil-refining-in-africa-the-way-forward/
[23] http://www.mbendi.com/indy/oilg/ogus/af/al/p0005.htm
[24] http://www.iimes.ru/?p=8860
[25] http://www.ourhoud.com/en/ourhoud-organisation
[26] http://www.rigzone.com/news/article.asp?a_id=6546
[27] http://www.moluch.ru/archive/26/2884/
[28] http://www.winne.com/algeria/to29.html
[29] http://www.iimes.ru/?p=3299
[30] China and the Middle East: From Silk Road to Arab Spring, Muhamad Olimat, Abington, 2013, с. 186.
[31] http://www.petrofac.com/regions/africa/projects/el-merk.aspx
[32] http://magharebia.com/en_GB/articles/awi/newsbriefs/general/2009/10/28/newsbrief-04
[33] http://www.petroleumafrica.com/petrovietnam-signs-mega-deal-with-sonatrach/
[34] http://www.petroleumafrica.com/rosneft-and-stroytransgaz-talk-algerian-sale/
[35] http://www.theodora.com/pipelines/north_africa_oil_gas_products_pipelines_map.html
[36] http://www.petros.ru/algir/

М.А.О'Делл

ВОЕННЫЕ ДОКТРИНЫ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Военная составляющая политики играла важную роль во все периоды взаимодействия Великобритании с регионом Ближнего Востока. Великобритания постоянно работает над военной доктриной, содержащей в себе чётко сформулированные национальные интересы, военные стратегические цели, в том числе касающиеся региона Ближнего Востока, над освоением которого Великобритания работала в разных аспектах сотни лет, апробируя в этом процессе разнообразные варианты своих военных доктрин. По мнению правительства Великобритании, реализация военно-политической составляющей этих доктрин находится в прямой зависимости от состояния экономической стабильности государства, а также способности сохранения баланса политических сил между США и другими участниками Североатлантического договора.

Образование совместной коалиции стран-союзников позволяет расширять стратегическое присутствие в кризисных районах мира, а также способствовать укреплению экспедиционных возможностей вооружённых сил. Великобритания является третьей ядерной державой, испытавшей своё первое ядерное оружие в рамках операции «Харрикейн» в 1952 г. Соединённое Королевство – член и союзник Европейского (EU), Западноевропейского (WEU) союзов, а также член Организации по Безопасности и Сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), где выступает в роли советника по проблемам урегулирования конфликтов и безопасности. В официальном заявлении бывшего министра иностранных дел Великобритании Уильяма Хейга отмечается: «…Отношения между индивидуальными странами важны. Однако для нас это прежде всего нерушимый союз с Соединёнными Штатами, которые являются нашим самым важным союзником и таковым останутся. Наша

общая история, ценности и интересы, тесно связанные экономические отношения и давняя привычка работать друг с другом на всех уровнях являются гарантом того, что США останутся важнейшим партнёром для достижения наших международных целей» [1].

Присутствие во многих военных организациях и структурах отражает политическую настроенность Великобритании в реализации её стратегических целей и интересов. Так, например, Соединённое Королевство обеспечивает функционирование организации «Нортвуд» (Northwood) командных и контрольных структур вооружённых военно-морских сил Великобритании на территории города Истреби вблизи Лондона, во внешнеполитической деятельности является центром сбора, обработки секретной разведывательной информации (SIS/MI6), а также оборонной разведки и анализа секретной информации военной разведки (DI). Соединенное Королевство является главным членом правительственно-коммуникационных управлений по ведению радиоэлектронной разведки и обеспечения защиты информации органов правительства и армии (GCHQ). Великобритания – участница Совместной Организации разведки и анализа (JIO), которая возглавляется председателем Объединённого комитета разведывательных служб, а также поддерживает работу Совета Национальной Безопасности.

Вооружённые силы, обычно известные как британские вооружённые силы, а иногда как вооружённые силы Короны, являются силами Соединённого Королевства. Они состоят из следующих профессиональных военных структур: королевский флот и королевский корпус морской пехоты, военно-морская служба, британская армия и военно-воздушные силы Великобритании. Соединённое Королевство воспитывает армейские кадры в трёх основных военных образовательных учреждениях: в Сандхёрсте (Royal Military Academy Sandhurst) – королевской военной академии, расположенной в графстве Суррей, созданной в 1947 г.; в Крануэлле (Cranwell) вблизи города Линкольн – училище британских военных офицеров военно-воздушных сил; в Дартмуте (Dartmouth) в портовом городе Великобритании, где находится база военно-морских сил.

В официальных военных доктринах правительства Великобритании постулируется, что использование национальных

вооружённых сил потенциально вероятно для достижения целей оборонной политики государства. Подразделения войск Великобритании должны быть подготовлены к выполнению миротворческих миссий как самостоятельно, так и в составе коалиции; в этой связи сформированы национальные и коллективные силы быстрого развёртывания, а наиболее вероятной зоной боевого применения сил является ближневосточный регион. Общий вектор военно-политического присутствия Великобритании на территории ближневосточного региона и действие современных военных доктрин Великобритании нужно рассматривать и анализировать в контексте их реализации совместно со странами Ближнего Востока.

В 2010 г. правительством Великобритании была пересмотрена «Стратегия Национальной Безопасности», которая направлена на повышение результативности функционирования военных оборонных сил, в частности, на защиту воинских контингентов Великобритании в Афганистане и достижение успеха в борьбе с терроризмом. Следствием реализации данного проекта должно послужить создание к 2020 г. сильной современной армии, которая будет оптимально соответствовать требованиям парирования всех угроз национальной безопасности Великобритании.

Соединённое Королевство является вторым наиболее влиятельным государством среди стран-партнёров в Афганистане после США. Вооружённые силы Великобритании действовали главным образом в южной провинции Гильменд Афганистана. Необходимость военного присутствия Великобритании в Афганистане, по мнению правительства, находится в прямой зависимости защиты национальной безопасности Соединённого Королевства: «Мы помогаем афганскому правительству развивать свою способность поддержать безопасность так, чтобы это могло предотвратить возвращение международных террористических организаций, таких как “Аль-Каида”. Предотвращение терроризма в Афганистане является важнейшей частью нашей работы. Наша работа в Афганистане сфокусирована в трёх главных сферах – военной, политической и дипломатической. Мы работаем с многочисленными странами-партнёрами, чтобы обеспечить афганскому правительству будущее, в конечном счёте, без участия значительной помощи международного сообщества» [2].

Предотвращение конфликтов является центральным элементом стратегии национальной безопасности Великобритании, которая объясняет, как правительство страны защищает свои и зарубежные интересы. В 2011 г. Департамент министерства иностранных дел по делам Содружества (FCO), Департамент по международному развитию (DFID) и Министерство обороны (MOD) разработали Стратегию по укреплению безопасности Великобритании (BSOS). Данная стратегия объясняет, какие действия будет предпринимать Великобритания для обеспечения стабильности и жизнеспособности своего государства.

Военные действия Великобритании в Афганистане проводятся в соответствии с мандатом ООН в рамках Международных сил содействия безопасности НАТО (ISAF). Международные силы содействия безопасности НАТО поддерживают афганские национальные силы безопасности, а также проводят обучение и консультации афганской армии и полиции.

По прогнозам британских генералов и политиков, к концу 2015 г. планируется афганская «стратегическая пауза», год окончания конфликтов и терроризма. По мнению правительства Великобритании, потенциальное отсутствие войны в Афганистане определяется многими факторами: отсутствием общественной поддержки конфликтов в Афганистане и Ираке; сокращением военного присутствия. Отчёт Международного института стратегических исследований показывает, что расходы военного бюджета Великобритании уменьшатся. Армия Великобритании будет сокращена с 102 тыс. чел. до 82,5 тыс. чел. к концу 2018 г.

Изменение стратегии национальной безопасности Великобритании напрямую связано с геополитической конфигурацией ближневосточного региона. Свержение политических режимов в ряде ближневосточных стран, в частности в Тунисе, Египте, Ливии, Йемене, гражданские восстания в Ираке, Бахрейне, Сирии являются первопричиной определения ближневосточного региона правительством Великобритании как конфликтной зоны, требующей особого внимания в контексте обеспечения национальной безопасности.

В годовом отчёте по стратегии национальной безопасности по состоянию на 2012 г. указывается, что глобальная

угроза безопасности продолжает расширяться. Региональные конфликты и нестабильность на Ближнем Востоке и в Северной Африке сохраняются. В частности, риск террористической угрозы вызывает серьёзное беспокойство со стороны правительства Великобритании.

Очевидно, что британское правительство не руководствуется альтруистическим подходом при взаимодействии с правителями ближневосточных стран, а, напротив, проводит выгодную (по их мнению) политику для себя и (или) для своих союзников, иногда, очевидно, во вред своему государству под давлением членов коалиции. Любые военные конфликты наносят ущерб экономике страны, но приносят прибыль тем, кто продает вооружение и, соответственно, ряду политических деятелей. Если же говорить о массовом вторжении войск в другое государство (особенно исламское), то оно всегда будет приводить к новой волне ненависти к «захватчикам», увеличению террористической угрозы.

Стратегические разработки доктрин, в частности военных, должны стать более заметным явлением на самых высоких уровнях власти для выявления и реализации национальных интересов Великобритании, как на ранней стадии развития государственно важных событий, так и во время кризисного реагирования или операций в чрезвычайных ситуациях. В то же время операции в Ираке, Афганистане и Ливии показывают, что британские внешнеполитические цели не могут быть достигнуты одной только военной силой. Всё более важные невоенные средства, например, такие как «мягкая сила», должны стать важными компонентами, дополняющими военные методы в ходе реализации национальных интересов Великобритании.

По утверждению теневого министра безопасности Дианы Джонсон, «сотни британских боевиков в Сирии и Ираке представляют беспрецедентную угрозу для британской национальной безопасности. Мы должны снова рассмотреть эффективность работы спецслужб и управлять возникшей угрозой до возвращения боевиков, правительство должно прекратить игнорировать мнение таких экспертов, как лорд Карлайл, и принять меры по урегулированию конфликтов» [3]. Лейбористская партия сказала, что правительство не должно игнорировать требования лорда Карлайла, прежнего независимого рецензента антитеррористи-

ческого законодательства, чтобы повторно ввести порядок контроля учёта боевиков, принимавших участие в боевых действиях. Порядок учёта боевиков был пересмотрен в 2011 г. и заменён на ограничение превентивных мер по предупреждению терроризма и следственных мер (TPims). Лорд Карлайл утверждает, что порядок учёта боевиков гораздо более эффективная мера, поскольку она позволяет властям отслеживать перемещение подозреваемых в городах далеко от их дома, налагать 16-часовой комендантский час и запретить использование мобильных телефонов и интернета.

В настоящее время правительства ближневосточных стран вынуждены обеспечивать стабильность политических режимов путём усиления военной мощи. Реализация этих устремлений осуществляется, как правило, через увеличение доли военных расходов, направленных на закупку военной техники и вооружений. Об этом свидетельствуют данные о росте военных расходов ближневосточных стран, которые за последние десятилетия составили 796 530 млрд. долл.

Военные расходы ближневосточных стран

По состоянию на 2012 г. самые большие расходы на закупку вооружений среди ближневосточных стран имели Саудовская Аравия (8,13%), Оман (7,93%) и Ирак (7,65%), а наименьшие – Ливан (2,62%), Египет (2,60%) и Турция (2,04%). Эти цифры, безусловно, требуют учёта со стороны оборонной стратегии Соединённого Королевства, которое в качестве одной из своих целей преследует достижение военного превосходства и формирование такого оборонного комплекса, который способен противостоять потенциальным противникам при условии возникновения межгосударственного конфликта.

Ближний Восток сохраняет лидерство по количеству контрактов, заключённых с целью импорта продукции военного назначения. Специалисты центра мировой торговли оружием сообщают, что «Великобритания войдёт в тройку крупнейших мировых экспортёров вооружений (США, Великобритания, Франция) в страны Ближнего Востока и займёт

второе место на этом пьедестале в период 2011–2014 гг. с объёмом экспорта 7,955 млрд. долл. (9,27%). Объём экспорта Великобритании по годам составит: 2,379 млрд. долл. в 2011 г., по 2,05 млрд. долл. в 2012 и 2013 гг., 1,477 млрд. долл. в 2014 г.» [4]. По прогнозам на 2013–2016 гг., лидером-импортёром вооружений станет Саудовская Аравия (по прогнозу объём импорта составит 43,021 млрд. долл.). Второе место займут Объединённые Арабские Эмираты (17,751 млрд. долл.). На третье место выйдет Катар (15,738 млрд. долл.). Четвёртым мировым импортёром станет Ирак (15 млрд. долл.). Странами второго и третьего уровня по мировым закупкам вооружений станут Бахрейн, Египет, Израиль, Иран, Иордания, Йемен, Кувейт, Ливан, Оман, Сирия и Турция.

Насколько велики поставки военного вооружения Великобритании в страны Ближнего Востока и Северной Африки? Статистикой этого вопроса занимается организация Соединённого Королевства под названием «Международная торговля оружием», которая осуществляет стратегический надзор над экспортом. Организация контроля над экспортом наделена особыми компетенциями и полномочиями: она ответственна за издание законодательных проектов, оценки экспорта, торговых лицензий, которые охватывают широкий спектр товаров, включая так называемые товары двойного использования, радиоактивные источники, а также товары военного назначения. Все экспортируемые товары находятся под контролем Великобритании, для них также необходимо получение лицензий. Экспортёры несут ответственность за соблюдение закона, существует также специальная поисковая база отслеживания информации по приобретению лицензий, которая получила название «Британский военный список».

Следует отметить, что значительная часть торгово-экономической деятельности Великобритании основана на экспорте военной техники. В качестве примера рассмотрим два аспекта её экономической деятельности: стоимость британских лицензий и контроль военного экспорта на Ближний Восток. Согласно последним известным данным о военном экспорте Великобритании на Ближний Восток, информация по этим двум позициям может быть представлена в следующем виде.

Стратегический контроль военного экспорта Великобритании на Ближнем Востоке [5]

Страны	Все стратегические лицензии на экспорт (млн. долл.)	Общая стоимость военных /других лицензий (млн. долл.)	Полные военные лицензии	Проданные военные товары по состоянию на 2009-2010 гг.
Алжир	270 262 166	270 008 961	5	Боевые вертолёты
Бахрейн	6 361 444	3 063 425	45	Самолёты; штурмовые винтовки; слезоточивый газ; боеприпасы
Египет	16 804 843	4 007 966	31	Бомбы, ракеты, бронежилеты
Иран	424 174 977	0	0	Гражданская авиация
Ирак	476 555 614	4 772 784	31	Бронежилеты, прицелы, пистолеты
Израиль	26 733 874	4 639 459	91	Бронированные пластины, фильтры противогаза, сигнальное оборудование, радиолокационная установка
Иордания	20 972 889	11 994 142	51	Бронетанковая техника, пистолеты, противогазовые фильтры
Кувейт	14 487 907	6 473 940	38	Щиты против уличных беспорядков; патрульные суда; военное программное обеспечение
Ливан	6 206 142	784 282	5	Бронежилеты, дробовики
Ливия	214 846 615	33 899 335	25	Боеприпасы; оборудование для контролирования скоплений людей, слезоточивый газ
Марокко	2 165 881	1 149 102	18	Компоненты для изготовления бомб; десантирование методом скоростного спуска посредством каната; тепловое оборудование отображения
Оман	13 986 422	9 361 120	122	Части/ комплектующие для беспилотных летающих аппаратов
Катар	13 122 884	3 875 753	22	Военно-транспортные средства; ракетные части
Саудовская Аравия	139 718 960	64 311 296	98	Полноприводные автомобили; бронетранспортёры, оборудование для видеонаблюдения в воздухе
Сирия	2 676 460	30 000	1	Малые боеприпасы
Тунис	4 504 745	131 273	10	Радиолокационная аппаратура; пистолеты
ОАЭ	210 415 462	15 890 384	152	Специальное программное обеспечение военного назначения; тяжёлые пулемёты; прицелы
Йемен	285 247	160 245	4	Бронежилеты; боеприпасы
Итог	1 864 282 532	434 553 467	749	

Если Великобритания будет умело использовать технологическое преимущество над странами Ближнего Востока и ставить их в зависимость от тех новых британских технологий, без которых они уже не могут обходиться, то Восток будет понимать, что ему будут нужны ещё более новые технологии. И здесь задача Великобритании будет состоять в том, чтобы сделать этот циклический процесс заимствования новых технологий «вечным» или, по крайней мере, очень долгим, что и предоставит Великобритании на весь такой период её безусловные преимущества и обеспечит её средствами влияния на регион Ближнего Востока.

Очевидно, Великобритания в соответствии со своими собственными интересами и военной доктриной вооружает лояльные ей страны Ближнего Востока, однако в этом процессе ей необходимо также учитывать возможную смену власти в ближневосточных государствах, что может привести к полной смене отношения к Соединённому Королевству. В частности, это может произойти при изменении политического режима конкретного ближневосточного государства от умеренно-светского к радикальному исламизму, возможно, и в других случаях. Тогда нельзя исключить вероятность того, что британское оружие будет направлено против неё или против её интересов в этом регионе. Конечно, поступления ближневосточных средств от торговли оружием играют большую роль для Великобритании, но в долгосрочной перспективе довольно сложно просчитать все риски от возможного поворота направленности этого оружия против сил коалиции и самой Великобритании, что уже было подтверждено печальным опытом США в Ираке. Этот опыт должен стимулировать Великобританию на постоянную модернизацию её военных доктрин, чтобы обеспечить ей готовность к непредвиденным и сложным ситуациям во внешней политике и военной сфере.

1. Remarks With British Foreign Secretary William Hague After Their Meeting [Electronic resource] – http://www.state.gov/secretary/remarks/2013/06/210583.htm
2. Establishing stability in Afghanistan. [Electronic resource] – https://www.gov.uk/government/policies/establishing-stability-in-afghanistan

3. Jihadists in UK deterred by Syria and Iraq war images, says Cressida. [Electronic resource] – http://www.theguardian.com/uk-news/2014/jun/23/jihadists-uk-deterred-syria-iraq-cressida-dick-counter-terrorism
4. В тройку крупнейших мировых экспортеров вооружений в страны Ближнего Востока в период 2011–2014 гг. входят США, Великобритания и Франция. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.armstrade.org/includes/periodics/news/2011/1018/133010022/detail.shtml
5. UK arms sales to the Middle East and North Africa: who do we sell to, how much is military and how much just «controlled»? [Electronic resource] – http://www.theguardian.com/news/datablog/2011/feb/22/uk-arms-sales-middle-east-north-africa#dat

А.Б.Подцероб

РЕЗУЛЬТАТЫ ВЫБОРОВ В ТУНИСЕ

В декабре 2010 г. в Тунисе началась революция. Сначала речь шла о студенческих волнениях, но в январе 2011 г., после вмешательства профсоюзов они начали приобретать массовый характер. После этого военные явились к президенту Зин аль-Абидину бен Али и предложили ему покинуть страну.

При этом следует отметить, что экономическая ситуация была неплохая. По данным В.А. Исаева, рейтинг Туниса по индексу GCI возрос с 2008 г. по 2010 г. с 31 до 32[1]. Но это вело лишь к обогащению кланов жены президента Лейлы Тараблуси и самого З.А. бен Али, а также связанных с ними семей при устранении других конкурентов от участия в экономике. Кроме того, несмотря на принимавшиеся руководством меры, страна не была готова быстро приспособиться к современному миру, переживающему период глобализации.

После бегства из страны З.А. бен Али в Тунисе была избрана Национальная учредительная ассамблея (НУА), в которой преобладающее большинство получило Движение «Ан-Нахда» (ДН – Движение возрождения) – 85 мест, т. е. 37%. ДН вступило в коалицию с левоцентристскими объединениями Конгресс за республику (КЗР) и Демократический форум за труд и свободу (ДФТС). Эти три партии избрали премьер-министром генерального секретаря «Ан-Нахды» Хамади Джебали, президентом Монсефа Марзуки и председателем НУА Мустафу бен Джаафара. Победа ДН объяснялась в значительной степени тем, что оно не было связано с режимом З.А. бен Али, а также предоставленной южанами поддержкой.

Движение «Ан-Нахда» сделало определенные шаги по установлению контроля над министерствами внутренних дел, юстиции и иностранных дел. Однако с иными проблемами оно не справилось. Более того, тунисцы убедились, что произошедшие события естественно означали конец диктатуре З.А. бен Али, но и еще означали разрушение экономики страны. Снизился

уровень инвестиций, продолжался рост цен, по стране прокатилась серия забастовок. Мало что было сделано для ликвидации безработицы. В 2005 г. по сравнению с 2000 г. уровень безработицы снизился среди мужчин до 13% с 15%, т. е. снижение составляло 8% в год. Правда, в эти же годы безработица среди женщин возросла до 17% по сравнению с 16%, т. е. ежегодный прирост составил 4% в год[2]. После прихода исламистов к власти правящий класс пытался решить эту проблему. В частности, в 2012 г. было создано 85 тыс. рабочих мест. Но в конце 2012 г. уровень безработицы среди мужчин составлял 400 тыс., т. е. 14%, среди женщин – 250 тыс., т. е. 42%.

17 декабря 2012 г. в г. Сиди Бу Зид съехалось руководство страны во главе с М. Марзуки, чтобы отметить годовщину гибели Мухаммеда бу Азизи, в результате которой начались выступления против режима З.А. бен Али. Местные жители встретили их камнями, протестуя против нечеловеческих условий жизни, не изменившихся за эти два года. Тунисцы и в других местах были недовольны. «Уже во второй раз мы отмечаем это событие [смерть М. бу Азизи – А.П.], но все остается попрежнему: нет развития, нет работы», – сказал один из жителей Туниса. Вновь на улицы страны вышли люди под лозунгами «Нет диктатуре салафитов», а некоторые кричали «Бен Али, возвращайся». Более того, в интернете появился видеоролик, в котором лидер исламистов Рашид Ганнуши дает наставления боевикам – интегристам. 4 сентября 2012 г. фундаменталисты совершили атаку на Посольство Соединенных Штатов и американскую школу в Тунисе. В результате нападения четыре человека погибли и несколько десятков получили ранения. По данным средств массовой информации, салафиты сожгли 38 могил марабутов. Причем в огне погибло несколько редких изданий Корана. И М. Марзуки, и А. Лараед выступили с осуждением интегристов[3].

Национальная ассамблея приступила к выработке конституции и подготовке выборов парламента и президента. При этом в связи с противоречиями среди членов НУА срок принятия конституции и выборов неоднократно переносился. Тем временем обстановка в стране обострялась. Между секуляристами и ДН происходили постоянные столкновения. На северо-западных границах государства возникли салафитские группы, нападавшие как на сторонников светского пути развития, так и на членов «Ан-Нахды». Представители Туниса были вынужде-

ны вступить в контакт с алжирцами, чтобы договориться с ними о совместных мерах противодействия интегристам.

В феврале и июле 2013 г. произошли два убийства сотрудников Народного фронта: генерального секретаря Объединенной партии демократов – патриотов Шукри бель-Ида и Мухаммеда Ибрагими, в чем сторонники светского пути развития обвинили членов ДН и выдвинули требования об отставке министра внутренних дел Али Лараеда. Четыре оппозиционные партии Туниса объявили, что они приостанавливают работу, и вместе с профсоюзами призвали граждан к всеобщей забастовке. В знак протеста забастовало 500 тыс. человек из населения, насчитывавшего всего 11 млн. человек. В Сфаксе, Гафсе и Сиди Бу Зиди прошли демонстрации протеста. Разгневанная толпа подожгла здания ДН в Тунисе и других городах. В довершение всего три министра вышли из состава правительства, потому что не были удовлетворены их требования об отставке министров юстиции и иностранных дел[4].

Но М. Марзуки заявил, выступая в Европейском парламенте, что «это – политическое убийство … Это – угроза, послание, которое мы не примем, мы отказываемся его принять. Мы будем и дальше разоблачать врагов революции». Х. Джебали назвал убийство «политическим террором». В заявлении МВД преступление характеризуется как «политическое убийство и террористический акт». Р. Ганнуши заявил, что «Ан-Нахда» абсолютно невиновна в убийствах. В Тунисе несколько тысяч членов ДН провели манифестацию[5].

Тем не менее в сложившейся ситуации «Ан-Нахда» не решилась идти на обострение обстановки. В конце 2013 г. правительство, возглавляемое ДН, ушло в отставку, и было 29 января 2014 г. заменено кабинетом технократов. Премьер-министром был назначен не принадлежавший ни к какой партии Мехди Джумаа. Он сформировал технократическое правительство, а также уволил в отставку две трети губернаторов и 8 марта назначил новых генеральных директоров Службы национальной безопасности и Высшей школы сил безопасности. При этом М. Джумаа пояснил, что шесть губернаторов, сохранивших свои посты, фактически нейтральны. Но вместе с этим он сообщил, что надежды на массовое создание рабочих вакансий в Тунисе нет.

Отойдя от курса ДН на захват мечетей самозваными имамами, правительство стало проводить кампанию за возвращение

всех мусульманских храмов под эгиду государства. Министр по делам религий Мунир Келиби отметил, что 149 мечетей страны находятся в руках самодеятельных шейхов. При этом оставался в силе закон, регулирующий деятельность в мечетях и предусматривающий наказание в виде тюремного заключения на срок от полугода до одного года и штрафа в размере 500–1000 тун. дин. за использование мечетей в далеких от религиозных целях. Более того, Министерство по делам религий выпустило 10 марта 2014 г. указ о стандартизации времени, когда мечети открываются для молитв и индивидуальных посещений[6].

Следует отметить, что в качестве одного из положительных результатов периода, прошедшего после изгнания З.А. бен Али, следует выделить сохранение Закона о личном статусе от 13 августа 1956 г., предусматривавшего эмансипацию женщин и запрещение полигамии. Минимальный возраст для вступления в брак был установлен в 20 лет для юношей и 17 – для девушек. Супруги получили право распоряжаться своим имуществом. Вопрос о разводе стал решаться только в судебном порядке, причем он мог быть поставлен как по инициативе мужа, так и жены. Решение о том, с кем останутся дети, также издавал суд[7]. За его отмену выступали исламисты, однако сопротивление секуляристов сорвало эти планы.

Тем временем происходили изменения и в НАУ. Хотя число представителей ДН возросло до 90 человек, фракции КЗР и ДФТС сократились до 12 депутатов, потеряв сразу 25 кресел[8]. В итоге «тройка» утратила в Национальной ассамблее большинство.

В январе 2014 г. была принята новая Конституция. Конечно, большие споры вызвала ст. 1, поскольку часть депутатов выступала за то, чтобы Тунис был провозглашен религиозным государством, и за то, чтобы провозгласить главным источником его законодательства Коран и сунну. В результате ожесточенных споров статья была оставлена в прежнем виде, как в предыдущей Конституции. Не была включена в текст статья об исламе как не подлежавшем изменению основном законе Туниса. С трудом НУА нашел золотую середину в вопросе о разделении обязанностей президента и премьер-министра. Согласно 77 и 91 статьям Основного закона, президент определяет внешнюю политику в области внешних сношений, обороны и безопасности после консультаций с премьер-министром,

а глава правительства проводит эту политику. Столкновения вызвала также статья о такфире, но ее удалось сохранить, как в предыдущей Конституции, запрещающей объявление такфира.

26 октября 2014 г. в Тунисе прошли выборы в парламент. Право голоса имели 5,3 млн. из 10,9 млн. человек. Из них приняло участие в голосовании 62%. В итоге одержали победу секуляристские партии. Первое место заняла партия «Нидаа Тунис» (Призыв Туниса), созданная в 2012 г. и получившая 86 из 217 мест в Ассамблее народных представителей (АНП).

Позиции других светских партий тоже выглядят солидно. Центристский Свободный патриотический союз получил 16 мест, левый Народный фронт, основу которого составляет Партия тунисских трудящихся, – 12, «Афак Тунис» (Горизонты Туниса) – 9 мест. В принципе, «Нидаа Тунис» легко может образовать блоки, необходимые для того, чтобы сформировать новое правительство. В то же время ДН, выступавшее с религиозно-модернистских позиций, заняло 69 мест в АНП. За нее проголосовало 32% избирателей. Следовательно, треть народных депутатов будет выступать против одобрения законов секуляристского характера.

23 ноября 2014 г. в Тунисе состоялся первый тур президентских выборов, в которых приняло участие 22 кандидата. Причем ДН не выдвигало собственного кандидата, ограничившись предоставлением поддержки М. Марзуки. В результате победили два кандидата – руководитель «Нидаа Тунис» Каид эс-Себси, получивший 39% голосов избирателей, и М. Марзуки, получивший 33% голосов. Второй тур состоялся 21 декабря 2014 г. В голосовании приняли участие 60% избирателей. В результате президентом был избран К. эс-Себси, получивший 1,7 млн, т. е. 56% голосов. В его поддержку голосовали в основном жители севера[9].

За М. Марзуки проголосовало 1,3 млн, т. е. он получил 44% голосов[10].

Немало тунисцев усмотрели в программе К. эс-Себси возвращение к ситуации времен Х. Бургибы и З.А. бен Али, т. е. слегка замаскированному диктаторскому правлению, и проголосовали за М.Марзуки.

Отдельно стоял вопрос о назначении премьер-министра. Все дело в том, что президент не имеет абсолютных полномочий, и исполнительная власть распределяется между ним и главой правительства. 5 января 2015 г. К. эс-Себси назначил премьер-министром Хабиба Эссида[11].

Перед новым руководством Туниса стоят непростые задачи.

Прежде всего на севере в Кераме и в городах юга, в частности в Аль-Хамме и Татавине, состоялись демонстрации протеста против победы К. эс-Себси на выборах.

На северо-западе продолжаются действия салафитов. Начиная с января 2013 г., на юге Туниса было обнаружено несколько схронов с оружием, доставленным из Ливии. Ситуация складывается настолько серьезная, что вопросы безопасности были обсуждены на встрече премьер-министров Туниса, Алжира и Ливии. Более того, по разным данным, от нескольких сот до 3 тыс. человек тунисских интегристов уехали в Сирию и после получения ими боевого опыта планируют вернуться обратно, чтобы применить знания на практике в борьбе против правительства. Средства массовой информации утверждают, что более 400 радикальных исламистов уже вернулись в Тунис и ждут приказа, чтобы выступить.

Распространению салафизма способствует социально-экономический кризис. Сторонники этих идей видят, что социал-демократическая система, которой придерживались Х. Бургиба и З.А. бен Али, была плоха, но что пришедший ей на смену порядок оказался еще хуже. Следовательно, остается «третий путь» – путь бога, который прописан в Коране и Сунне. Интегристы требуют подчинения жизни законам ислама периода жизни пророка Мухаммеда и первых четырех халифов, включая требования о создании исламского государства, проведении экономических преобразований в духе мусульманской религии и подчинении правил поведения в обществе и семье первоначальному исламу. Они выступают против светского образа жизни, требуют ведения судебных дел, основанных на шариате, и ограждения мусульман от вредных привычек. Но при этом они выступают за социальную справедливость. Салафиты ставят задачу добиться реисламизации мусульманских обществ, впавших в джахилию (невежество).

Распространение салафизма может быть объяснено пропагандой тезиса, что современная мусульманская религия искажает подлинный смысл ислама. Пропагандируются идеи агрессивного насилия, в частности теракты, в качестве войны с «неверными» и установления панисламизма, что должно истинных мусульман привести к власти над государством. Экстремисты уделяют значительное внимание пропагандистской работе. Это им необходимо для того, чтобы объяснять обществу

цели, за которые борются террористы, и вербовать новых сторонников. Естественно, в распространении фундаментализма принимают участие, в том числе, и зарубежные центры, в особенности Организация «Аль-Каида в исламском Магрибе». В результате происходит сращивание религиозных и политических факторов, и часть жителей попадает в зависимость от салафитов, начиная следовать их идеологии. Люди надеются, что осуществление террористических действий не только открывает им дорогу в рай, но и является спасением для погрязших в ереси народов.

В принципе, салафиты представляют собою сочетание homo politicus и homo religioses. Осуществление терактов заставляет большинство средств массовой информации не только информировать о них, но и заниматься перечислением задач, которые перед собою ставят интегристы. Более того, приверженность салафизму питается и воспоминаниями о когда-то одержанных победах и блеске мусульманских халифатов Медины, Дамаска, Багдада, Кордовы, Махдийи и Каира, Стамбула.

Впрочем, не так уж многочисленны члены интегристских организаций в Тунисе. Свидетельством чему является то, что уже 7 марта 2014 г. было отменено чрезвычайное положение, которое было введено 15 января 2011 г. и должно было действовать до июня 2014 г. Но вместе с тем питательная почва для фундаментализма сохраняется.

Серьезную опасность представляют собою умеренные исламисты. Они считают, что существующая система породила кучку богатых людей, которые продолжают обогащаться, а остальные прозябают с доходами среднего класса и ниже. Сторонники ДН выступают за то, чтобы приспособить требования мусульманских традиций к современной жизни. Одновременно они ратуют за религиозное воспитание, соблюдение исламских норм в жизни и быту. «Ан-Нахда» добивается концентрации усилий на джихаде сердца, ума и руки ради борьбы с собственными недостатками, неверием и невежеством. Но при этом лица, придерживающиеся умеренных трактовок мусульманской религии, выступают за выборы и признание их результатов.

Не менее серьезную опасность представляют сторонники того, чтобы Тунис не вернулся на путь, предложенный Х. Бургибой и З.А. бен Али, и страна дальше следовала по пути демократизации.

Следует, наконец, учитывать и то, что 80% молодых людей в возрасте от 18 до 25 лет не голосовали.

Естественно, серьезное беспокойство связано с экономическим положением государства. 80% жителей оценивают ситуацию как очень плохую или плохую. Уровень безработицы сейчас выше, чем до января 2011 г. Причем, по разным оценкам, от 33 до 60% безработных составляют молодые люди, число которых равняется 1600 человек на 1 млн. населения[12]. Вялые темпы роста экономики способствовали тому, что с апреля до декабря 2014 г. с 48 до 67% увеличилось число людей, которые думают, что Тунис движется в неправильном направлении. А ведь от решения экономических проблем зависит будущее этой страны.

В современную эпоху на все эти вещи накладывается еще один момент – глобализация экономического хозяйства, влекущая за собою глобализацию политических, военных, финансовых, организационных и идеологических сфер. Конечно, нужно учитывать то, что распространение глобализации влечет за собою плюсы. Но одновременно она приносит и минусы. В случае с Тунисом глобализация превратилась в непосредственную причину поддержания жизни на приемлемом уровне, однако без возможностей его повышения. На это накладывается вмешательство западной культуры в их духовную жизнь и повседневный быт.

Есть еще один момент. Современная молодежь мечтает о другой жизни, такой (они видят это по телевидению), как жизнь во Франции, Италии, Катаре. И им не приходит в голову, что эта жизнь тоже требует платы …

Страна давно сталкивается с проблемой использования ее территории нелегальными мигрантами в Западную Европу, а также желанием самих тунисцев перебраться в европейские города. При этом они рассчитывают на близость Италии (принадлежащий Риму остров Лампедуза находится всего в 71 миле от Туниса). Основные центры нелегальной миграции находятся в городах Набёль, Сус, Монастир, Махдийя, Сфакс и Меденин. Эмигранты пробирались в Тунис из Черной Африки через Ливию, а египтяне прибывают на территорию, используя прозрачность границ между странами Северной Африки. События в Ливии 2011 г. привели к тому, что в период с 20 февраля по 26 мая 2011 г. 47,4 тыс. тунисцев и 185,4 тыс. иностранцев, работавших в Ливии, хлынули в Тунис, что представляло собой

44% выехавших из Ливии. Одновременно, воспользовавшись слабостью погранконтроля в Тунисе, на Лампедузе высадилось сразу 25 тыс. тунисцев[13]. Тунисские власти, естественно, способствовали возвращению в страну тунисских репатриантов. Но это обострило и без того стоящую перед Тунисом проблему безработицы.

В целом же в Тунисе решение возникшего кризиса революционным, а не эволюционным путем снизило темпы проведения действенных социально-экономических реформ, осложнило борьбу с безработицей и политическую стабильность.

[1] Ближний Восток и современность. Вып. 48. М., 2014, с. 17.
[2] Там же. 48, с. 22.
[3] Сологубовский Н.С. Thawra. Тринадцать дней, которые потрясли Тунис. Арабские хроники. Книга первая. М., 2013, с. 192, 194, 198–199, 227–228.
[4] Там же, с. 210, 222.
[5] Там же, с. 201-202, 211–212.
[6] Видясова М.Ф., Гасанбекова Т.И. Катаклизмы в арабском мире, год четвертый. Новые конституции Туниса и Египта. М., 2014, с. 49.
[7] См.: Борисов А.Б. Арабский мир: Прошлое и настоящее. М., 2002, с. 82; Джамур А.Р. Хукук аль-усра фи Тунис. Тунис, 1998, с. 15-17.
[8] Видясова М.Ф., Гасанбекова Т.И. Катаклизмы в арабском мире …, с. 45.
[9] К. эс-Себси родился 29 ноября 1926 г. В 1941 г. вступил в молодежную организацию Новой конституционной партии. В 1956–1957 гг. он был назначен советником премьер-министра Туниса. В 1962–1965 гг. К. эс-Себси стал генеральным директором Управления национальной безопасности, а в 1965–1969 гг. он являлся министром внутренних дел. В 1969 г. К. эс-Себси был министром по особым поручениям при премьер-министре. В 1969–1970 гг. занимал пост министра обороны. В 1969 г. он впервые был избран членом парламента от Социалистической дустуровской партии (СДП). В 1970–1972 гг. был послом Туниса во Франции. В 1971 г. членство в СДП было приостановлено из-за его позиции в пользу реформы политической системы, а в 1974 г. он был исключен из Социалистической дустуровской партии. В 1978 г. К. эс-Себси вступает в Движение социалистических демократов. В 1980 г. он был назначен министром по особым поручениям при премьер-министре. В 1981-1986 гг. К. эс-Себси занимает пост министра иностранных дел, а в 1987-1990 гг. назначен послом Туниса в ФРГ. В 1990–1991 он возглавляет Палату представителей

(парламент) Туниса, а с 27 февраля по 24 октября 2011 г. становится премьер-министром. В июне 2012 г. К. эс-Себси создает движение «Нидаа Тунис».

[10] М. Марзуки родился 7 июля 1945 г. В 1989–1992 гг. являлся председателем Тунисской лиги защиты прав человека. В 1998–2001 гг. М. Марзуки был официальным представителем запрещенного Национального совета за свободу в Тунисе. 30 декабря 2000 г. он был приговорен к одному году тюремного заключения за правозащитную деятельность. 25 июля 2001 г. М. Марзуки создал и возглавил левую партию Конгресс за республику, которая фактически сразу же была запрещена. Он удалился в эмиграцию во Францию, где оставался десять лет. Вернувшись после ухода А.З. бен Али в Тунис, М. Марзуки возглавил КЗР, получившую 23 октября 2011 г. 29 из 217 мандатов в НУА. На президентских выборах 2014 г. за М. Марзуки проголосовали в основном жители юга страны.

[11] Хабиб Эссид родился в Сусе 1 июня 1949 г. Он окончил Университет Миннесоты по экономической специальности. Х. Эссид был государственным секретарем министерств сельского хозяйства в 2001–2002 гг. и сельского хозяйства, окружающей среды и гидроресурсов в 2002–2003 гг. После 2011 г. он занимал пост министра внутренних дел в течение времени, когда К. эс-Себси был премьер-министром. Хотя он и не является членом «Нидаа Тунис», его кандидатура была предложена президенту от имени партии.

[12] Сологубовский Н.А Thawra…., с. 193; Ближний Восток и современность. Вып. 48, с. 21.

[13] Азия и Африка сегодня, 2012, № 7, с. 12, 14.

И.А.Свистунова*

ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАДИКАЛЬНОЙ ГРУППИРОВКЕ «ИСЛАМСКОЕ ГОСУДАРСТВО» И ТУРЕЦКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Во второй половине 2014 г. задача противодействия радикальной группировке «Исламское государство» (ИГ, до 29 июня 2014 г. называла себя «Исламское государство Ирака и Леванта», ИГИЛ), захватившей часть территории Ирака и Сирии, стала одним из острейших вопросов на повестке дня международного сообщества. Начиная с июля 2014 г. Совет Безопасности ООН принял четыре резолюции, в которых шла речь об угрозах международному миру и безопасности, связанных с деятельностью ИГ (№№ 2169, 2170, 2178, 2195). Проблема ИГ отразилась и на развитии турецко-американских отношений, в которых все чаще возникают трения по причине расхождения подходов сторон к тем или иным событиям на Ближнем Востоке.

Ситуация в частично оккупированной ИГ Сирии входит в число первоочередных вопросов, вызывающих разногласия между Анкарой и Вашингтоном. Турецкое руководство испытало разочарование позицией Белого Дома еще в сентябре 2013 г., когда США отложили намерение начать военную операцию против Дамаска под предлогом использования в Сирии химического оружия (август 2013 г.). Последующие попытки сторон сгладить свои противоречия не принесли результатов. Переход ИГ в категорию угроз глобальной безопасности послужил катализатором углубления противоречий в подходах Турции и США к событиям в Сирии. Смещение фокуса внимания США и международного сообщества с Дамаска на ИГ рассматривается в Турции как отход от задачи первостепенной важности.

Для Анкары безусловными приоритетами на сирийском направлении остаются смена режима президента Б. Асада и обеспечение весомого (если не решающего) участия Турции

* Российский институт стратегических исследований (Москва).

в вопросах посткризисного урегулирования. Неприемлемым развитием событий считается автономизация сирийского Курдистана и укрепление позиций действующей там Рабочей партии Курдистана (РПК).

Обнародованная в сентябре 2014 г. программа нового 62-го правительства Турции свидетельствует о неизменности принципиальных подходов и оценок Анкары. Новое правительство Турции возлагает ответственность за трагические события в Сирии на правящий режим, обвиняя его в применении всех видов насилия против населения, в сотрудничестве с радикальными элементами, в проведении конфессионально ориентированной политики и в попытках разрушить единство сирийского народа.[1]

Турецкое руководство придерживается мнения о том, что проблему ИГ невозможно решить военными методами, что вопрос решится только после свержения Б. Асада и включения суннитов Ирака и Сирии во властные структуры двух стран. В этой связи в программе выражается осуждение действий руководства Ирака (имеется в виду правительство бывшего премьер-министра Н. Малики) и Сирии, которое «не приняло во внимание законные политические требования народа». Утверждается, что именно это и стало причиной того, что в этих двух странах укоренились террористические организации и радикальные группировки, пообещавшие удовлетворить политические ожидания общества.[2]

Турция намерена играть ведущую роль в процессе выработки и осуществления политики международного сообщества в отношении Сирии, полагая, что в основе этой политики должны лежать три принципа:

1) удовлетворение законных требований сирийцев путем перехода к мирному политическому процессу,

2) «политическая и гуманитарная поддержка сирийского народа перед лицом насилия со стороны режима»,

3) укрепление организационных структур «легитимных представителей народа Сирии».[3]

Другими словами, Турция стремится к успешному завершению «арабской весны» в Сирии, поддерживает приход к власти в Дамаске оппозиционных сил, с которыми у Анкары налажены тесные связи (в первую очередь, речь идет о членах т.н. Сирийского национального совета, созданного в Стамбуле в 2011 г.), и рассчитывает на решение проблемы более 1,5 млн.

сирийских беженцев, которые являются для Турции серьезным экономическим бременем и фактором дестабилизации внутриполитической обстановки.

В свою очередь для США, которые в очередной раз «подняли международное знамя борьбы с терроризмом», противостояние с ИГ во многом является геополитическим проектом. Успех этого проекта должен подтвердить, что Америка является сверхдержавой, способной консолидировать международное сообщество и решать проблемы мирового значения. Актуальность этой задачи повышается в свете роста числа вызовов американскому влиянию в различных регионах и особенно в условиях конфронтации с Россией. С этой точки зрения региональные озабоченности Турции входят в противоречие со стратегическими целями Вашингтона, который пытается использовать традиционные союзнические связи с Анкарой для решения собственных задач.

Открытое военное участие США в решении проблемы ИГ началось с Ирака. В ответ на обращение Багдада, неспособного остановить наступление отрядов ИГ, Вашингтон нанес серию авиаударов по позициям боевиков в Ираке в августе 2014 г. Это приостановило продвижение ИГ, но не привело к решению проблемы. На саммите НАТО в Уэльсе в сентябре 2014 г. президент Обама призвал союзников и партнеров по НАТО принять участие в международной коалиции против ИГ.[4]

В годовщину теракта 11 сентября Б. Обама объявил о стратегии борьбы с ИГ, ключевыми элементами которой являются нанесение авиаударов по позициям боевиков, вооружение оппозиции и создание международной антитеррористической коалиции. Вслед за этим в Джидде была организована встреча с участием США и ряда государств Ближнего Востока. Однако ключевой союзник Вашингтона в регионе – Турция отказалась подписывать итоговую декларацию о совместном противодействии терроризму, в том числе деятельности ИГ.

Для Анкары проблема ИГ приобрела особую остроту еще 11 июня 2014 г., когда боевики «Исламского государства Ирака и Леванта» (или ИГИЛ, как называла себя организация до 29 июня 2014 г.) в ходе наступления на североиракский город Мосул взяли в заложники 46 сотрудников генконсульства Турции, включая самого генконсула. Турецкие заложники оставались в плену более трех месяцев – до 20 сентября, когда были освобождены в результате переговоров турецких спецслужб с ИГ.[5] Все это время турецкое правительство подвергалось жесткой

критике со стороны оппозиции, несмотря на то, что премьер-министр Р.Т. Эрдоган (с 28 августа 2014 г. – президент Турции) добился судебного запрета на освещение данной темы в СМИ. В этой связи, несмотря на давление США, руководство Турции мотивировало свой отказ присоединиться к международной коалиции угрозой для жизни заложников.

После освобождения заложников в позиции Анкары произошли определенные изменения. 2 октября 2014 г. парламент предоставил правительству разрешение в случае необходимости осуществить сухопутную операцию на территории Сирии и Ирака. Соответствующий мандат был выдан сроком на 1 год. Документ также позволяет иностранным войскам использовать территорию Турции для проведения операций в Сирии и Ираке. Однако эта мера носила скорее защитный характер, в том числе направленный на «успокоение» общественного мнения, и вовсе не означала, что Турция готовится к сухопутной операции против ИГ. В тексте запроса, направленного премьер-министром в парламент, говорилось о таких угрозах, как террористические атаки с территории Ирака и Сирии (наряду с ИГ упоминалось и об РПК), а также массовом потоке беженцев.[6]

Вероятнее всего, Анкара так и не воспользуется возможностью отправки своих солдат за рубеж. Для правительства ПСР, рассчитывающего на победу на предстоящих в июне 2015 г. парламентских выборах, риск слишком велик. Общественное мнение Турции расколото по данному вопросу. Потенциальное участие Анкары в сухопутной операции против ИГ угрожает всплеском терроризма в Турции, а также атаками на дипломатические представительства Турции за рубежом (прецедент был создан, когда подверглось нападению турецкое генконсульство в Мосуле). Кроме того, в арабском мире турецкая интервенция в Сирию может быть воспринята как оккупация и нанести непоправимый ущерб престижу Турции.

В случае возникновения экстремальной ситуации не исключена возможность проведения турецкой армией локальных рейдов в приграничных районах (наподобие тех, что Турция совершала в Ираке против РПК на протяжении многих лет).

Наиболее предпочтительным вариантом решения проблемы ИГ для Белого Дома стало бы проведение сухопутной операции силами турецкой армии – хорошо управляемой и организованной силы, использование которой исключило бы такие «неблагоприятные последствия» вооружения сирийской оппо-

зиции, как неконтролируемое распространение оружия и создание военизированных группировок. Но Анкара упорно воздерживается от шага, грозящего Турции прямым вовлечением в гражданскую войну на территории соседнего государства. В отличие от своих заокеанских партнеров, решающих текущие задачи, Турция вынуждена учитывать средне- и долгосрочные последствия иностранных интервенций в соседние страны.

По словам известного турецкого политолога Тайара Ары, «США и другие страны Запада смотрят на проблему исключительно сквозь призму ИГ и ожидают от Турции таких шагов, которых не делают даже они сами. К сожалению, эта точка зрения не позволяет им заметить, что Турция приютила 2 млн. сирийских беженцев. Нельзя не заметить противоречия в том, что, требуя от Турции открыть военные базы или даже отправить войска, они сами не принимают беженцев и не отправляют свои войска».[7]

Вашингтону так и не удалось добиться активного участия Турции в антитеррористической коалиции, несмотря на интенсивные дипломатические контакты. В октябре 2014 г. в турецких СМИ со ссылкой на источники в Пентагоне появились сообщения о том, что Анкара согласилась на использование турецких авиабаз, включая Инджирлик, для нанесения ударов по позициям боевиков ИГ.[8] Но премьер-министр Турции А. Давутоглу сообщил о том, что Инджирлик используется только для проведения разведывательных полетов над Ираком.[9]

В свою очередь министр иностранных дел Турции М. Чавушоглу после встречи с генсеком НАТО Й. Столтенбергом заявил о необходимости комплексной стратегии решения проблемы ИГ, прежде всего включающей вопросы создания в Сирии «бесполетной зоны» и «зоны безопасности». По словам турецкого министра, ожидания того, что Турция в одиночку осуществит наземную операцию против боевиков ИГ, являются нереалистичными.[10]

Анкара призывала к созданию «зоны безопасности» в Сирии на протяжении длительного времени. Такая зона позволит Турции облегчить ситуацию с непрекращающимся притоком беженцев, обезопасить свои границы и перенести решение задач логистической поддержки боевиков сирийской оппозиции со своей территории на территорию Сирии.

Если ранее предлогом для создания «зоны безопасности» Анкара считала «военные действия Б. Асада против мирных граждан», то в свете деятельности ИГ президент Турции

Р.Т. Эрдоган заявил, что это единственный способ решения проблемы терроризма в Сирии. Турецкое руководство выступило с призывом создать такую зону вдоль границы с Сирией, причем ее ширина в различных местах должна варьироваться от 20 до 100 км.[11] Вопрос об использовании международной коалицией своих авиабаз в борьбе с ИГ руководство Турции готово рассматривать только после решения задач, связанных с «зоной безопасности».

Не изменил позицию Анкары и «фактор Кобани» – ситуация в курдском кантоне, расположенном неподалеку от турецко-сирийской границы, где на протяжении нескольких месяцев шли ожесточенные столкновения между сирийскими курдами и боевиками ИГ. Ситуация стала поводом для беспорядков в Турции, курдское население которой требовало от правительства оказать помощь сирийским курдам. Но Анкара воздерживалась от прямого военного вмешательства в конфликт, активными участниками которого со стороны сирийских курдов выступают отряды милиции Партии демократического союза (ПДС), которую в Турции считают ответвлением РПК.

США воспользовались данной ситуацией и начали наносить удары по ИГ на территории Сирии (правительство которой в отличие от Багдада не обращалось к Вашингтону с подобными просьбами). Одновременно Вашингтон попытался «подтолкнуть» Анкару к активному содействию международной коалиции, но стороны не смогли прийти к единомыслию.

Руководство Турции считает, что американская тактика авиаударов по позициям ИГ может только приостановить продвижение боевиков, но не способна решить проблему, требующую комплекса мер, в том числе политического характера.[12]

По прогнозам турецких экспертов, в среднесрочном плане авиаудары лишь послужат дальнейшей дестабилизации ситуации как в Сирии, так и в Ираке. Авиаудары приводят к тому, что силы ИГ все более стремятся «рассеиваться» по населенным пунктам, которые не подвергаются ударам и где с ними сложнее бороться. Усилившееся «распространение» сил ИГ в местах проживания гражданского населения приводит, с одной стороны, к росту потока беженцев и усугублению гуманитарной ситуации, а с другой стороны, способствует вовлечению в ряды ИГ все новых сторонников.[13]

Разногласия сторон вызывает и вопрос подготовки боевиков сирийской оппозиции, которых планировалось тренировать

в специальных лагерях на турецкой территории. Анкара настаивала на жестком отборе кандидатов силами турецких спецслужб и исключении из их числа членов РПК и сирийской ПДС.

Вашингтон не мог согласиться с таким подходом, поскольку до настоящего времени отряды ПДС и РПК выступали основными силами, оказывающими сопротивление ИГ на севере Сирии. Несмотря на интенсивное давление на Анкару (в октябре – ноябре 2014 г. Турцию дважды посетил спецпредставитель Б. Обамы по борьбе с ИГ генерал Д. Аллен, а также вице-президент США Д. Байден), стороны так и не пришли к компромиссу. Вашингтон не утвердил предложенную Турцией программу подготовки вооруженной оппозиции.

В этой ситуации Турция пошла на расширение военного сотрудничества с иракскими курдами (с которыми Анкара в последние годы наладила активные политические и экономические связи) и в октябре 2014 г. «открыла коридор» для отрядов пешмерга, прошедших из Ирака через территорию Турции на помощь Кобани.

После посещения Эрбиля главой турецкой разведки Х. Фиданом в конце ноября 2014 г. турецкие инструкторы начали обучение курдских бойцов в тренировочном лагере на территории Курдского автономного региона (КАР). Предполагается, что прошедшие специальную подготовку бойцы смогут сдерживать натиск ИГ на курдские районы Ирака, а в случае необходимости могут быть переброшены в Сирию.

Разногласия между Анкарой и Вашингтоном вызывают противоречивые оценки в экспертном сообществе Турции. Сторонники союза с США выражают опасения, что отказываясь от полномасштабного участия в «антиигиловской» коалиции, турецкое руководство ставит под угрозу особые отношения с Белым Домом.

Противники вовлечения Турции в американскую военную операцию убеждены, что правительство не должно следовать сценариям, которые навязываются внешними силами, и выступают за более самостоятельный курс на Ближнем Востоке. В ноябре в Стамбуле было организовано несколько массовых антиамериканских акций, в том числе накануне визита вице-президента США Д. Байдена.

Заслуживает внимания, что даже сторонники тесного союза Анкары с Вашингтоном считают турецко-американские разногласия признаком того, что между двумя странами складывается

новый формат отношений, отражающий изменения во внешней политике Турции. Суть этих перемен можно свести к нескольким положениям.

Во-первых, при сохранении значения союза с США и НАТО для турецкой системы безопасности и обороны Анкара признает за собой право на особую позицию по вопросу военных операций союзников в регионе. В отличие от своих заокеанских партнеров, решающих текущие задачи, Турция вынуждена учитывать средне- и долгосрочные последствия иностранных интервенций в соседние страны.

Во-вторых, в случае недостаточного внимания западных союзников к озабоченностям Анкары в кризисных ситуациях турецкое руководство будет осуществлять альтернативные шаги.

В-третьих, Турция исходит из того, что ее уникальное геостратегическое положение в сочетании с ростом ее регионального и международного веса наделяют ее возможностями отстаивать свои интересы.

В-четвертых, Анкара отдает приоритет методам «мягкой силы» как способу урегулирования региональных кризисов. В случае, когда международное вооруженное вмешательство неизбежно, оно должно быть лишь частью интегрированной стратегии, включающей «дорожную карту» политического урегулирования и постконфликтного восстановления.

Очевидно, что в период президентства Р.Т. Эрдогана во внешней политике Турции сохранятся элементы «непредсказуемости», идущей вразрез с американской линией в регионе. Это не означает, что «особые отношения» между Анкарой и Вашингтоном исчерпали себя. Обе страны сохраняют взаимную заинтересованность в координации действий по региональной и глобальной проблематике, однако Турция будет все чаще ставить свои национальные интересы выше блоковой солидарности. В этой связи принявшая долгосрочный характер проблема ИГ останется в числе турецко-американских противоречий на Ближнем Востоке.

---

[1] 62. Hükümet programı. Başbakan Ahmet Davutoğlu. 1 Eylul 2014 // http://www.basbakanlik.gov.tr/Forms/_Global/_Government/pg_GovernmentProgram.aspx. – s. 173.

[2] Там же, с. 171.

[3] Там же, с. 173.

[4] Выступление президента Обамы на пресс-конференции на саммите НАТО. – http://iipdigital.usembassy.gov/st/russian/texttrans/2014/09/20140905307570.html?CP.rss=true#ixzz3PeBB0RT3

[5] Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı Açıklaması No: 301, 20 Eylül 2014, Musul Başkonsolosluğumuz Personeli Hakkında // http://www.mfa.gov.tr/no_-301_-20-eylul-2014_-musul-baskonsoloslugumuz-personeli-hk_.tr.mfa

[6] İşte Irak ve Suriye tezkeresinin tam metni // http://www.posta.com.tr/siyaset/HaberDetay/Iste-Irak-ve-Suriye-tezkeresinin-tam-metni.htm?ArticleID=247111

[7] Tayyar Arı. Suriye sorunu ve İŞİD'le mücadelede çözüm alternatifleri // Ortadoğu Analiz. Kasım-Aralık. Cilt: 6. Sayı: 65. – s. 20.

[8] 'IŞİD'e karşı operasyonlarda İncirlik Üssü de kullanılacak' // http://www.radikal.com.tr/turkiye/iside_karsi_operasyonlar_da_incirlik_ussu_de_kullanilacak-1218422

[9] Ibid.

[10] Dışişleri Bakanı Sayın Mevlüt Çavuşoğlu'nun Nato Genel Sekreteri Jens Stoltenberg ile Ortak Basın Toplantısı, 9 Ekim 2014, Ankara // http://www.mfa.gov.tr/disisleri-bakani-sayin-mevlut-cavusoglu_nun-nato-genel-sekreteri-jens-stoltenberg-ile-ortak-basin-toplantisi_-9-ekim-2014_-ankar.tr.mfa

[11] Erdoğan: Havadan bombalamayla olmaz // http://www.milliyet.com.tr/erdogan-havadan-bombalamayla-olmaz/siyaset/ydetay/1944663/default.htm

[12] Dışişleri Bakanı Sayın Mevlüt Çavuşoğlu'nun Nato Genel Sekreteri Jens Stoltenberg ile Ortak Basın Toplantısı, 9 Ekim 2014, Ankara // http://www.mfa.gov.tr/disisleri-bakani-sayin-mevlut-cavusoglu_nun-nato-genel-sekreteri-jens-stoltenberg-ile-ortak-basin-toplantisi_-9-ekim-2014_-ankar.tr.mfa

[13] ABD'nin İŞİD stratejisi ve Irak ile Suriye'ye olası yansımaları / ORSAM rapor No: 191. Eylül 2014. – s. 13–14.

Н.В.Сухов

МИГРАЦИЯ ЮГ – СЕВЕР И ПРОБЛЕМА ОТНОШЕНИЯ К МИГРАНТАМ В МАРОККО

Потоки мигрантов из африканских стран, расположенных южнее Сахары, продолжают двигаться сегодня в Европу через Северную Африку. Следует сразу оговориться, что речь идет о нелегальной миграции, поскольку африканцы, имеющие вид на жительство и, соответственно, официальную работу, составляют меньшинство в общем количестве граждан африканских государств, находящихся временно или постоянно на территории стран Магриба.

До относительно недавнего времени североафриканские государства представляли собой как источник миграции собственного населения в Европу, так и территорию транзита для жителей Западной и Центральной Африки. И те, и другие устремлялись в поиске лучших возможностей для образования и трудоустройства, бежали от нищеты, политической нестабильности, конфликтов и нарушения своих элементарных прав, их сгоняли с места стихийные бедствия и ухудшение окружающей среды.

Социально-политические потрясения в странах Северной Африки повлекли за собой в последние четыре года (2011–2014 гг.) внутренние трансформации, которые повлияли на баланс отношений между странами региона, включая европейское Средиземноморье, а также на характер и направления африканской миграции Юг – Север.[1] В данной статье уделено особое внимание комплексу проблем, которые породили упомянутые изменения в Королевстве Марокко, ставшем сегодня узлом миграционных потоков.

Современная миграция африканского населения по оси Юг – Север, т.е. из стран, расположенных южнее Сахары, в Северную Африку, началась по завершении периода «пробуждения Африки», чему способствовал, в первую очередь, разрыв в экономическом развитии этих двух регионов, а также слабый

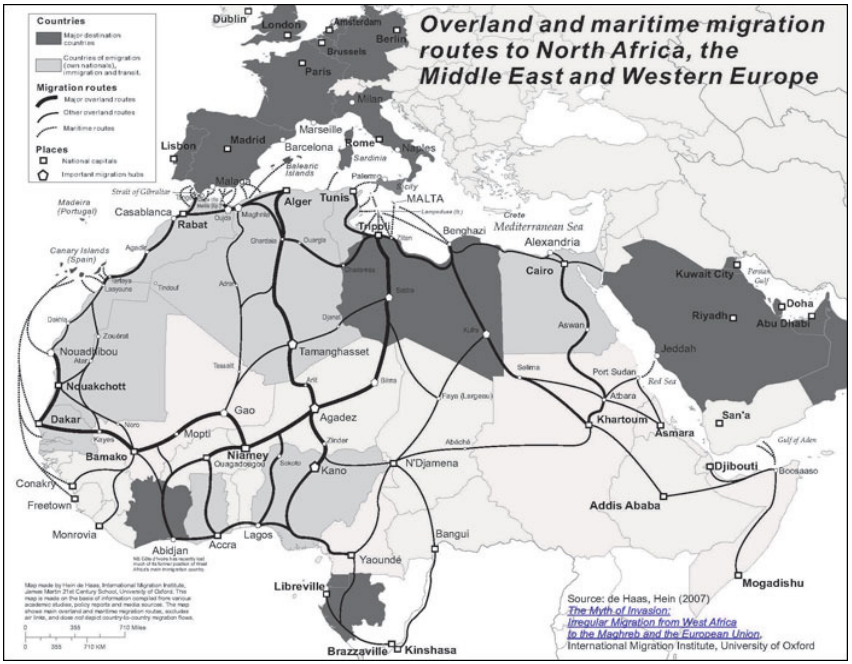
контроль над границами независимых государств. На протяжении всего XX в. транссахарская миграция оставалась незначительной, но уже в 1990-е гг. развивающиеся экономики стран Магриба, в основном нефтедобывающих Алжира и Ливии, стали привлекать все большее число иммигрантов преимущественно из Западной Африки. Наряду с природными и экономическими факторами миграцию населения в регионе, особенно в первом десятилетии XXI в., стимулировали военные конфликты, вспышки насилия в результате внутриполитических конфликтов в ряде стран Африки.

Подавляющим большинством африканских мигрантов движет мечта попасть в Европу. Они представляют её как некое Эльдорадо, место, достигнув которого, можно решить все свои жизненные проблемы.[2] Это стремление совпадает с чаяниями значительной части населения Магриба, поэтому мигранты из «черной» Африки, попав сюда, двигаются дальше по уже налаженным местным населением нелегальным каналам. Таким образом, до недавнего времени страны Магриба представляли собой территорию преимущественно транзитной миграции на пути из Африки в Европу.

С начала 1990-х гг. тысячи иррегулярных, как их называют в Европе, т.е. не имеющих документов и разрешения на въезд мигрантов пересекали Средиземное море к берегам Испании и Италии. «Черные» африканцы были почти незаметны в этом потоке, составляя не более 2%.[3] Однако в 2005–2006 гг. стало очевидно, что доля африканцев из стран южнее Сахары среди нелегальных мигрантов существенно увеличилась. Об этом свидетельствовали их массированные попытки прорваться на территорию испанских анклавов в Африке Сеуту и Мелилью, а также на Канарские острова. Эти люди представляли довольно широкий в географическом плане ареал: Сенегал, Гамбию, Сьерра-Леоне, Либерию, Мали, Кот-д'Ивуар, Гану, Нигерию, Конго, Камерун, Судан и даже Африканский Рог.[4]

По разным оценкам, от 65 до 120 тыс. африканцев попадали на территорию Магриба (Мавритании, Марокко, Туниса, Алжира и Ливии) ежегодно в период, предшествовавший «арабской весне». Из них 70 – 80% шли транзитом через Ливию, а 20 – 30% – через Алжир и Марокко. Таким образом, десятки тысяч пытались пересечь Средиземное море, чтобы оказаться в Европе. Высокая доля мигрантов из «черной» Африки в Ливии и, соответственно, в направлении из Ливии в Италию

на протяжении 2000-х гг. явилась итогом двух противоположных факторов: политики Каддафи по привлечению африканской рабочей силы в русле провозглашенной им панафриканской солидарности, с одной стороны, и антииммигрантских настроений местного населения, затем подкрепленных репрессивными мерами ливийских властей против нелегалов, с другой.[5] Стремясь улучшить свои отношения с мировым сообществом, Каддафи стал тесно сотрудничать с Международной организацией по миграции (МОМ) и ЕС. Это выразилось в усилении контроля границ Ливии и организации лагерей для нелегальных мигрантов. В 2004 г. между Ливией и Италией было заключено соглашение о депортации нелегалов из Италии в страны исхода через территорию Ливии и при её финансовом участии.[6] Эти обстоятельства привели к постепенному смещению транссахарских миграционных путей с территории Ливии в Алжир и Марокко.



Так выглядели миграционные пути из Африки в Европу до начала «арабской весны»[7]

С падением режима Каддафи в 2011 г. в Ливии началась настоящая охота за мигрантами из стран «черной» Африки, теми, кто не смог покинуть страну в начале кризиса. В результате уже почти четыре года эта дорога для массовой транссахарской миграции оказалась практически перекрытой.

Миграционный канал через Алжир, повторяющий древние караванные пути, остается самым «полноводным».[8] Но потоки мигрантов, исходящие с юга Сахары, на территории Алжира отклоняются на Запад, к границе с Марокко. Этому способствует политика алжирских властей на протяжении последних 15 лет.

С начала 2000-х гг. Алжир стал одновременно страной исхода для своих граждан, транзита и оседлости для мигрантов из Африки южнее Сахары. В южные провинции страны в поисках работы ежегодно прибывали, по оценкам экспертов, от 20 до 30 тыс. переселенцев из Мали и Нигера, Кот-д'Ивуара, Судана и Ливии. Работу они находили, но легализовать свое пребывание на территории Алжира не могли и не могут. Официальная позиция алжирских властей заключается в нежелании признавать их присутствие и, соответственно, оформлять им вид на жительство или гражданство. Это связано, в первую очередь, с экономическими и социальными проблемами самого Алжира. Реализация специального плана развития Юга страны не способствует перетеканию незанятой рабочей силы из северных районов, но остается стимулом для постоянной миграции из семи соседних стран.[9] Алжирские власти предпочитают контролировать миграционные потоки через свою территорию полицейскими методами. Тем более, что делать это не так сложно в рамках интенсивной борьбы с контрабандой, наркотрафиком и терроризмом. Закон «О правилах въезда, пребывания и перемещения иностранцев в Алжире от 25 июня 2008 г.»[10] ввел новую меру борьбы с нелегальными мигрантами: они должны быть препровождены обратно на границу страны. Интересную трактовку этого положения приходилось наблюдать во время пребывания автора в Марокко и отслеживать в настоящее время по сообщениям марокканских СМИ. Пограничные пункты, куда свозятся задержанные на алжирской территории мигранты, в большинстве своем оказываются на границе с Марокко. Оттуда африканцы проникают на территорию королевства и пробираются к заранее известным местам сбора, расположенным вдоль средиземноморского побережья страны. Массовой подобная инфильтрация ми-

грантов с территории Алжира стала с 2004 г., т.е. длится уже более 10 лет.

Несмотря на то, что мировые СМИ и международные политики стараются представить мигрантов жертвами «безжалостных» преступных сообществ, подавляющее большинство мигрантов двигается самостоятельно, небольшими группами, от одного перевалочного пункта к другому. Обычно мигранты платят за преодоление сложных участков маршрута. Те, кому они платят, не являются участниками какой-либо разветвленной международной сети. Как правило, это местные кочевники и такие же мигранты, остановившиеся на данном этапе своего пути в Европу, которые благодаря связям с коррумпированной полицией, чиновниками и различного рода посредниками обеспечивают передвижение мигрантов.[11] Пересекая пустыню Сахара, мигранты тратят сотни долларов на транспорт, питание, оплату посредников и взятки. Добравшись до Марокко, они вынуждены задерживаться на его территории на самые разные сроки – от нескольких месяцев до нескольких лет, чтобы скопить сумму, необходимую для «последнего броска» в Европу. Источниками доходов таких временных иммигрантов становятся поденная работа, попрошайничество, мелкая торговля и переводы родственников, уже обосновавшихся в Европе. А денег, чтобы заплатить за морскую переправу, требуется немало. Широко «известных» в узких кругах специалистов по нелегальному трафику можно найти в укромных кафе прибрежных городков Марокко, где место в скоростной надувной лодке стоит для марокканца до 2000 долл., а для «черного» африканца – в два раза больше.[12] Как показали события, многие не в состоянии скопить такие суммы. В отчаянии они пытаются использовать другие, ещё более рискованные, чем морское путешествие на лодке, способы попасть в Европу.

Первая массовая попытка мигрантов из «черной» Африки прорваться с территории Марокко в испанский анклав Сеуту произошла в сентябре 2005 г. и вызвала международный резонанс, поскольку повлекла за собой человеческие жертвы. С годами количество таких попыток и количество их участников увеличивались по мере того, как росло число африканцев, концентрировавшихся в ряде районов Марокко. Если в 2005 г. речь шла о нескольких десятках транзитных мигрантов, отчаявшихся попасть в Европу другими способами, то в 2014 г. произошли несколько спланированных атак на пограничные

укрепления Мелильи, другого испанского города на африканском континенте, в которых принимали участие от 800 до 1500 человек. В среднем одной трети из них удавалось проникнуть на территорию «Европы в Африке», что в общей сложности составило в 2013 г. всего 1000, а в 2014 – 2000 человек.[13] «Всего» – потому что число нелегальных мигрантов из стран, расположенных к югу от Сахары, оценивается сегодня в Марокко примерно в 40 тыс. чел.[14]

Несмотря на то, что большинство африканцев, оказавшихся в результате своих долгих странствий на севере Марокко, нацелены на продолжение своего пути в Европу, немногим из них в период после «арабской весны» удавалось пересечь Средиземное море, т.к. их попытки встречают совместное организованное противодействие силовых структур Испании и Марокко.[15] Следует отметить, что сложившаяся на северных рубежах Марокко ситуация не является результатом спонтанной реакции европейских стран на события «арабской весны» и возникшие, как следствие, изменения в миграционных процессах. «Барьер» на пути нелегальной миграции из Африки в Европу возводился загодя.

С ростом транссахарской миграции страны-члены ЕС предпринимали попытки «вынести» пограничный контроль за пределы своих физических границ, сделать его удаленным. Начиная с 2003 г. Испания с Марокко, а Италия – с Ливией активизировали сотрудничество по охране границ. В 2006 г. Испания получила финансовую поддержку ЕС по линии комитета Frontex для организации патрулирования морских путей нелегальной миграции из Сенегала, Мавритании и с Островов Зелёного мыса. Такая же помощь была выделена Италии, Греции и Мальте для контроля миграционных маршрутов вдоль берегов Ливии и Туниса.[16]

Тогда же под давлением ЕС в Марокко и Тунисе были приняты суровые законы, направленные против нелегальной миграции и контрабанды людей. В частности, закон № 02-03, принятый в 2003 г., дал юридические основания для задержания мигрантов и их выдворения с территории Марокко.

С помощью различных механизмов – военного сотрудничества и целевого финансирования – европейским странам удалось дистанцировать проблему нелегальной миграции от своих границ, что объективно способствует накапливанию африканских транзитных мигрантов на территории Марокко.

Правительство королевства, стараясь соответствовать требованиям европейских стран по созданию «санитарного кордона» для мигрантов, также предпринимает серьезные меры по защите своих границ изнутри. Правозащитные организации даже критикуют Марокко за то, что оно стало «европейским жандармом» в Северной Африке.[17]

К 2012 г. территория страны стала своего рода ловушкой, местом концентрации мигрантов, вынужденных выживать в обществе, абсолютно не готовом к их приему. В 2012–2014 гг. стали особенно ярко проявляться негативные социальные последствия этого процесса, выразившиеся в столкновениях с местными жителями, убийствах, беспорядках и демонстрациях. Марокканские СМИ и доклады общественных организаций, защищающих права иммигрантов, дают возможность воссоздать реальность, в которой существуют в Марокко выходцы из «черной» Африки.

Злоключения тех из них, кому удалось добраться до Марокко через пустыню, начинаются уже на границе. Многие проникают вглубь территории страны, других встречают марокканские военные. Они не церемонятся с «неграми»: в марокканской и европейской прессе можно найти достаточно свидетельств о расстрелах караванов, двигающихся с территории Мавритании через пустыню. Оставшихся в живых, женщин, детей, раненых бросают в песках на верную смерть.[18] Справедливости ради следует отметить, что испанские пограничники поступают не более гуманно, позволяя тонуть мигрантам с потерпевших крушение баркасов и лодок в Гибралтарском проливе или у берегов Канарских островов.

Граница между Марокко и Алжиром, официально закрытая из-за длящейся десятилетиями «холодной войны» между двумя странами, более проницаема, во-первых, в силу её протяженности, а, во-вторых, благодаря местным проводникам-контрабандистам, переправляющим нелегалов за деньги на верблюдах, ослах и внедорожниках при непротивлении алжирской полиции. Благополучно пересекшие границу мигранты оседают в городах и селах Марокко. Это – трущобы Касабланки и Рабата в центре страны, Танжер на севере и Ужда на востоке. Лагеря мигрантов из «черной» Африки много лет существуют в лесных массивах, прилегающих к испанским городам Сеута и Мелилья. В 2010 г. автор лично наблюдал скопление африканцев в так называемом «дипломатическом лесу» неподалеку от королев-

ского дворца в нескольких километрах от Танжера. Импровизированные укрытия из веток, картона и пластика давали приют десяткам человек, ожидающим возможности отправиться в Европу. Сейчас такое увидеть невозможно. Полиция проводит регулярные рейды, разрушая постройки и депортируя всех, кого удалось задержать, к границе с Алжиром.[19]

Таким образом, создается «санитарный кордон» на севере Марокко, целью которого является недопущение мигрантов к промежуточному, но ключевому пункту их маршрута – побережью Средиземного моря. Одновременно марокканские власти вынужденно, конечно, загоняют проблему внутрь, превращая свою страну из транзитной в принимающую территорию.

Нелегальные мигранты из стран южнее Сахары и раньше – в течение уже десяти лет – селились в центральных городах Марокко. Но до начала 2010-х гг. их присутствие не было столь заметным и не вызывало негативной реакции в марокканском обществе.

В 2008 г. марокканский исследователь Мехди Алиуа констатировал, что взаимодействие мигрантов и местных жителей способствует интеграции первых, обеспечивает им сносное существование и дает возможность скопить средства для продолжения своего пути.[20] Население, которое само существует в тяжелых социально-экономических условиях, поставляющее из своей среды магрибинских мигрантов в Европу, так называемых «харрага»[21], с пониманием относится к проблемам африканских мигрантов. С 2000-х гг. они селились в «бидонвилях»[22] и «народных» кварталах» нескольких крупных городов Марокко, но концентрировались преимущественно в Касабланке, Рабате и Танжере.[23] Эти кварталы характеризуются динамичным ростом бедного населения в результате миграции марокканцев из сельской местности и высокой рождаемости. Еще одной важной чертой таких районов является слабый контроль со стороны полиции или его полное отсутствие. При этом цели местных и иностранных мигрантов во многом совпадают: выжить, накопить денег и отправиться в Европу. Сходны и основные источники их «переходного» существования – средства, присылаемые родственниками, уже закрепившимися в Европе. Находясь в ежедневном непосредственном контакте, марокканцы и африканские мигранты завязывают деловые отношения, обмениваются информацией, строят иногда совместные планы достижения общей мечты. Схожие стратегии выживания

и общие поведенческие практики способствуют их социальному сближению. Следует подчеркнуть, что к концу 2000-х гг. исследователь миграционных процессов в Марокко фиксирует появление «новых форм космополитизма», возникших на основе взаимодействия и общих интересов.[24]

В 2012 г. была сделана попытка радикально изменить отношение марокканского общества к мигрантам из стран, расположенных южнее Сахары. В ноябре вышел номер популярного еженедельного журнала «*Maroc Hebdo*», посвященный «черной опасности», якобы надвигающейся на Марокко через Сахару с Юга.[25] Миграция из «черной» Африки была представлена как основная причина роста наркотрафика, проституции, безработицы и угроз безопасности страны.[26] В стране с высокой долей неграмотного населения гораздо большее влияние, чем пресса, на сознание простого обывателя оказывает телевидение. А оно не отставало от журналов и газет. Два центральных канала – RTM и 2M – формировали образ иммигранта через репортажи об успехах органов правопорядка в борьбе с нелегалами, делая акцент на связанных с ними проблемах безопасности.

Независимая пресса старалась сохранять объективность, обращая внимание на гуманитарные аспекты транзитной миграции. Описывая причины, которые толкнули граждан других африканских государств покинуть свои страны, эти издания осуждали факты оскорбления и насилия в адрес иммигрантов, как легальных, так и нет. При этом марокканские журналисты не обходили стороной проявления расизма, подвергали серьезной критике силовые, зачастую абсолютно негуманные действия марокканских и испанских властей по отношению к выходцам из стран южнее Сахары, в частности, их депортацию в пустыню на верную смерть.[27] В качестве иллюстрации приводились интервью с мигрантами, ставшими объектами такой политики властей, а также с жертвами бытового расизма.[28] В то же время официозные издания, пытаясь опровергнуть эту информацию, рассказывали о полицейских рейдах и массовых арестах, заявляя при этом, что «ни один мигрант из сотен нелегалов, находящихся на марокканской территории, не был брошен в пустыне или оставлен на произвол судьбы на южной границе королевства».[29] В «партийной» прессе, в первую очередь, в органах социалистических движений и партии национальной буржуазии «Истикляль» до сегодняшнего дня просле-

живается конфликт между линией на критику европейской миграционной политики по отношению к марокканцам и шовинистическим оттенком публикаций о мигрантах из стран южнее Сахары.

В то же время парламентарии-исламисты озабочены преимущественно «моральными аспектами», связанными с африканской иммиграцией. Например, один из лидеров Партии справедливости и развития, соратник действующего премьер-министра Марокко, Абделла Баха сделал упор на «риске распространения СПИДа, принесенного африканцами с Юга».[30] В связи с этим сенегальский архитектор, учившийся и работающий в Марокко, написал в своем «Крике тревоги» о проявлениях ксенофобии в марокканском обществе: «Парадоксально, но в то время, как консервативная исламская партия пришла к власти, вопиющим образом утеряны такие ценности ислама и его малекитского направления, как терпимость, открытость и гостеприимство… В то время, когда марокканская молодежь, казалось бы, пробила брешь в стене консерватизма, архаичности и неравенства в обществе, в нем расцвели мифы о "пожирателях детей"».[31]

Нельзя не отметить расистской направленности публикаций в газетах маргинальных политических организаций, имеющих, тем не менее, своих приверженцев, в таких, например, как «Харака», принадлежащая Социально-демократическому движению,[32] или «Рисалят аль-умма» Конституционного союза.[33] В свете убийства сенегальца, кстати, проживавшего в Марокко абсолютно легально, которое произошло в Танжере 29 августа 2014 г.,[34] привлекают внимание материалы местного еженедельника «Аш-Шималь», обвинявшие «черную саранчу, заполонившую север Марокко», во всех проблемах города и региона – проституции, попрошайничестве, антисанитарии в общественных местах, угрозе безопасности и имуществу жителей, распространении заболеваний, передающихся половым путем.[35]

Такой информационный фон, в целом неблагоприятный для мигрантов из африканских стран, во многом не только перекликается с политическими и медийными дискуссиями, которые десятилетиями разворачиваются в Европе, представляя маргинальной как саму «черную» Африку, так и ее население, но и формируется под их влиянием.[36]

При этом в попытке понять глубину сложившегося комплекса проблем и степень сложности их разрешения следует

учитывать веками сложившиеся в Марокко собственные стереотипы в отношении африканцев, в том числе и сограждан с негроидными чертами, существующие в подсознании более светлокожих жителей этой страны и влияющие на их сегодняшнее взаимодействие с мигрантами, пришедшими с Юга.[37]

Уже в X в. документально зафиксировано заметное число чернокожих в Магрибе.[38] В Средние века мусульмане с черным цветом кожи были и марокканскими султанами, и андалусскими поэтами, и основателями суфийских орденов. Коллективная память марокканцев не сохранила эти частные исторические факты. В то же время она несет в себе знание о том, что все негры – рабы. С XV в. до середины XIX в. в Западной Африке процветала работорговля. Уже в XVI в. черные рабыни в качестве прислуги считались самым обычным делом даже в скромных домах Феса и Марракеша.[39] В XVII в. султан Мулай Исмаил сформировал армию из африканских невольников, игравшую порой решающую роль в судьбах его потомков. Примечательно, что «черная гвардия» существует при королевском дворе и сегодня, напоминая марокканцам об их былом господстве над всей Западной Африкой.[40] Казалось бы, с запретом торговли рабами из Африки, принятым европейскими государствами и США в XIX в., а затем с установлением французского протектората над Марокко в 1912 г. рабство должно было исчезнуть. Но в Марокко оно никогда не было официально отменено! Власти республиканской Франции ограничились ликвидацией рынка рабов в Марракеше в 1913 г. и констатацией: «Невозможно отменить рабство росчерком пера, необходимо учитывать господствующие нравы».[41] В недрах марокканского национального освободительного движения идея аболиционизма вызрела лишь к 1934 г., когда в «План марокканских реформ» был включен пункт о необходимости «... строго применять законодательство против рабства и запретить работорговлю».[42] В повседневной жизни темнокожие марокканцы перестали быть рабами только в середине XX в.

Представляется, что обострение ксенофобии и расизма в марокканском обществе проявилось не только и не столько из-за «дремавшего» в коллективном подсознании марокканцев восприятия чернокожих мигрантов как рабов, людей второго сорта. Объективный рост числа чернокожих африканцев в стране позволил властям посредством СМИ увязать иммиграцию в представлении беднейших слоев местного населения с про-

блемами внутреннего порядка – неуправляемой урбанизацией, экономическим кризисом, ростом терроризма.

Так, в мае 2012 г. министр внутренних дел Марокко в ответ на депутатский запрос относительно нелегальной миграции из африканских стран, расположенных южнее Сахары, заявил в парламенте следующее: «Нелегальные иммигранты, проникающие в Марокко в поисках возможности перебраться в Европу, экипированы ливийским оружием. Это и есть угроза национальной безопасности и гражданам, имея в виду, что большинство из них прошли подготовку и умеют обращаться с этим оружием».[43] Очевидно, что подобные высказывания оправдывают и неспособность МВД Марокко достаточно эффективно бороться с контрабандой оружия, и репрессии против нелегальных мигрантов. В том же году министр занятости и профессиональной подготовки, член партии Прогресса и социализма (!) утверждал, что на фоне экономического и финансового кризиса «наплыв мигрантов из стран южнее Сахары» усугубляет безработицу в Марокко, оправдывая этим неэффективность государственной политики в сфере занятости, за которую он сам и отвечает.[44]

Марокканское общество (как и общества других стран Магриба) находится сегодня в состоянии сложного взаимодействия, подчас конфронтации с группами мигрантов из стран южнее Сахары, оказавшихся за пределами локальных общественных институтов, вне принятых норм идентичности, и конфликтующих с местными правилами социализации. Представляется, что сложившаяся в Марокко миграционная ситуация является одним из дестабилизирующих факторов, способных подорвать общественный порядок. Приходится признать, что власти страны вели до недавних пор недальновидную политику, объективно вызывающую обострение ситуации. Реальное положение дел вскрывают местные общественные организации, в первую очередь, Антирасистская группа сопровождения и защиты иностранцев и мигрантов (GADEM), существующая с 2006 г.[45] Основные усилия правозащитников за прошедшие годы были направлены на то, чтобы добиться от марокканских властей гуманного отношения к мигрантам, как задержанным при пересечении границ, так и легально работающим на территории страны. «Параллельный доклад» к Первому докладу о соблюдении Международной Конвенции работников-мигрантов и членов их семей, опубликованный в апреле 2013 г.

Марокканской ассоциацией по правам человека, вскрыл вопиющие факты пыток, унижений и насилия со стороны представителей государства, в первую очередь полиции, во время арестов, содержания в лагерях и депортации.[46] Кроме того, документально подтверждена практика массовой нелегальной депортации мигрантов в пустынные районы Алжира и Мавритании. Благодаря правозащитникам эта информация попадает на страницы местной и международной прессы, привлекая общественное мнение к бедственному положению мигрантов в Марокко.[47]

Власти Марокко вынуждены под давлением международного общественного мнения, национальных и зарубежных правозащитных организаций приглушить ксенофобскую риторику в марокканских СМИ и в то же время принимать меры по нормализации положения мигрантов на законодательном и оперативном уровнях.

Реагируя на публикацию упомянутого «Параллельного доклада», король Марокко Мухаммед VI на рабочем совещании своего кабинета 10 сентября 2013 г. дал указание выработать план действий[48] по урегулированию проблем, связанных с нелегальной иммиграцией, в духе международных конвенций о правах человека.[49] Соответствующим правительственным органам отведен срок до конца 2014 г. для того, чтобы официально оформить пребывание нелегальных иммигрантов на территории страны. 10 сентября 2014 г. Министерство по делам миграции и Национальный совет по правам человека «подвели промежуточные итоги и наметили новые подходы» по «преодолению трудностей» на пути «интеграции мигрантов и беженцев в социально-экономическую ткань марокканского общества».[50] В то же время GADEM подготовила доклад, фиксирующий заметное улучшение отношения представителей власти на местах к мигрантам по сравнению с предшествующим периодом, охарактеризованным как «катастрофический».[51] Тем не менее продолжаются агрессивные действия полиции по отношению к мигрантам, даже тем, кто уже оформил документы. Зарегистрированы случаи депортации без разбирательства дела и оставление мигрантов на «ничейной земле» между пограничными постами соседних стран. Полицейские пункты приема заявлений и документов от иммигрантов не справляются с объемом работы из-за нехватки подготовленного персонала. Приведенный в докладе список недостатков и причин, по кото-

рым операция «урегулирования» миграции в Марокко не будет завершена в установленный королем срок, весьма велик.

В преддверии Всемирного форума по правам человека, который прошел 27 – 30 ноября 2014 г., марокканские власти очень старались хорошо выглядеть в глазах международного сообщества. В частности, межминистерский уполномоченный по правам человека Марокко Махджуб аль-Хиба обещал, что «будет внимательно рассмотрен ряд вопросов, обострившихся в последние несколько десятилетий, ... в том числе связанных с положением женщин и мигрантов».[52] Справедливо полагая, что давно следует перейти от обсуждения проблем к их решению, GADEM отказалась от участия в этом форуме.

Очевидно, что в дальнейшем комплекс социально-экономических и политических проблем, связанных с транссахарской миграцией, может быть решен только в результате совместных усилий королевских бюрократов и общественных активистов, что само по себе крайне непросто.

---

[1] The Arab Spring and Other Crises in Africa Displace More Than 1 Million People. // http://www.migrationpolicy.org/article/top-10-2011-issue-8-arab-spring-and-other-crises-africa-displace-more-1-million-people

[2] Алиуа М. От транзитной миграции к трансграничной поэтапной миграции: мигранты из регионов южнее Сахары в Марокко на пути в Европу. //Транзитная миграция и транзитные страны: теория, практика и политика регулирования / Под ред. И. Молодиковой, Ф. Дювеля. М., 2009. С. 367.

[3] Hein de Haas. "Morocco: From Emigration Country to Africa's Migration Passage to Europe. – http://www.migrationpolicy.org/article/morocco-emigration-country-africas-migration-passage-europe/

[4] Данные Международного комитета по человеческому развитию. См.: http://www.bladi.net/21416-maroc-immigration-subsaharienne.html

[5] Azza Kamel Maghur. Libyan Legislation on Labor: Political Tool or Legalization? // Analytical and synthetic notes. // http://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/12837/CARIM_ASN_2009_33.pdf?sequence=1

[6] Hein de Haas. Migrations Transsahariennes vers l'Afrique du Nord et l'UE: Origines Historiques et Tendances Actuelles. – http://www.migrationpolicy.org/article/migrations-transsahariennes-vers-lafrique-du-nord-et-lue-origines-historiques-et-tendances/

[7] http://www.heindehaas.com/transsaharaMap.html

[8] Hein de Haas. Trans-Saharan Migration to North Africa and the EU: Historical Roots and Current Trends. – http://www.migrationpolicy.org/article/trans-saharan-migration-north-africa-and-eu-historical-roots-and-current-trends/

[9] Ali Mebroukine. L'attitude des autorités algériennes devant le phénomène de la migration irrégulière. CARIM-AS 2009/08. Robert Schuman Centre for Advanced Studies, San Domenico di Fiesole (FI): Institut universitaire européen, 2009.

[10] Loi 08-11 du 25 juin 2008 relative aux conditions d'entrée, de séjour et de circulation des étrangers en Algérie // Journal officiel n°32 du 2 juillet 2008.

[11] ПМА, Танжер, Мдик, Фнидек, эль-Хосейма. 2010 – 2011 гг.

[12] Там же.

[13] Drames de l'immigration clandestine: 2 morts à Tanger et des blessés à Nador et Mélilia. TelQuel. 28 mai. http://telquel.ma/2014/05/28/drames-de-limmigration-clandestine-2-morts-a-tanger-et-des-blesses-a-nador-et-melilia_136748

[14] Immigration. Régularisations en marche. TelQuel. 13 janvier. http://telquel.ma/2014/01/13/immigration-regularisations-en-marche_10455

[15] Rabat, Madrid, Paris et Lisbonne face au Sahel // MAROC HEBDO INTERNATIONAL. N° 1010. 01 – 07 февраля 2013. http://www.maroc-hebdo.press.ma/index.php/component/content/article/37-recherche-archive/5497-rabat-madrid-paris-et-lisbonne-face-au-sahel

[16] Hein de Haas. Maroc: Préparer le Terrain pour Devenir un Pays de Transition Migratoire? // http://www.migrationpolicy.org/article/maroc-preparer-le-terrain-pour-devenir-un-pays-de-transition-migratoire

[17] Там же.

[18] Hein de Haas. Trans-Saharan Migration to North Africa and the EU: Historical Roots and Current Trends // http://www.migrationpolicy.org/article/trans-saharan-migration-north-africa-and-eu-historical-roots-and-current-trends/

[19] Samia Errazzouki. Complicity and Indifference: Racism in Morocco. 2013 // http://www.jadaliyya.com/pages/index/13324/complicity-and-indifference_racism-in-morocco

[20] Алиуа М. От транзитной миграции к трансграничной поэтапной миграции: мигранты из регионов южнее Сахары в Марокко на пути в Европу // Транзитная миграция и транзитные страны: теория, практика и политика регулирования / Под ред. И.Молодиковой, Ф.Дювеля. М., 2009. С. 362–387.

[21] О «харрага» см.: Мохова И.М. «Харрага» – новая форма алжирской эмиграции. // http://www.iimes.ru/?p=8513

[22] См. определение: http://gallicismes.academic.ru/6365/%D0%B1%D0%B8%D0%B4%D0%BE%D0%BD%D0%B2%D0%B8%D0%BB%D1%8C

[23] AMERM, *Enquête sur l'immigration subsaharienne au Maroc, rapport préliminaire,* juin 2008.
[24] Алиуа М. От транзитной миграции к трансграничной поэтапной миграции: мигранты из регионов южнее Сахары в Марокко на пути в Европу // Транзитная миграция и транзитные страны: теория, практика и политика регулирования / Под ред. И.Молодиковой, Ф.Дювеля. М., 2009. С. 376.
[25] LE PÉRIL NOIR // http://www.maroc-hebdo.press.ma/index.php/component/content/article/37-recherche-archive/5231-le-peril-noir
[26] В таком же ключе была опубликована статья в журнале «Al Michaal» от 18 мая 2012 г.
[27] Les Marocains sont-ils racistes? // *Tel Quel*, 14.02.2003, p. 34; *Tel Quel*, 15.10.2005, p. 4; *Le Journal Hebdomadaire*, 15.10.2005.
[28] Например: «Le racisme, c'est hram». Tel Quel. 10 décembre 2012 // http://telquel.ma/2012/12/10/le-racisme-cest-hram_5424
[29] *Le Matin*, 15.10.2005.
[30] *Tel Quel*, 15.10.2005, p. 32–33.
[31] Cri d'alarme. Touche pas à mon frère. http://telquel.ma/2012/09/03/Cri-d-alarme-Touche-pas-a-mon-frere_533_3844
[32] *Al-Haraka*, 31.05.2000.
[33] В «Рисалят аль-умма» сообщалось, что африканцы съели младенца в одном из беднейших кварталов Рабата. См.: Singes, olives et chocolats // *Jeune Afrique/L'Intelligent*, 1.05.2005.
[34] Un tragique fait divers // MAROC HEBDO INTERNATIONAL, N° 1084, 12-18.09.2014. – http://www.maroc-hebdo.press.ma/index.php/component/content/article/37-recherche-archive/28274-un-tragique-fait-divers
[35] *Ashamal*, 12.09.2005.
[36] Деминцева Е.Б. Факторы и предпосылки изменения профиля африканской миграции в конце XX – начале XXI вв. // Африка: процессы социокультурной трансформации. М., 2014. С. 127–128.
[37] D'où viennent les noirs du Maroc? //Zamane. Mai 2011 ; La fin tranquille de l'esclavage. //Zamane. Juin 2011.
[38] D'où viennent les noirs du Maroc? //Zamane. Mai 2011, c. 52.
[39] Рено Ф., Даже С. Африканские рабы в далеком и недавнем прошлом. М., 1991, с. 23, 129
[40] D'où viennent les noirs du Maroc? //Zamane. Mai 2011, c. 54–56.
[41] Генерал Гуро, комендант провинции Фес. Цит. по: La fin tranquille de l'esclavage // Zamane. Juin 2011. стр. 29.
[42] Там же. С. 30.

[43] Цит. по: Note d'information conjointe sur la recrudescence de la répression contre les migrants au Maroc. Septembre 2012. // http://www.gadem-asso.org/Recrudescence-de-la-repression,147

[44] Там же.

[45] С ними сотрудничают организации «Врачи без границ», «Совет транс-сахарских мигрантов в Марокко», «Свет на нелегальную миграцию в Марокко», «Коллектив африканских общин в Марокко» и др.

[46] RAPPORT PARALLELE au premier rapport du Maroc sur la mise en œuvre de la Convention internationale sur la protection des droits de tous les travailleurs migrants et des membres de leur famille. Avril 2013.

[47] Например: MAROC HEBDO INTERNATIONAL, N° 1017. 22–28.03.2013.

[48] Новая миграционная политика Королевства Марокко. – http://www.processusderabat.net/web/uploads/SOM-Rabat/La-nouvelle-politique-d-immigration-et-d-asile-du-Maroc-(partie-1).pdf

[49] Maroc: le roi fait un pas vers les migrants subsahariens. – http://www.saphirnews.com/Maroc-le-roi-fait-un-pas-vers-les-migrants-subsahariens_a17521.html

[50] Rencontre sous le thème «la nouvelle politique de l'immigration et de l'asile: approche humanitaire, engagement et responsabilité partagée». // http://www.marocainsdumonde.gov.ma/actions-du-minist%C3%A8re/rencontre-sous-le-th%C3%A8me-%C2%AB-la-nouvelle-politique-de-l%E2%80%99immigration-et-de-l%E2%80%99asile–approche-humanitaire,-engagement-et-responsabilit%C3%A9-partag%C3%A9e-%C2%BB.aspx

[51] SITUATION DES MIGRANTS DANS LE SUD DU MAROC. Mission d'observation conjointe. Septembre 2014. // http://www.gadem-asso.org/IMG/pdf/20141014_Rapport_mission_sud_VF.pdf

[52] МАРРАКЕШ, 27 ноября 2014 г. /Корр. ТАСС Первин Мамед-заде/

А.В.Федорченко

РОССИЙСКИЙ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫЙ ЭКСПОРТ В ИЗРАИЛЬ: ОЦЕНКА ПЕРСПЕКТИВ

Одной из сфер, в которой в значительной степени отразились трудности установления и развития российско-израильских контактов, стало экономическое взаимодействие. Уровень и структура хозяйственного обмена пока не соответствуют в полной мере возможностям двух стран.

Известно, что в 1990–2000-е годы экономические отношения между Россией и Израилем были восстановлены и динамично развивались. Суммарная стоимость товарообмена между РФ и Израилем в последние годы составляла около 3 млрд. долл. Особенность двусторонней торговли – существенное положительное сальдо торгового баланса в пользу России. В структуре российского экспорта преобладают алмазы, нефть и нефтепродукты, черные и цветные металлы. В структуре импорта – машины и оборудование, продукция химической промышленности, продовольствие, медицинское оборудование, лекарства, изделия агротехники.

Вместе с тем создается впечатление, что при достаточно интенсивном торговом обмене нынешняя его модель уже не позволяет наращивать товарооборот и мало способствует развитию двустороннего производственного кооперирования. Стратегическая цель России – отход от сырьевого профиля производства и экспорта. Перевод экономики на инновационные рельсы повышает необходимость радикального структурного сдвига в российских поставках на израильский рынок в направлении наращивания экспорта высокотехнологичной продукции. Насколько это реально, потребуется ли здесь пересмотреть сложившиеся внешнеэкономические стереотипы? В данной статье предпринята попытка ответить на этот вопрос. В силу того, что военная промышленность исторически находилась в центре комплекса высокотехнологичных отраслей промышленности и услуг обеих стран, в работе сделан

акцент на оценке перспектив военно-технического сотрудничества (ВТС).

Сырьевой профиль российского экспорта в Израиль в немалой степени обусловлен теми препятствиями, с которыми сталкиваются отечественные производители наукоемкой продукции в этой стране. Продвижение российских высокотехнологичных изделий на израильский рынок весьма затруднено по политическим и экономическим причинам. Сформировавшиеся еще в первые десятилетия существования Израиля его внешнеполитические приоритеты стали серьезным препятствием на пути российского наукоемкого экспорта в эту страну.

Прежде всего следует отметить особый характер американо-израильских межгосударственных отношений. Велика зависимость Израиля от США в области импорта крупных боевых систем, экспорта израильской продукции военного назначения (ПВН) на американский рынок, трансфера технологий военного назначения из Соединенных Штатов.

В соответствии с договором об установлении зоны свободной торговли между Израилем и США (1985 г.) американским фирмам, участвующим в тендерах на контракты стоимостью свыше 50 тыс. долл., предоставляется национальный режим, но это относится только к 13 гражданским государственным структурам Израиля (правда, среди них – крупные гражданские закупщики: Управление аэропортами, Управление портами и Железнодорожное управление).

Участие американских поставщиков в тендерах на закупки вооружения и военной техники регулируется Меморандумом 1987 г. о взаимопонимании между США и Израилем (полное название – Memorandum of Understanding Between the Government of Israel and the Government of the United States of America Concerning the Principles Governing Mutual Cooperation in Research and Development, Scientist and Engineer Exchange, Procurement and Logistic Support of Defense Equipment (the “MOU”). Национальный режим распространился на американских производителей этой продукции, но израильские фирмы из районов развития сохранили свои преференции в такого рода тендерах.

Отмеченные американо-израильские соглашения формально несколько ограничили шансы израильских компаний на победу в тендерах, поскольку основная часть двусторонней торговли приходится на высокотехнологичную продукцию, од-

нако у них появился дополнительный стимул для снижения себестоимости и повышения качества продукции.

В сфере государственных закупок США представляют для Израиля емкий дополнительный рынок благодаря офсетным соглашениям. Поставляя в Израиль в основном высокотехнологичные изделия, американские фирмы благодаря компенсационным сделкам расширяют зарубежный сбыт израильских компаний хай-тека.

Важной формой стимулирования экспорта израильских компаний стала практика использования американской государственной финансовой помощи для закупки военной продукции на израильском рынке. Часть этих средств идет на осуществление военно-промышленных проектов в Израиле, что в принципе является малораспространенной практикой американской внешней политики. США также разрешили другим странам использовать американскую военную помощь для покупки оружия израильского производства.

Все это вместе взятое понижает конкурентоспособность зарубежных неамериканских поставщиков (в том числе российских) на израильском рынке.

Еще одно препятствие на пути развития технологического сотрудничества между РФ и Израилем – то, что его уровень увязывается израильскими властями с характером и интенсивностью подобных связей нашей страны с региональными противниками Израиля – прежде всего Сирией и Ираном.

Позиция Израиля относительно военных поставок в Сирию хорошо известна. Израильское руководство, исходя из собственных представлений о национальной безопасности, негативно расценивает любые российско-сирийские контакты в области ВТС, опасаясь, помимо прочего, того, что часть российских вооружений и военной техники проникнет в Ливан и на оккупированные палестинские территории. Цель такой политики также вполне очевидна – обеспечить военное превосходство Израиля над северным соседом, в том числе в воздушном пространстве. Такое превосходство, в частности, позволило Израилю 3 и 5 мая 2013 г. нанести воздушные удары по объектам в пригородах Дамаска.

По оценкам израильских и западных экспертов, наличие у сирийского президента Б. Асада современных ракетных комплексов способно изменить баланс сил в регионе, а также затруднить создание в Сирии свободных от полетов зон по при-

меру Ливии. Дело в том, что размещенные в пригородах сирийской столицы комплексы С-300 способны перекрыть все воздушное пространство Израиля.

В чем-то похожим образом развиваются отношения Москвы и Тегерана. Несмотря на противодействие Израиля и тот факт, что между Россией и Ираном часто имеют место политические разногласия, Москва не намерена сворачивать сотрудничество с исламской республикой.

Принятие израильского требования означало бы дальнейшее выдавливание нашей страны с ближневосточных рынков вооружений, что в условиях усиления нестабильности в арабском мире могло бы привести к радикальному сокращению экспортного потенциала российского оборонно-промышленного комплекса.

Израиль уже давно оказывает заметное воздействие на продвижение российского оружия странам Ближнего и Среднего Востока. Пользуясь поддержкой США, это государство оказывает на российское руководство давление с целью ограничить поставки современных вооружений, в том числе и чисто оборонительных, странам, которые противостоят Израилю. Данный механизм ранее срабатывал в отношении внешнеторговых соглашений России с Сирией, Ираном, Ливией. Сейчас позиция России, судя по всему, становится более жесткой.

Переходя к рассмотрению экономических барьеров в отношении российской экспортной продукции, следует отметить прежде всего то, что до недавнего времени Израиль отличался ярко выраженной протекционистской политикой, в результате чего внутренний рынок был защищен от внешней конкуренции высокими тарифными и нетарифными барьерами. Либерализация внешнеторгового регулирования в Израиле началась лишь в 1991 г. Первым шагом стала замена нетарифных ограничений пошлинами. Затем в результате односторонней тарифной либерализации Израиль снизил тарифы в системе «наиболее благоприятствуемой нации» (MFN) на большинство товаров до 8–10%. Это снижение продолжилось, но наблюдался большой разброс по отдельным товарам (коэффициент вариации в 2000-е годы составлял 2,8)[1].

Процесс либерализации несколько повысил конкурентоспособность российской наукоемкой продукции в Израиле, но это имело для нашей страны ограниченное значение. Дело в том, что львиная доля израильского импорта приходится

на страны и региональные интеграционные объединения, с которыми Израиль имеет соглашения о зонах свободной торговли (ЗСТ): ЕС, США, Канада, EFTA, Мексика. Турция, МЕРКОСУР и др. В результате в рамках режима MFN в Израиль поступает всего ¼ часть его импорта. Поэтому российские производители оказываются в менее выгодном положении, чем поставщики в Израиль, пользующиеся режимом ЗСТ.

Серьезным препятствием остаются и различного рода нетарифные ограничения: требования к качеству, упаковке, маркировке, «kosher certificate» и т.д. Но наиболее серьезным нетарифным барьером эксперты считают централизацию импорта – систему, при которой в стране действуют импортные монополии, ограничивающие параллельный, конкурирующий импорт по ряду товарных позиций. Эти внешнеторговые компании по экономическим или политическим причинам легко могут перекрыть ввоз в Израиль российской продукции или товаров из других стран.

Фактором, сдерживающим российский высокотехнологичный экспорт, являются противоречивые интересы России и Израиля на мировых рынках. Во-первых, Израиль активно действует на рынках таких традиционных потребителей российской продукции военного назначения, как Индия, страны ЮВА, а также в Латинской Америке. В Китае конкуренция с Россией существует, но она менее заметна. Наиболее сложная ситуация наблюдается на рынке оружия Индии – давнего партнера РФ. В области ВТС Израиль весьма активен в сфере ракетной техники, включая те ее виды, по которым у России традиционно сильные позиции – ПТРК, комплексы ПВО и ракеты класса «воздух-воздух».

Во-вторых, одним из важных направлений экспортной стратегии Израиля является модернизация военной техники российской разработки в развивающихся странах и государствах Центральной и Восточной Европы. Израиль уже давно специализируется на модернизации и переоснащении российской (в прошлом советской) ПВН. По данным израильских правительственных и промышленных источников, почти треть ежегодно осуществляемых Израилем военных сделок, начиная с 1991 г., связана с техникой российского производства; за 11 последующих лет стоимость этих сделок превысила 6 млрд. долл.[2] Недостаточно проработанная правовая база российско-израильских отношений позволяла Израилю постоянно нарушать права

РФ на интеллектуальную собственность. В ходе переговоров о создании зоны свободной торговли между Израилем и Таможенным союзом обсуждался вопрос о включении в механизм будущего интеграционного объединения норм, защищающих национальные права на интеллектуальную собственность.

В самом Израиле органы государственного военного и экономического управления не готовы приступить к закупкам российской высокотехнологичной продукции. Труднопреодолимые барьеры возникают на стадии участия в государственных тендерах. Область государственных закупок Израиля жестко контролируется государством, и рассчитывать на смягчение этого контроля в обозримой перспективе не приходится. Речь идет, в первую очередь, о системе государственных тендеров и стандартизации.

Процедура проведения тендеров достаточно гибкая. В ряде случаев допускаются исключения из общего правила о проведении открытых тендеров. Законом предусмотрено множество ситуаций, при которых тендеры не обязательны[3]. Наиболее значимые из них – следующие:

– Стоимость контракта менее 42 тыс. шекелей.

– Контракт должен быть подписан в срочном порядке.

– Открытый тендер в некоторых случаях может нанести ущерб национальной безопасности государства.

– Государственная компания в результате тендера может понести убытки, снизится ее конкурентоспособность, возникнут трудности в выполнении ею общественных обязательств. Данная оговорка способна вывести значительную часть госсектора из конкурентной среды и одновременно обеспечить госкомпаниям гарантированный сбыт через закупки государства.

Кроме того, предусмотрена возможность проведения закрытых тендеров в случае, если:

– это контракт в сфере НИОКР,

– предполагается закупить изделия с особыми характеристиками,

– стоимость контракта не более 336 тыс. шекелей.

Очевидно, что тем самым государственные органы по своему усмотрению могут ограничить круг претендентов на получение заказа – либо государственными компаниями, либо ведущими национальными частными производителями.

Наличие многочисленных исключений из правил дает государству возможность обеспечивать льготный режим закупок для национальных производителей. В ОПК слабость рыночных рычагов стимулирования спроса компенсируется чрезвычайно высокими требованиями военного ведомства, непосредственно израильских вооруженных сил и зарубежных потребителей к качеству и боевым характеристикам вооружений и военной техники.

Особо стоит остановиться на особенностях проведения госзакупок через Министерство обороны Израиля. Министерство использует собственную схему закупок, которая выделяет его на общем фоне государственного стимулирования спроса на высокотехнологичную продукцию. Диверсифицированная система военных закупок состоит из регулирования поставок по контрактам оборонному ведомству и компаниям ОПК.

«Правила обеспечения национального приоритета», регулирующие процесс госзакупок по линии министерства обороны, были приняты в 1998 г. Этот документ лишает преференций израильских производителей по контрактам, связанным с импортом вооружений и военной техники, финансируемым за счет государственной военной помощи США (около 1,8 млрд долл. в год). Кроме того, на военные закупки не распространяются обязательства Израиля по GPA[4].

В комитетах по проведению тендеров на военные закупки генеральный директор министерства обороны назначает «общественных представителей», которые, однако, лишены права участвовать в заседаниях комитетов, на которых обсуждаются секретные сделки.

Стоимость сделки определяется одним из приведенных ниже методов:

– на основе цены на израильском рынке, которая, в свою очередь, базируется на обновленной стоимости предыдущих аналогичных контрактов;

– на основе цены в стране-поставщике (включая стоимость страховки и транспортировки в Израиль – цена CIF);

– на основе максимальной цены, установленной законами, регулирующими цены;

– на основе оценки поставщика;

– на основе расчета себестоимости.

Одна из главных особенностей механизма военных закупок состоит в том, что почти все тендеры являются закрытыми либо

этот метод закупок вообще не используется. Обращает на себя внимание перечень условий, при которых тендерная форма не может быть использована:

– стоимость закупки не превышает 16,8 тыс. шекелей;

– закупка производится у единственного в стране производителя данного товара или услуги либо у единственного производителя, обладающего необходимой технологической базой и системой НИОКР;

– закупается продукция инновационного характера, требующая проведения тестирования;

– данной закупке предшествовали аналогичные трансакции (в последние три года);

– существует острая необходимость в данной продукции;

– закупаются услуги инновационного характера, для предоставления которых необходима очень высокая квалификация, ноу-хау и особо доверительные отношения с поставщиком;

– открытие информации о сделке может нанести ущерб национальной безопасности, экономике, внешней политике Израиля.

В дополнение к этому министр обороны имеет право отменить правило об обязательном проведении тендера, «если того требуют особые обстоятельства». Если тендер все-таки проводится, то это, как правило, тендер закрытого типа.

Схема государственных закупок дает возможность широко использовать прямой отбор поставщиков. Как правило, это крупные компании, лидирующие в высокотехнологичном производстве, с которыми у министерства обороны и армейского руководства имеется длительный опыт деловых отношений. Государственные военные закупки стимулируют развитие инновационного предпринимательства, в первую очередь в государственных военно-промышленных монополиях и крупных частных компаниях Израиля, занятых в производстве военной техники и смежной продукции. Распространению рыночных методов распределения заказов препятствуют персональные связи государственных военных чиновников и руководства военно-промышленных корпораций, постоянный обмен кадрами между аппаратом управления ВС и военным бизнесом. Особые условия, предоставляемые американским поставщикам, не наносят ощутимого ущерба израильским производителям на внутреннем рынке, т.к. последние действуют в других сегментах данного рынка.

Подобно другим экономически развитым странам, Израиль широко использует разнообразные технические барьеры, в том числе стандарты, требования безопасности, правила упаковки, маркировки, рекламы и др. Они не только защищают национальное производство, включая наукоемкое производство – основу израильского хозяйственного профиля, но и способствуют повышению качества и улучшению потребительских свойств израильской продукции, что, в свою очередь, увеличивает объемы сбыта внутри страны и за рубежом.

Официальные израильские стандарты (технические регламенты) принимаются в следующих целях[5]:

– для защиты жизни и здоровья граждан, имущества физических и юридических лиц, государственных и муниципальных учреждений – эти объекты защиты объединены понятием «соответствие нормам общественной безопасности», которой в Израиле уделяется повышенное внимание на всех уровнях;

– для охраны окружающей среды;

– в целях предупреждения действий, вводящих в заблуждение потребителей.

При размещении государственных оборонных заказов в целях обеспечения национальной безопасности страны могут устанавливаться дополнительные требования к продукции, списки которых являются закрытыми.

Ситуация стала меняться лишь после принятия в 1998 г. Закона о стандартах. Министерство промышленности, торговли и труда Израиля начало отменять стандарты, нацеленные на ограничение импорта.

Принципы реформирования системы стандартизации были следующими[6]:

– введение международных стандартов, призванных заменить национальные стандарты, искусственно ограждающие израильскую промышленность от внешней конкуренции;

– ясное представление о том, что единственными целями обязательной стандартизации являются: обеспечение общественной безопасности, охрана здоровья, защита окружающей среды, обеспечение потребителей необходимой информацией, обеспечение совместимости и взаимозаменимости изделий.

Закон сразу же устранил 250 из 540 действовавших официальных стандартов, в том числе такие анахроничные, как

нормирование длины спичек и количество скоростей в бытовых вентиляторах[7]. С тех пор израильские обязательные стандарты подстраиваются под международные.

Своеобразным препятствием на пути развития двусторонних контактов в высокотехнологичных отраслях являются различные подходы к ведению бизнеса. Российскую сторону не устраивает излишняя напористость израильтян, их стремление к получению максимальной прибыли зачастую в ущерб партнерам, курс на использование в первую очередь зарубежных финансовых ресурсов. Это, по мнению отечественных производителей, не вполне соответствует специфике данного бизнеса. Израильтян же не устраивает низкая степень прозрачности в деятельности российских компаний.

В итоге российские поставщики попадают на израильском рынке в дискомфортные условия, хотя с чисто экономической точки зрения есть немало возможностей для взаимодействия с израильскими потребителями.

В целях облегчения доступа российских товаров на израильский рынок либерализация двусторонней торговли в рамках ВТО может быть дополнена созданием зоны свободной торговли с участием Израиля и России. В конце 2013 г. началась подготовка соглашения между Таможенным союзом в составе России, Белоруссии, Казахстана (ТС) и Израилем по свободному торговому режиму. Объемы торговли между ТС и Израилем в такой зоне увеличатся минимум вдвое в сравнении с уровнем 2012–2013 гг. Вдобавок, она облегчит обмен инвестициями, взаимный объем которых может вырасти наполовину по сравнению с 2013 г.

Вместе с тем существуют вполне объективные пределы наращивания взаимных товарных потоков между Россией и Израилем. Израильские производители заинтересованы в быстро растущем российском рынке, но относительно узкий израильский рынок вряд ли решит наши хозяйственные проблемы. Поэтому возникла необходимость дополнять торговые связи производственной кооперацией, сотрудничеством в области создания и использования новых технологий, научных исследований, взаимного предоставления различного рода услуг. По признанию российских и израильских специалистов, наиболее перспективным направлением в развитии экономических отношений между нашими странами является осуществление совместных проектов на территории России и Израиля с применением но-

вейших израильских и отечественных технологий. Реализация ряда таких проектов уже началась.

Традиционная внешняя торговля уже давно перестала быть единственным каналом реализации национальных товаров и услуг за рубежом. Транснациональные корпорации сделали возможной продажу такой продукции, произведенной по национальным технологиям одной страны, на базе или с участием ее капитала, специалистов, управленческих кадров, со значительной долей ее сырья и комплектующих в конечной продукции с чужой территории. В мире суммарный объем продаж всех иностранных филиалов и продажи, связанные с лицензиями, полученными фирмами, которые не входят в ТНК, вместе с внутрифирменной торговлей более чем в два раза превышают обычный экспорт товаров и нефакторных услуг[8].

В связи с вышеизложенным наиболее реальной представляется альтернативная модель сотрудничества в наукоемком производстве, ориентированная на совместные разработки и производство продукции для покупателей из третьих стран, импорт Россией отдельных видов израильской ПВН, а также изделий и технологий двойного назначения, использование у нас израильского опыта конверсии военной промышленности. Израиль потенциально может стать важным, хотя и необычным партнером России в этой области. Сегодня можно говорить о достаточно высоком уровне взаимодополняемости высокотехнологичного производства России и Израиля.

Главное направление кооперации в этой области – совместное производство вооружений и военной техники на основе российских «платформ», оснащенных израильской электроникой, для экспорта в третьи страны. Как показывает опыт двусторонних ВТС, конкуренция в данном сегменте мировых рынков вполне может трансформироваться в формирование кооперационных связей. Интересы России здесь состоят в улучшении с помощью Израиля качества поставляемой за рубеж военной продукции, обеспечении ее стандартизации, обретении сильного в военно-техническом отношении партнера для проникновения на мировые рынки, на которых доминируют Соединенные Штаты, использовании израильских дилерских сетей для продвижения на мировой рынок российских авиационных и иных платформ, оснащенных израильским электронным оборудованием. Одной из сильных сторон Израиля является гибкое сочетание различных форм ВТС: поставка готовой продукции,

оказание услуг по модернизации имеющихся вооружений, налаживание военно-промышленной кооперации, участие в капитале компаний стран-клиентов. Такого рода синтез собственно поставок, передачи технологий и промышленной кооперации стал отчетливо проявляться лишь в контрактах последних лет и является своего рода «визитной карточкой» израильских оружейных фирм.

Выгоды Израиля от такого сотрудничества очевидны – выход на освоенные Россией рынки сбыта, использование ее военно-технических разработок, получение большей свободы действий в рамках экспортной стратегии своего главного стратегического партнера – США. Энергичные меры, принимаемые администрацией США и американскими производителями вооружений по противодействию совместным российско-израильским военным поставкам в Китай, Индию, Турцию и ряд других стран свидетельствуют о серьезности возникающего военно-промышленного тандема.

В рамках соглашения о военно-техническом сотрудничестве российские и израильские предприятия уже приняли участие в масштабных совместных проектах в интересах третьих стран. Вместе с тем ряд запланированных контрактов так и не был подписан из-за опасения Израиля по поводу передачи России чувствительных технологий[9].

Возможны российские закупки в Израиле оборудования и технологий для проведения мероприятий МЧС, а также антитеррористической борьбы, в том числе в условиях плотной городской застройки. Россия начала закупать израильскую продукцию двойного назначения: имеются в виду реальная сделка и интенсивные переговоры по приобретению новых партий израильских беспилотных летательных аппаратов (БЛА). Вместе с тем сотрудничество в этой области было прервано летом 2014 г. – очевидно, в результате давления Вашингтона на Израиль по включению последнего в режим антироссийских санкций Запада.

По мере становления двустороннего ВТС при условии стабильного развития политических отношений между РФ и Израилем возможно начало поставок из нашей страны небольших партий высокотехнологичного военного оборудования (перспективы оснащения израильских летательных аппаратов российскими приборами, космической и лазерной техникой уже обсуждались министрами обороны двух стран на переговорах

в Москве в сентябре 2010 г.[10]), высокоточного легкого стрелкового оружия новейшей российской разработки для израильских ВС. Даже при небольшой стоимости контрактов это стало бы прорывом в двусторонних отношениях.

Применение в России успешного израильского опыта *конверсии*, состоявшего в переводе в гражданский сектор технологий, а не «железа», помогло бы в переводе отечественной экономики на инновационный путь развития. Такая возможность существовала еще в 1990-е гг., но не была реализована по политическим и организационным причинам.

* * *

Представляется, что основными проблемами сотрудничества в инновационной сфере между Россией и Израилем на современном этапе являются:

– взаимное недоверие между российскими и израильскими деловыми и научными кругами;

– нехватка регулирующих документов по взаимному сотрудничеству;

– отставание российских законодательных и деловых норм в сфере высоких технологий от мирового уровня;

– отсутствие действенных эффективных инструментов трансфера технологий как из России в Израиль, так и из Израиля в Россию;

– фрагментарность научно-технологического сотрудничества, отсутствие концепции и координирующих структур.

Стоит также отметить, что в значительной степени из-за указанных выше проблем многие договоренности на высшем уровне между двумя сторонами на практике так и остаются нереализованными или реализуются в малой степени. Сотрудничество в сфере высоких технологий в целом осуществляется нерегулярно, а инициативы в данной области не координируются и не получают систематической поддержки государства.

Сотрудничество между обеими странами в этой области может способствовать значительному расширению рынка сбыта продукции инновационных технологий, т.к. Израиль – страна, глубоко интегрированная в развитые рынки стран Запада, может служить своего рода проводником российской продукции

и продукции совместного производства. Россия же имеет давние прочные связи на мусульманском Востоке – регионе со значительным платежеспособным спросом на новые технологии.

Сегодня истеблишмент обеих стран начинает осознавать преимущества кооперации в сфере инноваций. Поэтому сейчас развитие российско-израильского сотрудничества инициируется с обеих сторон. Однако в силу разных причин структуры, призванные координировать деятельность в сфере научно-технического сотрудничества между Россией и Израилем, работают недостаточно эффективно.

Существует ряд направлений инновационной деятельности двух стран, в которых можно добиться значительного синергетического эффекта при создании действенного механизма научно-технического сотрудничества между Россией и Израилем. К таким отраслям относятся: информационные технологии, телекоммуникации, биотехнологии, технологии безопасности, медицинские технологии, авиационные технологии гражданского и военного назначения, космические технологии, нанотехнологии[11].

Для достижения указанных целей необходимо:

– осуществлять экспертную оценку инновационных проектов;

– проводить регулярный анализ конъюнктуры рынка высоких технологий Израиля;

– создать эффективную информационную инфраструктуру;

– разработать сегментированный перечень научно-технической продукции и услуг, реализуемых в сфере инновационного сотрудничества России и Израиля;

– оказывать всесторонний юридический, аналитический, экономический консалтинг компаниям, заинтересованным в сотрудничестве с Израилем.

Прорыв в реализации рыночного механизма сотрудничества между Россией и Израилем в инновационной сфере может быть осуществлен в ближайшее время. В этой связи хотелось бы отметить активную и многогранную деятельность Российско-израильского делового совета, который стал инициатором и эффективным координатором позитивных сдвигов, происходящих в российско-израильских торговых и инвестиционных связях.

---

[1] Tovias A. Liberalising Trends in Israel's Trade Policy: Trade Policy Review of Israel // The World Economy. Vol. 31, #11. 2012. P. 1438.

[2] Defense News, 17.03.2003.

[3] См. Gozlan v. Biet Shemesh Local Council. High Court Petition 368/76, 31 (i) P.D. 505, 511 (1976).

[4] В ходе либерализации внешнеторгового режима Израиль подписал 15 апреля 1994 г. Договор о государственных закупках в рамках ВТО (Agreement on Government Procurement – GPA).

[5] www.sii.org.il

[6] Gabai Y., Rob R. The Import-Liberalization and Abolition of Devaluation Substitutes Policy: Implication for the Israeli Economy // The Israeli Economy, 1985-1998. From Government Intervention to Market Economics. Cambridge, 2002. P. 294-295.

[7] Brezis A. Structure of Israel's Trade System: Concentrating of Imports // Israel Tax Quarterly, #104, 1999.

[8] Экономика России. М.: Международные отношения, 2001. С. 87.

[9] См.: Темерина П. Военно-техническое сотрудничество между Россией и Израилем // www.topwar.ru (Военное обозрение). 16.09.2010.

[10] Путин готов поставлять ВПК Израиля российские лазеры. // www.MIGnews.com. 06.09.2010.

[11] Подробнее см.: Федорченко А.В., Марьясис Д.А. Научно-технический комплекс России и Израиля: возможности взаимодействия. М.: МГИМО-Университет, 2006.

Владимир (Зеэв) Ханин*

НДИ: СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ДИЛЕММЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ «ИЗРАИЛЬСКОЙ ПАРТИИ С РУССКИМ АКЦЕНТОМ»

Первые сто дней, отработанные приведенным 14 мая 2015 года к присяге четвертым правительством премьер-министра Израиля и лидера партии Ликуд Биньямина (Биби) Нетаньяху, являются, согласно усвоенной и в еврейском государстве американской политической традиции, стандартным поводом проговорить о программах, успехах и вызовах, с которыми приходится иметь дело новому руководству страны. Список этих вызовов уже довольно велик, но едва ли не главным из них стала сама правящая коалиция, неожиданно для многих сформированная в виде «правительства минимального большинства», благодаря чему она все это время функционирует в режиме «стабильно-предкризисной ситуации».

«Встроенный конфликт»

При этом итоги состоявшихся 17 марта с. г. выборов в Кнессет 20-го созыва, на первый взгляд не предвещали именно такого развития событий. Правоцентристская партия Ликуд получила на этих выборах 30 депутатских мандатов – в полтора раза больше, чем она имела в конце прошлой каденции. И на 6 мандатов больше, чем получил ее ближайший соперник «Сионистский лагерь», созданный накануне выборов блок двух левоцентристских партий – Авода (Партия труда) и «Ха-Тнуа» («Движение») во главе с Ицхаком (Бужи) Герцогом и

* Главный ученый Министерства алии и абсорбции, профессор Отделения политологии и Ближнего Востока Университета Ариэль в Самарии, Израиль.

Ципи Ливни. Еще важнее был другой итог выборов - очевидный общий перевес «широкого правого» лагеря (к которому помимо собственно правоцентристских и правых партий обычно относят и секторальные еврейские ультраортодоксальные партии) над «широким левым» лагерем.

Эти партии, считающиеся «естественными союзниками» Ликуда, в сумме набрали 57 мандатов – против 53 мандатов, в сумме полученных «левыми» партиями. На практике этот перевес оказался даже больше, ибо лидер «Сионистского лагеря» Ицхак Герцог, как соперничающий с Биньямином Нетаньяху претендент на пост премьер-министра, получил поддержку только 40 мандатов. Причина была в лидерах набравшего 13 мандатов и формально причисляемого к «широкому левому» лагерю Объединенного арабского списка, которые в ходе проходивших после выборов в соответствии с действующим законодательством консультаций президента Израиля Рувена (Руби) Ривлина с парламентскими фракциями, отказались поддержать «кандидатуру сиониста» – пусть даже «левого».

Потому у Нетаньяху, получившего поддержку всех формально и реально правых фракций и при наличии 10 мандатов новой «партии центра» – «Кулану» («Все мы»), готовой, в традициях всех центристских фракций, присоединиться к любому правительству, особых проблем с формированием правящей коалиции, как будто бы, не предвиделось. Однако после изматывающего марафона коалиционных переговоров, в условиях уже почти полного цейтнота (за 2,5 часа до истечения срока, отведенного для этого законом), Нетаньяху был вынужден удовлетвориться созданием минимально возможной правящей коалиции из 61 депутата Кнессета – опцией, которую большая часть комментаторов полагала наименее реальной. Нетрудно заметить, что причина этого – в отсутствии в правящей коалиции «общеизраильской партии с русским акцентом» (или «русской партии с общенациональной повесткой дня») «Наш дом – Израиль» (НДИ) во главе с бывшим министром иностранных дел Израиля Авигдором (Иветом) Либерманом. Что не могло не восприниматься несколько неестественным в свете того, что НДИ была не просто одной из партий правого лагеря, но главным коалиционным партнером Ликуда во втором правительстве Биньямина Нетаньяху (2009–2013 гг.), а на выборы в Кнессет 19-го созыва в январе 2013 года обе партии вообще шли единым списком.

В чем же причина того, что НДИ вопреки всем ожиданиям и прогнозам, осталась за пределами четвертого кабинета Нетаньяху? Как водится, у этих событий есть две, в некоторых пунктах взаимоисключающие версии. Одну из них озвучил в интервью русскоязычному порталу NewsRu руководитель (вместе с Яиром Левином) переговорной группы Ликуда Зеэв Элькин, согласно которому НДИ не присоединилась к коалиции, несмотря на «готовность Ликуда на самые серьезные шаги навстречу НДИ». В том числе «сохранить за Авигдором Либерманом пост главы МИДа… и передать НДИ Министерство абсорбции, а также удовлетворить многие бюджетные требования, связанные с решением проблем [основной адресной группы этой партии] – русскоязычных израильтян».[1]

Другую версию в интервью тому же сайту представил сам Авигдор Либерман. «Мы очень хотели быть в коалиции, говорили об этом с первого дня, но говорили и о том, что это будет не любой ценой. Вообще, наши партнеры по коалиционным переговорам так упивались… своей победой, что не допускали мысли о том, что мы с шестью мандатами откажемся от МИДа и Министерства абсорбции. Я им пытался объяснить, что они забыли, с кем имеют дело, но они как-то были уверены, что мы у них в кармане… Тон был очень надменный, в лучшем случае покровительственный. То же самое можно было делать с большим шармом».[2]

Понятно, что господствовавшая на коалиционных переговорах атмосфера разочарования и взаимной подозрительности, на фоне еще вполне свежих воспоминаний о прошедших выборах, которые наблюдателям нередко напоминали «бои без правил», сделала свое дело. Однако, были еще, как минимум две существенно более серьезные причины, которые привели к тому, что, несмотря на декларируемую добрую волю обеих сторон, Ликуд и НДИ так и не договорились.

Первой были расхождения концептуальных моделей строительства коалиции. То, что Биньямин Нетаньяху по получении мандата от президента на формирование своего уже четвертого по счету правительства, вначале обратился к лидеру и создателю «Кулану» Моше Кахлону, которому еще до выборов был обещан пост министра финансов, удивления не вызвало. Этот политик, как и «положено» лидерам партий центра, тщательно избегал внешнеполитических заявлений, тем самым демонстрируя готовность отложить свои предполагаемые премьерские амбиции на неопределенный срок.

Но одновременно с этим Нетаньяху практически с порога отверг не менее, казалось бы, очевидную идею продолжить строительство правящей коалиции, пригласив в нее идеологически близкие Ликуду партии национального лагеря. То есть, правый блок религиозных сионистов «Еврейский дом» Нафтали Беннета (8 мандатов). И, разумеется, партию «Наш дом – Израиль» (НДИ) Авигдора Либермана (6 мандатов) – исторически правоцентристскую, но заметно ужесточившую свою правую риторику после антитеррористической операции израильской армии в секторе Газа «Несокрушимая скала» («Цук эйтан»), и особенно – в период прошлой избирательной кампании. И лишь потом обратиться к формально примыкающим к правому лагерю секторальным партиям евреев-ультраортодоксов (т.н. «харедим») – возглавляемой сефардскими ультраортодоксами религиозно-популистскому движению ШАС (7 мандатов) и блоку ашкеназских ультраортодоксальных партий «Еврейство Торы» («Яхадут ха-Тора»), получившего на выборах 6 мандатов. Такая схема, как это виделось со стороны, могла обеспечить правительству Нетаньяху вполне комфортное парламентское большинство (67 из 120 мандатов), имеющее твердое сионистское ядро и избавить его от попыток «чрезмерного бюджетного вымогательства в пользу партикулярных интересов своего электората» (как эту практику видят их критики) секторальных партий.

Однако, этот «естественный» сценарий слишком напоминал премьеру схему выстраивания его прежней коалиции, которую глава правительства, как показали события после выборов 2013 года, отнюдь не считал идеальной. После тех выборов Нетаньяху имел в своем распоряжении 31 мандат, завоёванный совместным списком Ликуда и НДИ – то есть, примерно столько же, сколько Ликуд получил два года спустя, что тогда, как и сегодня, делало лидера этой партии первым кандидатом на пост главы исполнительной власти. Уже в тот момент премьер-министр испытывал сложные отношение к идее включения в коалицию блока «Еврейский дом», который выступая в ходе избирательной кампании 2012–2013 гг. с акцентированно-правых позиций, сумел оторвать от Ликуда многие десятки тысяч голосов его традиционных избирателей из числа религиозных сионистов. (Не говоря уже о том, что с его лидером, Нафтали Беннетом, Нетаньяху связывали крайне непростые личные отношения). Было очевидно, что вместо «Еврейского

дома» премьер-министр предпочел бы видеть в своем правительстве списка «не сионистские» ШАС и «Еврейство Торы», удобные в любой коалиции уже хотя бы тем, что они обладают весьма ограниченным набором ультимативных внешнеполитических приоритетов. И потому, несмотря на обычно правый крен их электората, нередко готовых на компромисс в данных вопросах, в обмен на обильные бюджетные вливания в социальные и экономические сферы, интересующие их избирателей.

Но неожиданно для себя Б.Нетаньяху тогда столкнулся с формированием своего рода параллельной коалиции. А именно, технического блока «Еврейского дома» с левоцентристской, по платформе и основной массе избирателей, партией «Еш Аатид» Яира Лапида, которая, тем не менее, тот момент находилась в нише очередной «партии центра». Принципиально расходясь в вопросах путей разрешения арабо-израильского конфликта – теме, мало актуальной на выборах 2013 года – светские либералы из «Еш атид» и религиозные либералы-рыночники из «Еврейского дома» сошлись на идее борьбы за права «дискриминируемого среднего класса». И назвали условием своего совместного (именно так) вхождения в коалицию отсутствие там партий ультраортодоксов. А в случае отказа заявили о своей готовности вместе же остаться в оппозиции. Нетаньяху, не имея других альтернатив, вынужден был, неохотно, согласиться, надеясь использовать первую же возможность, чтобы переформировать коалиционное правительство в действующей каденции Кнессета. Этот случай, вроде бы представился год спустя, когда «джентльменский союз» Лапида и Беннета распался, отношения Нетаньяху с лидером «Еш Атид» серьезно расстроились, а с главой «Еврейского дома», наоборот, наладились.

Потому премьер-министр был вполне готов вывести из коалиции «Еш атид» Яира Лапида вместе с его новым союзником, лидером левоцентристской партии «Ха-Тнуа» (ныне входящей оппозиционный блок «Сионистский лагерь») Ципи Ливни, которые все активнее критиковали главу правительства за его «нежелание возобновить мирный процесс с палестинскими арабами». И ввести вместо них существенно более управляемые партии ШАС и «Еврейство Торы», проявляя, по утверждениям СМИ, готовность обсудить смягчение или отмену законов об обязательном призыве харедим в ЦАХАЛ, и поощрения их выхода на рынок труда. Против чего уже решительно возражал

лидер НДИ Авигдор Либерман, который к тому же, будучи не менее премьер-министра раздражен линией поведения Лапида и Ливни, все же полагал, что конфигурация имевшейся коалиции, при всех издержках, позволяет правительству провести назревшие реформы в экономике, системе политической власти и гражданской сфере. В то время как Нетаньяху пришел к ровно противоположному выводу, полагая, что сформированная в 2013 году коалиция стала полностью неуправляемой – и потому инициировал досрочные выборы.

Что, в свою очередь, во многом объясняет его нежелание видеть повторение примерно прежнего сценария после них, в виде теоретически вполне возможного нового «джентльменского союза» НДИ и «Еврейского дома», который мог быть стать вызовом команде премьер-министра «справа» – в том же виде, как блок «Еш атид» и «Ха-Тнуа» был вызовом предыдущему правительства «слева». И тем более, в виде «запирающего светского социального блока» НДИ, «Кулану» и «Еш атид» (в сумме 27 мандатов по сравнению с 30 у Ликуда), образование которого наблюдатели не исключали, если бы партия Лапида вновь вошла в коалицию.

Впрочем, вопрос о вхождении «Еш атид» в коалицию, формируемой по модели, избранной руководством Ликуда, не стоял даже теоретически, поскольку это вхождение было блокировано ультраортодоксальными партиями. Что не имело бы ультимативного значения, если бы ШАС и «Еврейство Торы» присоединялись бы к уже сформированному костяку коалиции, и вынуждены были бы умерить свои требования, хотя бы потому, что они не могут, во избежание «усыхания» своего электората, провести в оппозиции больше одной каденции Кнессета. Но такой расклад, как отмечалось, противоречил концептуальному видению команды Нетаньяху, и это расхождение во взглядах не могло не стать фактором, сильно осложнившим коалиционные переговоры НДИ и Ликуда после выборов в Кнессет 20-го созыва.

Коалиционные издержки электоральных успехов

И все же вопрос не исчерпывался тем, что иметь дело с «запирающим блоком» ультраортодоксов главе правительства сегодня чисто тактически удобнее, чем с возможными конфигу-

рациями «акцентированно-сионистских» партий. Намного более ощутимую стратегическую проблему партиям, доминирующим в «широких» партийно-политических лагерях или блоках, представляет вызов изнутри этих лагерей. Причем, не столько со стороны чисто «идеологических» группировок левее Аводы и правее Ликуда. И даже, в конечном итоге, не со стороны регулярной исчезающих и возникающих в новых ипостасях (не более чем на 1-2 каденции) «партий центра". Сколько со стороны нового поколения политических организаций – назовем их, общенационально-секторальных партий, которые, имея твердое ядро своих избирателей в определенном секторе, пытаются обращаться и к другим общественным группам, и, совмещая общинную и идеологическую платформу в своей деятельности, делают заявку на равноправный доступ к решению проблем общенационального значения.

В правом блоке такими партиями, собственно, и являются «Наш дом – Израиль», основной корпус избирателей которой исторически составляют выходцы из бывшего СССР и СНГ, и «Еврейский дом», черпающий основную поддержку в среде религиозных сионистов – жителей Иерусалима, поселений Иудеи и Самарии, а также экономически благополучных кварталов городов с религиозным и смешанным населением. А лидеры этих партий, Авигдор Либерман и Нафтали Беннет, соответственно (как и Яир Лапид, лидер близкой по типу партии в левом лагере «Еш атид»), не скрывают своих амбиций раньше или позже занять пост главы правительства. Вполне очевидно, что собственно секторальные партии, рассчитывающие лишь на «долю пирога» для нужд своих общин, но не претендующие на общенациональное лидерство, Ликуду, как любой другой потенциальной правящей партии, становятся намного более удобными партнерами, чем политические группировки типа «Еврейского дома» и НДИ, стремящихся выйти за рамки узкой секторальной ниши и имеющие виды на руководство правым блоком и правительственной коалицией.

Похоже, что в том числе и поэтому премьер-министр, после заключения коалиционного соглашения с «Кулану», инструктировал переговорную группу Ликуда на достижение коалиционных соглашений в первую очередь именно с ШАС и «Еврейством Торы». Причем, проявляя очевидную готовность заплатить объявленную ими (и, по данным СМИ, принятую Нетаньяху еще до выборов) цену их поддержки, которая включала

два пакета требований. Первый пакет требований включал обильные бюджетные вливания – по разным оценкам, от 5 до 8 млрд шекелей – в пользу тех слоев населения, из которых состоит электорат этих партий (хотя, разумеется, теоретически какую-то пользу, от этих мер могут получить и те граждане из этих категорий, кто за эти партии не голосует). Второй пакет включал отмену принятых в прошлую каденцию законов, призванных упорядочить гражданское законодательство в стране, которые, по мнению представителей ультраортодоксального сектора населения, дискриминируют этот сектор и ущемляют их интересы. Речь идет о возобновлении в полном объеме финансирования религиозных учебных заведений, где не изучаются общеобразовательные дисциплины, и отмену положений Закона о всеобщей воинской или альтернативной службе, предполагающих санкции, налагаемые на ультрарелигиозных и прочих «уклонистов» от призыва. А также отмену преимущественного права на приобретение доступного жилья молодыми супругами, «участвующими в несении гражданского и финансового бремени». Т.е., служивших в ЦАХАЛе, от чего освобождены харедим и израильские арабы, и официально занятых на рынке труда (критерий, под который не подпадают большинство мужчин-ультраортодоксов, все свое время отдающих изучению священных текстов, в то время как их многодетные семьи живут – надо признать, довольно скромно – на государственные пособия и благотворительные взносы).

Причем, по данным СМИ, эти условия, вместе с гарантиями включения, в случае успеха Ликуда на выборах, ШАС и «Еврейства Торы» в коалицию, были приняты Нетаньяху еще до дня голосования в Кнессет, и именно эту информацию активно использовали против премьера левые партии. При этом многие полагают, что примерно ту же цену, в случае, если бы лидеру «Сионистского лагеря» было поручено формировать коалицию, был бы готов заплатить и Ицхак Герцог – что он и Ципи Ливни отрицали, но подтверждали представители ШАС и «Еврейства Торы».

Как бы то ни было, получив в распоряжение два элемента костяка будущей коалиции – союз Ликуда с двумя ультраортодоксальными партиями и партию «Кулану», премьер-министр мог завершить строительство правящего блока в соответствие со своим видением, и уже на своих условиях пригласить в него НДИ и «Еврейский дом». Потеряв, соответственно половину и

40% от того числа мандатов, которые были у этих партий в прошлую каденцию (и которые в начале избирательной кампании давали им опросы), они сократились до «нормального размера» секторальных движений «средней руки». А их руководители – Авигдор Либерман и Нафтали Беннет – уже в силу этого, по мнению приближенных к премьер-министру лиц, должны были умерить свои лидерские амбиции и политические запросы. Что теоретически должно было бы сделать их сравнительно легкой «добычей» переговорной группы Ликуда.

Потому в пакете предложений партиям Либермана и Беннета были сравнительно скромные обещания поддержки социальных, экономических и образовательных программ, отвечающих платформам их партий, действительно подкрепленных, в виде компенсации, солидным набором министерских портфелей, которые Нетаньяху был готов предоставить представителям «Еврейского дома» и НДИ. Предложения, сделанные этим партиям, включали и передачу под их контроль руководство министерствами, деятельность которых является актуальной для секторального ядра их электората. В случае НДИ это было Министерство алии и абсорбции (то есть, интеграции репатриантов, три четверти которых за последние четверть века составили выходцы из бывшего СССР); в случае с «Еврейским домом» – Министерство просвещения, считающееся традиционным «доменом» ядра этого блока – партии религиозных сионистов МАФДАЛ, а также Министерство сельского хозяйства, в состав которого в 2014 году был передан (по инициативе Либермана и того же Беннета) отдел, обеспечивающий процесс поселенческой деятельности внутри и за «зеленой чертой», что является важнейшим элементом повестки дня религиозного сионизма.

Помимо ведомств, обслуживающих оперативные интересы НДИ и «Еврейского дома» в их «секторальной» ипостаси, премьер-министр предложил Либерману и Беннету престижные портфели, которые им, в принципе, сложно было ультимативно требовать, исходя из сравнительно небольшого числа полученных их партиями на прошедших выборах мандатов, и обладание которыми должно было стать символом их принадлежности к верхней когорте политиков национального уровня. Авигдор Либерман получил предложение продолжить начатую им в 2009 году деятельность на посту главы МИДа, входящее наряду с Минфином и Минобороны, в тройку ведомств, следу-

ющих по «весу» непосредственно за Министерством (т.е., администрацией) главы правительства. А предложения, полученные Нафтали Беннетом, который был очевидным кандидатом на пост Министра просвещения, включали возможность делегирования своих соратников на посты министра юстиции и заместителя министра обороны.

С точки зрения команды премьер-министра, эти предложения были более чем щедрыми, однако многие комментаторы уже в тот момент не преминули заметить, что обещанные НДИ и «Еврейскому дому» министерства «первого уровня» уже/или будут лишены ряда традиционных полномочий, что во многом ограничит, или сведет на нет реальные власть и влияние их обладателей в ряде актуальных для них сферах. Что поставило обе партии перед сходной дилеммой – либо взять набор престижных министерств с «обрезанными» полномочиями и ограниченными средствами, и, войдя в коалиционное правительство и влияя изнутри, постараться наполнить реальными возможностями предоставленные им формальные рамки. Либо изначально потребовать изменения правил игры – пересмотра концепции основного бюджета и коалиционных соглашений о моделях распределения дополнительных бюджетов, а также передачи под контроль предложенных партиям ведомств реальных инструментов влияния и реализации партийных платформ. (То есть, реализации схемы, которую успешно применил Моше Кахлон). Как можно заметить, Н.Беннет и «Еврейский дом» приняли первый вариант действий и вошли в коалицию, а А.Либерман и НДИ – второй вариант, и, не добившись удовлетворения своих требований, остались в оппозиции.

Решение Либермана стало неприятным сюрпризом для Нетаньяху, который до последнего момента был уверен в том, что у лидера НДИ нет иной альтернативы, чем войти в правительство на предложенных ему условиях. Пытаясь спасти положение, приближенные Нетаньяху пытались повлиять на решение Либермана, «сливая» в СМИ противоречивую информацию. Так, одни СМИ, со ссылкой на приближенных Нетаньяху, утверждали что «обида Биби на Ивета» столь велика, что даже если лидер НДИ раскается и попросится в коалицию, премьер его не возьмет.[3] А другие в тот же день цитировали иные источники, согласно которым «Нетаньяху, якобы, дал Либерману понять, что если тот согласится войти в коалицию, то сможет получить вожделенный пост министра обороны».[4] (Что тот кос-

венно подтвердил, выступая после своей отставки с поста главы МИДа на заседании фракции НДИ)[5]. Решение Либермана оказалось бесповоротным, и Нетаньяху, имея в начале переговорного процесса, казалось бы, на руках все козыри, в конечном итоге был вынужден удовлетвориться минимально возможной коалицией из 61 депутата.

Мотивы Либермана

Решение лидера НДИ выглядит сугубо спонтанной реакцией, обусловленной растущим личным конфликтом и комплексом накопившихся взаимных обид между ним и Нетаньяху, как это поспешили объяснить многие обозреватели, но суть дела явно намного сложнее.

Отношения двух политиков действительно знали взлеты и падения с тех давних пор, когда репатриант из СССР Авигдор Либерман, политическая и профессиональная карьера которого еще со студенческой юности была связана с Ликудом, примерно с 1988 года стал ключевым членом команды Биньямина Нетаньяху. Либерман сыграл огромную роль в приходе Нетаньяху к лидерству в этой партии, а затем – в кресло премьер-министра, а тот, в свою очередь, назначил Либермана сначала гендиректором партии, а после прихода к власти – Гендиректором Министерства (руководителем администрации) главы правительства. Премьер-министр, однако, не оказал своему соратнику почти никакой поддержки в момент его тяжелого конфликта с «партийной аристократией» (т.н. «ликудовскими принцами») – представителями второго поколения ревизионистов-основателей ядра Ликуда – движения «Херут» и главами влиятельных внутрипартийных группировок. Из-за чего Либерман уже два года спустя покинул и Ликуд, и свой ключевой пост в госаппарате, а еще через год после этих событий создал новую партию – «Исраэль бейтену («Наш дом - Израиль», НДИ).

Притом, что огромное большинство голосов НДИ традиционно получала в русскоязычном секторе, Либерман изначально позиционировал партию не как «русское» секторальное движение, а в качестве «общенациональной правой партии, большинство избирателей которой, в силу исторических причин, говорит по-русски». А очевидной целью Либермана и его соратников оставалось выстроить политическую платформу для

борьбы за статус главной силы «широкого правого» лагеря – в союзе с партией Ликуд, либо в качестве альтернативы ему.[6] Эта цель стала, казалось бы, приобретать зримые очертания, когда НДИ стала главным коалиционным партнером Ликуда во втором правительстве Нетаньяху (2009-2013 гг.), и особенно в первые месяцы после выборов 2013 года, на которые Ликуд и НДИ пошли в составе единого списка. Дальнейшее развитие этого сюжета предполагало слияние двух партий и выдвижение Либермана – по мнению СМИ, едва ли не «самого сильного человека» в этом проекте – на позицию «номера 1» в списке наследников Нетаньяху на посту партийного лидера и кандидата в премьер-министры через одну-две каденции.

Тем не менее, по причинам, которые мы подробно разобрали в другой публикации, этот проект так и не реализовался – в июле 2014 года, на фоне глубокого разочарования двух политических команд итогами их сотрудничества, обе партии объявили о своем «цивилизованном разводе» и желании идти на следующие выборы раздельно.[7] Что, как было показано выше, и произошло в режиме самой жесткой конкуренции двух списков и их лидеров. Среди прочего, Нетаньяху (который, по данным СМИ, полагал Либермана причастным к «попытке его свержения» в конце прошлой каденции) был явно раздражен тем, что глава НДИ демонстрирует «завышенные лидерские амбиции». То есть, по мнению премьер-министра, нарушает все принципы распределения ролей между «большими партиями» и их «естественными союзниками» по политическому лагерю. А Либерман, в свою очередь, полагал, что санкционированные лидером Ликуда методы борьбы с НДИ в ходе прошедшей избирательной кампании не только противоречат устоявшимся за последние десять лет нормам «конкурентного сотрудничества» двух партий, но и значительно превзошли даже весьма размытые рамки израильской электоральной политики.

Одним из таких методов, судя по замечаниям членов его близкого окружения, стал взорвавшийся в начале избирательной кампании «коррупционный скандал». С подачи СМИ этот сюжет стал именоваться «делом НДИ» (несмотря на то, что политики и активисты этой партии скоро вообще ушли на периферию масштабного полицейского расследования), что сыграло критическую роль в обрушении электоральных рейтингов этой партии. Не случайно эта история была воспринят Либерманом как «политический заговор с целью повредить ему и его

партии». А личные претензии лидера НДИ к лидеру Ликуда в этом смысле выражались в том, что последний, вопреки принятой в таких случаях практике и характеру исторически сложившихся отношений двух политиков, не настоял на том, чтобы отложить до окончания выборов переход в публичную плоскость ведущегося много месяцев тайного расследования.[8]

Так что в столкновении Нетаньяху и Либермана после выборов действительно явно было много личного. Но они все же не были бы политиками национального уровня, если бы это фактор был единственным, который определял линию их поведения в коалиционных переговорах. Намного большее значение, судя по всему, имело то, что оба лидера не сумели договориться не только о деталях, но и о самой концепции их сотрудничества. Как известно, требования Либермана к базовым принципам коалиции исходили из трех основных элементов новой платформы НДИ – региональная политика, социальная сфера и гражданские реформы.

Что касается первого пункта, то оба политика сходились в понимании исчерпанности палестино-израильского «мирного» (ныне именуемого «политическим») процесса в том виде, как он был задуман в «соглашениях Осло». Ибо как иррационально-завышенные требования Палестинской национальной администрации (ПНА) к Израилю, так и избранная командой Махмуда Аббаса линия жесткого прессинга и попыток делигитимизации Израиля в международных организациях, при отсутствии реального желания и способности палестинских лидеров к компромиссу, делает переговоры в рамках этой парадигмы бессмысленными. При этом Нетаньяху, продолжая декларировать свою формальную приверженность идее достижения соглашения с ПНА по модели «два государства для двух народов», настаивал на сохранении геополитического статус-кво к западу от реки Иордан и исходит из фактического признания (как «меньшее зло») власти исламистской террористической группировки ХАМАС в секторе Газа. В свою очередь Либерман полагал, что подобная «оборонительная позиция», предполагающая сохранение ПНА и ХАМАСа в качестве, соответственно легитимного и «полулегитимного» субъекта регионального процесса, в конечном итоге может стать контрпродуктивным. И потому настаивал на официальном исключении из этого процесса правительства М.Аббаса, полном уничтожении («от главарей *до последнего* террориста») режима ХАМАСа в Газе

и установлении «защищаемых границ» еврейского государства как часть «пакетной сделки» с умеренными суннитскими государствами региона, заинтересованными в поддержке Израиля в купировании иранской угрозы и противостоянию радикальным исламистам.

Второй пакет требований переговорной группы НДИ включал законодательные и финансовые меры по решению социальных проблем, актуальных для значительной части базового электората НДИ – выходцев из бывшего СССР. Речь, по данным СМИ, шла в первую очередь о решении проблемы резкого снижения жизненного уровня после прекращения трудовой деятельности репатриантов, прибывших в страну в возрасте старше 40 лет, не успевших собрать необходимые пенсионные накопления. А также интенсификацию инициированных в прошлую каденцию программ строительства социального жилья, повышения пособия на съем и обеспечении прав работников, трудоустроенных через посреднические компании. Необходимые для этого средства (порядка 1.5 млрд шекелей) Либерман считал возможным привлечь за счет частичного сокращения бюджетных средств, обещанных «Еврейству Торы» и ШАС. (Причем, другую часть этого бюджета лидер НДИ предлагал направить на курсы переквалификации и создание рабочих мест для харедим, вместо, как он выразился, «увековечивания нищеты» и тотальной зависимости от политического лоббирования этой группы населения).

Как можно заметить, реализация этих требований требовала бы решительного пересмотра уже достигнутых коалиционных соглашений, на что Нетаньяху, в рамках избранной им модели формирования коалиции, пойти не мог. Судя по всему, по тем же причинам не был принят и третий пакет требований – утверждение Закона о еврейском характере государства, реализация договоренностей прошлой каденции об облегчении процесса гиюра (перехода в иудаизм), ограничении «диктата» раввината в сфере семейно-брачных отношений и принятие новой версии закона о гражданстве.

Парадокс ситуации состоял в том, что разногласия между НДИ и Ликудом по всем этим темам были не так уж непреодолимы. Нетаньяху признавал корректность ряда идей «плана регионального урегулирования» Либермана (вплоть до того, что некоторые из них, по просочившимся в СМИ данным, обсуждались во время неформальных встреч высокопоставленных

представителей Израиля и Саудовской Аравии).[9] Обязательство решить пенсионные проблемы репатриантов «поколения 40+» было четко озвучено в телевизионном обращении Нетаньяху к выходцам из СССР/СНГ, появившемся за два дня до выборов на русскоязычном Девятом канале ТВ Израиля. (После выборов премьер-министр действительно назначил межминистерскую комиссию по рассмотрению этого вопроса, что сторонники лидера Ликуда представили как первый действенный шаг в этом направлении, а критики – как попытку «спустить вопрос на тормозах»). Наконец, среди парламентариев, подавших законопроект о статусе Государства Израиль как еврейского государства еще в прошлую каденцию были два близких к Нетаньяху депутата Ликуда - Зеэв Элькин и Яир Левин, а также депутат от «Еврейского дома» и нынешний министр юстиции Айелет Шакед.

Таким образом, за отказом лидера Ликуда интегрировать требования НДИ в платформу коалиции стояли не столько фундаментальные идеологические расхождения, сколько диктуемый конкретными политическими соображениями иной порядок приоритетов. Теоретически, у Либермана могла быть надежда, уже находясь внутри правительства, повлиять на изменение его стратегии. Однако такой проект мог состояться исключительно как «забег на длинную дистанцию», то есть быть выстроен в расчете на то, что коалиция продержится весь, или большую часть отведенного законом четырехлетнего срока – в чем Либерман, судя по всему, был совершенно не уверен. А если это так, то выбора у лидера НДИ практически не оставалось. Его явно не устраивала перспектива фактом самого присутствия (причем, не на последних местах) членов НДИ в коалиционном правительстве взять на себя ответственность за его курс и последствия его деятельности, имея минимальную возможность представить своим избирателям серьезные достижения в интересующих их вопросах.

Таким образом, за удививших многих шагом стояли в первую очередь прагматические соображения. Не исключено, что единственным «личным» мотивом во всей этой истории был выбор момента: Авигдор Либерман объявил о решении не присоединяться к правительственной коалиции и покинуть пост главы МИДа, на состоявшемся 4 мая с.г. специальном заседании фракции НДИ. То есть в момент, когда у Нетаньяху уже почти не оставалось ни времени, ни свободы для маневра.

Возможные перспективы

Понятно, что оставив НДИ вне коалиции, в которую вошли почти все декларировано-правые фракции, Либерман поставил себя под огонь критики членов «национального лагеря». То есть, того идеологического лагеря, к которому он всегда принадлежал, и желание возглавить который он никогда не скрывал. Линия «активной защиты» пропагандистов НДИ в этом вопросе строится на том, что это правительство не является «ни правым, ни национальным». Ибо оно «занимает примирительную позицию по отношению к режиму Махмуда Аббаса», «отказывается от уничтожения ХАМАСа» и «ставит во главу угла не благо служащих в армии и платящих налоги патриотично настроенных граждан», а «интересы [не сионистских по своей идеологии] ультрарелигиозных партий». Однако эта аргументация, впервые озвученная Либерманом в его выступлении на заседании Кнессета в день присяги нового правительства, судя по некоторым опросам и дискуссиям в социальных сетях, пока убеждает далеко не всех.

Не менее щекотливым было и положение депутатов НДИ, как формальных «партнеров» по оппозиции таких партий, как антисионистский Объединенный арабский список, что стало едва ли не главным объектом критических атак НДИ во время избирательной кампании. Или упомянутая ультралевая партия МЕРЕЦ, с которой, как в свое время заявил Либерман, он «не готов пребывать в одной компании даже за пост президента Земного шара».

Решением проблемы стало позиционирование НДИ, с одной стороны, как «светской правой» и центристской «социально-гражданской» альтернативы действующей коалиции, и с другой – как «ответственной оппозиции», отметающей идею «критики ради критики» и готовой поддержать те решения правительства, которые идут на пользу русскоязычных и иных избирателей НДИ и общества в целом. И уже в этом качестве – дистанцироваться от формальной оппозиции, официальный лидер которой, глава левоцентристского блока «Сионистский лагерь» Ицхак Герцог, видит своей фундаментальной задачей торпедирование любых шагов правительства с целью его скорейшего свержения. (Впрочем, не отказываясь, если верить постоянно циркулирующим в политической среде слухам, от присоединения к коалиции в удобный для него момент).

Содержанием избранной руководством НДИ тактики стало следование двум линиям. Первой была жесткая критика недостаточно энергичной, по мнению Либермана, деятельности военно-политического кабинета по пресечению палестинского арабского террора в секторе Газа и на Западном берегу р. Иордан, и «непропорциональные уступки партиям ультраортодоксов», которые, как это представляется лидерам НДИ, выразились в перераспределении выделенных им в рамках коалиционных соглашений бюджетных средств по модели, «увековечивающих нищету этой группы населения» и ее тотальную, из поколения в поколение, зависимость от лидеров «харедимных лобби», а также сворачивании инициированных прежним Кнессетом гражданских реформ. Как минимум, в этом вопросе критика правительственного курса со стороны НДИ (как и некоторых других оппозиционных партий, прежде всего, «Еш атид» и того же «Сионистского лагеря) упала на благоприятную почву.

Так, масштабный (1035 респондентов) репрезентативный опрос граждан Израиля в возрасте 18 лет и старше, проведённый агентством ПОРИ по заказу информационного портала NewsRu в июле 2015 года, показал непопулярность решений нынешнего правительства, предпринятых в рамках коалиционных соглашений с ультраортодоксальными партиями. От половины до 60% опрошенных израильтян выступали против отмены принятых в прошлую каденцию (в том числе и по инициативе НДИ) реформы гиюра и поправки к Закону о всеобщей воинской или альтернативной службе (предполагающие санкции, налагаемые на ультрарелигиозных и прочих уклонистов). А также против решения о переводе раввинских судов из Министерства юстиции (которым руководит «Еврейский дом») в Министерство по делам религий (то есть, под контроль ШАС). Причем, среди русскоязычных израильтян, составляющих основу электората партии «Наш дом – Израиль», недовольство этими шагами правительства выражали от двух третьих до более 80 процентов респондентов.

Вторая, собственно «прагматическая» линия, выразилась в готовности лидеров НДИ предоставить правительству «страховочную сеть» в вопросах, соответствующих платформе партии в ее качестве «общинного движения с общенациональной повесткой дня». В соответствии с этим курсом Либерман, например, отказался, как он выразился стать «трамплином для премьер-министра», когда тот не сумел собрать в Кнессете большинство, необходимое для передачи полномочий по за-

ключению сделки с газодобывающими компаниями от министра экономики и лидера ШАС Арье Дери кабинету в целом (на что пришлось пойти в свете отказа трех министров – Моше Кахлона, Йоава Галанта и Хаима Каца, сославшихся на «конфликт интересов», проголосовать за этот вариант). Но одновременно с этим Либерман заявил, что его партия поддерживает суть этого соглашения. (В свете этого обстоятельства некоторые комментаторы не преминули заметить, что включение депутата от НДИ Роберта Илатова, надо полагать – не без благословения премьер-министра – в качестве представителя оппозиции в комиссию по назначению судей, стало «призом» Либерману за его «ответственную позицию» в данном вопросе). С другой стороны, партия НДИ первоначально не исключала вероятность поддержать коалицию при прохождении в Кнессете Закона о бюджете на 2015 - 2016 гг. в обмен на выделение Минфином средств на реформу пенсионного обеспечения репатриантов – чего сторонникам Либермана добиться так и не удалось. Потому (на конец августа) фракция НДИ в Кнессете была намерена голосовать против утвержденного правительством бюджетного законопроекта.

Таким образом, выбор Либермана и НДИ в пользу ниши «конструктивной светской правой и социально-гражданской оппозиции», как показывают наблюдения, принесло определенные политические дивиденды. Однако не факт, что этот ресурс является бесконечным, и не исключено, близок к исчерпанию, что, в общем, признают и в кругах, близких к лидеру НДИ. Важным индикатором этого процесса, несомненно, является общественное мнение, и прежде всего – настроения традиционных и привлеченных избирателей НДИ, как реально проголосовавших за нее на прошлых выборах, так и оставшихся в тот день «на заборе», или «уступленных» другим партиям.

Упомянутый репрезентативный опрос ПОРИ – NewsRu (июль 2015 года) позволяет ответить на этот вопрос с высокой степенью точности. Судя по собранным исследователями данным, 75% потенциала партии Либермана сегодня образуют избиратели, поддержавшие НДИ на выборах. Еще 12% (эквивалентных почти мандату) потенциальных голосов получены (точнее «возвращены») из Ликуда. И 7%, или чуть более половины мандата – это те, кто на прошлых выборах предпочел не голосовать (судя по всему, из числа тех примерно 2.5-2.7 мандатов традиционных сторонников НДИ, которые 17 марта 2015 г. «остались на заборе»).

Можно заключить, что из нынешнего потенциала НДИ, эквивалентного примерно 8.5 мандатам (против 6.5 мандатов, полученных по итогам выборов в нынешний Кнессет), примерно 6.5 дают партии русскоязычные избиратели, примерно 1.5 – евреи – уроженцы страны и старожилы, и около половины мандата партия может получить в арабоязычном секторе Израиля.

Иными словами, в случае с НДИ имеет место позитивная, хотя и пока еще минорная динамика, позволяющая партии, даже находясь в оппозиции и не имея доступа к серьезным рычагам влияния, держаться на плаву и даже возвращать себе некоторые группы традиционных избирателей. Но эта динамика пока не того уровня, чтобы приблизить возвращение Либермана на позицию одного из главных претендентов на пост главы правительства. Что вновь ставит вопрос о стратегической оправданности его решения не входить в правительство сразу после выборов, и главное – о продуктивности дальнейшего пребывания НДИ в нише «ответственной оппозиции».

С точки зрения настроений избирателей, итоги упомянутого опроса в этом смысле не вызвали особого удивления: большинство сторонников коалиционных партий считали, что Либерман, не войдя в четвертое правительство Биньямина Нетаньяху, поступил неверно, а оппозиционных – что он поступил верно. В еврейском секторе было больше разочарованных этим решением лидера НДИ, чем поддерживающих его, «русский» Израиль разделился по этому вопросу почти поровну, а относительное большинство арабов (и абсолютное большинство избирателей Объединенного арабского списка) ожидаемо заявили, что им все равно, в коалиции НДИ, или в оппозиции. Что касается тех, кто в конце июля 2015 заявили, что готовы голосовать за НДИ на следующих выборах, то почти две трети из них поддерживают этот шаг Авигдора Либермана, однако те, кто голосовал (или утверждают, что голосовал) за эту партию на прошедших выборах, разделились по этому вопросу почти поровну. Что означает, что Либерман своим решением разочаровал часть своих бывших сторонников, которые «проголосовали ногами», но скомпенсировал потери, если верить данным опроса – даже с некоторым избытком, за счет тех (в основном – бывших избирателей Ликуда и не голосовавших), которых этот шаг привлек на сторону НДИ.

Все это ставит перед лидерами партии необходимость решения очередной дилеммы – либо присоединиться к коалиции на условиях, ранее отвергнутых, либо, продолжая поддерживать

соответствующие платформе НДИ решения и законопроекты правительства, способствовать его скорейшему кризису и новым досрочным выборам.

Судя по «посланиям» со стороны правящей партии, Ликуд был бы сегодня явно заинтересован, говоря словами министра алии и абсорбции Зеэва Элькина, в том, чтобы исправить случившееся «дорожно-транспортное происшествие» и вернуть НДИ в правительство. К чему, судя по данным опроса, с пониманием отнеслись бы как более 90% тех, кто готов голосовать за НДИ сегодня, так и 87% тех, кто утверждает, что голосовал за эту партию на прошедших выборах. А также более 50% бывших и потенциальных избирателей Ликуда. Сам же Авигдор Либерман продолжает настаивать на отсутствии смысла присоединения к правительству, которое «протянет максимум до весны 2016 года».[10]

Трудно сказать, каково будет окончательное решение, но понятно, что возможности откладывать его на будущее у руководства НДИ уже практически нет.

---

[1] "Зеэв Элькин: проблемы репатриантов мы будем решать вместе с НДИ". Интервью порталу NewsRu, 3 июня 2015, http://newsru.co.il/israel/03jun2015/elkin_int_701.html

[2] "Либерман: Я буду альтернативой Нетаниягу". Интервью порталу NewsRu, 7 мая 2015, http://newsru.co.il/israel/07may2015/liberman_701.html

[3] См., например, Ynet, 8.05/2015

[4] Информация Второго канала ИТВ, 8 мая 2015 года

[5] "Либерман: "Приближенные Нетаньяху предлагали мне стать министром обороны", NewsRu, 11/05/2015 http://newsru.co.il/israel/11may2015/liberman_700_00.html

[6] Подробнее см.: Владимир (Зеэв) Ханин, *Партийно-политические структуры и электоральный процесс в Израиле в начале XXI века*. – Москва: ИБВ, 2014. – с. 110-144 .

[7] См. Владимир (Зеэв) Ханин, "Израиль: введение в избирательную кампанию в Кнессет 20-го созыва", *Институт Ближнего Востока*, 26 января 2015 http://www.iimes.ru/?p=23332#more-23332

[8] См. Илан Кфир, "Сладкая месть Либермана как лучшее блюдо 2015 года", Глобус, 10.05.2015. http://mnenia.zahav.ru/Articles/6033/sladkaya_mest_libermana#ixzz3jYc7r9f7

[9] "Исраэль а-Йом", 4 июня 2015

[10] См. "Либерман: бюджет примут, но правительство падет", IzRus, 4/08/2015, http://izrus.co.il/obshina/article/2015-08-04/28436.html

Халид Хаттак*

ВЛИЯНИЕ ТЕРРОРИЗМА НА ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИСЛАМ И ДЕМОКРАТИЮ В МУСУЛЬМАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Терроризм не имеет общепринятого определения. Кроме того, как показывает история, терроризм не имеет конкретного религиозного либо расового измерения. Однако, поскольку в настоящее время большинство лиц и групп, которые оказываются вовлеченными в террористическую деятельность, независимо от ее масштаба, утверждают, что они мусульмане, и обосновывают свои действия как «джихад», формируется представление о связи терроризма с тем, что многие называют «политическим исламом». Такое восприятие может быть абсолютно неверно, но с каждым новым терактом, совершенным мусульманами, оно усиливается. Мусульманским организациям лучше признать этот факт.

Следует, не скатываясь к самокопанию, провести «мозговой штурм» по данному вопросу. Без этого проблему не решить. Негативное влияние терроризма на мусульманский мир дошло до той стадии, когда оно не только замедляет или стопорит социально-экономическое развитие, но и приводит к политической поляризации, перерастающей в политический раскол, последствием чего становится недееспособность государств. Является ли терроризм причиной недееспособности государств или недееспособность государств является причиной роста терроризма в мусульманском мире – это подобно не имеющему однозначного ответа на вопрос о том, что первично – курица или яйцо. Однако разрушительное воздействие терроризма проявилось в столь значительных масштабах, что проблема требует немедленного решения.

За последнее время, в дополнение к Афганистану, терроризм стал ключевым фактором развития ситуации в Сирии

---

* Халид Хаттак, Посол Пакистана в России в 2008–2013 гг., в настоящее время в отставке.

и Ираке, а теперь и в Йемене. Обстановка гражданской войны в этих странах могла быть вызвана и другими факторами, однако терроризм усилил их действие. Кроме того, в ряде мусульманских стран потенциальная угроза терроризма тормозит демократические преобразования. По крайней мере, она стала удобным предлогом для диктатур в таких странах. Наглядная иллюстрация тому – произошедшее в Алжире в 1992 году и события в Египте в 2013 году. Да и в Пакистане проблемы безопасности могут иметь приоритет над стремлением к демократии.

Подобные угрожающие сигналы, особенно после террористической атаки на школу в городе Пешаваре, повлияли на дискурс по проблеме терроризма в Пакистане. Имеются также подтверждения очевидной связи между терроризмом и религиозным экстремизмом/сектантством и т.д.

Исламистские партии отвергают эти обвинения, однако их аргументы носят двусмысленный характер, в лучшем случае – оборонительный. В целом по этому вопросу исламские стороны поставлены в позицию защищающихся. Проблема терроризма также привела к пересмотру понятия «политический ислам», под которым в широком смысле подразумевается осуществление политики, включая принятие политических решений и руководство их реализацией, в соответствии с предписаниями ислама. Автор не знает, до какой степени такое определение полно и точно, но в принципе это то, что имеется в виду под термином «политический ислам». В связи с этим, чтобы рассмотреть данный вопрос, необходимо углубиться в историю политического ислама.

С первых дней возникновения ислама небольшим общинам верующих пришлось сражаться в битвах, идти на компромиссы, заключать мирные соглашения с людьми других вероисповеданий и вырабатывать правила сосуществования с ними для того, чтобы выжить и развиваться. Кроме того, учитывая их немногочисленность в тот период, почти каждый член общины имел в ней вес и участвовал в принятии решений по вопросам войны и мира. Таким образом, под руководством пророка Мухаммеда (мир ему и благословение), мусульмане с первых дней были способны заменить обскурантистский, идолопоклоннический и политеистический племенной порядок на монотеистическую систему верований и ориентированное на будущее государственное устройство.

Основными чертами исламской политики, проявившимися в результате упомянутого выше процесса, стали:

а) неизбежная взаимодополняемость религии и политики. Поэтому церковь от государства здесь не отделена. В то же время, в этих рамках существовало культурное, социальное и политическое многообразие и межрелигиозная толерантность;

б) доктрина джихада (дословный перевод – борьба). Это влечет за собой не только применение силы, но и других средств, которые используются в основном для защиты веры, государственного строя и общества;

в) установление порядка, основанного на каноническом праве, в котором четко определены права и обязанности как руководителя, так и подчиненных;

г) повсеместно распространенный социально-политический порядок, который, в целом, можно назвать демократическим. Это проистекает из убеждения, что все человеческие существа равны перед Богом, а также из политической необходимости достижения консенсуса по вопросам, которые важны для государственного строя.

Однако в процессе своего расширения халифат стал ощущать влияние зарубежных держав, которые оставили отпечаток на его политическом устройстве. Мусульманская экспансия первоначально осуществлялась в двух направлениях: на запад – на Византию, и на восток – на Персию. При этом в то же самое время среди мусульман возникли внутренние идеологические и политические разногласия по вопросу о «законном наследнике» халифа.

Кульминацией этих разногласий стала трагедия Кербелы – событие, негативные последствия которого и по сей день не могут оценить в полной мере, поскольку она привела к расколу мусульманского сообщества, который наряду с другими факторами продолжает формировать религиозный и политический дискурс, а также, фактически, является одним из факторов распространения терроризма.

Непосредственным результатом трагедии Кербелы был конец периода Праведного халифата и замена его династической властью Омейядов (самый сильный клан в племени курайшитов). Омейяды перенесли политическую столицу из Мекки в Дамаск, который был провинциальным центром в составе Византии. В результате институциональное и политическое устройство гос-

ударства попало под воздействие Византии. Потом, через пару веков, когда династия Омейядов была свергнута и заменена династией Аббасидов, столица была перенесена из Дамаска в Багдад, где государственные структуры и общественный строй впитали некоторые черты персидского политического устройства.

Правители из династии как Омейядов, так и Аббасидов предпочитали называться халифами. Большинство мусульман (в частности сунниты) были согласны с этим. Поэтому проблема легитимности перед ними не возникала. Однако в процессе постепенного перехода от халифата к султанату идеология халифата, сутью которой было моральное воздействие на подданных, уступила имперскому диктату султаната.

Это не только вызвало гнев признанных авторитетов традиционной мусульманской школы, но и заставило их реагировать. Некоторые из них выразили серьезную обеспокоенность в связи с воздействием такого перехода на общеполитическое и моральное «здоровье» мусульманского общественного строя. Именно здесь прослеживаются корни проблемы фундаментализма в политическом исламе.

Имам Ахмад Ибн Ханбаль (780–855 гг.) был первым, кто выразил по этому поводу свои опасения и сомнения. Он осудил роскошь и великолепие Аббасидов как признак «морального разложения» и проповедовал возврат к простому и чистому образу жизни времен раннего ислама. Его последователи также осудили рост «рационалистического богословия» под патронажем двора халифа (в основном в период правления Харуна аль-Мамуна, сына известного Харуна ар-Рашида). Они называли его Му’тазила (уклонист). Позже, когда монголы вторглись в Багдад и разорвали мусульманский мир на куски, традиционные мусульмане объясняли эту трагедию «падением нравов» и религиозным ревизионизмом, характерными для периода Аббасидов. Кстати, в рамках «рационалистического богословия», среди прочего, делались попытки сблизить исламское вероучение с греческим философским мышлением.

По внутреннему ощущению большинства мусульман, падение Багдада под копытами монгольской кавалерии доказало, что предостережения Имама Ибн Ханбаля были верными.

Кроме того, что более важно, сами масштабы разрушений были таковы, что они вызвали двойную реакцию – весьма разноплановую, но оказавшую долгосрочное воздействие на религиозное мышление и политическое мировоззрение мусульман.

Одним из следствий этого стал расцвет суфийского ислама. Мистическое и эклектическое по своему духовному содержанию, это течение предусматривало деполитизацию мусульманского сообщества. Его успех в деле привлечения адептов других религий, особенно в Южной Азии, был в основном связан с его эклектическим характером и доброжелательным подходом к другим вероисповеданиям. На фоне психологических травм и социальных сдвигов, которые были вызваны природными или антропогенными катастрофами, суфийским ислам воспринимался легче. Естественно, что, когда рушится внешний миропорядок или кардинально изменяется окружающая людей среда, некоторые из них пытаются построить свой внутренний мир в надежде, что он будет более прочен и неуязвим.

Как следствие, для таких людей в подобных условиях жизнь, возможно, становится более терпимой. В данной ситуации фатализм помогает легче принимать суровую разрушительную реальность. Так же как и стоицизм, суфизм в некоторой степени подпитывается фатализмом, и по этой причине его доктрина носит пацифистский характер. Способность переносить страдания в суфийском исламе избавляет от необходимости вступать в борьбу.

Во-вторых, эти катастрофы вызвали реакцию иного рода – гнев, который стал причиной последующего противостояния. Сущность же гнева такова, что он мотивирует не столько на решение проблемы, сколько на месть. По этой причине реакция такого рода, как правило, перерастает в действия, которые имеют скорее экстремистский, чем умеренный характер.

Ахмед Ибн Таймийя (1263–1328 гг.) был сыном разгневанного беженца из Багдада, который после его падения (1258 г.) поселился в Дамаске и начал преподавать исламское право и учение имама Ахмад Ибн Ханбаля. Ибн Таймийя стал преемником своего отца и после его смерти продолжил его дело. Ум у Ибн Таймийи был более острым, а сам он по натуре был большим радикалом, чем даже его отец. Он разработал доктрину, которая предусматривала восстановление чистоты веры, спартанскую простоту ее ранних последователей и ведение джихада против монголов, которые, кстати, к тому времени приняли ислам. Но для Ибн Таймийи они по-прежнему были «неверными». Во всяком случае, в политически раздробленном исламском мире с разрушенной социальной архитектурой, который увидел свет после монгольских нашествий, образ мыш-

ления Ибн Таймийи получил поддержку и стал пользоваться большим влиянием, чем учения имама Ибн Ханбаля в арабском мусульманском мире. Учения имама Ибн Ханбаля и Ибн Таймийи предусматривали возврат к образу жизни предков (на арабском языке – салафов). Отсюда происхождение термина «салафит», применяемого в отношении приверженцев этой школы мысли и политического курса.

После эпохи Ибн Таймийи, однако, на протяжении веков салафистские фундаменталистские тенденции практически никак не проявлялись. Одной из причин было то, что после падения режима Аббасидов в мусульманском мире появилось множество новых государств. Существование этих государств, с одной стороны, демонстрировало политическую раздробленность халифата, а с другой – консолидацию позиций местных элит, рост их влияния на культуру, обстановку в социальной сфере и политику. Поэтому в течение указанного периода о салафизме в мусульманском мире слышно было немного.

Между тем происходили некоторые другие события исторического значения. Эти события в основном сводились к прямым столкновениям мусульманского сообщества с политикой западных держав, с христианским сообществом, которые получили общее название Крестовых походов. Особенность Крестовых походов состояла в том, что они не всегда были обусловлены религиозными факторами.

Однако, учитывая тот факт, что «яблоком раздора» в Крестовых походах стал Иерусалим, столкновение между европейскими государствами и их ближневосточными противниками приобрели религиозный характер. Результатом Крестовых походов стал тупик. Христианские державы были вынуждены вернуться в западную часть Средиземного моря, в основном, с пустыми руками. Вместе с тем, долгосрочным следствием походов стало то, что они формировали правильное или ложное представление мусульман о христианском мире и наоборот, что обусловило отчасти неверное восприятие сторонами друг друга, которое затянулось на очень долгое время.

Еще до упомянутых выше событий наместник правителей из династии Омейядов в Северной Африке Абд ар-Рахман (Абдурахман) успешно противостоял контролю со стороны Аббасидов, которые пришли на смену Омейядам. Под руководством этого лидера и его преемников их арабо-африканское королевство сохранило свое стремление к экс-

пансии. На востоке непреодолимым барьером служила пустыня Сахара. На западе же находилось чудесное Средиземноморье, вызывавшее непреодолимый соблазн. Тарик Ибн Зияд (бербер) с небольшим войском успешно пересек Средиземное море и основал великолепное государство на Иберийском полуострове. С течением времени государство расширилось, однако уже через пару веков эта экспансия была не только остановлена, но и обращена вспять набирающей силы христианской державой, находившейся на территории нынешней Испании.

Такая же судьба постигла османскую экспансию в Южной и Восточной Европе, которая в определенный момент достигла ворот Вены в Центральной Европе. Через пару столетий Османская империя откатилась к восточным берегам Средиземного моря.

Четвертое прямое столкновение между христианством и исламом на мусульманских землях произошло в виде колониальной экспансии Запада. Движущие мотивы колониализма едва ли носили религиозный характер и были, возможно, исключительно материальными. Однако, учитывая тот факт, что колониальная экспансия Запада сопровождалась определенной прозелитской активностью, в восприятии большинства мусульман она представляла собой возвращение христианства. То есть, на сей раз уже не религиозный фактор, а «фактор силы» определял характер и исход этого четвертого столкновения между мусульманским и христианским мирами.

Промышленная революция, произошедшая на европейском континенте, придала качественный импульс наращиванию традиционной мощи и «мягкой силы» Европы. С другой стороны, промышленная революция, по большому счету, обошла стороной мусульманский мир. Возникшая в результате разница в силах привела к неспособности последнего остановить западную колониальную экспансию и агрессию. Вместе с тем, будучи последователями самой молодой сформировавшейся религии, мусульмане не могли так легко смириться с распространением влияния мощного Запада на относительно слабый Восток. Эффект западного политического господства усиливался проникновением западной культуры и цивилизации.

На этом фоне в XIX–XX веках в мусульманских сообществах вновь поднял голову салафитский фундаментализм, который начал влиять на политическую обстановку. В этой новой

ситуации салафитам пришлось также противостоять зародившимся в условиях западной колониальной экспансии светским политическим течениям. Так же как и у салафитов, даже в большей степени, публичная и скрытая повестка дня светских сил включала достижение свободы исламского мира, однако при этом они не отвергали возможной эволюции мусульманского сообщества в соответствии с западными стандартами. На самом деле, они считали это неизбежным – в том случае, если мусульманское сообщество стремилось быть столь же могущественным, как и западное.

С другой стороны, консервативные тенденции в мусульманском мире обрели форму фундаментализма. Фундаменталистские силы, которые возникли в Ливии и Саудовской Аравии, категорически не принимали западные ценности и политическое устройство. Они считали это опасным как для ислама, так и для социально-политического устройства мусульманского сообщества. В Саудовской Аравии в результате сделки между ваххабитами (последователи течения, отпочковавшегося от салафизма) и мощной племенной конгломерацией во главе с семьей Аль Сауд (1929 г.) был установлен социально-политический порядок, нацеленный на заключение мусульман в «консервативный кокон» во имя «религиозной реформы».

В иных случаях фундаментализм придал дополнительную динамику и соответствующую направленность выступлениям местных племен против колониалистов либо локальных немусульманских властителей. Примером могут служить восстания Ахмеда Шахида Барелви (против сикхского правления на северо-западе индийского субконтинента), Махди в Судане (против англичан), Омара Мухтара в Ливии (против итальянского правления) и Факира Ипи (против англичан в Афганистане и Зоне племен вдоль афганской границы). Все они называли свои выступления джихадом, так же поступали и их последователи. Однако все эти восстания оказали на мусульманский мир лишь ограниченное и проходящее влияние.

С другой стороны, салафитский ислам оказал значительное, хотя и не всегда одинаковое, воздействие на некоторых ведущих интеллектуалов и политических деятелей XIX и XX века. К ним относятся Джамалудин аль-Афгани, Мухаммад Абдо, Рашид Рида, Алляма Машрики, Гуссейн Мавдуди, Хасан Банна, Икбал, а позднее – идеолог «Братьев-мусульман» Сайид Кутб. В трудах этих интеллектуалов и политиков присутствует

сочетание радикальных элементов салафизма и рациональное требование реформ. Для некоторых требование момента – радикальные перемены. Для других реформистский курс не только более приемлем, но и предпочтителен. По этой причине в современной истории мусульман такие интеллектуалы и им подобные в широком смысле классифицируются либо как исламские радикалы, либо как исламские реформисты.

Таким образом, как радикальные, так и реформистские исламские мыслители в целом придерживаются единого мнения относительно необходимости:

а) возрождения атмосферы раннего ислама в мусульманском сообществе;

б) достижения политического единства мусульман – в том или ином формате;

с) четкого позиционирования исламского мира в глобальном миропорядке и наращивания его влияния посредством приобщения к научно-техническому прогрессу.

Их разногласия тем не менее, также серьезны и сводятся к следующему:

– радикалы добиваются свержения существующего строя любыми средствами, в том числе через джихад. Реформисты – за изменения путем эволюционного политического процесса;

– из вышесказанного следует, что радикалы верят в эффективность конфронтационной позиции в отношении немусульманских держав. Реформисты считают, что такая позиция может быть контрпродуктивной, а некоторые из них думают, что в ней даже нет необходимости;

– радикалы отвергают западные политические институты. Реформисты придерживаются мнения, что западные политические институты и исламские традиции управления отнюдь не являются несовместимыми.

Несмотря на различия в подходах, идея панисламского порядка прослеживается в работах и позиции этих идеологов политического ислама. Но ни один из них не смог очертить четкие политические и юридические контуры любого панисламского порядка, который может считаться приемлемым.

Одной из причин отсутствия четкой позиции по этому вопросу среди исламских политологов является то, что концепция халифата в мусульманском мире основывается не на ре-

троспективной мифологии, а на конкретных прецедентах, которые в зависимости от времени и места отличались по своим политическим приоритетам и соцально-религиозным нюансам. В отсутствие какой-либо конкретной модели, приемлемой для шиитов, суннитов и мусульман, придерживающихся различных географических, этнических и культурных традиций, доктрина халифата была к настоящему времени сведена религиозными партиями до уровня политического эпизода в истории мусульманского мира. Более того, с исторической точки зрения религиозная рознь в исламском мире препятствовала эволюции гораздо в меньшей степени, чем установление панисламского порядка, пусть даже не в жесткой форме.

Например, Сефевиды (тюрская династия), которые пришли управлять Ираном, установили там шиизм. За сравнительно короткий период времени они смогли обратить большинство иранцев в шиитскую веру. Впоследствии сефевидский Иран и Османская империя (преимущественно суннитская) стали в большей степени соперниками, если не противниками, нежели братскими партнерами. После этого у Ирана возникли проблемы с другими мусульманскими державами, такими как Великие Моголы в Индии. Даже сегодня этот фактор в некоторой степени влияет на отношения Ирана со своими арабскими, афганскими, турецкими и пакистанскими соседями. «Наведение глянца» на эту реальность не поможет осознанию необходимости устранения разрыва между суннитами и шиитами. Лучше признать это и попытаться решить проблему.

Несмотря на вышеупомянутые факторы, концепция халифата в ее расплывчатой форме присутствует в манифестах исламистских партий, таких как «Братья-мусульмане» в Египте и «Джамаат-и-Ислами» на индийском субконтитенте. Подобно им, другие исламистские партии в других странах используют эту тему в своих политических играх, хотя всем им известно, что идеи халифата или даже содружества исламских государств в обозримой перспективе не могут быть осуществлены на практике.

Несмотря на это, радикальные исламские группировки и террористические организации сделали создание халифата своим основным лозунгом. При подробном рассмотрении, однако, становится ясным, что эти организации используют данный лозунг в основном для получения международной поддержки – как финансовой, так и людскими ресурсами – со всех

концов мусульманского мира. Таким образом, их требование создания халифата является грубой политической игрой, а также, до некоторой степени, способом отвлечения людей от более насущных проблем. К сожалению, в определенной мере эта пропаганда находит отклик среди легковерных в исламском мире. Одна из причин тому – современное национальное государство еще должно пустить глубокие корни в большинство мусульманских обществ, некоторые из которых уже экспериментировали с демократией, однако не извлекли из этого никакой пользы.

В целом, одной из причин создания подлинно национальных государств в мусульманском мире было то, что данные государства рождались в первую очередь как результат политического процесса, управляемого колониальными властями, еще до того, как сами народы могли взять его под контроль. Предпринимавшиеся в постколониальных независимых государствах попытки сформировать единую нацию путем сглаживания культурных, этнических и прочих различий оказались безуспешными.

На волне сначала упадка, а затем и крушения Османской империи центр политической сцены в исламском мире заняли новые силы. В основном – национализм и секуляризм. А под идеологическим и политическим воздействием большевистской революции политическое влияние в мусульманском мире, пусть и незначительное, приобрели левые силы.

На этом фоне в 1920 г. появились две модели: кемалистская Турция с жёстким националистическим и еще более строгим светским режимом и консервативное Королевство Саудовская Аравия – ортодоксальная абсолютная монархия. Кемалистическая Турция отвернулась от прошлого и смотрела в будущее. Саудовская Аравия отвернулась от будущего и смотрела в прошлое.

В этих условиях некоторые молодые мусульманские государства, которые образовались в процессе деколонизации, попытались реализовать третью модель, предусматривавшую сохранение созданных западными колонизаторами институциональных структур и их встраивание в отсталое традиционное социальное устройство. Эти страны с недавних пор переживают период социально-политической и экономической напряженности, возникшей в результате изменения глобального миропорядка и регионального соотношения сил. При этом сценарии

слабым и размытым государственным институтам становится все труднее контролировать негосударственных участников политического процесса, в особенности в исламском мире. В число этих негосударственных «игроков» входят террористические и сектантские ячейки.

По существу, следует понять, что в мусульманских странах национализм не пользуется такой привлекательностью и не имеет такого значения, как на Западе.

Рассмотрение этого фактора выводит нас на предположение, что указанный феномен в значительной степени связан и с событиями на Ближнем Востоке в период после Первой мировой войны. Это было, пожалуй, реакцией на противоречивость и поражение «великого арабского восстания», которое поддерживалось и даже управлялось британцами, а в итоге привело арабов к еще большей раздробленности, чем прежде. В результате арабский национализм в 1920-е и 1930-е годы стал терять свой глянец и привлекательность. Таким образом, чтобы укрепить позиции арабского национализма, потребовалось привлечь ислам. Даже Насер чувствовал необходимость в том, чтобы внедрять ислам в сферу повседневной жизни арабов в целях обеспечения «стратегической глубины» для избавления от западного влияния на исламский мир. Это вытекает из его работы «Философия революции».

Однако в условиях «третьей модели», представляющей реальный симбиоз религии и национализма, у исламистов не было никаких шансов прийти к власти или даже просто заявить о себе. Надо, все же, отдать им справедливость – это было действительно сложно сделать.

Объективная реальность была совсем не такой, какой ее воспринимали исламисты. Мусульманское сообщество в целом и арабский мир в частности должны были либо внедрять светскую модель кемалистской Турции – к ним относятся модернистские монархии того периода, такие как Ирак, Иордания, Египет, Марокко и Иран, которые выступали за вестернизацию без демократизации, либо принимать форму консервативных королевств по образцу Саудовской Аравии, которые выстраиваются на основе племенной конфигурации. Что касается неарабских мусульманских стран, таких как Индонезия, Малайзия и Пакистан, то они сделали выбор скорее в пользу мусульманской идентичности, нежели исламской идеологии. Эти понятия взаимосвязаны, но не равнозначны друг другу.

Кроме того, в период между двумя мировыми войнами и позднее, во время «холодной войны», на политической сцене в большинстве стран Азии и Африки, в том числе в исламском мире, стала доминировать политика «левых и правых». Эта политика в своей основе касалась выбора между капиталистическим или социалистическим порядком, а не между атеистическим или религиозным мировоззрением. Как при капитализме, так и при социализме речь идет о материальном благополучии человечества, однако, в то время как капитализм на протяжении всей своей истории в той или иной форме уже сосуществовал с религией, в марксистской идеологической конструкции религии места не было. Поэтому, чтобы сохранить свое влияние в период «холодной войны», исламистским партиям пришлось выступать на стороне капиталистического мира против социалистического блока.

Шанс для исламских сторон возник тогда, когда стало понятно, что ни одна из систем – ни социализм, ни капитализм – не была способна удовлетворительно функционировать в мусульманском мире. Более того, в процессе деколонизации, когда многие мусульманские государства получили независимость, к их руководству пришли такие политические партии и деятели, которые придерживались модернистского мировоззрения. Сначала они пользовались полной поддержкой народных масс. Однако, как точно указал Мухаммад Хусейн Хейкал в своей работе «Возвращение Аятоллы», когда народные массы поняли, что модернистское руководство не может выполнить свои обязательства социально-экономического характера, принятые им на себя в контексте обещания свободы, они стали склоняться в сторону мулл и аятолл, способных взять на себя роль лидера.

Однако ни у мулл, ни у аятолл не было ясных ответов на все более сложные вопросы, с которыми стало сталкиваться мусульманское сообщество. При этом их претензии, касающиеся провалов модернистского прозападного руководства, воспринимались большинством мусульман как обоснованные.

Тем не менее, в течение некоторого времени благодаря «стратегической смирительной рубашке холодной войны» правящие институты в мусульманском мире, опираясь на помощь крупных держав, были способны противостоять давлению религиозных элементов внутри своих стран.

В результате в течение данного периода в большинстве мусульманских стран поддерживалась относительная стабиль-

ность. К концу «холодной войны», однако, на смену стабильности пришли беспорядки и даже государственные перевороты. В определенной степени снижение объемов помощи крупных держав мусульманским странам в сочетании с неспособностью руководства последних добиться значимых результатов в экономической сфере и ослаблением местных институциональных структур привело к подрыву стабильности в мусульманском мире. В этих условиях появились тлеющие конфликты и неразрешенные споры между мусульманскими и немусульманскими странами и даже внутри мусульманского мира, что еще больше усугубило ситуацию. С течением времени такое положение дел стало еще более опасным.

Значительную роль в активизации вооруженной оппозиции в мусульманских странах сыграло палестинское повстанческое движение, а также происходившие в исламском мире вооруженные выступления с религиозной подоплекой, такие как связанные с территориальным спором вокруг Кашмира или афганским сопротивлением советской оккупации.

Повстанческое движение палестинцев возникло на волне войны 1967 года, в которой регулярные армии арабских стран потерпели полное поражение. В этом поражении исламисты обвинили светское националистическое руководство. Такие же обвинения выдвигала арабская мусульманская улица. На контрасте с провалами арабских светских националистических режимов стал восприниматься яркий символизм Исламской революции в Иране – мусульманской стране, которая бросила стратегический вызов крупным державам. Это в определенной степени напомнило о ранних мусульманах, которые повергли Византийскую и Персидскую империи, и создало впечатление, что, если регулярные армии и политическое руководство мусульманских стран не в состоянии справиться с крупными державами, то исламские революционные силы на это способны.

Это впечатление еще больше укрепилось в результате афганской войны, которая, первоначально будучи следствием политики «холодной войны», являлась классической опосредованной войной между западными державами и бывшим Советским Союзом.

Однако радикальный ислам, порожденный Исламской революцией, и радикальный ислам, возникший в результате афганской войны, стали развиваться в двух различных направлениях. Его иранская разновидность стала инструментом продвижения

Тегераном своих интересов в области внешней политики и безопасности. Афганская же освободительная борьба деградировала в разрушительную гражданскую войну. Ситуация, возникшая в Афганистане и вокруг него в результате этой войны, была в полной мере использована местными и зарубежными боевиками. Структуры, созданные этими боевиками, переродились в террористические сети.

«Аль-Каида» и ее террористические ответвления, которые возникли в результате ситуации, сложившейся в Афганистане, нацелены на уничтожение существующего в мусульманском мире порядка и его замену на систему, функционирующую на основе распоряжений экстремистского характера, издаваемых во имя Аллаха. Арабский контингент в рядах афганского сопротивления состоял в основном из закаленных и сравнительно образованных боевиков. Семейство Бен Ладена владело крупным бизнесом. Оперативная сеть «Аль-Каиды» была выстроена им по лекалам современного бизнеса – распространение влияния через местные франшизы, иногда даже под прикрытием благотворительности. Кроме того, руководство «Аль-Каиды» имело и до сих пор имеет достаточно хорошее представление о функционировании и менталитете спецслужб целого ряда стран. Их взаимодействие и контакты с этими спецслужбами в ходе афганской войны дали им «полезный опыт».

Кроме того, в афганской «лаборатории» они смогли наблюдать взаимодействие местных, региональных и глобальных сил – их объединение и противоречия, вытекающие в основном из их узконациональных интересов и сиюминутной политической целесообразности. Таким образом, в конце «холодной войны» «Аль-Каида» и другие террористические организации имели лучшее, чем государственные структуры мусульманских стран, представление о том, каким будут новое содержание и характер отношений США и Запада с исламскими государствами.

Распад Советского Союза и социалистического строя в Восточной Европе привели к тому, что США перешли от лидерства в «свободном мире» к лидерству во «всем мире». Поддержка мусульманских стран и исламистских партий, которая во времена «холодной войны» считалась чем-то незаменимым, в новой ситуации была уже не столь важна. По общему мнению, бытующему в мусульманском сообществе, мусульманами сначала воспользовались, а затем бросили. Это чувство было

отражением «наивности» мусульманского сообщества и его неведения относительно функционирования мирового порядка и силовой политики крупных держав. Однако тот факт, что США и другие западные державы отвернулись от Афганистана после вывода оттуда советских войск, в какой-то степени подтвердил их правоту. В результате данная точка зрения получила распространение не только среди народных масс, но и среди правящих элит мусульманских стран.

Тем не менее, очевидным фактом является то, что по окончании «холодной войны» идеологическая политика сменилась политикой идентичности. В результате политика, определяемая «линиями разлома» и конфликтами, стала влиять на мусульманский мир в той же степени, что и на некоторые другие регионы земного шара. Гражданская война, ставшая следствием борьбы за власть на этнической почве – между пуштунами и не-пуштунами – в Афганистане является ярким тому примером. Более того, на глобальном уровне политика идентичности не только послужила основой для некоторых «конфликтов по линии разлома», как на Балканах, но и ввела в обращение понятие «конфликта цивилизаций», о котором говорит в своей неоднозначной, но содержательной книге Сэмюэль Хантингтон.

Понятие «конфликта цивилизаций» сейчас может показаться устаревшим, однако на деле оно продолжает сохранять свою актуальность. Да и Хантингтон был не первым, кто говорил об этом. В 1954 году Арнольд Тойнби в статье в пакистанской англоязычной газете Pakistan Observer давал некоторые прогнозы на сей счет. По его словам, пока люди с различной системой ценностей, культурой и цивилизационными основами проживали в своих соответствующих географических зонах в относительной изоляции друг от друга, повода для каких-либо прямых конфликтов цивилизаций не возникало.

С одной стороны, с появлением современных технологий, в частности современных транспортных средств, с налаживанием более плотного экономического и политического взаимодействия, а также вследствие революции в сфере информационных технологий, географическая изолированность различных цивилизаций значительно уменьшилась. С другой – процесс сближения различных систем ценностей и вероисповеданий занимает гораздо больше времени. Это могло послужить причиной возникновения межцивилизационной напряженности

и трений. Похоже, пророчества, содержавшиеся в теории Тойнби, стали сами собой сбываться.

Менее философская и более обыденная причина такого положения дел заключается в том, что мусульманские страны меньше всего подготовлены к противодействию тем вызовам, с которыми им пришлось столкнуться в двадцать первом веке. В действительности, большинство мусульман все еще живут в девятнадцатом или, в лучшем случае, в начале двадцатого века. Некоторые анклавы и центры изобилия в мусульманском мире представляют собой «модель экономического развития Диснейленда». Разноплановое сдерживающее влияние на прогресс в мусульманском мире оказывает отсутствие в нем интеллектуальной инфраструктуры.

В принципиальном плане все это лишило мусульманское сообщество способности понимать, в каком направлении идет мировое развитие. В отсутствие интеллектуальной инфраструктуры маловероятно, чтобы одна лишь физическая инфраструктура смогла обеспечить улучшение социально-экономической ситуации в целом, какое необходимо для решения таких проблем, как терроризм. Примечательно, что в результате теракта 11 сентября 2001 г. Афганистан получил более 107 миллиардов долларов в качестве содействия. Почти такая же сумма была потрачена США на «план Маршалла», целью которого было восстановление опустошенной после Второй мировой войны Европы. Любое объективное сравнение результатов помощи в том и другом случае просто неуместно.

Кроме того, мировой экономический порядок, который складывался параллельно с развитием глобальной ситуации, направлен на подрыв национальных государств по всему миру, включая мусульманские, в первую очередь в тех случаях, когда национальное государство является слабым.

В совокупности вышеперечисленные факторы стали ограничивать выбор путей политического, экономического и социального развития исламских стран. В результате ряд из них сталкиваются с проблемой замедленного роста.

Другая сторона этого дела – в том, что некоторые из указанных выше проблем затронули мусульманские страны еще до появления терроризма. Таким образом, эти проблемы, в конечном счете, носят не ситуативный, а системный характер. Ситуация, усугубленная терроризмом, привела лишь к обострению этих системных проблем.

Взять, например, проблему демократии в мусульманском мире. Почти все мусульманские государства, которые возникли в результате процесса деколонизации, были либо монархиями, либо республиками. Эти монархии были реже конституционными и чаще абсолютными. И даже когда некоторые из них были свергнуты, как это произошло в Египте, Ливии, а затем в Афганистане, сменившие их режимы были столь же авторитарными по своей сути и внешним проявлениям, что и те, которые были свергнуты.

Некоторые республики мусульманского мира (например, Пакистан и Индонезия) после заигрывания с демократией перешли к военной диктатуре. Одной из причин этого стало ухудшение выполнения гражданскими и демократическими учреждениями своих обязанностей, а также огромный разрыв между ожиданиями и реальными результатами. Поэтому, когда такие диктаторы, как Гамаль Абдель Насер в Египте или Айюб-хан в Пакистане пришли к власти, народные массы их приветствовали.

Новая авторитарная система управления была во всех случаях структурирована вокруг вооруженных сил. С учетом того факта, что в мусульманском обществе вооруженные силы всегда пользовались исключительным авторитетом, ожидания от военных диктатур были также исключительно высоки. Они касались защиты национальных границ и освобождения братьев-мусульман в таких конфликтах, как в Палестине и Кашмире. От Насера подобные ожидания были особенно высоки на волне от национализации Суэцкого канала, который рассматривался одновременно как воплощение и символ империалистической хватки в отношении арабского мусульманского мира. Не было сомнений в том, что Насер приведет арабов к победе и над Израилем. Насер, однако, встретил свою судьбу в ходе арабо-израильской войны 1967 года. А падение Айюб-хана было обусловлено безвыходной ситуацией в индо-пакистанской войне 1965 года.

Две эти крупные военно-политические неудачи привели к осознанию того, что регулярные вооруженные силы мусульманских стран не обладают достаточным мастерством, чтобы одолеть грозного противника в обычной войне. Раскол Пакистана в результате индийского вторжения в Восточный Пакистан подкрепил это впечатление. В Египте в 1973 году Садат смог восстановить престиж вооруженных сил, однако то, что

в политическом плане итоги войны 1973 года материализовались в Кемп-Дэвидском соглашении, дало основания для предположения о том, что военная победа Египта была не столь убедительной.

Вследствие этих событий в политических и военных кругах некоторых мусульманских стран зародилась идея о том, что в условиях противостояния сильнейшему противнику нетрадиционная асимметричная война с участием негосударственных субъектов будет более успешной для достижения военно-политических целей, чем традиционное применение силы.

Кстати, как Советский Союз, так и западные державы в своих «опосредованных» войнах уже использовали негосударственные субъекты, следовательно, эта концепция была отнюдь не нова. Однако для того, чтобы превратить негосударственные субъекты в единую силу, поставок оружия и денег было недостаточно. Необходима была еще и идеологическая сплоченность. Этот элемент был восполнен политическим исламом и доктриной джихада.

В Афганистане негосударственные субъекты проявили себя достойно. Они также дали исламистским партиям основание утверждать об эффективности использования негосударственных структур и актуальности исламского джихада. Однако дальнейшие события показали, как глубоко они ошибались в своей оценке ситуации в Афганистане.

Вместе с тем, когда возникли другие социально-экономические проблемы, люди все больше стали прислушиваться к утверждениям исламистских партий в том, что без установления справедливого исламского порядка потенциал мусульманского общества не может быть полностью реализован и даже его победы могут превратиться в неудачи. Таким образом, с течением времени и по мере обострения проблем в социально-экономической сфере и в области безопасности в некоторых мусульманских странах та картина, которую рисовали исламисты, подрывала веру в легитимность существующего порядка.

В некоторых ключевых мусульманских странах в подобной ситуации, для которой характерны растущая слабость государственных структур, неспособность решать социально-экономические проблемы и усилившаяся политическая поляризация, негосударственные субъекты, будь они религиозными экстремистами, сектантскими элементами, террори-

стами или преступниками, вырвали инициативу у правительства. Вследствие этого непрекращающиеся кризисы в таких мусульманских странах стали неизбежны. Одним из таких кризисов, которые охватили мусульманские сообщество, было сектантство.

Стоит иметь в виду, что проблема сектантства играет ключевую роль в накоплении потенциала экстремизма, что, в свою очередь, порождает терроризм. Проблема сектантства уходит корнями в историю ислама. В последнее время она превратилась в опасную политическую «линию разлома», проходящую сквозь национальные границы в исламском мире.

В Сирии «секулярный социалистический» режим баасистов выстроен вокруг сектантского меньшинства алавитов. Репрессии, чинимые им в отношении суннитского большинства, подтолкнули Сирию к гражданской войне, в которую вовлечены не только региональные игроки, но и мировые державы.

Еще до того в Ираке так называемое секулярное и социалистическое баасистское руководство во главе с Саддамом Хусейном строилось на основе поддержки «суннитского треугольника», а его варварская жестокость по отношению к шиитскому большинству стала притчей во языцех. В целом же сектантские конфликты в исламском мире стали своего рода «опосредованной войной» между Ираном и Саудовской Аравией, которая вряд ли прекратится в обозримом будущем.

Подводя в этом вопросе итог, можно сказать, что распространению терроризма и превращению его в непрекращающееся явление способствовало множество факторов, но в основном это – политическая культура мусульманских стран, которой присущи сектанство, экстремизм, проповедь социально-политической исключительности и отсутствие неприятия насилия. Однако справедливости ради следует заметить, что за формирование такой культуры не стоит винить исключительно исламистские партии. Прежде всего, потому, что возникновению и развитию подобной политической культуры способствовали не только внутренние, но и региональные и международные факторы.

Несмотря на вышесказанное, исламистским партиям можно поставить в вину то, что они не сумели в достаточной мере отмежеваться от терроризма и безоговорочно отвергнуть его. Терроризм во всех его формах и проявлениях необходимо было и остается необходимым по сей день полностью делегити-

мизировать. По-настоящему, это давно пора сделать. Это поможет не только мусульманскому сообществу, но и улучшит политические перспективы исламистских партий.

Но произойдет ли это? Трудно сказать – в основном из-за двойственного отношения к проблеме терроризма в мусульманском сообществе. И, откровенно говоря, эта двойственность появилась в результате теракта 11 сентября – и не только среди исламистских партий, но и в правящих кругах мусульманских стран, несмотря на декларируемую ими позицию осуждения этой атаки.

Пожалуй, одной из причин этого является неправильное употребление термина «террорист». Режим апартеида Южной Африки объявил Африканский национальный конгресс (АНК) террористической организацией. Израильтяне постоянно используют этот термин в отношении палестинцев, которые хотят свободы. Диктаторы приравняли к террористам участников уличных протестов. Если раньше, во времена «холодной войны», диктатуры продлевали свое существование за счет «борьбы за свободный мир с коммунистической угрозой», то после теракта 9/11 диктаторские режимы, как правило, стали продлевать срок своего пребывания у власти и получать международное признание и легитимность за счет «борьбы за цивилизованный мир против угрозы терроризма».

К сожалению, реваншистские элементы в политике западных держав по проблеме терроризма и оппортунистическая позиция некоторых мусульманских стран по данному вопросу стали подрывать «моральную объективность» кампании по борьбе с терроризмом. Как минимум, это лишило ее политической и моральной чистоты. В результате терроризм рассматривается как конфликт «по линии разлома», а не разгул экстремизма, представляющий собой вызов политической системе и безопасности большинства мусульманских стран. В действительности же, несмотря на опровержения лидеров западного мира или исламских стран, проблема терроризма теперь рассматривается как часть «конфликта цивилизаций», каковой она совсем не является.

Происхождение теории «конфликта цивилизаций» можно проследить из описаний путешествий/литературы/истории и т.д., сделанных западными писателями в 18, 19 и начале 20 века, когда большинство мусульманских стран находились в колониальном подчинении. Неизвестно, служили ли работы этих во-

стоковедов другим целям или нет, однако они создали стереотип в восприятии «восточных народов», в частности мусульман.

Впоследствии, ближе к концу прошлого века, такие писатели, как Хантингтон, Хобсбон и Оливер Рой на основе указанных стереотипов разработали комплексную политическую концепцию. Эдвард Саид и другие писатели, такие как Хаурани, много писали о фактических и логических погрешностях применительно к данным стереотипам. Пакистанская писательница Шахин Кули-хан в своей работе «Ислам и викторианцы» даже предупреждала об «устойчивости данного стереотипа» и его возможных опасных последствиях для отношений между Западом и исламским миром. Можем добавить, что негативные последствия использования таких стереотипов станут еще более серьезными, как только станет известно, что консервативные и религиозные группы мусульманского мира изобрели ответные стереотипы применительно к Западу.

Стоит обратить внимание на то, что в настоящее время эти стереотипы вызвали фобии и политическую зашоренность, придающие отношениям между мусульманами и западным миром характер соперничества и вражды. Более того, такие фобии и политическая зашоренность приобретают характер самоисполняющегося пророчества. В определенной степени они также находятся в самом центре политики, строящейся «по линии разлома». Проблема такой политики в том, что она процветает на том, что разделяет, а не объединяется людей.

С исторической точки зрения, строящаяся по «линии разлома» политика в той или иной форме предшествовала возникновению терроризма и оказывала влияние на отношения между Западом и исламским миром начиная с 9 века. Как мы уже видели, «линии разлома» породили те самые мысли и чувства, которые превратили Средиземное море в разделительное пространство, а не связующее звено, а также подавляли все то, что было общим для ислама, христианства и иудаизма. Ситуация, сложившаяся вследствие восприятия истории через призму «линий разлома», была использована силами террора. Возможно, они даже добавили в эту историю одну-две главы, хотя, конечно, они не первые ее авторы.

Факторы, определяющие политику, которая строится на принципах «линий разлома», могут быть религиозно-общественными, сектантскими, племенными, этническими, языковыми или лю-

быми другими. Однако, независимо от воздействия различных факторов, влияющих на такую политику, она неизменно порождает экстремизм и терроризм. Это проявляется как по ходу действия, так и в качестве ответной реакции с той стороны, которая является объектом данной политики. Воздействие политических взглядов, в основу которых положена «линия разлома», на политические и социальные силы Запада также очевидно. Его прямым результатом стала исламофобия.

Двойная угроза – исходящая как от политики «линий разлома», так и от терроризма – размывает демократическую перспективу в мусульманском мире. За то, что сложилась такая ситуация, несут ответственность не только исламисты, но и все политические силы мусульманского мира, включая демократические.

В результате войны с террором в некоторых мусульманских странах все же была восстановлена демократия, которая считалась самой подходящей формой государственного управления в странах, полностью охваченных террором, таких как Афганистан и Ирак. Однако во всех этих случаях западная или американская поддержка не всегда оказывалась достаточно эффективной. В действительности она вызывала не только удивление, но и подрывала доверие к подобным демократическим порядкам, восстановленным путем американского или западного вмешательства во внутренние дела мусульманских стран, а также вызывала сомнения в их законности. Поэтому внутри данных стран такой демократический порядок сталкивался с проблемой политической легитимности.

Более того, в исламском мире сформировалось (и бытует в настоящее время) мнение о том, что поддержка демократии в мусульманских странах со стороны США и западных стран была частью их общей стратегии для продвижения своих собственных глобальных интересов, а вовсе не демократии. И где бы глобальные интересы этих держав ни входили в противоречие с продвижением демократии, последнюю отодвигали на задний план. К сожалению, примеры Алжира и Египта, а также исход «арабской весны», скорее, подкрепляли эту точку зрения.

Эти проблемы, подрывающие демократию в мусульманском мире, дополнительно усугубляются недостаточной эффективностью демократических правительств данных стран. В результате их вовлеченность в кампанию по борьбе с терро-

ризмом стала в большей степени обузой, чем преимуществом в борьбе с терроризмом.

Согласно одному из исследований, подобные и так называемые демократические силы сумели извлечь выгоду от роста терроризма. В обычных обстоятельствах низкая эффективность управления, осуществляемого такими демократическими силами, незамедлительно привела бы к их отторжению. Тем не менее, именно угроза терроризма помогает этим неэффективным правительствам в ряде мусульманских стран удерживаться у власти. Поэтому сомнительно, что слабые и коррумпированные лидеры некоторых так называемых демократий в мусульманском мире ощущают потребность или обладают способностью возглавить общество в этих странах в борьбе с терроризмом. Поэтому они склонны делегировать решение данной проблемы спецслужбам и вооруженным силам.

Что касается перспектив демократии в арабском мире, то ситуация там еще более сложная, а угроза терроризма используется в качестве предлога для поддержания статус-кво, выстраиваемого вокруг вооруженных сил. Более того, фактор угрозы терроризма способствовал полному крушению демократических сил.

Это, однако, не освобождает мусульманские страны от ответственности за решение проблемы терроризма. Вспомним, что общая политическая культура в мусульманском мире, за некоторым исключением, таким как Турция, внесла большой вклад в распространение терроризма. А за создание такой культуры несут равную ответственностью и исламистские партии, и демократические силы наряду с истеблишментом этих стран.

Я лично получил ужасающее представление о политической культуре мусульманской арабской страны несколько десятилетий назад, когда был назначен в пакистанское посольство в Дамаске. Вскоре после моего приезда арендодатель отвез меня на рынок овощей и фруктов на площади Марджех в центре Дамаска. Было довольно рано, около 6 утра, но шум и суета покупателей нарастали. Когда я посмотрел в центр площади, я увидел четыре тела с закрытыми капюшонами головами, повешенных на четырех столбах. На груди каждого из них был лист бумаги с текстом на арабском языке. Потрясенный, я попросил моего арендодателя перевести для меня то, что было там написано. Перевод на английский язык звучал так: «приго-

ворен к смертной казни за шпионаж в пользу сионистского врага, за совершение актов саботажа и терроризма, за угрозу жизни и правам сирийских и арабских братьев».

Были ли эти обвинения правдивыми, а приговор справедливым? Этот вопрос не пришел мне в голову. Однако меня поразило то, что столь кровавое зрелище никого не приводило в ужас, включая детей, а некоторых в толпе даже увлекало. И я не мог понять, вижу ли перед собой прошлое – Багдад под монгольской оккупацией или ответ на это со стороны салафитов, или же наблюдаю баасистский вариант «современного государства».

По сути дела, любая политика, в которой отсутствует моральное измерение – это не только упражнения в подавлении более сильным слабейшего, но и, в конечном итоге, контрпродуктивное занятие. В конце концов, мы живем в современную эпоху, а не в маккиавеллистском средневековье. Политике нужен некий кодекс поведения, который не предусматривает насилия в тех сферах, которые с этической точки зрения являются для народа чувствительными.

Как демократический светский строй, так и любой строй, основанный на исламе или, в сущности, на какой-либо другой религии, с этой точки зрения не отличаются друг от друга. Поэтому сколько-нибудь значительной несовместимости политического ислама с демократией не существует. Однако, как заметил Гегель, «Трагедия заключается не в конфликте правого и неправого, а между правым и правым».

Так что, если политический ислам и демократия не займут одну и ту же сторону, это будет трагедия.

Е.Е.Чулковская

СИТУАЦИЯ СО СВОБОДОЙ СЛОВА В ТУРЦИИ ПРИ ПРАВЛЕНИИ ПСР (2002–2014 гг.)

Приход к власти в 2002 г. происламистской Партии справедливости и развития (ПСР) ознаменовал собой новый этап в развитии современной Турции. «Новизна», предлагаемая ПСР, заключалась в постепенном изменении не только экономики и политики государства, но и его идеологии. В соответствии с идеей построить «Новую Турцию» ПСР стала предлагать различные инициативы и реформы, смысл которых заключался в коренных изменениях в устоявшейся системе страны, а также изменениях в самом турецком обществе.

За более чем десятилетие своего нахождения у власти ПСР удалось сделать немыслимое – отстранить военных от власти, запустить процесс урегулирования курдского вопроса в Турции и, самое главное, привить массам новое видение будущего страны – так называемой «Новой Турции», идеологическая составляющая которой базируется на синтезе ислама и переосмысления османского наследия.

Однако нововведения ПСР были радостно встречены далеко не всеми сегментами турецкого общества. Наиболее жесткая критика в адрес происламистского руководства раздавалась из уст СМИ, которые вместо популяризации в турецком обществе предлагаемых ПСР инициатив и реформ зачастую находили в них массу изъянов и незамедлительно информировали об этом общественность, что без восторга воспринималось руководством страны. Тем не менее первые пять лет своего правления ПСР не предпринимала каких-либо конкретных мер по отношению к «неугодным» СМИ. Ситуация изменилась в 2007 г.

Ужесточение политики ПСР по отношению к СМИ было связано с делом «Эргенекон». Согласно официальной позиции Анкары, «Эргенекон» – это тайная террористическая организация, целью которой являлось путем ряда провокаций свергнуть

правящий режим. Против тысячи журналистов были выдвинуты обвинения по делу «Эргенекон», по меньшей мере 43 журналиста были арестованы. В декабре 2011 г. число находящихся под арестом журналистов возросло: еще 38 человек были арестованы по обвинению в связях с Рабочей партией Курдистана (РПК) и пропаганде терроризма.[1]

В марте 2011 г. были арестованы два известных турецких журналиста Нэдим Шекер и Ахмет Шик, являющихся жесткими критиками ПСР и лично Р.Т.Эрдогана. Ахмет Шик провел независимое расследование дела «Эргенекон», за что в марте 2011 г. был приговорен к трем годам заключения. Как сказал сам Ахмет Шик, «в турецких тюрьмах свыше ста невиновных журналистов. Мы призываем к справедливости. В наших арестах виновато правительство Эрдогана». По мнению же Р.Т.Эрдогана, расследование по делу «Эргенекон», проведенное Ахметом Шиком, подобно бомбе. «Это преступление использовать бомбу, но это также является преступлением использовать материалы, из которых потом выходит бомба», – заявил Р.Т.Эрдоган.[2]

Освещение дела «Эргенекон» во многих ведущих турецких СМИ было отнюдь не в пользу властей, что, собственно говоря, и заставило руководство Турции ужесточить свою политику по отношению к СМИ. В 2007 году группа «Sabah ATV» была продана «Çalık Holdıng», руководителем которого являлся Берат Албайрак, зять в то время занимавшего должность премьер-министра, нынешнего президента Турции Р.Т.Эрдогана.[3] Изменения затронули саму суть газеты «Sabah»: из левоцентристской она превратилась в проэрдогановскую. Против крупнейшего медиа холдинга «Doğan Media Group», который является владельцем ряда ведущих турецких газет и телеканалов, были выдвинуты обвинения в сокрытии налогов. В феврале 2009 г. холдинг был вынужден продать две свои газеты «Milliyet» и «Vatan» после того, как государство потребовало выплатить штраф в размере более 3 млрд долл.[4]

Урегулирование курдского вопроса – другая проблема, за освещением которой в СМИ пристально следят турецкие власти. ПСР является первой в истории Турции правящей партией, которая выступила с инициативой решения курдского вопроса в стране. В конце 2012 г. правительство Р.Т.Эрдогана объявило о том, что оно ведет тайные переговоры с лидером признанной в Турции и ряде стран Запада террористической организацией Рабочей партии Курдистана (РПК) А.Оджаланом,

который более десяти лет отбывает пожизненное наказание в тюрьме на острове Имрала. Новость была встречена неоднозначно: общественное мнение разделилось на сторонников переговоров с РПК, полагающих, что мира с курдами можно достичь лишь путем взаимных уступок и прямых контактов с А.Оджаланом, и противников, утверждающих, что вести переговоры с террористами неуместно. В ведущих турецких СМИ мнения по поводу переговоров с РПК также разошлись. Критика в адрес политики ПСР на курдском направлении стоила работы многим турецким журналистам. В 2011 г. автор «Milliyet» и ведущая телеканала NTV Нурай Мерт в своей программе сравнила политику ПСР на Юго-Востоке Турции с массовыми убийствами, учиненными националистами 70 лет назад. Вскоре журналистка была уволена из газеты, а ее телевизионная передача закрыта.[5] В мае 2012 г. Али Акел, журналист турецкой проправительственной газеты «Yeni Şafak», также был уволен из-за того, что опубликовал статью, критикующую политику ПСР в курдском вопросе.[6]

31 августа 2012 г. премьер-министр Турции Р.Т. Эрдоган выступил с посланием для журналистов. Он призвал работников СМИ игнорировать конфликт с курдами на Юго-Востоке страны. «Что же делают СМИ?! Пропаганда – эта наиважнейшая цель всех террористов. В этой стране террористы получают возможность вести пропаганду совершенно бесплатно. На чьей же стороне СМИ?!», – задался вопросом Р.Т. Эрдоган.[7]

В марте 2013 г. разгорелся очередной медийный скандал: известный турецкий журналист, автор ряда книг по курдскому вопросу Хасан Джемаль был вынужден покинуть «Milliyet», т.к. газета отказалась публиковать его уникальные материалы о переговорах с отбывающим пожизненное заключение лидером РПК А.Оджаланом.[8]

Протестное движение лета 2013 г. в поддержку сохранения Парка Гези в исторической части Стамбула, вылившееся в скором времени в массовые протесты по всей стране против правящей ПСР, безусловно, не могло не отразиться на турецких СМИ. Согласно заявлению The Turkish Journalist Union, к концу июля 2013 г. порядка 59 журналистов лишились своих рабочих мест «за освещение событий, связанных с протестами вокруг Парка Гези».[9] Журналисты, работающие в известном турецком журнале «NTV Tarih», были уволены за подготовку специаль-

ного выпуска журнала, посвященного протестному движению за сохранение Парка Гези, а сам журнал был закрыт.[10]

В июле 2013 г. был уволен из проправительственной «Sabah Daily» журналист Явуз Байдар. Причиной увольнения стали две статьи журналиста, посвященные протестному движению за сохранение Парка Гези, в которых симпатии автора были вовсе не на стороне руководства страны.[11] Из-за критики в адрес руководства и выражения симпатий по отношению к протестующим также был уволен из «Milliyet» известный турецкий журналист Джан Дюндар. В своем блоге журналист написал, что «увольнение не стало сюрпризом для него ... Не я первый и не я последний».[12] За пару дней до увольнения Джана Дюндара новым главным редактором «Milliyet» был назначен Фикрет Била, сменивший на этом посту более либерального и менее сговорчивого Дерью Сазака.

Досталось также турецким журналистам, работающим в иностранных СМИ, уволить которых не так просто, нежели их коллег, работающих в турецких СМИ. Однако и в этом случае власти Турции нашли выход. Была развернута целая кампания против журналистки турецкой службы BBC Селин Гирит, которую обвинили в предательстве и даже шпионаже в пользу иностранного государства за «неверное» освещение протестов 2013 г. Схожая участь постигла корреспондента «Economist» Амберин Заман, которой премьер-министр Эрдоган строго приказал «знать свое место». Репортер «The New York Times» Джейлан Эгинсу была вынуждена покинуть Турцию ради своей личной безопасности, т.к. в адрес журналистки, обвиняемой властями в предательстве и шпионаже в пользу США, посыпался шквал угроз от сторонников ПСР.[13]

В декабре 2013 г. в Турции разгорелся крупный коррупционный скандал, в котором оказалось замешано ближайшее окружение премьер-министра Эрдогана. Против четырех министров – министра внутренних дел Муаммера Гюлера, министра по вопросам евроинтеграции Эгемена Багыша, министра экономики Зафера Чаглаяна и министра окружающей среды и градостроительства Эрдогана Байрактара были выдвинуты обвинения в коррупции и взяточничестве. Коррупционный скандал был связан с противостоянием премьер-министра Р.Т. Эрдогана и движения «Хизмет», возглавляемого влиятельным турецким богословом Фетхуллахом Гюленом, некогда являвшимся близким соратником Эрдогана. Несмотря на то, что Ф. Гюлен дол-

гое время проживает в добровольной ссылке в США, в Турции он пользуется широкой популярностью и имеет большое количество последователей. Среди турецких журналистов также немало сторонников его движения «Хизмет». Более того, движение имеет собственные СМИ – газету «Zaman» и ее англоязычную версию «Today's Zaman», а также телеканал «Samanyolu TV».

Коррупционный скандал да и в целом конфликт премьер-министра Р.Т.Эрдогана с движением Ф.Гюлена был по-разному освещен в турецких СМИ и зачастую отнюдь не в пользу руководства страны. Отметим, что еще до операции «Большая взятка», давшей старт коррупционному скандалу в Турции, в оппозиционной газете «Taraf» вышла статья журналиста Мехмета Барансу под названием «План покончить с Гюленом», в которой автор, ссылаясь на документ, принятый турецкой разведслужбой МИТ еще в 2004 г., говорил о планах турецких властей «очистить» государственные структуры от людей Ф. Гюлена.[14] Статья вызвала негодование руководства Турции: премьер-министр Р.Т.Эрдоган обвинил журналиста в «высшей государственной измене». Правда, Мехмет Барансу не был уволен, как в случае с известной турецкой журналисткой Назлы Ылыджак, которая была уволена из проэрдогановской газеты «Sabah» за критику в адрес властей. Журналистка призывала правительство Эрдогана подать в отставку из-за коррупционного скандала.[15]

14 декабря 2014 г. полиция Турции провела рейды в редакциях газеты «Zaman» и телеканала «Samanyolu TV», контролируемых движением "Хизмет" Ф.Гюлена. В ходе операции были задержаны 27 человек, среди них главный редактор газеты Экрем Думанлы, руководитель телеканала Хидайет Караджа и ряд других журналистов. Задержанным были предъявлены обвинения в "планировании государственного переворота". Следует отметить, что о планируемых полицейских рейдах было известно заблаговременно. 11 декабря в Twitter некий пользователь под именем Фуат Авни предупредил о готовящихся рейдах на редакции выше перечисленных СМИ.[16]

Тем не менее 19 декабря большая часть задержанных журналистов была освобождена, включая главного редактора «Zaman» Экрема Думанлы, который сразу после освобождения заявил, что "на вопрос прокурора о причине происходящего – идет ли речь о паре статей, которые мы опубликовали, и сюжете в выпуске новостей – ответ был утвердительным".[17]

Таким образом, начиная с 2007 г. (дело «Эргенекон») в Турции отчетливо прослеживается тенденция усиления «авторитарности» в политике государства по отношению к ведущим СМИ страны, о чем отчетливо свидетельствуют различные рейтинги: согласно данным доклада «Freedom House», Турция занимает третье место в рейтинге стран по количеству арестов журналистов, пропустив вперед только Китай и Иран.[18] Согласно Всемирному индексу свободы прессы за 2013–2014 гг., Турция разместилась на 154-м месте[19] – крайне низкий рейтинг для страны, официально заявляющей о своем намерении вступить в Европейский союз. Для сравнения: большинство государств ЕС находятся в начале списка (Нидерланды занимают 2-е место, Дания – 7-е, Эстония – 11-е, Чехия – 13-е, ФРГ – 14-е, Польша – 19-е и т.д.). Турция же находится в одном ряду с антидемократичным, по мнению Анкары, Египтом (159-е место), а также Ираком (153-е место) и Пакистаном (158-е место).[20]

Происламистское руководство Турции строит долгосрочные планы по переустройству страны (программы развития страны на 2023, 2051 и даже на 2073 г.). В планах ПСР «Новая Турция» предстает не европейской демократией, а «великой державой», влияние которой должно быть распространено не только на регион Ближнего Востока, но и на весь мир. Не случайно голос президента Р.Т.Эрдогана все чаще звучит на мировой арене – критика военного переворота в Египте, конфликт в секторе Газа и др. Время от времени достается от турецкого лидера и ООН. Эрдоган не перестает критиковать Совет Безопасности ООН «за его бездействие» в решении многих конфликтов современности и продолжает настаивать на необходимости расширения состава Совбеза в свете изменившегося расклада сил в мире.

В таких условиях, когда руководство страны избрало для себя вполне определенную стратегию, любое инакомыслие и критика, основывающаяся не на пустых высказываниях, а на фактическом материале, воспринимаются властями болезненно и, по мере возможности, «уничтожаются на корню». Представляется, что данная тенденция будет только усиливаться, а следовательно, в краткосрочной перспективе следует ожидать новых репрессий против неугодных журналистов и давления на оппозиционные СМИ, не разделяющие линию ПСР и критикующие политику правящей партии.

[1] Licursi E. P. The Ergenekon case and Turkey's democratic aspirations // https://freedomhouse.org/blog/ergenekon-case-and-turkey's-democratic-aspirations#.VIzohX9cH7Y

[2] Mehdi Hasan. In Turkey the right to free speech is being lost // http://www.theguardian.com/commentisfree/2012/jun/10/turkey-free-speech-erdogan-crackdown

[3] Nazlı Ilıcak. Sabah ATV satışı ve Çalık // http://www.sabah.com.tr/yazarlar/ilicak/2007/12/07/sabah-atv_satisi_ve_calik-berat-albayrak

[4] Dogan agrees to sell two turkish newspapers for $74 million // http://www.bloomberg.com/news/2011-04-20/dogan-agrees-to-sell-two-turkish-newspapers-for-74-million-1-.html

[5] Democracy in crisis: corruption, media and power in Turkey. A Freedom house special report. // http freedomhouse.org/report/special-reports/democracy-crisis-corruption-media-and-power-turkey#.VIbxeH_nOEc

[6] Mehdi Hasan. In Turkey the right to free speech is being lost // http://www.theguardian.com/commentisfree/2012/jun/10/turkey-free-speech-erdogan-crackdown

[7] Erdogan tells media not to cover Kurdish conflict //Committee to protect journalists // https://cpj.org/blog/2012/09/erdogan-tells-media-not-to-cover-kurdish-conf.php

[8] Daily Milliyet parts ways with prominent journalist Cemal after Imrali leaks debate // http://www.hurriyetdailynews.com/daily-milliyet-parts-ways-with-prominent-journalist-cemal-after-imrali-leaks-debate.aspx?pageID=238&nid=43236

[9] Democracy in crisis: corruption, media and power in Turkey. A Freedom house special report. // http freedomhouse.org/report/special-reports/democracy-crisis-corruption-media-and-power-turkey#.VIbxeH_nOEc

[10] Democracy in crisis: corruption, media and power in Turkey. A Freedom house special report. // http freedomhouse.org/report/special-reports/democracy-crisis-corruption-media-and-power-turkey#.VIbxeH_nOEc

[11] Journalist Yavuz Baydar fired from Sabah daily // http://www.todayszaman.com/latest-news_journalist-yavuz-baydar-fired-from-sabah-daily_321690.html

[12] Can Dundar dismissed from daily Milliyet for critical Gezi stance // http://www.hurriyetdailynews.com/can-dundar-dismissed-from-daily-milliyet-for-critical-gezi-stance.aspx?pageID=517&nID=51871&NewsCatID=339

[13] Media censorship in Turkey: less visible but more effective? // http://blogs.ft.com/the-a-list/2014/10/09/media-censorship-in-turkey-less-visible-but-more-effective/

[14] Mehmet Baransu. Gulen'i bitirme karari 2004'te MGK'da alindi // http://arsiv.taraf.com.tr/haber-gulen-i-bitirme-karari-2004-te-mgk-da-alindi-140671/

[15] Critical journalist Ilicak fired from pro-government daily Sabah // http://www.todayszaman.com/national_critical-journalist-ilicak-fired-from-pro-government-daily-sabah_334416.html

[16] 14 Aralik operasyonunda dizi ekibinden 4 kisi serbest // http://www.bbc.co.uk/turkce/haberler/2014/12/141215_operasyon_ifade_islemleri

[17] Турция: полиция зачищает медиа-пространство // http://ru.euronews.com/2014/12/19/turkey-issues-arrest-warrant-against-us-based-cleric-fethullah-gulen/

[18] Democracy in crisis: corruption, media and power in Turkey. A Freedom house special report. // http freedomhouse.org/report/special-reports/democracy-crisis-corruption-media-and-power-turkey#.VIbxeH_nOEc

[19] Репортеры без границ: Всемирный индекс свободы прессы 2013–2014 гг. // http://gtmarket.ru/news/2014/02/12/6605

[20] Репортеры без границ: Всемирный индекс свободы прессы 2013–2014 гг. // http://gtmarket.ru/news/2014/02/12/6605

Алек Д. Эпштейн

ОБЩИНА, ЛИШАЕМАЯ КОРНЕЙ: СОБРАНИЕ ЦЕТЛИНЫХ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РУССКО-ЕВРЕЙСКОЙ ДИАСПОРЫ В ИЗРАИЛЕ

14 ноября 2014 года в Израиле прошла необычная акция протеста. В еврейском государстве много кто митингует по многим поводам, но такого еще не было за всю историю страны: большая группа неравнодушных любителей искусства, в основном – люди средних лет, прибывшие в Израиль из СССР/СНГ в старшем школьном возрасте двадцать и более лет назад, собрались у Рамат-Ганского музея, чтобы выразить протест против намеченной продажи на аукционе Christie's шедевра, подаренного этому музею в 1959 году – и в тайне даже от хранительницы собрания выставленного на торги. Рамат-Ган – ближайший пригород Тель-Авива – один из самых успешных и богатых городов Израиля, на его территории находятся Национальный стадион, Алмазная биржа, Университет имени Бар-Илана, Академия дизайна, Академический колледж юриспруденции и бизнеса, сафари-парк и Медицинский центр Тель-ха-Шомер – крупнейшая больница в стране. Совершенно непонятно, почему один из самых богатых городов вполне экономически успешной страны, занимающей очень высокое девятнадцатое место в общемировом Индексе человеческого развития (Human Development Index), должен выставлять на торги работу выдающейся художественной ценности, в свое время полученную им в дар именно для того, чтобы она была доступной широкому кругу ценителей искусства. Теперь же ее решили продать с аукциона – и скорее всего, работа на долгие годы исчезнет в чьей-то скрытой от посторонних глаз частной коллекции.

Речь идет о «Портрете Марии Цетлиной» работы Валентина Серова (1865–1911), написанном в 1910 году во французском Биаррице. Международный директор русского отдела

аукционного дома Christie's Алексис де Тизенгаузен признается: «Эта работа – без сомнения – самое изысканное из произведений Серова, с которым я имел дело за все годы моей карьеры в Christie's. Элегантность и уравновешенность позирующей молодой женщины, перед которой невозможно устоять, отраженные в уникальной серебряной гамме Серова, воплощают мастерство крупнейшего российского портретиста на вершине своего творческого пути, за год до безвременной кончины»[1]. Безусловно, заслуживает упоминания тот факт, что в том же году В.А. Серов создал два своих самых, пожалуй, знаменитых портрета – коллекционера Ивана Абрамовича Морозова (1871–1921) и танцовщицы Иды Львовны Рубинштейн (1883–1960), ныне являющиеся украшениями собраний, соответственно, Третьяковской галереи и Русского музея. «В поздних портретах Серова стиль модерн в его русском варианте достигает своих вершин, – справедливо указывал выдающийся искусствовед Дмитрий Сарабьянов (1923–2013). – Можно даже сказать, что он исчерпывается в серовском совершенстве»[2]. Специалисты сразу же оценили и портрет Марии Цетлиной, впервые экспонировавшийся на ретроспективе В.А. Серова в Риме в последний год его жизни, а затем в Мальмё (в 1914 году), Брюсселе (в 1928 году), Лондоне и Праге (в 1935 году). Этот шедевр на протяжении пятидесяти пяти лет находился в Израиле. 24 ноября 2014 года израильская глава истории этого полотна была завершена совершенно скандальным и позорным образом.

I

Начать, пожалуй, следует не с выдающихся художественных достоинств произведения, а с уникальной личности человека, на портрете изображенного. Благодаря прежде всего многолетней подвижнической работе Шуламит Шалит, многие годы изучавшей произведения, переданные Марией Цетлиной в дар городу Рамат-Ган, об этой женщине и ее дружбе с деятелями культуры собраны, насколько было возможно, полные материалы[3].

Урожденная Мария Самойловна Тумаркина (1882–1976) с юных лет проявляла интерес не только к литературе и искусству, но и к политике и философии. Она состояла в партии

социалистов-революционеров (эсеров), и хотя после отъезда за границу в 1907 году от политической деятельности отошла, члены этой партии оставались для нее ближайшими друзьями всю жизнь. Была она не только очень красива, но и талантлива, и по свидетельству Василия Яновского, В.В. Розанов назвал ее «эсеровской мадонной»[4]. Мария Самойловна училась в Берне, где, кстати, с 1898 года преподавала ее тетя Анна-Эстер Тумаркина (1875–1951) – первая женщина-профессор философии и член Сената университета (ныне одна из улиц возле Бернского университета носит ее имя). В Берне учился и один из лидеров партии эсеров Николай Авксентьев (1878–1943), вместе с которым они вернулись в Россию после революционных событий 1905 года – и были арестованы. Шесть месяцев Мария Самойловна провела в Петропавловской крепости. Когда Н.Д. Авксентьева приговорили к ссылке в Обдорск, за Полярным кругом, его молодая жена последовала в ссылку за мужем. Оттуда молодым супругам удалось бежать и добраться до Финляндии, где родилась их дочь Александра (1907–1984). Вскоре, однако, брак распался, и в 1910 году Мария Самойловна сочеталась вторым браком с Михаилом Осиповичем Цетлиным.

Интересно, что по ее воспоминаниям, инициатива написания ее портрета исходила от самого В.А. Серова, который впервые увидел ее в обществе будущего второго мужа и его родителей в парижском ресторане «Prunier» на улице Duphot возле площади Мадлен. Легенда гласит, что у дверей «Prunier», открывшегося в 1872 году, останавливались самые красивые экипажи Парижа. Ресторан привлекал аристократию, известных и успешных деятелей культуры и предпринимателей, а после подписания франко-русского союза в 1892 году его завсегдатаями стали и состоятельные гости из России. К сожалению, побывать в месте, где В.А. Серов был впервые очарован М.С. Цетлиной, уже невозможно, несмотря на то, что ресторан с таким названием существует в Париже и поныне: сын его основателя, Эмиль Прюнье, которому он перешел по наследству, перенес его в другой район, на пересечение avenue Victor Hugo и rue de Traktir, где он находится с 1924 года – и до сих пор. Интересно, что в память о прошлом ресторана, в котором любили бывать русские аристократы, декоратор Жак Гранж оборудовал на первом этаже зал под названием Izba («Изба»). Стены этого помещения обшиты панелями из соснового дерева и украшены

позолотой. Изображенные на них корабли, осетры и морские волны напоминают о работах известного русского художника-символиста Ивана Билибина.

По воспоминаниям Марии Самойловны, зная о том, что Осип Сергеевич (его настоящее имя – Есель Шмеркович) Цетлин (1856–1933) был очень заинтересован в том, чтобы В.А. Серов написал групповой портрет его семьи, в 1906 году даже предложив художнику за это тройной гонорар, художник пошел на хитрость. «Прошло три или четыре года. … На этот раз Серов через метрдотеля попросил Цетлина переговорить с ним. Они подошли к свободному столику, и Серов, как потом уверял мой свёкор, якобы сказал:

– Помните, господин Цетлин, вы имели для меня очень хорошее дело? А теперь я для вас имею такое же хорошее дело: дайте мне возможность нарисовать портрет дамы, которая сидит с вами, а я нарисую портрет жены, сына и вас без всякой платы»[5].

Своего обещания В.А. Серов, однако, не сдержал: групповой портрет семьи Цетлиных им так и не был создан. Однако их новообретенную невестку он запечатлел, специально с этой целью приехав в середине октября 1910 года в Биарриц на юго-западе Франции на берегу Бискайского залива, где Мария и ее второй муж тогда жили. Над портретом художник работал на протяжении четырех – пяти недель, с перерывом на неделю, когда он поехал из Биаррица в Испанию, причем он работал даже утром в заранее назначенный день отъезда[6]. Хотя сам художник, уже сидя в вагоне поезда, сокрушался, что в портрете хорошо бы исправить отдельные детали, критикам работа эта сразу же понравилась. Так, Николай Эфрос (1867–1923) писал, что портрет этот «до того сильный, точно это не живопись, а скульптура. … Серов не только пишет лицо, – он разоблачает подноготную души»[7]. Александр Койранский (1884–1968) считал, что портрет – «вещь, превосходная по экономии художественных средств и внутреннему живописному спокойствию»[8]. После расставания с Цетлиными В.А. Серов прожил лишь год, и за этот год он отправил Марии двенадцать писем. «Родившегося вскоре после его смерти сына мы – в память о нем – назвали Валентином», – рассказала Мария Самойловна в письме, опубликованном Ильей Зильберштейном (1905–1988) в сборнике материалов о В.А. Серове в 1971 году[9]. Сложно сказать, было ли письмо Марии Самойловны опубликовано без

купюр; она, разумеется, не могла не знать, что своего первенца они с мужем назвали Валентин-Вольф (1912–2007), одновременно в честь художника Серова и деда М.О. Цетлина Вольфа Высоцкого[10].

За портрет В.А. Серов назначил высокую цену, которая была выплачена без разговоров. В семье была гармония по этому вопросу; Мария Самойловна указывала: «Моему мужу очень хотелось, чтоб мой портрет был написан Серовым»[11].

Михаил Осипович Цетлин был человеком исключительным. Борис Зайцев отмечал: «Нельзя было не ценить тонкого ума, несколько грустного, Михаила Осиповича – его вкуса художественного, преданности литературе, всегдашней его скромности, какой-то нервной застенчивости, стремления быть как бы в тени»[12]. Он приходился внуком Калонимусу-Вольфу Высоцкому (1824–1904), который основал известную чайную фирму («Чай Высоцкого»), до сих пор являющуюся ведущей в этой сфере в Израиле. В детстве он много болел и, будучи лишенным обычных мальчишеских радостей, проводил время за чтением и изучением иностранных языков. Как верно указал видный иерусалимский литературовед Владимир Хазан, «будучи с детства человеком не просто обеспеченным, но по-настоящему богатым, он тем не менее никогда не ставил материальное выше духовного и, сызмалу научившись ценить прекрасное в жизни и искусстве, искал упоения и воплощения своих мечтательных грез в стихах»[13]. С годами он стал литератором широкого профиля: публиковал и стихи, и переводы, и критические статьи, и книги по истории культуры. Но, как верно указывает Ш. Шалит, «совершенно особое место в русской культуре занимает его редакторская и издательская деятельность»[14]. Еще в 1915 году, находясь в эмиграции, М.О. Цетлин организовал в Москве издательство «Зерна», где вышли книги М.А. Волошина и И.Г. Эренбурга, а также его собственный сборник стихов «Глухие слова», посвященный Марии Самойловне. В Париже в журнале «Современные записки» он с 1926 года редактировал отдел поэзии, много помогал молодым поэтам. Кроме этого, супруги Цетлины выпустили в 1923 году три номера литературного альманаха «Окно», в которых были впервые опубликованы многие произведения И.А. Бунина, А.И. Куприна, А.М. Ремизова, И.С. Шмелева, Д.С. Мережковского, З.Н. Гиппиус, К.Д. Бальмонта, М.И. Цветаевой, Н.А. Тэффи и других литераторов первого ряда русской эмиграции[15]. Докладом М.О. Цетлина «О ли-

тературной критике» открылась 5 февраля 1927 г. деятельность «Зеленой лампы» – литературно-философского общества, возникшего по инициативе Дмитрия Мережковского и Зинаиды Гиппиус и сыгравшего значительную роль в духовной жизни русской эмиграции первой волны. В Нью-Йорке именно супруги Цетлины стояли у истоков «Нового журнала». К настоящему времени вышло уже 276 номеров этого издания, на сайте которого указано: «Новый Журнал» был основан в 1942 году известными писателями Марком Алдановым и Михаилом Цетлиным (поэт Амари) при участии Ивана Бунина. Вокруг журнала была сосредоточена вся культурная жизнь русской эмиграции». Так и было. М.О. Цетлин успел выпустить десять первых номеров; материалы из одиннадцатой книжки читал уже будучи смертельно больным. Марк Алданов написал: «Он прочел триста девяносто страниц из четырехсот... Она была готова ко дню его кончины. Журнал добавляет лишь некролог своего основателя»[16]. «Когда в 1945 году Михаил Осипович скончался, Мария Самойловна продолжала начатое им дело издания свободного русского “толстого” журнала, отдавая этому много сил, средств и времени, – добавлял Роман Гуль. – Мария Самойловна оставалась издателем до тех пор, пока фордовский фонд материально не пришел журналу на помощь»[17]. Василий Яновский вспоминал, что «после выхода в свет очередной книжки журнала Марья Самойловна Цетлина приглашала к себе от имени редакции всех сотрудников для обсуждения изданного номера»[18].

Главное же, что всю жизнь делали Цетлины для деятелей культуры – они в прямом смысле слова кормили их. «В зиму 1917/18 года в Москве Цетлины собирали у себя поэтов, кормили, поили; время было трудное, и приходили все – от Вячеслава Иванова до Маяковского», – вспоминал десятилетия спустя Илья Эренбург[19]. В 1918 году Цетлины потеряли свой московский дом в Трубниковском переулке, но и в эмиграции продолжали поддерживать русскую культуру и ее творцов. Марк Алданов (урожденный Ландау, 1886–1957) и его будущая жена эвакуировались из Константинополя в апреле 1919 года именно на корабле, который арендовали супруги Цетлины. На том же катере спасались, кстати, Наталья Крандиевская-Толстая и Алексей Толстой[20], впоследствии отплативший Цетлиным злом и едким сарказмом за всё их доброе к нему отношение и помощь.

Уже оказавшись в Париже (где они поселились в собственной квартире в доме 118 на rue de la Faisanderie и жили до 1925 года), Цетлины выслали деньги и полученную специально для него визу в Париж Ивану Бунину, бедствовавшему тогда в Белграде, о чем великий писатель и будущий Нобелевский лауреат с благодарностью вспоминал всю жизнь[21]. В годы эмиграции в парижской квартире Цетлиных (в 1927 году они переехали в дом 59 на rue Nicolo[22], позднее там же с ними жили и родители Михаила Осиповича) перебывал цвет русской художественной интеллигенции того времени[23], и тот же Алексей Толстой, равно как и Бальмонт, Гиппиус, Ходасевич и Бунин, читали там свои новые произведения[24]. Среди художников близкими друзьями Цетлиных были Наталья Гончарова (1881–1962) и Михаил Ларионов (1881–1964). Н. Гончарова оформляла книгу М. Цетлина «Прозрачные тени. Образы». Михаил Осипович, в свою очередь, посвятил обоим стихи[25].

Цетлины знали многих обитателей парижского «La Ruche» – «Улья», ставшего домом для многих художников будущей «Парижской школы». Михаил Осипович и Мария Самойловна покупали картины у постоянно нуждавшихся художников. В частности, они приобрели четыре картины Маревны (Марии Воробьевой-Стебельской): «Две фигуры» и «Пейзаж» – на одном полотне (она была так бедна, что иногда писала на двух сторонах холста), а также «Девушка под зонтиком» и «Кавказский танец» (или «Лезгинка»)[26].

В сентябре 1940 года Цетлины вынуждены были покинуть Францию, перебравшись вначале в столицу Португалии Лиссабон, а год спустя – в США. Мария Самойловна и после смерти мужа, которого она пережила на тридцать один год, играла большую роль в жизни эмигрантских благотворительных организаций: принимала активное участие в Политическом Красном Кресте, была членом правления Литературного фонда, потратив на благотворительность и на помощь друзьям большую часть своего когда-то значительного состояния. По свидетельству многолетнего литературного секретаря И.А. Бунина Андрея Седых (урожденный Яков Моисеевич Цвибак, 1902–1994), «личные ее потребности были очень невелики – у нее на всю жизнь сохранилась психология скромной бернской студентки»[27]. Вообще говоря, отец Марии, Самуил Григорьевич Тумаркин (1844–1922), был известным московским ювелиром и человеком состоятельным, но ни он, ни его дочь никогда не имели

привычек нуворишей. Они жили, помогая другим, десятилетиями поддерживая деятелей культуры во времена, когда пушки говорили так громко, что казалось само собой разумеющимся, что «не до муз». Они, к счастью, всегда рассуждали иначе. В отличие от большинства эмигрантов еврейского происхождения, вернувшихся в Европу после победы над нацизмом, Мария Самойловна навсегда осталась в США, побывав в Париже еще пять раз (в 1946, 1949, 1953, 1956 и 1961 годах[28]), но каждый раз возвращаясь обратно в новый свет.

II

В многотомной антологии «Евреи в культуре русского зарубежья», выпускаемой трудами неутомимого М.А. Пархомовского и его соратников с 1992 года, об этих людях опубликованы обстоятельные статьи и подборки документов, а сам серовский портрет Марии Цетлиной был помещен на обложке выпущенного в 1993 году второго тома. Это важно прежде всего потому, что возвращает эту семью в то бикультурное идентификационное пространство, в котором этим людям и памяти о них естественнее всего находиться. В огромной литературе о первой русской эмиграции факт иного этнического происхождения и/или вероисповедания тех или иных деятелей культуры практически всегда обходится молчанием, а в не менее обширной литературе о российском еврействе оно существовало почти исключительно как народ за железным занавесом, в большей или меньшей степени ассимилировавший (или, напротив, «сохранивший факел веры отцов») и в большей или меньшей степени стремящийся связать свою судьбу с Государством Израиль.

Реализация проекта воссоздания еврейской государственности и ее древнего национального языка шла путем отказа от любого иного культурного и лингвистического наследия, в том числе русского. Цетлины уезжали из России не из-за антиеврейских погромов, а из-за победы большевистской революции и начала красного террора. Большевикам в еврейской общине подмандатной Палестины, а тем более в Государстве Израиль после провозглашения им в 1948 году своей независимости в целом не особенно симпатизировали, но эти проблемы воспринимались как чужие. Героями были люди, сделавшие выбор в пользу Палестины. Тогда же, когда из Одессы уехали Цетлины,

в апреле 1919 года ее покинул и их товарищ по партии социалистов-революционеров Пинхас Рутенберг (1879–1942). В конце 1919 года он иммигрировал в Палестину/Эрец-Исраэль, где стал одним из организаторов отрядов еврейской самообороны, инициатором создания существующей до сих пор Электрической компании, членом Национального совета (своего рода протоправительства «государства в пути»), а в последние годы жизни – даже его председателем[29].

Выбор, сделанный П. Рутенбергом, считался в Израиле единственно верным с национальной точки зрения. Издание русскоязычных литературных журналов и помощь не сионистскому проекту, а русским писателям и художникам считались чуть ли не предательством национальных идеалов. Сашу Черного (настоящее имя – Александр Гликберг, 1880–1932) и Марка Алданова в еврейской общине Палестины/Эрец-Исраэль, а позднее в Израиле, тоже не считали своими. Примером для всех русских писателей еврейского происхождения должен был стать Владимир Жаботинский (1880–1940), которого, например, Нина Берберова охарактеризовала как «одного из умнейших людей, каких она знала»: «Я часто буквально пила его речь, живую, острую, яркую, своеобразную, как и его мысль»[30]. Но вместо того, чтобы быть русским писателем, В.Е. Жаботинский стал одним из ключевых идеологов сионизма и лидером целого ряда национальных структур, истово боровшихся за скорейшее появление на карте мира еврейского государства. Проблема была, конечно, не в Цетлиных, проблема была в том репертуаре социально-культурных идентификаций и родов деятельности, считавшихся в Израиле «допустимыми» для евреев в годы борьбы за государство – борьбы, застилавшей собой весь национальный горизонт.

«Михаил Осипович был русским писателем и во многом человеком русской культуры», – писала их с Марией дочь Ангелина, и с этим не спорит никто. Однако не менее важно продолжение ее тезиса: «Одновременно он всю жизнь оставался верен еврейскому народу. Он это ясно выразил в стихах в сборнике “Глухие слова”»:

С одним народом я скорблю,
С ним связан я кровью.
Другой безнадежно люблю
Ненужной любовью»[31].

Эти строки были опубликованы в 1916 году, но оставались верными на всем протяжении жизни как Михаила Осиповича, так и Марии Самойловны. Брак их, заключенный в 1910 году, был оформлен во Франции в городе Байоне, причем не только в мэрии, но и в синагоге[32]. Аналогичным образом, их дочь Ангелина с Полем Кривицким в 1937 году прошли обряд бракосочетания в мэрии и в парижской синагоге на улице Монтевидео[33]. Цетлиным удалось пережить годы Холокоста в новой эмиграции (в это время их библиотека и архив в квартире на rue Nicolo были разгромлены нацистами[34]), но отец Поля, Роман Кривицкий, был в 1943 году схвачен Гестапо и погиб в концлагере[35]. О преследованиях, которым подвергались евреи, они помнили всегда, считая необходимым напоминать об этом тем, кто знать об этом не хотел. В 1958 году Мария Самойловна писала Е.А. Извольской (1896–1975), предложившей к печати в поддерживаемый ею журнал «Опыты» апологетическую работу о последнем русском царе и его «идиллическом отношении к людям»: «Николай II был членом (и даже, говорили, председателем) “Союза русского народа”, который организовывал еврейские погромы. Мне *душевно и нравственно невозможно* как издательнице “Опытов” помещение статьи об их идиллическом отношении к людям»[36]. Обсуждение личности Николая II, его отношения к евреям и оправданности претензий к нему со стороны Марии Самойловны, очевидно, не входят в круг тем, которые могут быть раскрыты в рамках этой статьи. Принципиальное значение имеет то, насколько важно было для нее не пройти мимо восхваления того, кого она считала виновным в антиеврейских преследованиях. Служение супругов Цетлиных русской литературе не шло за счет их отрешения от еврейства, в своей жизни они реализовали модель бикультурного космополитизма, и где бы они ни жили, оставались русско-еврейскими европейцами.

Важно отметить, что хотя ни сами супруги Цетлины, ни их родители или дети никогда не жили в Палестине/Израиле, еврейское государство отнюдь не было им чуждым, занимая определенную роль в их жизни еще до его создания. Осип Самойлович, по словам его внучки, «поощрял сионизм, купил в Палестине оранжерею, где основали киббуц»[37]. После смерти Михаила Осиповича Мария Самойловна передала его коллекцию книг университетской библиотеке в Иерусалиме. В 1959 году она подарила городу Рамат-Ган свою художественную коллекцию.

Предшествовало этому письмо, написанное на русском языке и направленное 25 января 1959 года Авраамом Криници (1886–1969), являвшимся на протяжении более чем сорока лет мэром Рамат-Гана, Марии Самойловне, в котором он писал, что в городе начинается строительство музея, в котором ее коллекция займет отдельный павильон, коему будет присвоено имя Михаила Осиповича Цетлина. А. Криници оставался мэром Рамат-Гана еще десять лет, до самой своей смерти, но обещание, данное им М.С. Цетлиной, он не сдержал.

Известный театральный и художественный критик Хаим Гамзу (1910–1982) – основатель театральной школы «Бейт Цви» в Рамат-Гане и многолетний директор Тель-Авивского художественного музея, в свое время писал: «Собрание картин, только что полученных муниципалитетом Рамат-Гана в дар от госпожи Цетлиной из Нью-Йорка, состоит в основном из произведений русских художников, близких к журналу «Мир искусства», выходившему под редакцией и под художественным руководством Сергея Дягилева и Александра Бенуа. В этом собрании имеются работы Леона Бакста, Александра Бенуа, Мстислава Добужинского, Натальи Гончаровой и Михаила Ларионова, Филиппа Малявина, Александра Яковлева, Савелия Сорина, Дмитрия Стеллецкого, Сергея Чехонина и великого русского портретиста Валентина Серова. Судя по коллекции, некоторые из художников просто бывали в доме дарительницы, с иными ее связывали, видимо, и дружеские отношения. Среди картин много портретов самой Цетлиной и членов ее семьи. Другая часть коллекции – эскизы к театральным постановкам – в этой области специализировались художники объединения «Мир искусства». Кроме того, в собрании имеются четыре офорта Рембрандта, четыре – Фрагонара, две акварели Константена Гиса, рисунок Марке, два рисунка известного мексиканского художника Диего Ривьеры, приятный натюрморт Серузье, ученика Поля Гогена»[38].

Нет сомнения, что речь шла о неординарной коллекции, собранной семьей, жившей среди культурной элиты русского и русско-еврейского происхождения на берегах Сены и Гудзона. Исследование этого феномена имеет очевидное значение для понимания судеб еврейской диаспоры, и художественная коллекция, собранная Михаилом Осиповичем и Марией Самойловной Цетлиными, могла и должна была стать духовной платформой такого изучения. Дела обстояли, однако, совершенно иным образом.

На протяжении первых семи лет, с 1959 по 1966 годы, собрание живописи и графики хранилось на складе удобрений и инструментов в рамат-ганском национальном парке! Когда в 1966 году Моше Гурари, назначенный Марией Самойловной своим представителем по вопросам, касающимся судьбы коллекции, впервые получил возможность увидеть работы, то был шокирован их состоянием. Часть работ помялась, часть листов была надорвана, часть покрылась плесенью. Муниципалитет Рамат-Гана отказался оплачивать услуги реставратора, и Мария Самойловна, за семь лет до этого подарившая эти работы Израилю, вынужденно согласилась платить за то, чтобы эти произведения искусства в принципе не погибли. Хаим Мелер, реставратор из Тель-Авивского музея, пришел к выводу, что всего была повреждена 61 работа, из коих состояние четырнадцати более не позволяло выставлять их в музейном пространстве[39].

В цитировавшемся выше содержательном очерке, впервые опубликованном в 1995 году, Ш. Шалит писала: «Ни Рембрандта, ни Фрагонара, ни Гиса в коллекции сегодня нет: все они находились на стенде с раздвижными стеклами и были похищены; скорее всего, без особого труда»[40]. За десятилетие до этого, 16 апреля 1984 года, в одной из ведущих израильских газет появилась большая статья, в которой, в частности, говорилось: «Отношение рамат-ганского муниципалитета к собранию Цетлиных, на протяжении долгих лет прозябающему в провинциальном помещении, – ничто иное, как левантийское издевательство над понятием “культура”, обман дарителей и обкрадывание общественности»[41].

Судя по этой публикации, около двадцати работ, в том числе четыре гравюры Рембрандта (подписанные самим великим голландцем), четыре гравюры французского художника Фрагонара и два наброска мексиканца Диего Риверы, были украдены. В этой статье называлось общее число сохранившихся в собрании работ – 75, при этом указывалось, что часть из них пришла в негодность из-за совершенно неудовлетворительных условий хранения на протяжении многих лет. Работы из коллекции забирали себе для украшения офисов и мэр города Рамат-Ган, и директор городской библиотеки… Профессор Тель-Авивского университета Арье Глоберзон, описывая судьбу этой коллекции в Рамат-Гане, возмущался «вандализмом, который трудно описать словами»[42].

После того, как в октябре 1978 года были вскрыты факты пропажи работ, служащий Рамат-Ганского муниципалитета поставил на выставленные произведения графики и эскизы печати с лицевой (!) стороны листов, что, по его разумению, должно было отвадить потенциальных воров, которые, таким образом, не смогли бы продать украденные работы; чиновник также расписался поверх печати на каждой работе, порой поверх подписи их авторов! Нигде в мире таким диким образом бороться с воровством не пришло в голову никому, ибо поставленные печати разрушали то художественное впечатление, которое должно было сформироваться от созерцания произведений искусства.

Не менее дико было и то, что когда мэрия Рамат-Гана заявила в полицию о произошедшей краже работ со стенда с раздвижными стеклами, следователям был отдан единственный рукописный экземпляр каталога собрания. Полиция воров не нашла и закрыла дело, после чего все собранные в ходе расследования материалы были сданы в макулатуру, включая каталог коллекции, который не был возвращен ни в мэрию Рамат-Гана, ни в городскую библиотеку, где в то время экспонировались работы. В результате сложилась ситуация, при которой никакой описи собрания более не существовало в принципе. Работавшая в Рамат-Ганской библиотеке Шуламит Шалит начала составлять каталог коллекции, не имея никаких данных о том, кем и когда были созданы картины, которые ей было поручено описать в свободное от основных обязанностей время. Под картинами не было никаких табличек, для публики не было издано никакого информационно-справочного материала о выставленных произведениях. Коллекция также не была застрахована. «Стыдно, что такое происходило в нашем городе, – говорил тридцать лет назад вице-мэр Рамат-Гана Ханан Розен, отвечавший за сферу культуры. – И множить этот стыд мы больше не будем»[43]. К сожалению, слова и дела не шли рука об руку. Понимая, что в общедоступной библиотеке, где нет ни охраны, ни камер слежения, обеспечить сохранность коллекции невозможно, в начале 1990-х годов ее просто убрали в запасник, и лишь отдельные работы экспонировались на временных выставках в других израильских музеях.

Однако дело всё же, пусть и чрезвычайно медленно, но двигалось, и 20 июня 1996 года состоялось открытие музея в отдельном здании, выстроенном по проекту архитектора

Нахума Золотова (1926–2014). Рамат-Ганский музей русского искусства им. Михаила и Марии Цетлиных, однако, делит это здание с другим музеем, посвященным искусству Китая, Японии и других стран Дальнего Востока (который возник аналогичным образом, вследствие щедрого дара, полученного мэрией от Иехиэля Нахари после его кончины в 1962 году, который на протяжении десятилетий хранился в совершенно неподходящих условиях). Всего в здании четыре зала: два из них полностью посвящены азиатскому искусству, в третьем выставляются временные экспозиции, а в четвертом экспонируются отдельные произведения из коллекции Цетлиных (в настоящий момент в музее можно увидеть только пятнадцать произведений[44]). Заслуживает упоминания тот факт, что летом 2003 года работы из этой уникальной коллекции, включая серовский «Портрет Марии Цетлиной», были представлены в Третьяковской галерее, что само по себе свидетельствует об их значении для истории культуры и высоком художественном уровне[45]. Несмотря на это, большая часть собрания Цетлиных в Рамат-Гане продолжает пылиться на складе, в котором не обеспечены никакие условия с точки зрения контроля температуры и влажности[46], а в штате музея работает лишь один профессиональный сотрудник – искусствовед Алиса Войскун. Часть картин пропала или погибла, но о сознательной продаже полученных в дар работ речь прежде никогда не шла, это казалось немыслимым. Однако осенью 2014 года стало ясно, что немыслимым это казалось зря.

III

Увидев пресс-релиз Christie's, автор был чрезвычайно расстроен и удивлен – и сразу же позвонил в Рамат-Ганский музей русского искусства. В музее с автором отказались обсуждать факт продажи его самой известной картины, посоветовав обратиться в мэрию. В ответ на посланный по этому поводу запрос заместитель мэра города Рамат-Ган Муки (Моше) Абрамович через пресс-службу муниципалитета сообщил следующее:

«Коллекция, подаренная семьей Цетлиных, включает 53 работы, из них 5 произведений художника Серова, в т.ч. три портрета. Продажа портрета Марии Цетлиной, по мнению экспертов в области живописи, с которыми мы консультировались,

не нарушит в значительной мере целостность и качество собрания. В течение многих лет картины находились на складах в условиях, угрожающих их существованию, в т.ч. на складе химических препаратов в Национальном парке, где не соблюдался режим температуры и влажности, необходимый для обеспечения сохранности произведений искусства. В результате неправильного хранения работ на протяжении тех лет, в ходе которых коллекция находится в Рамат-Гане, картины оставались почти неизвестными публике и лежали как груда камней в условиях, о которых упоминалось выше.

Законность продажи была проверена и утверждена юридическим советником муниципалитета, и в ней нет нарушения договора с г-жой Цетлин. Деньги, которые будут получены от продажи картины (если она будет продана), будут полностью потрачены на строительство новых отсеков здания городского музея, что позволит достойно и адекватно выставить собрание и достойно представить его широкой публике, гарантируя целостность и сохранность собрания. Мы не согласны с Вашим утверждением о “резко негативных последствиях [планируемой продажи] на многих потенциальных филантропов” – напротив, строительство достойного здания для хранения и экспонирования произведений искусства, открытого для посещения, может побудить филантропов подарить работы, находящиеся в их владении, на благо широкой публики.

Как указывалось выше, продажа осуществляется в соответствии с законодательством, и Министерство внутренних дел получило заключение юридического советника муниципалитета.

Мы предполагаем, что если Вы знаете о продаже картины, об этом тем более известно уважаемым учреждениям в сфере культуры и искусства, и мы будем рады, если они примут участие в аукционе»[47].

Этот ответ вице-мэра города Рамат-Ган представляется по меньшей мере странным по ряду причин.

Во-первых, в опубликованной в 1984 году статье было названо общее число работ коллекции Цетлиных, переживших все кражи и потрясения, – 75 (из 95, подаренных за четверть века до этого). Фраза нынешнего заместителя мэра города о том, что «коллекция, подаренная семьей Цетлиных, включает 53 работы», свидетельствует, что за тридцать прошедших с тех пор лет исчезли еще 22 произведения, при том, что с тех пор никто ни о каких новых кражах не заявлял. Получается, что

к настоящему времени коллекция Цетлиных сократилась почти вдвое! После продажи портрета работы В.А. Серова в коллекции останется 52 произведения – из 95, подаренных Марией Самойловной! Никакого объяснения тому факту, почему коллекция столь чудовищным образом сократилась, никем дано не было, особенно учитывая тот факт, что в Отчете внутреннего контролера мэрии г. Рамат-Ган за 2011 год было указано, что собрание включает 87 произведений живописи, графики и театрально-декорационного искусства, из коих только два поступили не от Марии Цетлиной[48].

Во-вторых, как указывалось выше, до середины 1990-х годов большая часть работ из коллекции Цетлиных экспонировалась в фойе Центральной библиотеки Рамат-Гана, а затем было выстроено отдельное здание. Однако вопрос, экспонировать ли коллекцию или устраивать временные выставки (а самый большой из четырех залов Музея сейчас отдан именно под эти цели) – вопрос выбора, сколько зданий ни построй, их все можно занять сменяющимися экспозициями, которые в этом музее порой, кстати, весьма интересны. Однако никаких планов строительства нового здания для музея мэрией представлено не было, не названо ни имя архитектора, ни дата объявления архитектурно-проектного конкурса, не были озвучены какие-либо оценки стоимости тех или иных инженерно-строительных работ и т.д. Поэтому разговор о строительстве нового здания для экспонирования коллекции Цетлиных многими расценивается как предлог, оправдывающий продажу серовского шедевра, и не вызывает никакого доверия, особенно учитывая, что куратор собрания Алиса Войскун вообще не была поставлена в известность о грядущей продаже этого шедевра: решение было принято без ее ведома[49].

В-третьих, важно упомянуть, что Мария Самойловна подарила свою коллекцию целиком, стремясь спасти ее от распыления и продажи. «Создание музея стало возможным благодаря твердой решимости Марии Самойловны Цетлиной сохранить принадлежавшие ей картины как единое целое. Не продавать коллекцию, не распылять ее, более того, даже не делить ее между наследниками – любимыми детьми. Этот шаг был самым трудным. Перед тем, как привезти картины в Израиль, Мария Самойловна получила согласие на это каждого из них – Александры, Валентина и Ангелины», – указывала Ш. Шалит[50]. Портрет работы В.А. Серова являлся очевидной жемчужиной

коллекции, самой ценной из находящихся в ней работ. В коллекции находятся портреты Марии Самойловны, созданные Александром Яковлевым (1887–1938), Дмитрием Стеллецким (1875–1947), Леоном Бакстом (1866–1924), Филиппом Малявиным (1869–1940) и другими живописцами. Утверждение, что в коллекции есть пять работ В.А. Серова, в том числе три портрета – это правда лишь отчасти. Портрет Анны Васильевны Цетлиной, матери Михаила Осиповича Цетлина – нарисован углем и гуашью. Обнаженная натурщица, сидящая на стуле, выполнена в технике сангины. Углем на картоне создан портрет Веры Фигнер. Второй портрет Марии Самойловны выполнен карандашом.

Отданный на торги Christie's портрет – единственная в коллекции серовская работа, выполненная темперой и маслом, бесспорная жемчужина всего собрания, в котором нет никаких «аналогичных» работ, если у уникальных шедевров вообще могут быть аналоги. Неизвестно, к мнению каких экспертов в области живописи прислушивались в Рамат-Ганском муниципалитете, на заданный им прямой вопрос об этом ответа получено не было[51], но выставленная на аукцион картина – безусловно центральное и наиболее известное произведение собрания, одна из всего двух работ, помещенных на странице музея на городском портале.

Лиза Розовская, инициировавшая протестную акцию в музее, прошедшую 14 ноября, справедливо назвала это полотно «Мона Лиза из Рамат-Гана»[52]. Вместе со своими единомышленниками Лиза Розовская также обратилась к опекуну государственным имуществом и государственному контролеру с требованием проверить законность процесса принятия решений, приведшего к выставлению картины на продажу, однако эти инстанции фактически самоустранились от данного вопроса, не предприняв до назначенной даты торгов никаких мер.

В правовой плоскости проблема, как оказалось при внимательном рассмотрении, имеет три измерения.

Во-первых, доверчивая Мария Самойловна не заключила с мэрией Рамат-Гана никакого обязывающего документа, и по мнению юристов мэрии, власти совершенно свободны решать, что делать с произведениями искусства, переданными в дар городу и его жителям. Иными словами, если захочет, мэрия может продать не только портрет работы В.А. Серова, но и

хоть всю коллекцию целиком. При этом вице-мэр города убежден, что продавая движимое имущество, муниципалитет не нуждается в разрешении депутатов городского совета – достаточно решения мэра и городской администрации. Протоколы процесса принятия решений по этому вопросу городской администрацией при этом обнародованы не были, а в ответ на прямой вопрос Лизы Розовской Муки Абрамович отказался предоставить эти документы. Между ними произошел следующий диалог, не нуждающийся в комментариях:

– *Можно увидеть решение городской администрации?*

– Это невозможно.

– *Почему?*

– Потому что решения правления не являются прозрачными. Юридический советник написал заключение и подтвердил, что решение законное.

– *Значит, вы, в сущности, говорите – есть решение, все прозрачно, а потом говорите, что увидеть это решение нельзя.*

– Нет. Решения правления непрозрачны. Все решения горсовета мы публикуем в интернете.

– *Но это не решение горсовета.*

– Оно не должно проходить через горсовет. Мэр уполномочен принимать такие решения[53].

Во-вторых, в Израиле не существует закона, запрещающего вывозить произведения живописи. Как объяснила владелица одной из тель-авивских галерей Натали Нешер-Аман, имеющая большой опыт работы с покупателями живописи из разных государств, «во многих странах, например, в Италии или в России, существует жесткое законодательство. Из России нельзя вывезти ни одно произведение искусства старше ста лет. Неважно, какое оно, это считается национальным достоянием. В Италии закон запрещает вывоз практически всего. Во Франции достаточно жесткие законы. В Израиле не существует закона, который запрещает вывоз произведений искусства, кроме еврейских манускриптов и печатных книг старше трехсот лет, а также археологических находок, обнаруженных после 1971 года»[54].

В-третьих, отнюдь не все израильские музеи имеют статус «признанных» (на иврите – *музеон мукар*) государством, и те, кто такого статуса не имеют, не подконтрольны Министерству культуры. Музей русского искусства официально не признан и не получает финансирования от государства, а потому Закон

о музеях, который мог бы хоть в какой-то степени ограничить свободу действий мэрии Рамат-Гана в том, что касается торговли экспонатами, на него не распространяется. При Министерстве культуры Израиля существует Совет по делам музеев, в который входит 21 человек. 16 ноября 2014 г. глава этого Совета д-р Шимшон Шошани направил заместителю мэра Рамат-Гана Моше Абрамовичу и директору Управления музеев этого города Меиру Ахаронсону письмо с просьбой остановить процесс продажи картины В.А. Серова и вернуть ее в Израиль. «Выставление на продажу самого важного произведения в собрании с декларируемой целью улучшить выставочные площади и условия вызывает возмущение и выглядит противоречащим замыслам филантропов, подаривших собрание городу Рамат-Ган», – подчеркивал Ш. Шошани. Более того: указывая, что коль скоро заявленная цель продажи – обеспечение сохранности собрания, он отметил готовность дирекции Израильского музея принять эту коллекцию в свои фонды и обеспечить ее сохранность в своих помещениях, где соблюдается необходимый климатический режим[55]. Однако согласно действующему в Израиле Закону о музеях 1983 года, Совет по делам музеев имеет сугубо консультативно-рекомендательные полномочия. Письмо Ш. Шошани было по факту просто проигнорировано.

IV

Продажа этой работы – не только преступление перед памятью семьи Цетлиных, из щедрого бескорыстного дара которых Израилю оказалось изъято его самое ценное сокровище, и не только обворовывание культурного богатства страны и в особенности – ее русскоязычной общины, в которой художника В.А. Серова знают в значительно большей мере, чем в других этнокультурных группах израильского общества. Эта ошибка грозит огромными потерями, отнюдь не только репутационными, Государству Израиль в настоящем и будущем. Аукционный дом Christie's, который сегодня по объемам продаж произведений живописи занимает первое место в мире, организовал в Лондоне 24 ноября отдельный аукцион русского искусства, и все ценители получили его каталог. «Портрет Марии Цетлиной» воспроизведен на обложке его 350-страничного каталога как самая важная, самая значимая предлагаемая к продаже работа.

Более того: кроме того, что информация об этой картине занимает шесть страниц общего каталога аукциона[56], Christie's выпустил отдельную двадцатистраничную брошюру, полностью только этой картине посвященную! Поэтому ее увидели во всем мире; увидели, в том числе, и состоятельные евреи, собирающие произведения искусства и думающие, а не подарить ли им часть своего собрания музеям «исторической родины». В каталоге указано, что продает полотно Музей города Рамат-Ган. Мне кажется совершенно очевидным, что желание филантропов в будущем дарить Израилю и его музеям значимые произведения искусства существенно сократится, ибо на Christie's продать свои картины они могут и сами.

Картина ушла за 12 миллионов 841 тысячу долларов, не включая комиссию аукционного дома, которая составляет 12%, установив абсолютный ценовой рекорд торгов, полностью посвященных русскому искусству. Продав шедевр В.А. Серова и получив свои почти тринадцать миллионов долларов, муниципалитет Рамат-Гана лишил этим Израиль даров на многие миллионы в будущем, ибо никто не захочет дарить работы, которые потом просто продадут с молотка. В стратегической перспективе этот поступок наносит стране и ее облику огромный вред. Целый ряд неравнодушных людей выразил мнение о том, что эту продажу необходимо остановить, что Израиль – не банановая республика, музеи не должны подвергаться разграблению. Ничего, однако, не помогло: жажда больших денег победила большое искусство.

Это был экзамен и для «русского Израиля» и его политических лидеров. Такой экзамен однажды уже был провален в 2010 году, когда экспонировавшаяся всё в том же рамат-ганском музее коллекция из 86 картин художников начала XX века – Михаила Гершенфельда, Амшея Нюренберга, Исаака Малика, Теофила Фраермана и других мастеров из одесского Общества независимых художников, собранных Яковом Переменном и на протяжении более чем девяноста лет находившихся в Израиле, была выставлена наследниками на аукцион Sotheby's, где их все купил киевский бизнесмен Андрей Адамовский. В Израиле, к сожалению, эту уникальную коллекцию не захотел выкупить и сохранить для страны никто. Четыре года спустя этот позор повторился вновь. Работающий в находящемся в городе Рамат-Ган Университете имени Бар-Илана искусствовед д-р Илья Родов распространил 9 ноября 2014 года

петицию с призывом «остановить чиновников муниципалитета, продающих картину Серова из музея Рамат-Гана», но ее не подписали и семьсот человек…[57] Илья Родов пытался апеллировать к национальным чувствам, напоминая, что В.А. Серов, будучи евреем по материнской линии, написал портрет хозяйки коллекции, которая впоследствии сочла необходимым подарить свое собрание еврейскому государству, чтобы работы российских еврейских художников принадлежали израильтянам[58]. Всё оказалось бесполезно: для израильской элиты всё это – люди, судьбы которых им безразличны…

Безразличны они и сделавшим политические карьеры русскоязычным политиканам. Так сложилось, что председатель городского совета Рамат-Гана – бывший одессит Арик Нудельман из партии «Наш дом – Израиль», которому автор неоднократно писал через одну из социальных сетей с просьбой вмешаться в происходящее, однако, не получил на свои обращения вообще никакого ответа, хотя письма были прочитаны адресатом. В Израиле, действительно, количество русскоязычных политиков в руководящих органах высоко, как ни в какой другой стране мира за пределами бывшего СССР, но сфера культуры интересует их не больше, чем она в среднем где бы то ни было интересует людей, стремящихся к обретению власти и статуса. К сожалению, мало какие люди стремятся стать министрами и депутатами, чтобы защищать музейные коллекции, и пробившиеся во власть русскоязычные израильтяне – не исключение.

Интересно, что однопартийцы Арика Нудельмана – депутаты Кнессета девятнадцатого созыва Леонид Литинецкий и Фаина Киршенбаум развили в последние двое суток, непосредственно предшествовавших аукциону, имитацию бурной деятельности, не имевшую, впрочем, никаких последствий. Л. Литинецкий обратился 23 ноября 2014 года к государственному контролеру (его функции в Израиле примерно сочетают в себе полномочия главы Счетной палаты и Уполномоченного по правам человека) с просьбой запретить продажу картины В.А. Серова. «Мы стараемся сделать все, что сможем. Я с утра отправил письмо госконтролеру Йосефу Шапира, в ближайшие часы мы будем с ним говорить по поводу продажи картины. В его силах запретить ее. Я говорил и с Министерством культуры, но у него нет полномочий из-за абсурдной ситуации: Музей русского искусства неподконтролен ему, так как он не со-

ответствует стандартам, и картины принадлежат мэрии», – отметил Литинецкий. Он рассказал, что партия «Наш дом – Израиль» якобы стала «последней инстанцией», в которую обратились представители общественности в связи со скандальным аукционом[59]. В беседе с корреспондентом портала «Курсор» депутат Литинецкий пошел еще дальше, заявив: «К сожалению, к нам обратились слишком поздно. Если бы это случилось на две-три недели раньше, картину удалось бы спасти. Мы бы не дали вывезти национальное достояние за границу»[60].

Трудно понять, что значит фраза «к нам обратились слишком поздно», если начиная с 30 октября 2014 года тема эта поднималась во многих израильских и мировых СМИ, какого рода обращения ждали депутат Литинецкий и его коллеги, и почему они без чьих-либо обращений не могли предпринимать те же шаги – в частности, отправить обращение к государственному контролеру – не накануне аукциона, а за те самые две-три недели до него, когда факт грядущего мародерства уже был известен и обсуждался в прессе. Тогдашняя заместитель министра внутренних дел Израиля Фаина Киршенбаум накануне аукциона сообщила, что обратилась к юристам, чтобы те проверили возможность хотя бы временной приостановки продажи «Портрета Марии Цетлиной» посредством судебного ордера[61]. Ф. Киршенбаум не сообщила общественности ни имен этих юристов, ни их аргументации. Известно лишь, что никакого иска в суд по данному вопросу с просьбой о срочном вынесении подобного ордера подано не было.

После аукциона заместитель мэра Рамат-Гана Муки Абрамович, отвечая на вопрос о том, что муниципалитет собирается делать со свалившимся на него богатством, сообщил: «В соответствии с обязательством, данным правлением муниципалитета, вся выручка пойдет на строительство новых флигелей и ремонт существующих помещений музея, с тем чтобы иметь возможность выставлять коллекции и демонстрировать их широкой общественности, что до сих пор было невозможно»[62]. Однако вся эта демагогия не в силах затушевать тот факт, что никаких планов, проектов или чертежей общественности представлено не было, никакие конкурсы, касающиеся архитектурного и ландшафтного планирования музейного комплекса и прилегающей к нему территории, не объявлялись. За три месяца, прошедших после аукциона, ситуация не изменилась.

Не имея возможности доказать наверняка факт коррупционной составляющей в решении о продаже серовского шедевра, невозможно все же не упомянуть о том, что наличие мотивов подобного рода представляется более чем вероятным в существующем политико-правовом контексте. На протяжении двадцати четырех лет, до октября 2013 года, мэром города Рамат-Ган был Цви Бар, которого Тель-Авивский окружной суд 26 февраля 2015 года признал виновным в ряде коррупционных правонарушений, а именно в получении взяток, злоупотреблении общественным доверием и использовании служебного положения в корыстных целях, а также в отмывании незаконно полученных доходов и создании помех следствию. Судья Цви Гурфинкель отверг версию защиты и назвал показания Цви Бара «непоследовательными и противоречивыми».

За два месяца до этого – и спустя всего три недели после аукциона – 15 декабря 2014 года, после длившегося около года тайного расследования подозрений в коррупции в муниципалитете Рамат-Гана полиция задержала более двадцати (!) подозреваемых, в числе которых находился и новый мэр города Исраэль Зингер, избранный на этот пост в октябре 2013 года. По просьбе полиции мировой суд города Ришон ле-Цион продлил срок задержания Исраэля Зингера на семь дней, на которые он был помещен под домашний арест; кроме того, суд запретил мэру в течение 15 дней посещать здание возглавляемого им муниципалитета. 1 января 2015 года мировой суд города Ришон ле-Цион продлил этот запрет еще на шесть суток. Расследованием этого дела занимается специальное подразделение по борьбе с коррупцией во властных структурах совместно с подразделением «Яхалом» Налогового управления. Новый мэр города и его соратники подозреваются во взяточничестве, подкупе с целью повлиять на результаты выборов, обмане общественного доверия, отмывании капитала и уклонении от уплаты налогов.

Решение о мере наказания бывшему мэру Цви Бару будет вынесено позднее, приговор этот наверняка будет обжалован и рассмотрен апелляционными инстанциями, а дело Исраэля Зингера, отказавшегося уйти в отставку с поста мэра, еще даже не передано в суд – полицейские расследования по уголовным делам в Израиле могут длиться годами. Совершенно очевидно при этом, что цитаделью честности и законности органы муниципальной власти Рамат-Гана не были. Одна из газет

охарактеризовала положение в этом городе как «коррупционную яму»[63].

Собрание произведений искусства, 55 лет назад подаренное Израилю виднейшей семьей русско-еврейских интеллектуалов и филантропов, к сегодняшнему дню разграблено и разорено, лишившись самых ценных входивших в него работ. Портрет, нарисованный Валентином Серовым в Биаррице в 1910 году, который должен был стать памятником этим удивительным людям, стал вместо этого зримым свидетельством того, насколько не нужна еврейскому государству культура русско-еврейской диаспоры. Израиль долгие годы выдвигает претензии на то, чтобы быть духовным центром еврейского народа. Учитывая историко-культурное многообразие уникальной судьбы этого народа, его духовный центр не может не быть зонтиком для многих культур, традиций и языков, неотъемлемой частью которых были и евреи. Однако Израиль совсем не стремится к этому, строя новую национально-гражданскую идентичность, почти совершенно не нуждающуюся в диаспоральном наследии[64]. В стране, созданной народом Книги, главными героями стали отнюдь не деятели культуры, а место национально окрашенного культурного космополитизма все больше занимает синтез религиозного национализма и гражданского милитаризма. Русско-еврейским интеллектуалам, хотевшим посмертно соединить с Израилем свою судьбу, преподнеся ему накопленные ими духовные богатства, было указано на дверь.

---

[1] Цит. по: The Important Russian Art Sale Presents A Jewel of the Silver Age // Christie's Press Release, London, 30.10.2014, p. 2.

[2] Сарабьянов Дм. *Валентин Серов*. – Л.: Аврора, 1987, с. 26.

[3] См.: Шалит Шуламит. «С одним я народом скорблю». К открытию Музея русского искусства им. Марии и Михаила Цетлиных в Рамат-Гане, Израиль // *Евреи в культуре русского зарубежья* / Под ред. М.А. Пархомовского, том IV. – Иерусалим, 1995, с. 385–407. Этот очерк неоднократно перепечатывался позднее в разных изданиях.

[4] Яновский В. *Поля Елисейские.* – Санкт-Петербург: Пушкинский фонд, 1993 [первое издание – 1983], с. 114.

[5] Мария Цетлин [sic!]. Как Серов работал над моим портретом // *Валентин Серов в воспоминаниях, дневниках и переписке современников* / Под ред. И.С. Зильберштейна и В.А. Самкова. – Л.: Художник РСФСР, 1971, том 2, с. 354.

[6] Мария Цетлин. Как Серов работал над моим портретом, с. 355.

[7] Коль-Коль [Н.Е. Эфрос]. Московская пестрядь. Герои недели // *Одесские новости*, №8007, 3.01.1911.
[8] А.К. [А.А. Койранский] Портреты Серова // *Утро России*, № 286, 13.12.1911.
[9] Мария Цетлин. Как Серов работал над моим портретом, с. 356.
[10] См. воспоминания Валентина об отце: Valentine Wolf Zetlin. Memories of My Father M. Zetlin // *Творчество диаспоры и «Новый журнал* / Под ред. М. Адамович и В. Крейда. – New York, 2003, с. 58–59.
[11] Мария Цетлин. Как Серов работал над моим портретом, с. 355.
[12] Зайцев Борис. М.О. Цетлин // *Новый журнал*, 1946, № 14, с. 202.
[13] Хазан В. «От книги глаз не подыму» (О личности и творчестве Михаила Цетлина). Послесловие к книге: Михаил Цетлин (Амари). *Цельное чувство: Собрание стихотворений.* – М.: Водолей, 2011.
[14] Шалит Шуламит. «Россия далекая, образ твой помню…» // Вестник (Балтимор, США), № 13 (324), 25.06.2003; № 14 (325), 9.07.2003.
[15] См.: Леонидов В.В. Окно // *Литературная энциклопедия Русского Зарубежья. Периодика и литературные центры*. – М.: РОССПЭН, 2000, с. 294–296.
[16] Алданов Марк. Памяти М.О. Цетлина // *Новый журнал*, 1945, № 11, с. 341–344.
[17] Гуль Роман. Мария Самойловна Цетлина // *Новый журнал*, 1976, № 125, с. 271–272.
[18] Яновский В. *Поля Елисейские*, с. 70.
[19] Эренбург И. *Люди. Годы. Жизнь.* – М.: Текст, 2005, том I, с. 127. Цитируемая здесь первая книга была написана в 1961 году.
[20] См.: Коварская В. Вместо цветов // *Новое русское слово*, 9.11.1976.
[21] Бунин И.А. *Воспоминания.* – Париж: Возрождение, 1950, с. 253. В 1947 году отношения между Марией Самойловной и Иваном Алексеевичем существенно ухудшились, причем в связи с принципиальным спором, касающимся отношения к получению эмигрантами советских паспортов. См. подборку писем по этому вопросу в кн.: Конфликт М.С. Цетлиной с И.А. Буниным и М.А. Алдановым / Публикация М.А. Пархомовского // *Евреи в культуре русского зарубежья*, том IV. – Иерусалим, 1995, с. 310–325.
[22] Эту квартиру Мария Самойловна и ее дети продали в 1960 году.
[23] См.: Демидова О. Дом Цетлиных как локус русско-еврейской культуры в эмиграции // *Русско-еврейская культура* / Под ред. О.В. Будницкого. – М.: РОССПЭН, 2006, с. 390–405.
[24] См., например: Берберова Н. *Курсив мой. Автобиография.* – М.: Согласие, 1996 [первое издание – 1969], с. 330; примечание к письму В.Ф. Ходасевича И.А. Бунину от 5 апреля 1929 г., опубликованному в книге: *Бунин И.А. Новые материалы*, комментарии Джона Малмстада. –

М.: Русский путь, 2004; а также цит. выше статью В. Хазана «От книги глаз не подыму» (О личности и творчестве Михаила Цетлина).

[25] Амари [М.О. Цетлин]. Прозрачные тени. Образы. – Париж: Зерна, 1920. Н.С. Гончаровой посвящено стихотворение «Ван Гог», а М.Ф. Ларионову – «Сезанн».

[26] Эти картины также были переданы в дар Государству Израиль в 1959 году.

[27] А.С. [Андрей Седых]. Памяти М.С. Цетлиной // Новое русское слово. Нью-Йорк, 26.10.1976.

[28] Цетлин-Доминик Ангелина. Из воспоминаний // *Евреи в культуре русского зарубежья* / Под ред. М.А. Пархомовского; том I. – Иерусалим, 1992, с. 308.

[29] Несколько лет назад была выпущена фундаментальная биография этого человека. См.: Хазан В., *Пинхас Рутенберг. От террориста к сионисту*. В двух томах. – Москва/Иерусалим: Мосты культуры, 2008.

[30] Берберова, Нина. *Курсив мой. Автобиография*, с. 331.

[31] Цетлин-Доминик, Ангелина. Из воспоминаний, с. 300.

[32] Там же, с. 289.

[33] Там же, с. 303.

[34] Там же, с. 302.

[35] Там же, с. 306.

[36] Письмо М.С. Цетлиной Е.А. Извольской, 13 мая 1958 г. // Архив М.О. и М.С. Цетлиных в Отделе рукописей Национальной и университетской библиотеки, Иерусалим; курсив добавлен.

[37] Цетлин-Доминик, Ангелина. Из воспоминаний, с. 300.

[38] Цит. в переводе с иврита в статье Шуламит Шалит «С одним я народом скорблю…», с. 386–387. В разных публикациях, цитирующих материал Х. Гамзу, датировки этой статьи варьируются; оригинал обнаружить не удалось.

[39] Долев, Ахарон. Коллекция ценой миллион долларов – заброшена и разграблена // *Маарив*, 16.04.1984, с. 31 [на иврите].

[40] См.: Шалит, Шуламит. «С одним я народом скорблю…», с. 387.

[41] Долев, Ахарон. Коллекция ценой миллион долларов…

[42] Цит. там же.

[43] Цит. там же.

[44] Мэрия Рамат-Гана продает на аукционе Christie's «Портрет Цетлиной» В. Серова // Портал Newsru.co.il, 30.10.2014. Материал подготовила Алла Гаврилова.

[45] См. выпущенный к выставке альбом-каталог: E. Zhukova and S. Shalit (eds.). *The Maria and Mikhail Zetlin Art Collection.* Ramat-Gan/Moscow, 2003.

«Портрет Марии Цетлиной» включен в каталог на с. 127 под номером 59, репродуцирован на с. 14 и 45.

[46] Городские художественные музеи // Отчет внутреннего контролера мэрии г. Рамат-Ган, 2011, с. 40 [на иврите].

[47] Официальный ответ вице-мэра г. Рамат-Ган М. Абрамовича на запрос А.Д. Эпштейна, 5 ноября 2014 г.; пер. с иврита автора статьи.

[48] Городские художественные музеи // Отчет внутреннего контролера мэрии г. Рамат-Ган, 2011, с. 38 [на иврите].

[49] Карпель Д. Раз, два, три, продано! Почему мэрия Рамат-Гана продает самую важную художественную работу из своего собрания? // *Ха'арец*, 5.11.2014 [на иврите]. В этой статье также утверждается, что сейчас коллекция включает 53 работы, но говорится, что в 1991 г. в нее входило 83 произведения, а еще 12 были похищены или пропали.

50 Шалит, Шуламит. «Россия далекая, образ твой помню…».

[51] Повторный запрос А.Д. Эпштейна вице-мэру г. Рамат-Ган М. Абрамовичу, 6 ноября 2014 г. [на иврите].

[52] Розовская Л. «Мона Лиза» из Рамат-Гана //
Портал http://www.ha-makom.co.il/, 9 ноября 2014 г.

[53] Цит. там же.

[54] Цит. там же.

[55] Письмо председателя Совета по делам музеев Ш. Шошани вице-мэру г. Рамат-Ган М. Абрамовичу, 16 ноября 2014 г. [на иврите].

[56] *Important Russian Art* // Christie's, London, 24.11.2014, p. 34–39.

[57] См.: http://www.atzuma.co.il/serov

[58] Цит. по: Противники продажи "Портрета Цетлиной" Серова организуют поход в Музей русского искусства // Портал Newsru.co.il, 12 ноября 2014 г.

[59] Цит. по: Коган А. НДИ пытается остановить продажу достояния Израиля – знаменитой картины Серова // Портал IzRus.co.il, 23 ноября 2014 г.

[60] Цит. по: Проданная в Лондоне картина Серова вызвала скандал в Израиле // Портал cursorinfo.co.il, 24 ноября 2014 г.

[61] Цит. по: Коган А. НДИ пытается остановить продажу достояния Израиля.

[62] Цит. по: Борисова А. Израильского Серова продали за пятьдесят миллионов шеккелей // Портал tarbut.polosa.co.il, 25 ноября 2014 г.

[63] Амит, Хагай. Город без убежища. Так Рамат-Ган превратился в коррупционную яму // *The Marker*, 19.12.2014 –
http://www.themarker.com/1.2516113 [на иврите].

[64] Эти и сопредельные темы обсуждаются в моей книге: Эпштейн А.Д. *Возрождение еврейской государственности и нерешенный «еврейский вопрос»*. – Киев: Киево-Могилянская Академия – Научно-исследовательский центр ориенталистики им. О. Прицака, 2011.

Е.А.Якимова

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ГРУЗИНО-ИЗРАИЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА ФОНЕ 26-ВЕКОВОГО ЮБИЛЕЯ ДРУЖБЫ ДВУХ НАРОДОВ

Кавказская политика является, пожалуй, одним из самых сложных направлений для израильской дипломатии на пространстве бывшего СССР. Непростая геополитическая реальность региона существенно сдерживает возможности Израиля в сотрудничестве с расположенными в нем республиками. Грузино-израильские связи в этом контексте получили особый статус. С одной стороны, государствам помогает длительная история дружбы двух народов, 26-вековой юбилей которой отмечался в 2014 г. С другой стороны, двусторонние отношения часто приносятся в жертву ситуационному реагированию на происходящее в регионе. Исторические факторы сотрудничества имеют большое значение для современной дипломатии Израиля в отношении стран постсоветского пространства, однако, везде они проявляются по-своему. Говоря о Грузии, на первое место чаще выходит овеянный легендами факт многовекового мирного сосуществования двух народов, а не более поздние этапы сотрудничества, связанные с установлением дипломатических отношений.

Согласно историческим источникам, прежде всего, грузинским, точкой отсчета для определения 26-векового юбилея дружбы является VI в. до н.э., известный завоеванием Иерусалима Новохудоносором и разрушением Первого Храма[1]. На начальном этапе взаимодействия грузинского и еврейского народов за долго до формирования нынешних государств большое значение имела область Картли и древний город Мцхета. Изучению этой страницы жизни двух народов во многом способствовал Ф.С. Байерн, во второй половине XIX в. проводивший раскопки еврейских захоронений в районе Самтаврского монастыря Мцхеты. Драматичные события средних веков, связанные с борьбой с византийцами, хазарами, арабами и монголами

оказывали серьезное влияние на экономическое положение грузинских евреев и их расселение. К примеру, в числе последствий грузинских походов Тамерлана часто называют процесс закрепощения местного еврейства. С вхождением Грузии в состав Российской империи в 1801 г. на ее территории стали появляться ашкеназы. С их приходом начали распространяться идеи сионизма. В 1901 г. в Тифлисе состоялась первая конференция сионистов Кавказа, в работе шестого Сионистского конгресса в швейцарском Базеле участвовал видный представитель грузинской еврейской общины Д.Баазов[2]. Во время Второй Мировой войны грузины Г.Перадзе и М.Кедия внесли вклад в спасение евреев в Европе. Первый из них, оказавшись в Освенциме, отдал свою жизнь, дабы спасти другого, второй, помогая евреям в оккупированной Франции, заслужил славу «грузинского Шиндлера»[3]. Так в совместной истории двух народов появился дополнительный фактор, способствующий сближению, связанный с мемориализацией Холокоста. Таким образом, на протяжении периода, охватывающего порядка 26 веков, постепенно формировался концепт длительной и прочной грузино-еврейской дружбы, где каждая важная веха в истории одного народа, так или иначе, сопровождалась участием другого. Остановившись лишь на отдельных аспектах весьма продолжительного периода грузино-еврейской дружбы, видится целесообразным обратиться к современному этапу межгосударственного сотрудничества, в котором можно обозначить три периода. Их выделение во многом связано с именами политических и государственных деятелей двух стран.

Начало первому периоду было положено в июне 1992 г., когда Грузия и Израиль установили дипломатические отношения. Тогда значительный вклад в укрепление межгосударственных связей внес Э.Шеварнадзе. В 1994 г., являясь председателем грузинского парламента, он утвердил постановление о сохранении еврейских культурных, религиозных и исторических памятников на территории республики. Политик побывал с визитами в Израиле в июне 1995 г., январе 1998 г. и 2000 г.[4] В 1998 г. при его участии были организованы торжества по случаю грузино-еврейской дружбы. Можно предположить, что на тот момент обращение к данному фактору сотрудничества было связано с желанием выделиться из других республик региона и тем самым привлечь внимание ближневосточного партнера.

Среди знаковых визитов на этом этапе следует назвать приезд в конце ноября 1998 г. в Израиль делегации во главе со спикером грузинского парламента З.Жванией. Программа пребывания политиков в стране включала в себя встречи с тогдашним президентом Э.Вейцманом, премьер-министром Б.Нетаньяху, мэрами Иерусалима и Ашкелона, главным сефардским раввином, а также посещение Еврейского университета в Иерусалиме и нескольких высокотехнологичных предприятий. М.Кацав дважды посещал республику: 7–11 сентября 1998 г., занимая пост министра туризма, и 25–26 января 2001 г., будучи избранным восьмым президентом Израиля. В марте 1999 г. в Тбилиси с рабочим визитом прибыли премьер-министр Б.Нетаньяху и министр иностранных дел А.Шарон.

На этот же период пришлось подписание значительной части документов, составивших договорно-правовую базу межгосударственных контактов. 19 июня 1995 г. в Иерусалиме были заключены договоры о воздушном сообщении, о техническом сотрудничестве, а также соглашения, касающиеся взаимодействия в таких областях, как образование, наука, культура, туризм и телекоммуникации. Все документы вступили в силу в течение 1996–1998 гг. 9 сентября 1998 г. в Тбилиси состоялась церемония подписания договора о взаимной помощи в таможенных делах. Однако ратификационные процедуры затянулись, и соглашение стало применяться лишь с 2007 г.

При Э.Шеварнадзе была начата совместная работа Тбилисского авиационного завода (ТАМ) и израильской компании Elbit Systems по модернизации экспортного варианта советского штурмовика Су-25 К, в новой комплектации получившего название Су-25 КМ «Скорпион». В 2001 г. состоялись первые испытания самолета, проведенные главным пилотом Elbit Й.Шафиром. Судьбу данного проекта на этом этапе нельзя назвать удачной, поскольку на протяжении значительного времени штурмовики модернизировались для Туркменистана в счет задолженностей за газ, образовавшейся в 1993–1994 гг.[5]

Относительно легко стороны пережили сложный для Грузии этап «Революции роз», в результате которой руководство страной перешло к М.Саакашвили. Точку зрения Израиля по данному вопросу представил некоторое время спустя Шабтай Цур, в 2004 г. назначенный главой израильской дипмиссии в Грузии и ставший первым израильским дипломатом грузинского происхождения. В одном из интервью он дал положи-

тельную оценку произошедшим в стране изменениям и подчеркнул стремление нового правительства к активизации грузино-израильских контактов, прежде всего в сфере экономики. Также в качестве фактора, содействующего более тесному взаимодействию, дипломат отметил, что Грузия не пойдет на охлаждение отношений с Израилем в угоду Ирану[6].

Период нахождения М.Саакашвили на посту президента Грузии можно считать вторым этапом развития современных грузино-израильских отношений. Контакты с новыми грузинскими властями стали развиваться довольно интенсивно, однако, их отличительной чертой было то, что основную часть визитов совершали представители Грузии. М.Саакашвили трижды посетил Израиль: в конце июля 2004 г., конце октября – начале ноября 2006 г., середине мая 2008 г. Надо отметить, что президент республики предпринял активные шаги, чтобы заручиться симпатией израильских политиков и предпринимателей. Он начал принимать участие в жизни еврейской общины Грузии, посещая важные мероприятия. В 2005 г. М.Саакашвили выступил с инициативой приобретения бизнесменами-репа-триантами из республики двойного гражданства, а в феврале 2008 г. во время визита делегации представителей Евро-Азиатского еврейского конгресса и Конференции президентов основных еврейских организаций США в Грузию заявил, что Д.Бен-Гурион является для него героем[7].

Также в числе представителей страны, посетивших Израиль на этом этапе, были министр иностранных дел Г.Бежуашвили, министр сельского хозяйства Б.Квезерели, министры экономического развития Л.Жвания и З.Пололикашвили, а также супруга президента С.Э. Рулофс. Надо отметить, что Г.Бежуашвили, возглавлявший грузинское внешнеполитическое ведомство с октября 2005 г. по январь 2008 г., стремился к тому, чтобы вывести грузино-израильские отношения на уровень «стратегического партнерства», аналогичный тому, что сформировалось с США[8]. Среди представителей израильского правительства, побывавших в этот период в Грузии, был тогдашний министр туризма С.Мисежников и министр абсорбции С.Ландвер, посетившие страну в 2010 г.

С 26 октября по 1 ноября 2004 г. в Грузии проходила «Всемирная неделя грузино-еврейской дружбы», приуроченная к 100-летнему юбилею синагоги в Тбилиси. Помимо столицы республики праздничные мероприятия, посвященные истории, культуре и языкам, прошли в городах Мцхета, Гори и Батуми. Эти торжества стали своего рода свидетельством успехов, достигнутых на

грузино-израильском треке за относительно короткие сроки. Впрочем, на фоне нараставших противоречий в отношениях с осетинами и абхазами не всеми они были восприняты положительно.

Существенным образом активизировалось сотрудничество в военно-технической сфере. Среди инициаторов этого процесса следует назвать тогдашнего министра обороны Грузии Д.Кезерашвили. В результате израильская компания Elbit Systems поставила в республику беспилотные летальные аппараты Hermes-450. Также имелись сведения о программе по модернизации израильскими специалистами танков Т-72 до уровня Т-72-SIM-1[9]. Неизвестной осталась судьба штурмовиков Су-25 КМ. По одним данным для вооруженных сил Грузии было модернизировано лишь 3 самолета[10], по другим их число могло дойти до 6-14[11].

Отдельного внимания заслуживает работа израильского посольства в Тбилиси в указанный период, глава которого Р.Коэн оказалась в ситуации, грозившей серьезными разногласиями между странами. В конце июля 2004 г. в Абхазию прибыла делегация, включавшая представителей Еврейского Агентства «Сохнут» и Американского еврейского объединённого распределительного комитета («Джойнт»), во главе с послом Р.Коен. По итогам встречи с дипломатом тогдашний вице-президент Абхазии В.Аршба заявил, что Израиль войдет в число государств, которые первыми признают независимость республики[12]. Весьма вероятно, что это обстоятельство, возникшее накануне визита президента Грузии в Израиль, могло серьезно повлиять на ход переговоров представителей двух государств. Помешало этому лишь известие о том, что в находящемся в ведении греческой православной церкви иерусалимском монастыре Святого Креста, где по преданию похоронен Ш.Руставели, была испорчена фреска с изображением поэта. Это событие сосредоточило на себе внимание министерств иностранных дел обоих государств. Внешнеполитическое ведомство Грузии обратилось с дипломатическими нотами в адрес Израиля и Иерусалимского патриархата. Была проведена серьезная работа по линии посольств, а Р.Коен была вызвана в МИД Грузии для разъяснений. Также это событие стало одной из центральных тем во время встречи М.Саакашвили с тогдашним министром иностранных дел Израиля С.Шалом. Таким образом, это обстоятельство отодвинуло на второй план прочие вопросы, включая израильские контакты с Абхазией, а также обострило дискуссии по поводу сохранения грузинского наследия в Иерусалиме.

В этот же период договорно-правовая база сотрудничества была дополнена новым документом. В июне 2010 г. в Иерусалиме представители государств подписали Конвенцию об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от налогообложения в отношении налогов на доходы, которая вступила в силу в ноябре 2011 г. Также стороны приступили к обсуждению вопроса об отмене виз для граждан Грузии, посещающих Израиль. Еще в 2005 г. Грузия в одностороннем порядке пошла на упразднение виз для израильтян и ждала от ближневосточного партнера ответного шага.

Война в Южной Осетии в августе 2008 г. стала событием, оказавшим серьезное влияние на грузино-израильский диалог. Будучи заинтересованным в сотрудничестве с Россией и Грузией, которые в ходе этого противостояния оказались по разные стороны, Израилю пришлось сделать серьезный выбор. С одной стороны, страна нуждалась в своем партнере на Кавказе и не хотела сворачивать, начатые проекты. С другой стороны, гораздо более серьезными рисками грозило ухудшение отношений с Россией, давно и прочно вошедшей в систему израильских внешнеполитических координат и имеющей собственные рычаги воздействия на процессы, происходящие на Ближнем Востоке. Дабы не обострять отношения с обоими государствами, было решено придерживаться, на сколько это возможно, нейтральной позиции. В результате 10 августа 2008 г. внешнеполитическим ведомством Израиля было распространено заявление, в котором говорилось, что страна надеется на прекращение насилия в регионе и выражает приверженность принципу территориальной целостности Грузии[13].

Однако, несмотря на стремление остаться в стороне от конфликта, израильским властям все же пришлось пойти на определенные жертвы. В частности, было свернуто военно-техническое сотрудничество с Грузией, что, безусловно, вызвало недовольство республики. Впрочем, следует отметить, что в итоговых заявлениях представителей военной прокуратуры России Израиль не был включен в список основных поставщиков оружия в Грузию[14].

Явный разлад между Грузией и Израилем стал причиной интереса израильского предпринимательского сообщества к Абхазии. В 2010 г. состоялось несколько встреч представителей абхазских властей и израильских бизнесменов. Наибольшие опасения Грузии вызвал визит в Сухуми в апреле 2011 г. руко-

водителя израильской оборонной компании Global CST И.Зива. В связи с переориентацией корпорации, до 2008 г. сотрудничавшей с Грузией, на Абхазию в МИД республики для беседы был вызван израильский посол И.Герберг. По завершении встречи заместитель главы грузинского внешнеполитического ведомства Н.Каландадзе отметила, что дипломат подтвердил, что Израиль не будет развивать сотрудничество в военной сфере с фактическими властями Абхазии[15].

В качестве последствия конфронтации часто воспринимается процесс дискредитации израильских предпринимателей грузинскими властями, апогеем которого стал арест в октябре 2010 г. бизнесменов Р.Фукса и З.Френкеля по обвинению в попытке дать взятку заместителю министра финансов республики А.Хараидзе. В апреле 2011 они были приговорены к 7 и 6,5 годам заключения соответственно, а также должны были выплатить значительные компенсации. Однако при более детальном рассмотрении дела становится очевидным, что в его основе находится сделка, заключенная бизнесменами еще в 1991 г. и дававшая им право на монопольную разработку нефти и газа, а также контроль над трубопроводами республики. После свержения З.Гамсахурдия в стране были созданы госкорпорации, которым передавался контроль над нефтегазовыми ресурсами страны. Договоренность с З.Френкелем и Р.Фуксом была объявлена утратившей силу по причине произошедшего в стране переворота. Новое обращение к проблеме было связано с планами по строительству нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан. Тогда бизнесмены решили потребовать компенсации за разрыв контракта, надеясь, что международный консорциум, куда вошла British Petroleum, предпочтет выплатить неустойку, а не вести долгие разбирательства[16]. Однако их планам не суждено было сбыться, и израильским властям пришлось предпринять множество попыток по освобождению бизнесменов. В итоге в декабре 2011 г. Р.Фукс и З.Френкель были помилованы указом М.Саакашвили ввиду их ухудшившегося состояния здоровья. Однако многие связывают это с существенным сокращением суммы, которую грузинские власти должны были выплатить бизнесменам в соответствии с решением Международного центра урегулирования инвестиционных споров.

На фоне трудностей, серьезным образом осложнивших грузино-израильское взаимодействие после августовской войны 2008 г. концепт многовекового мирного сосуществования

двух народов стал часто использоваться грузинскими политическими и общественными деятелями. С одной стороны, обращаясь к нему, они пытались подчеркнуть, что отношения не будут разорваны даже в условиях свертывания столь прибыльных военно-технических контрактов. С другой стороны, в этом можно обнаружить попытку противопоставить свои связи со страной российско-израильским отношениям, в которых на первое место вышли памятные даты, касающиеся восстановления дипломатических отношений.

Третий этап двустороннего сотрудничества начался после парламентских выборов, состоявшихся в Грузии 1 октября 2012 г. В июне 2013 г. тогдашний грузинский премьер-министр Б.Иванишвили посетил Израиль, где провел переговоры с Б.Нетаньяху и А.Либерманом. По итогам встречи двух глав правительств было заявлено о желании взаимодействовать в области экономики и борьбы с терроризмом. В беседе с А.Либерманом, на тот момент занимавшим пост главы комиссии Кнессета по иностранным делам и обороне, Б.Иванишвили заявил: «никогда в наших [грузино-израильских] отношениях не возникало ни малейших проблем или недоразумений»[17]. Таким образом, в его речи период охлаждения межгосударственных отношений как будто растворился в многовековой истории дружбы двух народов.

17 ноября 2013 г. президентом Грузии стал Г.Маргвелашвили. Поскольку основу его предвыборной программы в области внешней политики составил курс на интеграцию в ЕС и НАТО, а также необходимость стабилизации отношений с Россией, с его приходом существенного прогресса на грузино-израильском треке не ожидалось. Однако уже 18 ноября 2013 г. заместитель министра внутренних дел Израиля Ф.Киршенбаум и министр внутренних дел Грузии И.Гарибашвили подписали соглашение об упразднении визового режима.

Став премьер-министром Грузии, И.Гарибашвили выбрал Израиль для своего первого визита в дальнее зарубежье. В состав правительственной делегации, прибывшей в страну в конце января 2014 г. помимо премьер-министра вошли министр иностранных дел М.Панджикидзе, министр экономики и устойчивого развития Г.Квирикашвили, министр сельского хозяйства Ш.Пипия а также исполнительный директор Фонда соинвестирования Г.Бачиашвили и руководитель Национального инвестиционного агентства Г.Пертаия. 28 января 2014 г. стороны подписали Меморандум о создании совместной Межправительственной эко-

номической комиссии и провели ее первое заседание. Также за время визита представители государств обсудили перспективы заключения соглашения о создании зоны свободной торговли.

В дальнейшем двустороннее сотрудничество продолжило развиваться, и в марте 2014 г. партия «Наш Дом Израиль» сообщила о вступлении договора о безвизовом режиме в силу. 23 июня 2014 г. в Тбилиси состоялась встреча министров сельского хозяйства двух стран Ш.Пипия и Я.Шамира, на которой они подписали соглашение о сотрудничестве в соответствующей сфере. 20 октября 2014 г. в республике начались мероприятия, посвященные 26-вековому юбилею дружбы двух народов, в рамках которых состоялось открытие Национального музея истории евреев имени Д.Баазова, а также прошел бизнес-форум. Для участия в торжествах Грузию посетила делегация из Израиля во главе с министром абсорбции С.Ландвер, а премьер-министр Б.Нетаньяху отправил в республику свои поздравления. 22 октября 2014 г. в Тбилиси вице-спикер Кнессета И.Бар и глава комитета по внешним связям парламента Грузии Т.Джапаридзе обсудили перспективы сотрудничества в области безопасности. На нынешнем этапе обращение к многовековой совместной истории стало символом прочности отношений, которые были нормализованы, несмотря на серьезные противоречия.

Подводя итог рассмотрению грузино-израильского сотрудничества, можно отметить, что оно облает большим потенциалом и отвечает внешнеполитическим интересам обоих государств, существующих в непростом геополитическом окружении. Отношения сторон прошли несколько этапов, отличающихся не только вниманием к определенным сферам взаимодействия, но и разным восприятием факта многовековой дружбы двух народов. В одних случаях это обстоятельство использовалось как дополнительный фактор, содействующий сближению, в других – становилось фактически последним аргументом, заставлявшим страны не допустить окончательного расхождения интересов.

Отчасти соглашаясь со словами Б.Иванишвили, сказанными им в 2013 г. на встрече с А.Либерманом, можно предположить, что стороны, действительно, испытали лишь временные трудности, вызванные излишней зависимостью двусторонних контактов от интересов отдельных лиц и проблемами на российско-грузинском треке. Нынешний этап сотрудничества Израиля и Грузии проходит под знаком укрепления доверия, свидетельством чему стало подписание соглашения об упразднение визового режима.

[1] КЕЭ. Т. 2. / гл. ред. Орен И., Прат Н. – Иерусалим: Об-во по исследованию еврейских общин, 1990. С. 235–236.
[2] Encyclopedia of the Jewish Diaspora: Origins, Experiences, and Culture. Vol. 1. / ed. by M. Avrum Ehrlich. – Santa Barbara: ABC-CLIO, 2009. P. 1121.
[3] Сванидзе Н. Грузины – Праведники Мира // The Bukharan Times. 2013. № 584. С. 16.
[4] Данные о визитах приводятся по Ministry of Foreign Affairs of Georgia. URL: http://www.mfa.gov.ge/index.php?lang_id=ENG&sec_id=309
[5] Су-25 КМ «Scorpion» // Вооруженные силы Грузии. URL: http://www.geo-army.ge/index.php?option=com_content&view=article&id=39&Itemid=9&lang=ru
[6] Зусман Р.Ш. Иерусалим-Тбилиси (интервью с Ш.Цуром) // Shalom. – 2007. – №48. URL: http://www.shalom-magazine.com/Article.php?id=480513
[7] Чарный С. Давид Бен-Гурион является героем для Михаила Саакашвили // АНН http://www.annews.ru/news/detail.php?ID=153098&print=Y
[8] Melman Y. Inspired' by Israel, Georgia's FM seeks closer strategic ties // Haaretz. URL: http://www.haaretz.com/print-edition/news/inspired-by-israel-georgia-s-fm-seeks-closer-strategic-ties-1.231754
[9] За счет помощи из-за рубежа режим Саакашвили за два года восстановил военный потенциал Грузии // ЦАМТО. URL: http://www.armstrade.org/includes/periodics/mainnews/2010/0809/10325448/detail.shtml
[10] Откуда у Грузии наши Су-25? // Российская Газета. URL: http://www.rg.ru/2008/08/14/shturmovik.html
[11] Су-25 КМ «Scorpion» // Вооруженные силы Грузии. URL: http://www.geo-army.ge/index.php?option=com_content&view=article&id=39&Itemid=9&lang=ru
[12] Играть в «пинг-понг» с Саакашвили не получилось: Грузия за неделю // ИА REGNUM http://www.regnum.ru/news/polit/298348.html
[13] MFA statement on the situation in Georgia. 10.08.2008. // Israel Ministry of Foreign Affairs. URL: http://mfa.gov.il/MFA/PressRoom/2008/Pages/MFA%20statement%20on%20the%20situation%20in%20Georgia%2010-Aug-2008.aspx
[14] Россия не включила Израиль в список основных поставщиков оружия в Грузию // Newsru.co.il. URL: http://newsru.co.il/world/05sep2008/rus_gruz_iz307.html
[15] Tbilisi Says Summoned Israeli Diplomat over Global CST Abkhaz Visit // Civil Georgia. URL: http://civil.ge/eng/article.php?id=23356
[16] Подробнее см.: Шмулевич А. Дело Фукса-Френкеля и кризис грузинско-израильских отношений // Седьмой Канал - Израильские новости на русском языке. URL: http://www.7kanal.com/article.php3?id=281951&view=print
[17] Цит. по: Люкимсон П. Либерман поблагодарил Грузию // ИАА Вестник Кавказа. URL: http://www.vestikavkaza.ru/news/Liberman-poblagodaril-Gruziyu.html

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ ИЗУЧЕНИЯ ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА*

1995 г.

1. **А.З.Егорин:** "Война за мир на Ближнем Востоке".
2. **А.В.Федорченко:** "Сельское хозяйство Израиля".
3. "Арабские страны: проблемы социально-экономического и общественно-политического развития" (совместно с ИВ РАН).
4. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 1.

1996 г.

5. **Абу Мазен (Махмуд Аббас):** "Путь в Осло".
6. **С.М.Гасратян:** "Религиозные партии Государства Израиль".
7. **А.З.Егорин:** "Современная Ливия".
8. **Л.Н.Руденко:** "Регулирование внешнеэкономической деятельности в странах Персидского Залива".
9. **А.В.Федорченко:** "Израиль накануне XXI века".
10. **А.О.Филоник, В.А.Исаев, А.В.Федорченко:** "Финансовые структуры Ближнего Востока".
11. **А.О.Филоник, Н.Г.Рогожина:** "Юго-Западная и Юго-Восточная Азия: проблемы водных ресурсов".
12. "Арабский мир в конце XX века". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
13. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 2.

1997 г.

14. **А.З.Егорин, В.А.Исаев:** "Объединенные Арабские Эмираты".

---

* Примечание: Институт переименован в 2005 г.

15. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

16. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 3.

17. **Н.М.Мамедова:** "Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии".

18. "Турция: современные проблемы экономики и политики". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

19. Коллектив авторов "Сирийская Арабская Республика".

20. **А.О.Филоник, В.М.Ахмедов, Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева, Н.Ю.Ульченко:** "Рынки Ближнего Востока".

21. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 4.

1998 г.

22. **А.Г.Ковтунов:** "Проблемы интеграции стран Магриба".

23. "Страны Ближнего Востока" Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

24. **А.В.Федорченко:** "Экономика переселенческого общества (совместно с ИВ РАН)".

25. **С.Б.Багдасаров и А.Н.Чавушьян:** "Военный и военно-экономи-ческий потенциал стран Ближнего и Среднего Во-стока" (информационно-аналитический справочник, сов-местно с ИВ РАН).

26. **Л.И.Данилов:** "Кто есть кто в Иорданском Хашимитском Королевстве".

27. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 5.

28. "Актуальные проблемы Ближнего Востока". Сборник.

29. **К.А.Капитонов:** "Ближний Восток в лицах".

30. "Современная Саудовская Аравия". Справочник.

31. **К.З.Хамзин:** "Водные ресурсы бассейна реки Иордан и арабо-израильский конфликт".

32. "Афганистан: Война и проблемы мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

33. **М.Г.Закария, А.И.Яковлев:** "Нефтяные монархии Аравии на пороге XXI в."

34. "Иран: Эволюция исламского правления". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

1999 г.

35. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей вып. 3 (совместно с ИВ РАН).

36. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 6.

37. **Г.И.Гучетль:** "Демократизация в Арабском мире: опыт Туниса и Сирии" (совместно с ИВ РАН).

38. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Государство Катар: проблемы развития".

39. "Национализм и фундаментализм на Ближнем Востоке". Материалы конференции. Москва, 04.02.99 г.

40. "Окружающая среда и развитие в Арабском мире ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

41. **В.А.Ушаков:** "Иран и Мусульманский мир".

42. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 7.

43. **Е.Я.Сатановский:** "Экономика Израиля в 90-е годы".

44. "Эволюция политических систем на Востоке" (Совместно с ИВ РАН).

45. **Е.С.Мелкумян:** "ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах".

46. **В.В.Кунаков:** "Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции".

47. **А.И.Яковлев:** "Саудовская Аравия: пути эволюции" (совместно с ИВ РАН).

48. **М.А.Сапронова:** "Политика и конституционный процесс в Алжире (1989–1999)" (совместно с ИВ РАН).

49. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 8.

50. "Востоковедный сборник".

2000 г.

51. "Турецкая Республика". Справочник (совместно с ИВ РАН).

52. **М.Р.Арунова:** "Афганская политика США в 1945–1999 гг." (совместно с ИВ РАН).

53. "Политическая элита Ближнего Востока". Сборник.

54. "Ближний Восток: проблемы региональной безопасности". Сборник статей (совместно с РАЕН).

55. **С.Э.Бабкин:** "Движения политического ислама в Северной Африке" (совместно с ИВ РАН).

56. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 9.

57. "Арабский Восток: ислам и реформы". Сборник статей (Совместно с Институтом Африки РАН).

58. "Афганистан: проблемы войны и мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

59. **Аль-Харири Мухаммад:** "Налоговые системы Сирии и Египта".

60. **В.В.Азатян, А.А.Ткаченко:** "Интеграционные процессы в экономике стран Северной Африки" (совместно с Институтом Африки РАН).

61. **К.И.Поляков:** "Исламский фундаментализм в Судане".

62. "Миграционные процессы и их влияние на израильское общество". Сборник статей (Совместно с Иерусалимским университетом и Открытым университетом Израиля).

2001 г.

63. "Турция между Европой и Азией". Итоги европеизации на исходе XX века. Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

64. "Ислам и политика". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

65. **Е.Я.Сатановский:** "Израиль в современной мировой политике".

66. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Султанат Оман" (совместно с ИВ РАН).

67. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 10.

68. **А.Г.Вирабов:** "Алжир: кризис власти" (Кризис общественного строя Алжира и перспективы его либерализации) (совместно с ИВ РАН).

69. **"**Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке". Сборник статей (совместно с Академией геополитики и безопасности).

70. **К.И.Поляков, А.Ж.Хасянов:** "Палестинская национальная автономия: опыт государственного строительства".

71. **К.И.Поляков:** "Арабские страны и ислам в России (90-е годы XX века)".

72. **Зеэв Гейзель:** "Политические структуры Государства Израиль"

73. "Востоковедный сборник". Выпуск второй.

74. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 11.

75. "Россия на Ближнем Востоке". Материалы конференции.

76. **С.Э.Бабкин:** "Религиозный экстремизм в Алжире".

77. "Мусульманские страны у границ СНГ". Сборник статей, (совместно с ИВ РАН).

78. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 12.

2002 г.

79. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 13.

80. **Н.Ю.Ульченко:** "Экономика Турции в условиях либерализации (80–90-е годы)" (совместно с ИВ РАН).

81. "Мусульмане на Западе". Сборник статей (Совместно с РАЕН).

82. "Востоковедный сборник". Выпуск третий.

83. "Афганистан на переходном этапе (сентябрь 2001 – июнь 2002 г.)". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

84. **М.Ф.Видясова, М.Ш.Умеров:** "Египет в последней трети XX века (Опыт либерализации экономики и политической системы)" (совместно с ИСАА, МГУ).

85. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 14.

86. **Р.Р.Сикоев:** "Талибы (религиозно-политический портрет)" (совместно с ИВ РАН).

87. "Востоковедный сборник". Выпуск четвертый.

88. "Армия и власть на Ближнем Востоке". Сборник статей.

89. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 15.

90. **М.П.Гучанин:** "Турция и США: основные этапы торгово-экономического сотрудничества".

91. **С.М.Задонский:** "Ядерная программа Ирана и российско-американские отношения".

92. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 16.

2003 г.

93. **С.В.Бондаренко, А.А.Ткаченко:** "Нефть и газ Египта и Алжира на рубеже XX–XXI вв."

94. **Д.Полисар:** "Выбирая диктатуру. (Ясир Арафат и формирование органов власти палестинской администрации)". Перевод А.Д.Эпштейна.

95. "Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы". Сборник статей (совместно с ИВ РАН, ИСАА).

96. **Алек Д.Эпштейн:** "Бесконечное противостояние. (Израиль и арабский мир: войны и дипломатия, история и современность)".

97. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Кувейт: Контуры экономических перемен" (совместно с ИВ РАН).

98. **О.В.Плешов:** "Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане" (совместно с ИВ РАН).

99. "Ирак: первые итоги, выводы, уроки". Сборник.

100. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 17.

101. **М.З.Ражбадинов:** "Радикальный исламизм в Египте" (совместно с ИВ РАН).

102. "Иракский кризис. Международный и региональный контекст". Материалы "круглого стола" ИСАА. Апрель 2003 г.

103. "Иран и СНГ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

104. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 18.

105. "Саудовская Аравия: эволюция режима и пределы возможного в политическом развитии" Сборник статей.

106. **Г.Г.Косач, Е.С.Мелкумян:** "Внешняя политика Саудовской Аравии". Приоритеты, направления, процесс принятия решения".

107. "Афганистан и сопредельные страны". Сборник статей (совместно с РАЕН).

108. **В.М. Ахмедов:** "Сирия на рубеже столетий. Власть и политика" (совместно с ИВ РАН).

109. **В.П.Юрченко:** "Египет: проблемы национальной безопасности".

110. "Востоковедный сборник". Выпуск пятый.

111. "Российско-саудовские отношения: проблемы и перспективы" (по материалам круглого стола).

112. "Ирак под американским управлением: демократизация или вьетнамизация» (по материалам круглого стола).

113. "Арабо-израильский конфликт: старые проблемы и новые планы". Сборник статей.

114 **Е.И.Уразова:** "Экономическое сотрудничество Турции и тюркских государств СНГ" (совместно с ИВ РАН).

115. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 19.

116. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 20.

117. **М.С.Сергеев:** "Берберы Северной Африки: прошлое и настоящее"

118. **А.Р.Аганин, З.А.Соловьева:** "Современная Иордания".

2004 г.

119. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "«Русские» и власть в современном Израиле".

120. "Программы урегулирования палестино-израильского конфликта: три года после переговоров в Кемп-Дэвиде и Табе". Сборник статей и документов под редакцией **Алека Д.Эпштейна**.

121. **А.О.Филоник, А.И.Вавилов:** "Саудовская Аравия: поиски внутренней гармонии" (совместно с ИВ РАН).

122. **Е.И.Миронова:** "Алжир: смена приоритетов развития" (совместно с Институтом Африки).

123. "Иракский кризис". Аналитические записки.

124. "Терроризм". Сборник статей.

125. "Ислам на современном Востоке. Регион стран Ближнего и Среднего Востока, Южной и Центральной Азии". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

126. **И.А. Новиков:** "Оружие массового поражения на Ближнем Востоке" (совместно с информационно-аналитическим центром "Акцент").

127. "Иран и Россия". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

128. "Офицерский корпус ближневосточных государств". Сборник.

129 "Россия и США на Ближнем Востоке". Аналитические записки.

130. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 21.

131. "Армия, ВТС, ОМП на Ближнем Востоке". Аналитические записки.

132. "Проблемы Ближнего Востока. Аналитические записки".

133. "Курдский вопрос на рубеже тысячелетий" (круглый стол 19.02.2004).

134. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 22.

135. "Турция в новых геополитических условиях". Материалы круглого стола, март 2004 г. (совместно с ИВ РАН).

136. "Израиль и арабо-израильский конфликт. Аналитические записки".

137. "Иран. Аналитические записки".

138. **А.В.Федорченко, О.А.Зайцева, Д.А.Марьясис:** "Израиль в начале XXI века".

139. **И.А.Матвеев:** "Национальная и общеарабская слагаемые политики Сирии на Ближнем Востоке".

140. "Современный Исламский Восток и страны Запада". Сборник статей.

141 **А.В.Гасратян:** "Проблемы социально-экономического развития Ливана (1970–2000 гг.)".

142. **В.П.Юрченко:** "Сирия: проблемы национальной безопасности. (Военная политика и военное строительство в период правления ПАСВ 1963–2004 гг.)"

143. "Палестино-израильский конфликт в зеркале общественного мнения и международной дипломатии". (Сборник статей и документов) под редакцией **Алека Д. Эпштейна**.

144. «Афганистан в начале XXI века». Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

145. **М.З.Ражбадинов:** "Египетское движение «Братьев-мусульман»" (совместно с ИВ РАН).

146. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 23.

147. «Сирия. Проблемы внутриполитической стабильности и внешней безопасности» (материалы круглого стола, 21 сентября 2004 г.).

148. «Ирак: 100 дней переходного правительства».

149. "Востоковедный сборник". Выпуск шестой.

150. "Иран после парламентских выборов" (Круглый стол 27.04.2004 г.). Сборник статей.

151. **Б.В.Долгов:** "Исламистский вызов и алжирское общество" (совместно с ИВ РАН).

152. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 24.

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА*

2005 г.

153. **М.К.Занбуа, А.О.Филоник:** "Формирование производственной инфраструктуры в Сирии (1946–2004)"

154. **Р.Г.Ланда:** "Политический ислам: предварительные итоги".

155. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль и проблема палестинских беженцев: история и политика".

156. **О.В.Плешов:** "Ислам и политическая культура в Пакистане" (Совместно с ИВ РАН).

157. "Ислам и общественное развитие в начале XXI века" (Совместно с ИВ РАН).

158. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 25.

159. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 26.

160. **А.В.Рясов:** "«Левые» на Арабском Востоке: ливийский опыт".

161. **И.М.Мохова:** "Западное Средиземноморье: проблемы интеграции".

162. **Н.З.Мосаки:** "Курдистан: ресурсы и политика". Часть 1, Часть 2 (Совместно с ИВ РАН).

2006 г.

163. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль в эпоху «пост-сионизма»: наука, идеология и политика".

164. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "Вокруг размежевания: общество и политика Израиля в 2005 году".

165. "Афганистан, Иран, Пакистан: время выборов и перемен". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

166. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 27.

167. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 28.

---

* Примечание: Институт переименован в 2005 г.

168. **Л.Н.Руденко:** "Проблемы привлечения иностранных инвестиций в арабские страны в условиях глобализации" (Совместно с ИВ РАН).

169. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Королевство Бахрейн" (Совместно с ИВ РАН).

170. "Востоковедный сборник". Выпуск седьмой.

171. **А.Г.Бакланов:** "Ближний Восток: «Дорожная карта» региональной безопасности".

172. **Алек Д. Эпштейн:** "Почему провалилась «Дорожная карта»?".

173. **Д.А.Нечитайло:** "Международный исламизм на Северном Кавказе".

174. **М.А.Сапронова:** "Иракская конституция в прошлом и настоящем" (Из истории конституционального развития Ирака).

175. **Алек Д. Эпштейн:** "Израильская война против «Хезболлы» и формирование новых контуров ближневосточной политики".

176. "Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI века". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

177. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 29.

178. "Современная Турция: проблемы и решения". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

179. **С.Ю.Серёгичев:** "Судан: исламо-традиционализм и армия".

2007 г.

180. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 30.

181. "Государство Израиль: политика, экономика общества". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

182. "**К.В.Вертяев:** "Курдский вопрос в политике Турции (конец XX – начало XXI века)" (Совместно с ИВ РАН).

183. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 31.

184. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 32.

185. **М.Н.Гусев:** "Исламский фактор в Юго-Восточной Азии. Роль внешних сил".

186. "Востоковедный сборник". Выпуск восьмой.

187. **Г.Г.Косач:** "Саудовская Аравия: внутриполитические процессы «этапа реформ" (конец 1990–2006 гг.).

188. **Д.А.Марьясис:** "Израиль в системе международных экономических отношений (1985–2005 гг.)" (Совместно с ИВ РАН).

189. **Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева:** "Лига арабских государств и интеграционные процессы в арабском мире" (Совместно с ИВ РАН).

190. **Алек Д. Эпштейн:** "ХАМАС в региональной политике".

191. **С.Н.Саруханян:** "Ядерный фактор в российско-иранских отношениях".

192. **В.П.Юрченко:** "Военная политика и военное строительство в странах Арабского Востока (конец XX – начало XXI века)". Справочно-аналитическое издание. Часть 1 и часть 2.

193. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 33.

2008 г.

194. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 34 (Совместно с ИВ РАН).

195. **Г.А.Меламедов, Алек Д. Эпштейн:** "Дипломатическая битва за Иерусалим. Закулисная история" (Совместно с МГУ, ИСАА, Ассоциацией «Гишрей Тарбут»).

196. **В.В.Куделев:** " «Аль-Каида»: структуры, союзники и покровители".

197. **Г.Г.Косач:** "Саудовский дипломатический корпус: этапы эволюции и источники формирования".

198. **М.А.Сапронова:** "Правительство и парламент в арабских странах (правовой статус и политическая практика)".

199. **Е.С.Мелкумян:** "Регион залива: конфликты, компромиссы, сотрудничество" (Совместно с ИВ РАН).

200. **Е.А.Кудров:** "Конфликт в Дарфуре: основные причины и тенденции".

201. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль и (не)контролируемые территории: уйти нельзя остаться" (Совместно с Ассоциацией «Гишрей Тарбут»).

202. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 35 (Совместно с ИВ РАН).

203. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 36 (Совместно с ИВ РАН).

204. "Турция накануне и после парламентских и президентских выборов 2007 г." Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

205. **И.А.Свистунова:** "Иракский фактор во внешней политике турецкой республики (1990–2007 г.).

206. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 37 (Совместно с ИВ РАН).

2009 г.

207. **Алек Д. Эпштейн:** "Антитеррористический террор".

208. **В.В.Евсеев, В.И.Сажин:** "Иран, уран и ракеты".

209. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 38 (Совместно с ИВ РАН).

210. **А.Б.Подцероб:** "Ислам во внутренней и внешней политике стран Магриба".

211. **В.В.Куделев:** "Аль-Каида" и война в Ираке".

212. "Ближний Восток: вызовы XXI века". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

213. **Алек Д. Эпштейн:** "Израильтяне и палестинцы: от конфронтации – к переговорам и обратно" (Совместно с ассоциацией «Гишрей Тарбут»).

214. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 39 (Совместно с ИВ РАН).

215. **В.И.Месамед:** "Иран-Израиль: от партнерства к конфликту".

216. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 40 (Совместно с ИВ РАН).

2010 г.

217. **Ю.С.Кудряшова:** "Турция и Европейский Союз: история, проблемы и перспективы взаимодействия".

218. **И.И.Стародубцев:** "Топливно-энергетический комплекс Турции и энергетический фактор в российско-турецких отношениях". (Совместно с МГИМО)

219. "Турция в условиях новых внутренних реалий". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

220. **Ю.В.Зинькина:** "Коптская община современного Египта: Проблемы и перспективы".

221. **В.Чернин:** "Ближневосточный фронтир. Израильское поселенчество: история и современность". (Совместно с ассоциацией «Гишрей Тарбут»).

222. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 41 (Совместно с ИВ РАН).

223. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 42 (Совместно с ИВ РАН).

224. **В.И.Месамед:** "Иран в Центральной Азии: два десятилетия диалога"

2011 г.

225. "ШОС и страны Ближнего и Среднего Востока (К 10-летию образования ШОС)". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

226. **Алек Д. Эпштейн:** "Россия и Израиль: трудный путь навстречу" (Совместно с Центром содействия гуманитарному образованию общества «Право Мира»).

227. **Алек Д. Эпштейн:** "Генезис и закат "левого" Израиля".

228. **Д.О.Бирюков:** "Правовое регулирование рынка ценных бумаг государств Ближнего Востока".

229. **Н.А.Кожанов:** "Экономические санкции против Ирана: цели, масштабы, возможные последствия введения".

230. Турция после референдума 2010 года (Межвузовская студенческая конференция. Москва, 17 февраля 2011 г.) (Совместно с МГИМО).

231. **С.Ю.Серёгичев:** "Современный Судан: от единства к разделу" (Совместно с РГГУ).

232. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 43 (Совместно с ИВ РАН).

233. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 44 (Совместно с ИВ РАН).

234. "Современный Афганистан и сопредельные страны". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

235. **Н.З.Мосаки:** "Курдистан и курдский вопрос политики запада и России (90-е годы XX века – начало XXI века)". (Совместно с ИВ РАН).

236. **И.И.Стародубцев:** "Трансформирующаяся Турция" (Совместно с МГИМО).

2012 г.

237. **Алек Д. Эпштейн:** "Государство Израиль перед вызовом исламизма: «арабская весна» и ее влияние на еврейское государство".

238. **С.В.Алейников:** "Политическая ситуация и проблемы национального применения в Сомали".

239. **А.В.Салийчук:** "Экономическая либерализация и макроэкономическая результативность Египта, Иордании и Туниса" (Совместно с ИВ РАН).

240. **Алек Д. Эпштейн, Евгений Варшавер:** "В диалоге с врагом (переговоры об освобождении израильских граждан, захваченных палестинскими и ливанскими боевыми организациями)".

241. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 45 (совместно с ИВ РАН).

242. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 46 (совместно с ИВ РАН).

243. **В.И.Месамед:** "Израиль в Центральной Азии: грезы и реальность".

244. "Турция в период правления Партии справедливости и развития" (совместно с ИВ РАН).

245. "Санкции и их влияние на Иран" (совместно с ИВ РАН).

246. **М.Р.Арунова:** "ШОС и афганская проблема" (совместно с ИВ РАН).

247. **Зеэв Гейзель:** "Политические структуры Государства Израиль". Издание 2-е (совместно с Мосты культуры/Гешарим).

248. "Афганистан и Пакистан: современное состояние и перспективы развития". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

2013 г.

249. **А.Р.Аганин:** "Племена, кланы и семейства Катара".

250. **Эльдар Касаев:** "Россия-Турция: современное состояние и возможный сценарий развития экономических связей".

251. **Н.П.Подгорнова:** " Проблема Западной Сахары. Миф и реальность".

252. **Алек Д. Эпштейн:** "От межблокового противостояния – к формированию «партии власти». Тенденции развития израильской общественно-политической жизни в свете итогов выборов в Кнессет XIX созыва и создания нового правительства страны".

253. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 47 (Совместно с ИВ РАН).

254. **Г.Г.Косач:** "Саудовская аравия: политические процессы 1990-х – 2000-х гг."

255. **А.Р.Аганин:** "Племена и кланы иорданского хашимитского королевства".

256. **В.В.Евсеев:** "Перспективы иранской ядерной программы при президенте Хасане Роухани".

2014 г.

257. **Н.П.Подгорнова:** " «Арабская весна» в странах Магриба".

258. **Е.С.Мелкумян:** "Кувейт в 2000-е гг.: внутриполитическое развитие и внешняя политика".

259. **Н.П.Подгорнова:** "Мавритания между прошлым и будущим".

260. **М.А.Сапронова:** "Египет: 90 лет конституционных трансформаций (1923–2013 гг.)".

261. **С.В.Алейников:** "Сомалийские племена. Справочник".

262. **Е.Е.Чулковская:** "Турецкая диаспора Германии: между Анкарой и Берлином".

263. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "Партийно-политические структуры и электоральный процесс в Израиле в начале XXI века".

264. **Алек Д. Эпштейн:** "Ближайшие союзники? Подлинная история американо-израильских отношений". Т. 1-2 (совместно с Мосты культуры/Гешарим).

265. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 48 (Совместно с ИВ РАН).

266. **Алек Д. Эпштейн:** "От антитеррористической операции – к войне: Израиль и исламистское вооруженное сопротивление летом 2014 года.

267. **Р.Р.Субханкулова:** "О нефтегазовой отрасли Ирака".

268. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "Третий Израиль": русскоязычная община и политические процессы в еврейском государстве в начале XXI века".

269. **В.В.Куделев:** "Аль-Каида в странах Исламского Магриба" и др. в Северной Африке (Хроника событий)".

2015 г.

270. **Н.П.Подгорнова:** "Проблема Западной Сахары в политике Алжира".

271. **Ю.Б.Щегловин:** "Размышления о борьбе с терроризмом".

272. **В.И.Месамед:** "Иран и немусульманские страны Южного Кавказа (Армения и Грузия)".

Адрес в Интернете: www.iimes.ru

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF ISRAELI

AND MIDDLE EASTERN STUDIES

1995

1. "War for peace in the Middle East" by **A.Egorin**

2. "Agriculture in Israel" by **A.Fedorchenko**

3. "The socio–economic and political development in the Arab World". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

4. "The Contemporary Middle East" (collection of essays)

1996

5. "The road to Oslo" by **Abu Mazen (Mahmud Abbas)**

6. "Religious parties in the State of Israel" by **S.Gasratian**

7. "Contemporary Libya" by **A.Egorin**

8. "Regulation of external economic activity in the Persian Gulf countries" by **L.Rudenko**

9. "Israel on the eve of the XXI-th century" by **A.Fedorchenko**

10. "Financial Institutions in the Middle East" by **A.Filonik, V.Isaev and A.Fedorchenko**

11. "Water resources in the South West and South East Asia" by **A.Filonik and N.Rogozhina**

12. "The Arab World in the end of the XX-th century" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

13. "The Contemporary Middle East" № 2 (collection of essays)

1997

14. "United Arab Emirates" by **A.Egorin and V.Isaev**

15. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

16. "The Contemporary Middle East" № 3 (collection of essays)

17. "Iran in the XX-th Century. The Role of State in Economic Development" by **N.Mamedova**

18. "Turkey: Problems of modern Economy and Policy" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

19. The Syrian Arab Republic"

20. "Markets in the Middle East" by **A.Filonik, V.Ahmedov, L.Rudenko, Z.Solovieva, N.Ultchenko**

21. "The Contemporary Middle East" № 4 (collection of essays)

1998

22. "Problems of integration among the Arab Magrib countries" by **A.Kovtunov**

23. "Countries of the Middle East" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

24. "Settler Society Economy: Israeli Model" by **A.Fedorchenko**

25. "Military and military – economic Potential of the Middle Eastern Countries" by **S.Bagdasarov and A.Chavushian** In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

26. "Who is Who in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **L.Danilov**

27. "The Contemporary Middle East" № 5 (collection of essays)

28. "Actual Problems of the Middle East"

29. " Political Portraits of the Middle East" by **K.Kapitonov**

30. "The contemporary Saudi Arabia"

31. "Water Resources of the Jordan River Basin and the Arab–Israeli Conflict" by **K.Khamzin**

32. "Afghanistan: War and Problems of Peace" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

33. "Oil Monarchies of Arabian peninsula on the edge of XXI century" by **M.Zakaria and A.Yakovlev**

34. "Iran: Evolution of Islamic Rule" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

1999

35. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" № 3, (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

36. "The Contemporary Middle East" № 6 (collection of essays)

37. "Democratization in the Arab World: the case of Tunisia and Syria" by **G.Guchetl**

38. "The State of Qatar: problems of development" by **A.Filonik and V.Isaev**

39. "Nationalism and Fundamentalism in the Middle East". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

40. "The Environment and Development in the Arab World" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

41. "Iran and the Muslim World" by **V.Ushakov**

42. "The Contemporary Middle East" № 7 (collection of essays)

43. "Israeli Economy in the 90's" by **Eu.Satanovsky**

44. "Evolution of political Systems in the East". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

45. "GCC in global and regional processes" by **E.Melkumian**

46. "Turkey: Problems of economic integration" by **V.Kunakov**

47. "Saudi Arabia in Evolution" by **A.Yakovlev**

48. "Policy and constitutional Process in Algeria (1989-1999)" by **M.Sapronova**

49. "The Contemporary Middle East" № 8 (collection of essays)

50. "Oriental Records" (collection of essays)

2000

51. "Republic of Turkey"

52. "U.S. Policy in Afghanistan in 1945-1999" by **M.Arunova**

53. "Political Elite in the Middle East"

54. "The Middle East: Problems of regional Security" (collection of essays). In association with the Russian Academy of Natural Sciences

55. "The Movements of Political Islam in Northern Africa" by **S.Babkin**

56. "The Contemporary Middle East" № 9 (collection of essays)

57. "The Arab World: Islam and Reforms" (collection of essays)

58. "The Afghanistan: Problems of War and Piece" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

59. "Tax Systems in Syria and Egypt" by **Al-Hariri Muhammad**

60. "Processes of Integration in the Economy of Northern Africa States" by **V.Azatian and A.Tkachenko**

61. "Islamic Fundamentalism in the Sudan" by **K.Polyakov**

62. "Mass Migration and its Impact on the Israeli Society" (collection of essays)

2001

63. "Turkey between Europe and Asia" In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

64. "Islam and Policy" (collection of essays)

65. "Israel in the Contemporary World Policy" by **Eu.Satanovsky**

66. "The Sultanate of Oman" by **A.Filonik and V.Isaev**

67. "The Contemporary Middle East" № 10 (collection of essays)

68. "Algeria: crisis of power" by **A.Virabov**

69. "Islamism and Extremism in the Middle East" (collection of essays) In association with the Academy of Geopolicy and Security

70. "The Palestinian National Autonomy: the Experience of the State Creation" by K.Polyakov and A.Hasyanov

71. "Arab Countries and Islam in Russia" by **K.Polyakov**

72. "Political Structures in the State of Israel" by **Ze'ev Geyzel**

73. "Oriental Records" № 2 (collection of essays)

74. "The Contemporary Middle East" № 11 (collection of essays)

75. "Russia in the Middle East" (conference papers)

76. "Religious Extremism in Algeria" by **S.Babkin**

77. "Muslim Countries at the Borders of the CIS" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

78. "The Contemporary Middle East" № 12 (collection of essays)

2002

79. "The Contemporary Middle East" № 13 (collection of essays)

80. "Turkish Economy under liberalization" by **N.Ultchenko**

81. "Muslims in the West" (collection of essays). In association with the Russian Academy of Natural Sciences

82. "Oriental Records" № 3 (collection of essays)

83. "Afghanistan in a Transition" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

84. "Egypt in the last third of the 20th Century" by **M.Vidiassova and M.Umerov**

85. "The Contemporary Middle East" № 14 (collection of essays)

86. "Taliban (the Religious and Political Profile)" by **R.Sikoev**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

87. "Oriental Records" № 4 (collection of essays)

88. "Army and Power in the Middle East" (collection of essays)

89. "The Contemporary Middle East" № 15 (collection of essays)

90. "Turkey and USA: main Stages in Trade and Economic Cooperation" by **M.Guchanin**

91. "The Nuclear Program of Iran and Russian-American Relations" by **M.Zadonsky**

92. "The Contemporary Middle East" № 16 (collection of essays)

2003

93. "Oil and Gas in Egypt and Algeria on the Verge of Two Centuries." by **S.Bondarenko and A.Tkachenko**

94. "Electing Dictatorship: Why Palestinian Democratization Failed" by **D.Polisar**

95. "Russia-Turkey Relations: History, present State and Perspectives" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa

96. "An Everlasting Confrontation. Israel and the Arab World: Wars and Diplomacy" by **A.D.Epstein**

97. "Kuwait: Contours of Economic Changes" by **A.Filonik and V.Isaev**

98. "Islam, Islamism and nominal Democracy in Pakistan" by **O.Pleshov.** In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa

99. "Iraq: First Results, Conclusions, Lessons" (collection of essays.

100. "The Contemporary Middle East" № 17 (collection of essays)

101. "Radical Islamism in Egypt" by **M.Rajbadinov**

102. "Crisis in Iraq. International and Regional Context"

103. "Iran and CIS" (collection of essays)

104. "The Contemporary Middle East" № 18 (collection of essays)

105. "Saudi Arabia: Evolution of Regime and Possible Limits in Political Development" (collection of essays)

106. "Saudi Arabia External Policy" by **G.Kosach and E.Melkumyan**

107. "Syria at the Turn of the Centuries. Power and Politics" by **V.Ahmedov**

108. " Afghanistan and Neighboring Countries" (collection of essays)

109. "Egypt: Problems of National Security (1952–2002.)" by **V.Yurchenko**

110. "Oriental Records" № 5 (collection of essays)

111. "Russian-Saudi Relations: Problems and Perspectives" (collection of essays)

112. "Iraq under the American Administration: democratization or «viet-namization»"

113. "Arab-Israeli Conflict: Old Problems and New Plans" (collection of essays)

114."The Economic Co-operation between Turkey and the Turkic States of the CIS" by **E.Urazova**

115. "The Contemporary Middle East" № 19 (collection of essays)

116. "The Contemporary Middle East" № 20 (collection of essays)

117. "Berbers of North Africa: Past and Present" by **M. Sergeev**

118. "Contemporary Jordan" by **A.Aganin and Z.Solovieva**

2004

119. "The «Russians» and Power in the State of Israel" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**

120. "Peaceful Settlement of the Palestine–Israeli Conflict: Three Years after Camp David and Taba Talks"(essays and documents) Edited by **Alek D. Epstein**

121. " Saudi Arabia: Search for Inner Harmony" by **A.Filonik** and **A.Vavilov**

122. "Algeria: Change of Priorities in Development" by **E.Mironova**

123. Analytical records. "Iraqi Crisis"

124. Analytical records. "Terrorism"

125. "Islam in Contemporary Orient. Region of Middle and Near East, South and Central Asia". (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

126. "Weapon of Mass destruction in the Middle East" by **I.Novikov**

127. "Iran and Russia" (collections of essays)

128. "Officer Corps in the Middle Eastern States" (collections of essays)

129 Analytical records. "Russia and USA in the Middle East"

130. "The Contemporary Middle East" № 21 (collection of essays)

131. Analytical records. "Army, Weapon of Mass Destruction, Military and Technical Cooperation in the Middle East"

132. Analytical records. "Problems of the Middle East"

133. "Kurdish Question at the turn of the Millennia"

134. "The Contemporary Middle East" № 22 (collection of essays)

135. "Turkey in the New Geopolitical Conditions (documents of the Round Table, March 2004)

136. Analytical records. "Israel and Arab-Israeli Conflict"

137. Analytical records. "Iran"

138. "Israel in the beginning of the XXI-th Century" by **A.Fedorchenko, O.Zaitzeva, D.Mariyasis**

139. "Contemporary Islamic East and European Countries" (collection of essays)

140. "National and Pan-Arab Components of the Syrian Policy in the Middle East (1946–2003)" by **I.Matveev**

141. "Problems of Social-economic Development of Lebanon (1970–2000)" by **A.Gasratian**

142. "Syria: problems of national security" by **V.Yurchenko**

143. "Palestine-Israeli conflict in the mirror of public opinion and international diplomacy" (collection of essays) Edited by **Alek D. Epstein**

144. "Afghanistan in the beginning of XXI-th Century" (collection of essays)

145. "Egyptian movement of «Muslim brothers»" by **M.Rajbadinov**

146. "The Contemporary Middle East" № 23 (collection of essays)

147. "Syria. Problems of Internal Political Stability and External Security" (documents of the Round Table, 21 September 2004)

148. "Iraq: 100 days of transition"

149. "Oriental Records" № 6 (collection of essays)

150. "Iran after Elections" (documents of the Round Table, April 2004)

151. "Islamic challenge and the Algerian society" by **B.Dolgov**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

152. "The Contemporary Middle East" № 24 (collection of essays)

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF MIDDLE EASTERN STUDIES

2005

153. "Creating of productional infrastructure in Syria" by **M.Zanbua and A.Filonik**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

154. "Political Islam: preliminary results" by **R.Landa**

155. "Israel and the problem of Palestinian refugees: history and policy" by **Alek D. Epstein**

156. "Islam and political culture in Pakistan" by **O.Pleshov**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

157. "Islam and social development in the beginning of XXI-th Century". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

158. "The Contemporary Middle East" № 25 (collection of essays)

159. "The Contemporary Middle East" № 26 (collection of essays)

160. "«Leftists» in the Middle East: Libyan experience" by **A.Rjasov**

161. "Western Mediterranean: problems of integration" by **I.Mokhova**

162. "Kurdistan: resources and policy" Part 1, Part 2 by **N.Mosaki.** In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2006

163. "Israel in the era of post-zionism: science, ideology and policy" by **Alek D. Epstein**

164. "On the situation with delimitation: society and policy in Israel in 2005" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**

165. "Afghanistan, Iran, Pakistan: time of elections and changes" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

166. "The Contemporary Middle East" № 27 (collection of essays)

167. "The Contemporary Middle East" № 28 (collection of essays)

168. "Globalization and capital investments process in the Arab World" by **L.Rudenko**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

169. "Kingdom of Bahrain" by **V.Isaev**, **A.Filonik**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

170. "Oriental Records" № 7 (collection of essays)

171. "The Middle East: «The Road Map» and regional security" by **A.Baklanov**

172. "Why did «The Road Map» fail?" by **Alek D. Epstein**

173. "International Islamism in the Northern Caucasus" by **D.Nechitailo**

174. "The Iraqi Constitution in the past and in the present" by **M.Sapronova**

175. "The War of Israel against «Hesbollah» and creation of new contour of the Middle Eastern policy" by **Alek D. Epstein**

176. "The Kurdish problem in the Western Asia in the beginning of XXI-th Century" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

177. "The Contemporary Middle East" № 29 (collection of essays)

178. "The Modern Turkey: problems and solutions" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

179. "The Sudan: the Islamic traditionalism and army" by **S.Seregichev**

2007

180. "The Contemporary Middle East" № 30 (collection of essays)

181. "The state of Israel: policy, economy, society" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

182. "The Kurdish problem in Turkish policy (the end of XX – the beginning of XXI centuries)" by **K.Vertiaev**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

183. "The Contemporary Middle East" № 31 (collection of essays)

184. "The Contemporary Middle East" № 32 (collection of essays)

187. "The Islamic factor in South-East Asia. The role of external forces" by **M.Gusev**

186. "Oriental Records" № 8 (collection of essays)

187. "Saudi Arabia: political processes and "Stages of Reform" (the end 1990–2006)" by **G.Kosach**

188. "Israel inside the world economic relations" by **D.Mariyasis**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

189 "The League of the Arab states and international process in the Arab world" by **L.Rudenko, Z.Solovieva**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

190. "HAMAS in the regional policy" by **Alek D. Epstein**

191. "The nuclear factor in Russian-Iranian relations" by **S.Sarukhanjan**

192. "The military policy and force development in the Middle East (the end of XX – the beginning of XXI centuries)" by **V.Yurchenko**

193. "The Contemporary Middle East" № 33 (collection of essays)

2008

194. "The Contemporary Middle East" № 34 (collection of essays)

195. "The diplomatic battle for Jerusalem. Behind-the-scene story" by **G.Melamed and Alek D. Epstein**. In association with the Institute of Asian and African Studies, Moscow State University and Gishrey Tarbut Association

196. "Al-Qaeda: the structure, the allians and the sponsors" by **V.Kudelev**

197. "Saudi Arabian diplomatic corps: stages of evolution and sources of formation" by **G.Kosach**

198. "Government and parliament in the arab countries (legal status and political practice)" by **M.Sapronova**

199. "The Persian Region: conflicts, compromises, cooperation" by **E.Melkumyan**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

200. "The conflict in the Darfur Province: main reasons and tedencies" by **E.Kudrov**

201. "Israel and (un)controlled territories: to leave or stay" by **Alek D. Epstein**. In association with the Gishrey Tarbut Association

202. "The Contemporary Middle East" № 35 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

203. "The Contemporary Middle East" № 36 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

204. "Turkey before and after 2007 parliamentary and presidential elections" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

205. "The Iraqi Factor in the foreign policy of the Republic of Turkey (1990–2007)" by **I.Svistunova**

206. "The Contemporary Middle East" № 37 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2009

207. "Antiterroristic terror" by **Alek D. Epstein**

208. "Iran, uranium and rockets" by **V.Evseev**, **V.Sazhin**

209. "The Contemporary Middle East" № 38 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

210. "Islam in internal and external policy of Magrib" by **A.Podcerob**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

211. "Al-Qaeda and the war in Iraq" by **V.Kudelev**

212. "The Middle East: challenges of the XXI-st century" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

213. "Israelites and Palestinians: from confrontation to negotiations and back to the point" by **Alek D. Epstein**. In association with the Gishrey Tarbut Association

214. "The Contemporary Middle East" № 39 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

215. "Iran-Israel. From partnership to conflict" by **V.Mesamed**

216. "The Contemporary Middle East" № 40 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2010

217. "Turkey and EU: history, problems and prospects for cooperation" by **U.Kudrjashova**

218. "Turkey's fuel and energy complex and oil and gas industries in Russian-Turkish relations" by **I.Starodubtcev**

219. "Turkey in the context of new internal circumstances" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

220. "Coptic community in contemporary Egypt: problems and prospects" by **U.Zinkina**

221. "Middle Eastern frontier. Israeli settlement: history and modernity" by **V.Chernin**

222. "The Contemporary Middle East" № 41 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

223. "The Contemporary Middle East" № 42 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

224. "Iran in Central Asia: two decades of dialogue" by **V.Mesamed**

2011

225. "SCO and The Middle Eastern Countries (ten years of activity)" In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

226. "Russia and Israel: the hard road to each other" by **Alek D. Epstein**. In association with "The Law For Peace" Society

227. "The genesis and fall of «leftist» Israel" by **Alek D. Epstein**

228. "The legal regulation of the equity market in The Middle Eastern Countries" by **D.Birjukov**

229. "Economic sanctions against Iran: goals, scales, possible consequences of implication" by **N.Kozhanov**

230. "Turkey after the 2010 referendum" (Interacademic student conference. Moscow, February 17 2011). In association with the Moscow State Institute of Foreign Relations

231. "The Conteporary Sudan: from unity to division" by **S.Seregichev**. In association with the Russian State University for the Humanities

232. "The Contemporary Middle East" № 43 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

233. "The Contemporary Middle East" № 44 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

234. "The contemporary Afghanistan and neighboring countries" (collection of essays) In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

235. "Kurdistan and Kurdish question in Western and Russian policy (90s of the XXth century – the beginning of the XXIst century)" by **N.Mosaki**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

236. "The transforming Turkey" by **I.Starodubtsev**. In association with the Moscow State Institute of Foreign Relations

2012

237. "The State of Israel and the challenge Islamism: «the Arab spring» and its impact of the Jewish state" by **Alek D. Epstein**

238. "Political situation and problems of national reconciliation in Somalia" by **S.Aleinikov**

239. "Economic liberalization and macroeconomic efficiency of Egypt, Jordan and Tunisia" by **A.Saliychuk**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

240. "In dialogue with the enemy (talks on liberation of Israeli citizens seized by Palestinian and Libyan fighting organizations" by **Alek D. Epstein and Evgeniy Varshaver**

241. "The Contemporary Middle East" № 45 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

242. "The Contemporary Middle East" № 46 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

243. "Israel in Central Asia: dreams and reality" by **V.Mesamed**

244. "Turkey under the rule of The Justice And Development Party". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

245. "Sanctions and their impact on Iran". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

246. "SCO and Afghan problem" by **M.Arunova**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

247. "Political structures of the State of Israel" by **Ze'ev Geyzel**. 2nd edition. In association with Bridges of Culture/Gesharim

248. "Afghanistan and Pakistan: current situation and perspectives of development" (collection of essays)

2013

249. "Tribes, clans and families in Qatar" by **A.Aganin**

250. "Russia – Turkey: current situation and a possible scenario of development of economic relations development " by **E.Kasaev**

251. "Problem of Western Sahara: myth and reality" by **N.Pogornova**

252. "From inter-block confrontation towards formation of “the party of power”. Tendencies in the Israeli political and social life in the light of results of elections to the Knesset of the 19th convocation and creation of the country’s new" by **Alek D. Epstein**

253. "The Contemporary Middle East" № 47 (collection of essays)

254. "Saudi Arabia: political processes in the 1990-2000" by **G.Kosach**

255. "Tribes and clans in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **A.Aganin**

256. "Perspectives of the Iranian nuclear program under the President Hassan Rouhani" by **V.Evseev**

2014

257. “ «The Arab spring» in the Maghreb countries" by **N.Podgornova**

258. "Kuwait in the 2000th: home political process and foreign policy" by **E.Melkumian**

259. "Mauritania between the last and the future" by **N.Podgornova**

260. "Egypt: 90 years of constitutional transformations (1923–2013)" by **M.Sapronova**

261. "The Somalian tribes. Reference book" by **S.Aleinikov**

262. "Turkish diaspora in Germany: between Ankara and Berlin" by **E.Chulkovskaya**

263. "Political structures and electoral process in Israel in the beginning of XXI century" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**

264. "Closest allies? The real history of American-Israely relationship" T. 1-2 by **Alek D. Epstein**. In association with Bridges of Culture/Gesharim

265. "The Contemporary Middle East" № 48 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

266. "From antiterrorist operation towards the war: Israel and islamist armed resistance in summer of 2014" by **Alek D. Epstein**

267. "On oil and gas production in Iraq" by **R.Subkhankulova**

268. " «The Third Israel»: Russian-speaking community and political process in the Jewsh state in the beginning of XXI century" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**

269. " «Al-Qaeda in the space of Islamic Maghreb» and others in North Africa (Chronicle of events)" by **V.Kudelev**

2015

270. "Problem of Western Sahara and the policy of Algeria" by **N.Podgornova**

271. "Mull about struggle against terrorism" by **Ju.Scheglovin**

272. "Iran and non-Muslim countries of South Caucasus (Armenia and Georgia)" by **V.Mesamed**.

Internet: www.iimes.ru

Научное издание

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СОВРЕМЕННОСТЬ

ВЫПУСК СОРОК ДЕВЯТЫЙ

Подписано в печать 14.09.2015 г.
Формат 60x90/16. Печать офсетная
Бумага офсетная №1 Объем 20,25 уч. изд. л.
Тираж 200 экз. Тип. Зак. № 2421

Типография «Вишневый пирог»
115114, Москва, 2-й Кожевнический пер., 12